

Владимир Малеев

ГЕРОИ
НЕИЗВЕСТНОЙ ВОЙНЫ
ПАМЯТЬ ОБРЕТЕННАЯ

Минск
2011

Владимир Малеев

**Герои неизвестной
войны**

Память обретенная

**Москва
2011**

В этой книге на примере чернобыльских героев рассказывается о всех участниках ликвидации последствий чернобыльской катастрофы являющихся беспримерными героями войны с радиацией.

Все, о чем узнает читатель из этой книги, станет его обретенной памятью о неизвестных героях и забытом периоде истории Отечества. Сохраняемая и передаваемая из поколения в поколение эта память будет жить вечно.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

**Кто виноват, что их забыли
От атома спасавших мир?
Что чашу горькую испили
Они, придя на жизни пир.**

**Владимир Малеев.
Ода их подвигу. 2007 г.**

Все чернобыльцы - герои!

(от автора)

Уважаемые читатели!

Чернобыльская война с радиацией выделила из советского народа наиболее ярких, необычайно талантливых в жизни и в профессии, чистых сердцем и душой людей, преданных служению жизненным идеалам.

По воле судьбы они стали ликвидаторами последствий самой большой, но, хочется надеяться, единственной такой страшной для планеты радиационной катастрофы.

Ликвидируя последствия, чернобыльцы сделали то, что никто никогда не делал: вступить в сражение с радиацией, шагнуть в неизвестность, совершить беспрецедентные действия, сразиться с невидимой, но чудовищной субстанцией смогли только они - сильные духом, незаурядные, самобытные, яркие люди, которыми всегда сильна Россия.

Чернобыльцы были первыми спасателями жизни от радиации. Первым всегда трудно. Но они сделали все, что было в их силах, что требовалось делать тогда в районе бедствия. Тот, кто спасает жизнь, хотя бы одного человека, - всегда герой. Тот, кто спасает жизни сотен и тысяч человек, - великий герой. Чернобыльцы спасали миллионы людей, миллионы гектаров территорий. Они защитили Родину, свой народ и стали истинными героями

Все участники ликвидации последствий чернобыльской трагедии - истинные герои, под стать героям былинным.

Нужны ли героям известность, популярность, слава? Не задумываясь, отвечу - нет. Известность и слава героев необходимы обществу, молодому поколению, то есть стране и ее будущему.

В книге рассказывается о тех чернобыльцах, которые увенчаны геройской славой и о героях неизвестных, о которых общественности ничего не известно.

На фоне всеобщего чернобыльского героизма выделялись те, кто своими действиями создавал динамизм и ускорение устранению последствий катастрофы и нормализации обстановки на Чернобыльской АЭС и загрязненных территориях. Подвиги одних из них были оценены по достоинству и отмечены высокими наградами, а другие, по различным причинам, остались не замеченными. О них мало кто знает. К сожалению, и о признанных героях обществу известно немного. Фактически все они также оказались неизвестными для людей, как и непризнанные. По законам справедливости это неправильно. Героев нужно знать и помнить всем.

В нынешних условиях создается благоприятная обстановка для того, чтобы общественность узнала о подвигах чернобыльских героев.

Чтобы не канули в вечность подвиги чернобыльских героев, нужно их знать и помнить, сохранить в памяти их подвиги.

Желаю вам, уважаемый читатель, обретения памяти о тех, чей подвиг во имя жизни забыть несправедливо.

Героями не рождаются (вместо предисловия)

Героями становятся, защищая Отечество, укрепляя обороноспособность страны и ее мощь, приумножая богатства и отстаивая национальные интересы.

Героями становятся и при совершении других славных дел, способствующих развитию и укреплению страны. Героями становятся лучшие люди Отечества. Совершая подвиги, они не думают о том, чтобы прославиться, а затем пребывать в лучах славы. Они стремятся только к одной цели: «Жила бы страна родная, и нет других забот». Эти слова из советской песни - жизненный принцип героев. Может быть, поэтому многие из них получили высокое и красивое звание «Герой» посмертно... Тот, кто стремится стать героем, чтобы «купаться» в славе и почете, как правило, героем никогда не становится.

В этой книге читатель узнает о героях Чернобыльской войны. Общество еще не знает героев Чернобыля. Защита Отечества от радиации была и остается темой закрытой. Потом чернобыльская тема стала непопулярной. Некоторые считали, что говоря о чернобыльских событиях, невольно обозначались нежелательные тенденции: во-первых, якобы бросалась тень на ядерную энергетическую промышленность, дескать, если атомные станции взрываются, порождая страшные последствия, то не стоит с ними иметь дело; во-вторых, катастрофы подобного масштаба подрывают авторитет страны, ее политического руководства, науки и промышленности; в-третьих, в ликвидации последствий нет ни конца, ни края, в ней нет победы, а значит это сплошное поражение. Если эту тему развивать дальше, то появится и, в-четвертых, и в-пятых и так далее. Но идя по этому пути, мы не придем никуда. Там тупик. А нам нужно разобраться в особенностях и специфике всей чернобыльской эпопеи.

Итак, катастрофа на Чернобыльской АЭС 26 апреля 1986 года по масштабам и совокупности последствий является самой крупной ядерной катастрофой современности, общенародным бедствием, затронувшим судьбы **миллионов людей**, проживающих на огромных территориях Российской Федерации. Если бы не принятые экстренные меры, высочайшая организованность, осознанная ответственность и мужество участников ликвидации последствий, то пострадавших от последствий катастрофы было бы значительно больше. В этом смысле речь идет о действиях людей, оказавшихся в чрезвычайных условиях и осознавших всю глубину опасности от последствий происшедшего.

И тогда пришло ясное понимание, что выполнить задачу локализации, а затем ликвидации последствий катастрофы без жертв будет невозможно. И на это пошли: руководители, организаторы и сами исполнители, то есть участники ликвидации последствий. Это уже жертвенность. Самопожертвование жизнью немногих ради спасения большинства.

Готовность идти на самопожертвование - это характеристика людей необычайных, незаурядных.

«Герой - человек, совершивший подвиги, необычайный по своей храбрости, доблести, самоотверженности». /53/

«Героизм - Отвага, решительность и самопожертвование в критической обстановке». /53/

«Подвиг - героический, самоотверженный поступок». /53/

Во всех трех определениях мы видим наличия слова «самоотверженность». Действительно, при выполнении сложных, опасных заданий в Чернобыле самоотверженность была главным условием работы. Выполнить подобные действия могли только люди, наделенные героическими свойствами. И они сделали свое дело, они выполнили свой долг и спасли народ, страну и можно сказать больше, все планету, от гибели в ядерном кошмаре.

Так о чем мы можем говорить, вспоминая Чернобыль? О причинах катастрофы, о недостатках советской социалистической системы или о неудовлетворительном состоянии советской атомной индустрии? Нет. Мы должны говорить только о подвиге народа, спасателе от атомной угрозы, о героях, оказавшихся на переднем крае борьбы за жизнь.

Почему тысячелетия хранится память о героях Эллады, древнего Рима, древней Греции, России? Память о героях хранится и приумножается ради прославления народа.

Храня память о героях Чернобыля, мы приумножаем славу нашего народа, нашей многонациональной Родины.

Прославляя героев черномыльской эпопеи, мы прославляем не войну, не бросаем тень на кого-то, или на что-то. Нет. Мы прославляем и возвеличиваем наш великий многонациональный, вечный народ, переживший многие беды и испытания.

Поэтому нам нельзя допустить, чтобы растерялись на дорогах и тропинках истории следы черномыльских героев. Потеряв их, мы рискуем потерять сам народ.

Героизм - явление многогранное: историческое, национальное, социальное, нравственное. Поэтому он всегда порожден своей эпохой, ее идеологией и другими факторами.

На примерах героев, их подвигов достойные граждане воспитывают своих детей, желая им привить любовь к Родине, народу, святым и незыблемым устоям жизни.

Черномыльские герои были. Они и сейчас с нами. Незримые они живут рядом. Герои не уходят из жизни народа. Они вечно живут в его памяти. Передавая из поколения в поколение рассказы о мужестве и самоотверженности героев, мы обеспечиваем неразрывность времен.

Создавая эту книгу, я надеялся, что герои Черномыльской войны, восстав из небытия, станут достойными примерами для молодежи. Надеюсь, что, воспитывая детей на примерах черномыльских героев, мы создадим общество людей смелых, честных, красивых в мыслях и делах, мы создадим стабильное и крепкое общество.

Неизвестная, необычная война

Ликвидацию последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, не без оснований, считают войной. Действительно, есть немало убедительных аргументов, дающих право сравнивать эту кампанию с военными действиями.

Для ликвидации последствий катастрофы (тогда ее называли аварией) в зону бедствия в экстренном порядке направили членов Правительства, ученых, руководителей и специалистов Министерства среднего машиностроения, ядерной энергетики, военнослужащих, врачей, инженеров.

Прибывшим в аварийную зону предстояло решить задачи невероятной сложности, такие, какие никто никогда не решал в мире. Радиация незаметна и не ощущается органами чувств. Казалось, что в том ясном, погожем весеннем дне 26 апреля 1986 года нет ничего опасного и смертельного. Только радиометры и рентгенометры «ревели» и «взрывались» сатанинским, регистрируя наличие в воздухе, на земле, на развалинах разрушенного 4-го блока смертоносное излучение, убивающее жизнь в любом ее проявлении.

В условиях невидимой опасности человеку непривычно и трудно выполнять работу по устранению того, что не видно. Не зная, откуда исходит излучение смертоносных лучей, невозможно от него защититься. В Чернобыле радиация была повсюду. Более того, наука в своем арсенале еще не имела достаточно полных знаний о безопасных действиях в условиях радиации.

Полной защиты от радиации (от самого опасного вида лучей - гамма-излучения) не существует. Некоторые материалы типа сталь, бетон, свинец лишь только ослабевают действие гамма -излучения. Но эти материалы нельзя использовать для изготовления защитной одежды для ликвидаторов. Только листовой свинец можно было использовать для изготовления «доспехов», необходимых при действиях на сверхвысоких полях радиации. «Доспехи» получались очень тяжелые и сковывали действия. Поэтому использовать их в работе на невысоких уровнях радиации было нецелесообразно. Ликвидаторы действовали в обычной одежде: специальной или военной. А защищали лишь только органы дыхания от попадания в них радиоактивных веществ.

Основной же защитой людей при действиях в условиях радиации было время. Для того чтобы не нанести организму опасный ущерб, нужно было ограничивать время нахождения под воздействием опасных излучений. Но для тех, кто устранял последствия катастрофы,

собственная безопасность и здоровье отступали на задний план по сравнению с теми грандиозными задачами, которые они решали.

В первую очередь, у каждого ликвидатора был долг, долг патриотический, профессиональный, гражданский. В то время в стране главным идейным принципом человека и гражданина было: «Прежде думай о Родине, а потом о себе».

Председатель Правительственной комиссии по выявлению причин катастрофы Б.Е. Щербина, приехав в зону бедствия вечером 26 апреля и разобравшись в обстановке, сложившейся на Чернобыльской АЭС, позвонил Председателю Совета Министров СССР Н.И. Рыжкову и попросил срочно направить в Чернобыль войска, прежде всего химические, инженерные и армейскую авиацию.

Вооруженные Силы, министерства и ведомства СССР, научно-исследовательские, производственные организации командировали в Чернобыль, как на войну, лучших своих представителей. Все прогрессивные, патриотические силы страны устремились в Чернобыль, чтобы помочь стране и пострадавшим людям, принять участие во всенародной борьбе с радиационными последствиями.

Больше всех среди участников ликвидации, называемых в народе ликвидаторами, было военнослужащих. Части и соединения химических, инженерных войск, гражданской обороны, авиации, внутренних войск, военных строителей составляли первые шеренги бойцов с незримым агрессором.

К 2 мая 1986 года группировка войск МО, МВД состояла из 20 соединений, частей и подразделений и имела численность более 10 000 человек и 6000 ед. техники.

К 25 августа в группировке войск находилось 110 соединений, частей и учреждений общей численностью более 50 000 (32 000 резервистов, 18 000 офицеров и прапорщиков кадра) человек и более 10 000 ед. техники. По наличию военнослужащих и военной техники в черновыльскай группировке войск, по их концентрации на 1 километр, черновыльскай фронт превосходит все известные фронты Великой Отечественной войны. В Чернобыле шла реальная война, но непохожая на предыдущие войны, непонятная по привычным стандартам представлений о войне.

Вместе с черновыльскай катастрофой в жизнь цивилизации пришла новая эра войн, войн с врагом невидимым, неведомым, но очень опасным.

На этой войне лучшие сыны Отечества, шагнули в неизвестность: огонь, радиацию, и страдания ради спасения жизни. Уйдя в этой жизни, они ушли в вечность.

На государственном уровне эта война шла четыре года и восемь месяцев: с 26-го апреля 1986 по 31 декабря 1990 года. 1709 дней и ночей народы нашей страны вели тяжелую, опасную, наполненную самоотверженностью и героизмом борьбу с радиацией. Реально, на местном и региональном уровнях эта борьба шла дольше и временные рамки ее обозначить сложно.

Тем не менее, мы победили радиацию. Мы смогли победить безликого, безобразного, повсеместно страшного врага. Победить в такой войне могли истинные герои. О них читатель узнает из этой книги. На их примере я хочу рассказать о сотнях тысяч безвестных черновыльцев, каждый из которых совершил свой собственный подвиг. К сожалению, о каждом из них рассказать невозможно.

О героях Чернобыля

В начале Чернобыльской войны были не только поражения и потери, не только растерянность и отчаяние. Именно в это время появились первые герои. Пожарные, погасили радиационный огонь на разрушенном энергоблоке. Вертолетчики засыпали горящую магму в активной зоне 4-го энергоблока. Военные химики, воины гражданской обороны, военные инженеры устраняли последствия катастрофы. Шахтеры рыли тоннель под разрушенный реактор, монтажники и строители построили уникальное защитное сооружение над разрушенным блоком.

В ходе всей ликвидационной кампании советский народ, проявляя выдержку, изобретательность, находчивость в трудных ситуациях, чудеса храбрости, мужества и героизма, стойко сражался с радиационным врагом и победил его.

Из армии самоотверженных и мужественных героев не очень щедрая рука государства выделила лучших. Героями Чернобыля стали девятнадцать человек. Представляли к присвоению этого звания значительно больше. Но партийные чиновники рассуждали просто: если героев за Чернобыль окажется много, то все поймут, что в Чернобыле действительно была большая катастрофа.

Поэтому героев только девятнадцать. Их имена навечно увенчаны ореолом Вечной Славы и Почета. Одиннадцати из них высокое звание героя присвоено посмертно.

Из восьми героев, при жизни познавших славу и почести в живых осталось четверо. Первый из них - прославленный летчик, генерал-полковник авиации, ученый, писатель, общественный деятель государственного уровня Николай Тимофеевич Антошкин.

Второй - Герой Советского Союза летчик-испытатель ОКБ им. Камова Николай Николаевич Мельник.

Третий - Герой Социалистического Труда Виктор Иванович Заведий, который в период строительства защитного сооружения над разрушенным 4-м блоком руководил бригадой операторов бетононасосов. В настоящее время он живет в Нововоронеже Воронежской области.

Четвертый - Герой Социалистического Труда Юрий Николаевич Самойленко, с конца мая 1986 года он был заместителем главного инженера Чернобыльской АЭС по дезактивации. Юрий Николаевич живет в Киеве.

О признанных и неизвестных героях Чернобыля должны знать все: общество, народ. Признанных героев нужно прославлять и возвеличивать, а непризнанных - признать, назвать героями. На примере героев можно и нужно воспитывать в молодом поколении готовность к подвигу.

Дезактивация, ликвидация радиации - это была просто работа. Непривычная, тяжелая и опасная. И правда, если бы эту работу не сделал бы кто-то один, то ее сделал бы другой. В чем нужно отдать должное чернобыльцам, так это в самоотверженности - жертвуя собой, они спасали других. И это не красивые слова. Так было.

Долг живых помнить всех, чьи славные дела служили делу защиты и спасения Великой и Святой Руси от радиоактивного нашествия.

Вспоминая героев признанных и прославленных, мы обязаны помнить и тех, чьи героические дела, оказывая существенное влияние на ход чернобыльских событий, остались безвестными. Память о их подвигах хранят лишь побратимы по защите Отечества от новоявленного агрессора. Но люди не вечны, тем более чернобыльцы. А память о героях должна жить всегда.

Забвение героев опасно для нравственного здоровья общества и для его будущего. Для того чтобы страна была богатой и сильной, защищенной, в которой хорошо и уютно живет всем гражданам, молодое поколение нужно воспитывать на героизме, на примерах жизни героев. Иного способа построить стабильное, перспективное и устойчивое общество нет.

Герои - всегда сильные, мужественные, великодушные и прекрасные во всем люди. Только благодаря своим достоинствам они стали героями.

Возвеличивая и воспевая самопожертвование и самоотверженность людей, положивших свою жизнь на алтарь служения Отечеству, прославляя признанных и непризнанных героев, мы воспеваем наш мужественный и вечный народ, который во все времена мог дать отпор любому врагу.

Испокон веков русские, спасая свою страну, спасали весь мир. Так было всегда. Так было и на Чернобыльской войне.

Глава 1. Признанные герои

«Держи в памяти имена великих предков и подражай им с благоразумием. «Мы, русские, какой восторг! Доброе имя мое в славе моего Отечества!».

А.В. Суворов.

Первыми Героями Советского Союза, прославившимися при ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, стали пожарные ВПЧ-2 по охране Чернобыльской АЭС и сводной пожарной части по охране Припяти СВПЧ-6. Они преградили путь огню со взорвавшегося и горящего 4-го на 1-й, 2-й, 3-й энергоблоки ЧАЭС и предотвратили дальнейшее развитие катастрофы.

В тушении пожара участвовали двадцать четыре бойца пожарной охраны (14 от ВПЧ-2 и 10 от СВПЧ-6). Самые смелые и самоотверженные из них при выполнении боевой задачи получили сверхвысокие дозы облучения и умерли в мае 1986 года. Трем из них Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 сентября 1986 года «За мужество, героизм и самоотверженные действия при ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС» присвоено звание Героя Советского Союза: начальнику ВПЧ-2 майору Л.П. Телятникову, начальнику пожарного караула ВПЧ-2 лейтенанту внутренней службы В.П. Правик (посмертно) и начальнику пожарного караула СВПЧ-6 лейтенанту внутренней службы В.Н. Кибенку (посмертно).

Сержант внутренней службы Николай Васильевич Ващук, старший сержант внутренней службы Василий Иванович Игнатенко, старший сержант внутренней службы Владимир Иванович Тишура, старший сержант внутренней службы Николай Иванович Тытенко награждены орденом Красного Знамени (посмертно).

Заместитель главного инженера Чернобыльской АЭС по первой очереди Анатолий Андреевич Ситников награжден орденом Ленина (посмертно).

Заместитель начальника электроцеха 4-го блока Лелеченко Александр Григорьевич награжден орденом Ленина (посмертно).

«Пожарные в первую же ночь ликвидировали очаги пожара в машинном зале и сделали это очень оперативно и точно. Иногда думают, что часть пожарных получила высокие дозы облучения потому, что они стояли на определенных точках, как наблюдатели, ожидая, не возникнут ли новые очаги пожаров. Это не так, потому что в машинном

зале находилось много масла, водород в генераторах, много источников, которые могли бы привести к разрушению 3-го блока. Поэтому действия пожарных в этих конкретных условиях были не только героическими, но и правильными, грамотными и эффективными, они обеспечивали первые точные мероприятия по локализации возможного распространения аварии». /1/

Указом Президиума Верховного Совета от 24 декабря 1986 года №6245-ХІ «За личный вклад в успешное проведение работ по ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС, устранение ее последствий и проявленное при этом мужество и героизм звание Герой Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» присвоено: генерал-майору авиации Н.Т. Антошкину, генерал-полковнику В.К. Пикалову. Звание Героя Социалистического Труда присвоено: В.И. Заведию, Г.Н. Лыкову, Ю.Н. Самойленко, А.Н. Усанову.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 октября 1987 года «За мужество, смелость и высокий профессионализм, проявленные при выполнении опасных и сложных полетов при ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС Н.Н. Мельнику присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали Золотая Звезда».

Звание Героя России было присвоено: Указом Президента Российской Федерации от 17 февраля 1995 года Водолажскому Василию Александровичу; от 27 февраля 1995 года Грищенко Анатолию Демьяновичу; от 18 сентября 1996 года Легасову Валерию Алексеевичу; от 18 декабря 2003 года Максимчуку Владимиру Михайловичу.

Звание Героя Украины присвоено: Указом Президента Украины от 21 апреля 2006 года №328/2006 Ващуку Николаю Васильевичу; Игнатенко Василию Ивановичу; Лелеченко Александру Григорьевичу, Тишуре Владимиру Ивановичу; Тытенку Николай Иванович присвоено звание Героя Украины (посмертно).

Надеюсь, что этот перечень указов о присвоении звания героя участникам ликвидации последствий чернобыльской катастрофы будет продолжен и в наши дни. Тем более, героем России не стал ни один живой чернобылец. Только мертвые. Еще живы те, кому обещали присвоить звание Героя за подвиги в Чернобыле. Накануне 25-летия катастрофы сделать это будет очень уместно. И справедливость восторжествует.

Антошкин Николай Тимофеевич

Николай Тимофеевич Антошкин родился в тяжелое военное время - 19 декабря 1942 года в деревне Кузьминовка Федоровского района в Башкирии в многодетной семье сельского труженика Тимофея Григорьевича Антошкина.

У Антошкиных росло восемь детей. Николай был четвертым. Тимофей Григорьевич - ветеран и инвалид Великой Отечественной войны, замечательный человек, житейский мудрец, прошедший большую и трудную школу жизни.

Преодолев многие тяжелые испытания, он не ожесточился, не отчаялся и остался честным, добрым и правильным человеком. Таким же, как был сам, воспитал и своих детей.

Мама Дарья Константиновна под стать отцу: труженица и добрая душа. Последний кусок могла от себя оторвать и отдать голодному. Особенно она жалела и любила детей, в том числе и чужих.

В семь лет мальчик начал трудовую деятельность в колхозе имени И.В. Сталина (село Холмогоры Кугалинского района Талды-Курганской области), ныне Алма-Атинской области Республики Казахстан.

Работал только на летних каникулах. Делал все, что прикажут, бежал куда пошлют. Любую работу выполнял быстро, энергично, с полуслова понимая взрослых. Во всем был старательным, исполнительным и обязательным.

До 9-го класса Николай каждое лето трудился пастухом. Потом - рабочим-путейцем в угольном разрезе. В их большой семье считалось, что труд учебе не помеха.

Николай рос крепким, здоровым мальчиком, умевшим ценить силу, доброту и справедливость. Вместе с тем он был озорным парнем, мало отличавшимся от сверстников. Когда озорным парнем, мало отличавшимся от сверстников. Когда выдавалось свободное время,

Николай Антошкин (во втором ряду второй слева) с одноклассниками. 10-й класс средней школы №10 города Кумертау

убегал к ребятам играть. Игры были подвижные, азартные. При этом он часто изловчался выигрывать, быть первым. Убегая с улицы, слышал вслед адресованные ему одобрительные крики ребят. Уже в 10-м классе Николай Антошкин был чемпионом города среди взрослых по легкой и тяжелой атлетике.

Удивительно, но легкая и тяжелая атлетика — взаимоисключающие виды спорта. Кто поднимал тяжести, не мог быстро бегать. Но он сумел совмещать эти несовместимые виды спорта, потому что был сильным человеком.

Была у парня заветная мечта - стать летчиком. Кинофильмы в деревню привозили редко, да и в городе не всегда удавалось посмотреть желаемый фильм. Но киноленту о прославленном летчике Валерии Павловиче Чкалове посмотрел не раз. Запал в душу юноше выдающийся и необыкновенно отважный человек широкой русской натуры, с сильным характером и неукротимой жаждой подвига. Образ волжского богатыря и авиатора В.П. Чкалова стал для Николая Антошкина примером жизненного подражания.

Желание летать, быть сильным, смелым и отважным привело его в 1961 году в Оренбургское высшее Военное авиационное училище летчиков им. И.С. Полбина.

Мечта сбылась

В летном училище курсанты получали хорошую теоретическую подготовку и практическую летную выучку. За годы обучения налет будущих офицеров авиации составлял от 270 до 300 и более часов. Инструкторы-летчики учили не только летать, но и быть профессионалами, осваивать все тонкости летного дела.

Они учили молодых летчиков в полете «сливаться воедино» с самолетом и дышать с ним одним дыханием. Летные задания курсантами выполнялись и одиночно, и в составе звеньев. Летали от предельно малых высот до практического потолка самолетов. Взлетали с различных аэродромов: грунтовых, железных, гудронных и железобетонных. Многому, очень многому научили инструкторы своих питомцев. Всю свою последующую службу в авиации Николай Тимофеевич с теплотой и благодарностью вспоминал первых крылатых учителей капитанов Дьяченко, Абаева и др.

В 1965 году, после окончания училища, лейтенанта Антошкина Н.Т. направили для продолжения дальнейшей службы в Белорусский военный округ, в отдельный разведывательный авиационный полк на должность командира экипажа самолета Ил-28р.

Служба после окончания такого образцового училища, как правило, у всех складывалась хорошо. Через два года после выпуска, едва став старшим лейтенантом, Николая Тимофеевича, при наличии других более опытных и заслуженных летчиков, назначили начальником штаба эскадрильи.

Довелось старшему лейтенанту Антошкину Н.Т. принять участие в подготовке к чехословацким событиям 1968 года.

В 1969 году капитана Антошкина Н.Т. перевели на Дальний Восток в связи с вооруженным конфликтом на острове Даманский, где он выполнял разведывательные полеты вдоль госграницы.

Николай Тимофеевич участвовал во многих крупнейших послевоенных маневрах: «Днепр», «Неман», «Ладога» и многих других.

Суждено было ему, как и другим боевым летчикам, побывать в различных аварийных ситуациях в воздухе, из которых он всегда находил правильный выход.

В 1970 году капитан Н.Т. Антошкин поступил в Военно-воздушную академию им. Ю.А. Гагарина. Учился добросовестно и старательно, понимая, что полученные знания помогут в дальнейшей службе. Увлеченно занимался военно-научной работой.

В 1973 году, окончив академию, а вслед за тем курсы командиров полков, подполковник Н.Т. Антошкин в возрасте 32 лет стал по тем временам одним из самых молодых командиров полка в ВВС.

Свой первый полк подполковник Антошкин Н.Т. формировал в жарких Каршинских степях Узбекистана практически на пустом месте, но уже через год его часть стала лучшей среди авиаполков ВВС Туркестанского военного округа.

Годы командования полком дали офицеру очень большой и полезный опыт, стали для него настоящей школой зрелости и совершенствования летного мастерства. В этот же период полковник Н.Т. Антошкин окончил курсы начальников штабов авиасоединений, а затем и командующих авиацией армии.

В 1976 году полковник Н.Т. Антошкин впервые в мире выполнил синхронную аэрофотосъемку с космическим кораблем «Союз» (космонавты Воынов и Желобов), как писала газета «Правда» в «народнохозяйственных целях».

18 марта 1979 года полк полковника Н.Т. Антошкина с частями

Командир полка полковник Н.Т. Антошкин

обеспечения был поднят по боевой тревоге, первым приступил к выполнению задач на территории Афганистана. За выполнение этого задания летчики получили боевые награды.

В 1980 году, будучи командиром отдельного полка в ГСВГ, полковник Антошкин Н.Т. получил назначение на генеральскую должность - командующим авиацией общевойсковой армии, а через год поступил в Академию Генерального штаба им. К.Е. Ворошилова.

В академии офицер всецело занялся военно-научной работой. Многие его разработки, что очень важно для него, позднее удалось применить на практике. Учеба намного повысила оперативно-тактическую подготовку офицера в планировании и боевом применении авиации в бою и операции, повышении эффективности ее действий в различных видах армейских и фронтовых операций.

Обучение в академии предусматривало формирование из слушателей военачальников высшего уровня, мыслящих стратегическими критериями в глобальных масштабах.

После окончания Академии Генерального штаба полковника Н.Т. Антошкина вызвали вместе с другими выпускниками к главнокомандующему ВВС главному маршалу авиации П.С. Кутахову для напутствия. «Я думал получить назначение на должность начальника штаба ВВС Сибирского военного округа. Здесь же и узнал я о своем новом назначении командующим авиацией Центральной Группы Войск, - вспоминает Николай Тимофеевич. - Это назначение меня не устраивало по семейным обстоятельствам. Сын оканчивал десятилетку, и нужно было его устраивать. Я пытался отказаться. Главком, подойдя поближе и шутя ударив в грудь кулаком, беззлобно сказал: «Поедешь! Наведешь порядок. Через 1,5-2 года заберу в другое место. Там много вертолетов, поэтому придется еще переучиваться на новые вертолеты».

/11/ Тут же он вызвал заместителя по строительству и расквартированию войск и приказал выделить сыну однокомнатную квартиру в поселке городского типа Чкаловское». /11/

В течение полутора лет службы полковника Н.Т. Антошкина в ЦГВ шла «борьба» за формирование военно-воздушных сил ЦГВ вместо авиации Центральной группы войск. Благодаря помощи командующего группы войск генерал-полковника Борисова, а затем и генерал-полковника Ермакова эта задача была решена.

Во время службы в ЦГВ состоялась встреча с главнокомандующим войсками западного направления Маршалом Советского Союза Николаем Васильевичем Огарковым, который высоко оценил деятельность полковника Н.Т. Антошкина и приказал оформить

документы на представление его к присвоению звания генерал-майора авиации.

Но вместо генеральского звания и новой должности командующего ВВС ЦГВ его назначили начальником штаба ВВС Киевского военного округа (17-я воздушная армия).

В апреле 1985 года полковник Н.Т. Антошкин приступил к исполнению служебных обязанностей на новом месте службы. Вскоре (30 апреля 1985 г.) ему присвоили звание генерал-майора авиации.

Генерал-майор авиации Н.Т. Антошкин. Апрель 1985 года

Знание вертолетов очень пригодилось генерал-майору Н.Т. Антошкину в самый трудный период его жизни и службы - в Чернобыле.

Чернобыль. Война не ради славы. Ретроспектива 1. Катастрофа

План проведения испытаний «на выбег», проводимых в ночь с 25 на 26 апреля 1986 года, предусматривал отключение и блокировку

системы аварийного охлаждения реактора (САОР). Без аварийного охлаждения реактор 4-го энергоблока работал более 10 часов.

Испытание предусматривало определение количества электричества, вырабатываемого турбиной после прекращения подачи на нее пара. Останавливающаяся турбина должна была какое-то время вращаться и вырабатывать электроэнергию. Это электричество могло быть использовано для обеспечения работы агрегатов блока при его полном обесточивании. Это и была задача испытаний.

Турбина работала без пара 36 секунд.

В 1 ч 23 мин 40 с, понимая, что в работе реактора происходит что-то неладное, начальник смены 4-го энергоблока А. Акимов нажал кнопку аварийной защиты АЗ-5. По этой команде в активную зону должны войти все стержни-замедлители. Стержни пошли вниз, но, пройдя 2,5 м, остановились. Пугающе вспыхнула яркая подсветка шкал сельсинов-указателей. В активной зоне началось разрушение реактора.

Послышались сильные гидроудары и 350-кг кубики (сборка 11) подпрыгивали как детские кубики. Вся поверхность «пяточка» заходила ходуном в дикой пляске. Вздрагивали и прогибались короба биозащиты вокруг реактора. Взрывы прогремели через 18 секунд.

Взрывы в активной зоне шокировали эксплуатационников. Растерянные, с бледными лицами, с распахнутыми в недоумении глазами, они пытались понять, что произошло. Включили дизеля для обеспечения электропитанием всего оборудования, надеясь подключить и систему безопасности. Но это оказалось невозможным: главные циркуляционные насосы бездействовали, трубопроводы для подачи воды в реактор оказались оборванными, система автоматического охлаждения реактора перед испытанием была перекрыта самим же персоналом.

Включили насосы аварийного охлаждения. Старший инженер управлением реактором (СИУР) Л. Топтунов послал Ю. Трегуба открыть задвижки системы принудительной циркуляции. В это время **главное** - подавать воду на охлаждение реактора, любым способом, по любым возможным каналам подавать, подавать и подавать ее в реактор, чтобы в нем не расплавилось топливо, что могло привести к крайне тяжелым последствиям, вплоть до ядерного взрыва.

Второй важной задачей было отключение поврежденных электрических сетей, которые искрили и могли привести к возникновению пожара от источника электротока. Еще требовалось обезопасить такие горючие и взрывоопасные источники, как маслопроводы и емкости для машинного масла, системы хранения и

подачи водорода. Все это было рассредоточено в разных помещениях, куда **А. Дятлов** (заместитель главного инженера ЧАЭС по второй очереди, руководитель испытания. - В.М.) и **А. Акимов** (начальник смены 4-го блока. - В.М.) срочно послали людей для выполнения аварийных действий.

Обстановка складывалась тревожная. Где-то подавал световой сигнал о своем критическом состоянии разрушенный реактор, в других помещениях стояла кромешная темнота. Вода, бесконтрольно закачиваемая в реактор, стала заливать подземные помещения. Но люди что-то открывали, перекрывали, отсоединяли. Назовем тех, кто до конца выполнил свой служебный и гражданский долг, а позже умер от лучевой болезни.

П.Паламарчук, заместитель начальника Чернобыльского пусконаладочного предприятия. Искал **В. Шашенка** в 604 помещении КИП. Бегал среди обломков, разрушенного оборудования и высокоактивных материалов и искал товарища. Нашел его в разломе помещения, сильно обожженного паром и горячей водой. Он стонал и бредил. Когда **Паламарчук** взял его, чтобы нести, раненый застонал и обмяк, потеряв сознание. Когда нес раненного, от соприкосновения с загрязненной радиоактивной водой обмундирования получил сильный радиационный ожог спины. Он совершил подвиг, характерный для войны, соизмеримый с Суворовским принципом: «Сам погибай - товарища выручай».

А. Кургуз, старший оператор. Увидел, что зал, в котором находятся люди, заполняется паром, вошел в обжигающее облако и закрыл тяжелую герметическую дверь. Потом он вывел людей из темноты верхних этажей на улицу. Там потерял сознание.

В. Бражник, машинист турбины. Обвалившиеся перекрытия разорвали маслопроводы и разлитое масло могло загореться. Ликвидируя потенциальный источник пожара, он получил смертельную дозу облучения.

К. Перчук, старший машинист турбины. Отключил один из насосов для прекращения перекачки радиоактивной воды из деаэраторов.

В. Перевозченко, начальник смены реакторного цеха. Искал В. Ходемчука, а также операторов центрального зала О. Генриха и А. Кургуза. Произвел разведку разрушенного реактора, увидел все своими глазами и рассказал об этом А. Акимову.

А.Баранов, старший дежурный электромонтер. Сумел перевести охлаждение турбогенераторов 3-го и 4-го энергоблоков с водорода на азот, что предотвратило возможный взрыв и пожар в машинном зале.

В.Лопатюк, дежурный электромонтер. Помогал перекрыть подачу в энергоблок взрывного водорода.

А. Лелеченко, заместитель начальник электроцеха. Определял местонахождение поврежденного оборудования и отключал его. Обнаружил и перекрыл разорвавшийся трубопровод, тем самым предупредил возникновение пожара и взрыва на электролизерной установке. Трижды ходил в электролизерную, чтобы перекрыть подачу водорода к аварийным генераторам. Потом по колено в радиоактивной воде изучал состояние распредустройств, пытаясь, подать напряжение на питательные насосы. Тушил огонь в очагах возгораний, стараясь не допустить распространения огня на 3-й энергоблок. Насколько героическим и ответственным был этот человек, сделавший столько много для локализации произошедшей катастрофы! В апреле 2006 года указом Президента Украины Лелеченко Александру Григорьевичу присвоено звание Героя Украины (посмертно).

А. Ситников, заместитель главного инженера ЧАЭС по первой очереди. Обследовал помещения, примыкающие к реактору, и составил оперативную карту разрушений. Вторично ходил в зону высокой активности, чтобы уточнить степень разрушения помещений 4-го энергоблока.

Р. Давлетбаев, начальник турбинного цеха блока №4. Во время взрыва находился на БЩУ-4. Несколько раз бегал в помещение машинного зала, изучал обстановку и докладывал товарищам. Получил большую дозу облучения.

Ю. Вершинин, машинист-обходчик турбинного оборудования турбинного цеха, погасил огонь, вспыхнувший в машинном зале, когда упавшей фермой перебило маслопровод турбины. Горячее масло хлынуло наружу и загорелось от кусков раскаленного ядерного топлива. Он бросился помогать товарищам, чтобы предотвратить взрыв маслобака. /2/

Ретроспектива 2. Пожарные

После взрывов, прогремевших на реакторе 4-го энергоблока, и начавшегося пожара мгновенно сработала пожарная сигнализация, передавая сообщение о пожаре на АЭС в дежурные подразделения пожарной охраны.

Всего 180 секунд потребовалось караулу ВПЧ-2 по охране Чернобыльской АЭС в количестве 13 человек для того, чтобы прибыть на место пожара. Быстро и правильно оценив обстановку, начальник караула лейтенант В. Правик рассредоточил личный состав караула так, чтобы все усилия направить на тушение очагов возгорания на кровле машинного зала, представлявшего собой единое здание, в котором размещались машинные залы всех четырех энергоблоков. Его кровлю вопреки требованию всех нормативных документов построили из легковоспламеняющихся материалов. Если бы огонь на этом участке не погасили, то сгорела бы вся АЭС. /2/

В 1 ч 35 мин к месту пожара прибыл дежурный караул сводной военизированной пожарной части СВПЧ-6 по охране города Припяти в количестве 10 человек во главе с начальником караула лейтенантом В. Кибенком.

Офицер возглавил звено газодымозащитной службы и произвел разведку пожара в помещениях реакторного отделения, примыкавших к разрушенной активной зоне реактора. Это позволило определить правильные боевые позиции для подачи водяных стволов.

Особенно сильно бушевал огонь на кровле реакторного отделения 3-го и 4-го энергоблоков. Основные силы пожарных пришлось сосредоточить в этом месте.

Борьба с огнем велась на высотах от 27 до 71,5 м над землей. Пожарным приходилось добираться к местам тушения по наружным пожарным лестницам, задыхаясь в дыму. /3/

В 1 ч 40 мин к месту пожара прибыл находящийся в очередном отпуске начальник ВПЧ-2 майор внутренней службы Л. Телятников. Он возглавил общее руководство тушением пожара. Прежде всего провел разведку очагов возгорания, затем организовал работу двух боевых участков наступления на огонь.

Основная задача первого участка состояла в том, чтобы не допустить распространения пламени на крыше машинного зала 3-го энергоблока. На втором участке шла борьба с пламенем на кровлях других помещений 3-го и 4-го энергоблоков и в помещениях, примыкавших к разрушенному реактору. /3/

Боевая работа личного состава ВПЧ-2 и СВПЧ-6 велась в условиях высокой радиоактивности и в атмосфере сильной загазованности токсическими продуктами горения, среди обрушившихся строений, на большой высоте.

Всего потушили тридцать очагов возгорания.

В 2 ч 10 мин в результате самоотверженных и умелых действий пожарных огонь на 4-м блоке был потушен.

В 2 ч 30 мин подавлен очаг пожара на крыше реакторного отделения.

«Пожарные первыми бросились грудью на огонь и радиацию. Геройство их оценить невозможно. Если бы не они, последствия были бы не предсказуемы. 1200-метровый машинный зал как бикфордов шнур соединял все четыре блока. Воду брали из всех источников, территория выглядела, как после тропического ливня. Реактор парил. ... Постепенно прошел страх и возобладало чувство реального. ... Наконец разум победил. ... Все почувствовали что-то неладное, поняли, что пришла беда». /4/

Героические действия пожарных и эксплуатационников завершили первый, самый сложный и напряженный период локализации катастрофы - тушение пожара и предотвращение увеличения ее масштабов.

На вертолетчиков вся надежда

Рано утром 26 апреля на квартире НШ авиации Киевского военного округа генерал-майора Н.Т. Антошкина зазвонил телефон. Дежурный офицер командного пункта ВВС округа доложил: «Товарищ генерал! Только что сообщили от руководства республики. На Чернобыльской АЭС большая авария с выбросом радиации и пожаром. Пожар потушили, но все очень серьезно. Просят вертолет на разведку в район атомной электростанции. В срочном порядке туда направлен вертолет, пилотируемый капитаном Володиным».

Николай Тимофеевич понял, для авиации в Чернобыле найдется место и стал ждать вызова на службу. На душе было тревожно, и эта тревога с каждым часом нарастала.

Телефон зазвонил во второй половине дня. Исполняющий обязанности командующего войсками Киевского военного округа (КВО) генерал-лейтенант Фомин, сославшись на то, что не могут найти командующего ВВС КВО, приказал срочно прибыть к нему в штаб округа.

Генерал Фомин выглядел озабоченным, говорил взволнованно и быстро. Не дожидаясь генерал-лейтенанта Н.П. Крюкова, он поставил задачу выделить кого-нибудь из руководства ВВС округа в Чернобыль, где потребуются авиация. Однако в это время в кабинет вошел генерал-

лейтенант Крюков, и генералу Антошкину пришлось вторично выслушивать ту же задачу.

Пока ехали с командующим авиацией в свой штаб, обговорили многие вопросы, в том числе переброску вертолетов из Александрии на аэродром Черниговского летного училища, от которого до Припяти всего несколько минут лета. Вместе с вертолетным полком, которым командовал полковник А.И. Серебряков, командующий решил направить в район катастрофы заместителя по армейской авиации полковника Б. А. Нестерова. Руководство организацией работы вертолетных и обеспечивающих подразделений командующий возложил на генерал-майора Н.Т. Антошкина.

Убыть в Чернобыль пришлось немедленно.

Учитывая необычность командировки, в район катастрофы по просьбе генерала Н.Т. Антошкина направили и начальника химической службы ВВС КВО подполковника А.Н. Кушнина с прибором радиационной разведки, дозиметрами и комплектами средств защиты.

Ехать в Чернобыль было трудно. Водителю УАЗ-469 постоянно приходилось обгонять колонны автобусов и машин, движущихся в попутном направлении, вплоть до Чернобыля. В Чернобыль прибыли до захода солнца. Но там никого не нашли, оказалось, что все в Припяти.

На подъезде к Чернобыльской АЭС включили прибор ДП-5. По мере приближения, с каждым километром, стрелка прибора все больше отклонялась вправо.

В Припять генерал-майор Н.Т. Антошкин приехал в сумерках. Нашел горком партии и кабинет, в котором уже заседала Правительственная комиссия. Несмотря на поздний час, шло напряженное обсуждение ситуации, сложившейся на аварийном блоке и на Чернобыльской АЭС. С докладами выступали ученые и специалисты, высказывались предложения, ставились задачи, раздавались указания.

Генерал доложил председателю Правительственной комиссии по полной форме о прибытии. «Чем можете помочь, генерал?» - спросил его Б.Е. Щербина. «Вертолетами! Но не сейчас. Ночью вертолеты будут переброшены из Александрии в Чернигов. С наступлением утра я их вызову сюда». /11/

Обстановка на заседании была такова, что каждый из присутствующих спешил высказать свое предложение, выполнить свою задачу. Николай Тимофеевич увидел среди членов комиссии уже знакомых военных. Это были начальник химических войск МО СССР генерал-полковник В.К. Пикалов и Герой Советского Союза первый

заместитель начальника Гражданской обороны СССР генерал-полковник Б.П. Иванов. Генералы внесли большой вклад в ликвидацию последствий катастрофы и оказали неоценимую помощь и поддержку генерал-майору Н.Т. Антошкину и всем авиаторам. Выполнение правительственного задания в Чернобыле сплотило военачальников и сделало их настоящими боевыми друзьями.

Никто Николаю Тимофеевичу в тот момент задач не ставил, никто ничего не требовал. Единственное, что он понял, это то, что к утру в район катастрофы нужно обязательно подтянуть вертолеты. Ознакомившись с обстановкой, он понял, что от него немедленных действий не ждут, и стал дожидаться своего часа.

Озабоченный вышел Н.Т. Антошкин из зала заседаний: средств связи со своим штабом нет, задач нет, обстановка неясная.

От горкома партии прошел на площадь к речному вокзалу, -оттуда хорошо просматривалась АЭС, в том числе 4-й блок. В темноте было хорошо видно зарево от горящей активной зоны, играющее отблесками огня на обломках стен блока и вентиляционной трубе. Во всем этом ощущалось что-то жуткое и зловещее.

В небе сверкали молнии, над Днестром развернутым фронтом проходила сильная гроза. Беспокоили тревожные мысли о вертолетчиках Александрийского полка, которые в это время осуществляли перелет на Черниговский аэродром. Позже стало известно, что перебазирование авиаполка прошло благополучно, без происшествий. Помог опыт боевых действий в Афганистане и других горячих точках, так как уровень подготовки вертолетчиков к полетам в различных условиях был очень высоким.

Все время, оставшееся до утра, пошло на дозванивание в свой штаб и в Чернигов, на поставку задачи вертолетчикам и согласование места и времени посадки машин.

Члены Правительственной комиссии, не имея достоверных данных о том, что происходило в активной зоне реактора, нервничали и мучительно искали решение проблем, возникших в связи с необходимостью изолирования разрушенного и горящего реактора от окружающей среды. Но что можно было предпринять? Никто не мог разобраться прежде всего в том, что же происходило в реакторе, вернее, в том, что от него осталось. Высокая температура, огромной мощности радиационный фон не давали возможности приблизиться к месту взрыва.

Ночь пролетела быстро, было не до сна. В предрассветной мгле просматривались раскаленная верхушка разрушенного реактора и его

крышка, почему-то названная ядерщиками Еленой. В развалинах играло ярко-оранжевое пламя. Горел графит. Высоко в небо поднималось наклонным конусом белое облако радиоактивного дыма.

В пять часов стало светать. Доложив обстановку и выводы из нее командующему ВВС округа, поехал искать подходящее место для посадки. Улицы не годились, мешала паутина проводов, да и не разместить на них большую группу вертолетов. Одну за другой браковали и площадки за чертой города: там болотистый грунт, кроме того, набегут лишние километры до 4-го реактора. А цепкая, тренированная память воздушного разведчика все настойчивее возвращала на площадь перед горисполкомом и к стадионам. Проверили подходы к ней - сложноваты, но опытный летчик сядет.

Решение о развертывании временного аэродрома на центральной площади многим поначалу показалось абсурдным, но веские доводы и вера в опыт генерала Н.Т. Антошкина позволили ему отстоять это решение. Этой посадочной площадке, условно названной позже «Кубок-1», предстояло сыграть важную роль в укрощении реактора, стать свидетелем массового мужества и героизма авиаторов, специалистов и рабочих, обеспечивающих подвоз и погрузку песка и других материалов в первые дни локализации катастрофы.

Первым военным вертолетом, прилетевшим в Припять, был борт Ми-8, пилотируемый командиром гвардейского вертолетного полка полковником А.И. Серебряковым, перебазировавшегося ночью из Александрии.

В 6.53 его боевая винтокрылая машина совершила посадку на цветочную клумбу на центральной площади Припяти. Полковник Серебряков привез с собой малогабаритную радиостанцию и связиста.

Генерал-майор Н.Т. Антошкин объяснил комполка обстановку, сложившуюся на Чернобыльской АЭС в результате катастрофы. При постановке задачи он повторил слова председателя Правительственной комиссии Б.Е. Щербины: «Реактор наглухо закупорить сверху путем сбрасывания с вертолетов поглощающих материалов». Начальник штаба ВВС объяснил тонкости выполнения предстоящего задания, сделав акцент на безопасность полетов.

Уяснив полученную задачу, в 7.30 полковник А.И. Серебряков вылетел на разведку полетной трассы и отработку маневра захода на цель.

В 8.12 Серебрякову приказали совершить полет на разрушенный реактор с членами Правительственной комиссии на борту. Все хотели увидеть своими глазами и оценить характер разрушений.

В это время обстановка в Правительственной комиссии накалялась. Военные химики доложили: в Припяти радиационный фон достиг 200 мР/ч и продолжает расти. Из развалин блока в небо поднимался шлейф густого белого дыма. Вместе с газом и дымовыми аэрозолями в окружающее пространство выбрасывались радионуклиды. Шло интенсивное загрязнение окружающего пространства и атмосферы радиоактивными веществами. Нужно было срочно что-то предпринимать, чтобы поставить преграду радиоактивному загрязнению местности. Речь шла уже даже не о городе Припять, решение об эвакуации которого было принято еще вчера, вечером 26 апреля, - под угрозой находились обширные территории с большим количеством жителей. Во что бы то ни стало требовалось закрыть огнедышащее, извергающее радиоактивность «жерло» адского пекла. Всех терзала одна-единственная мысль: как это сделать?

Ночью ученые во главе с академиком В.А. Легасовым приняли решение забросать реактор поглощающими и нейтрализующими веществами. Одним из таких веществ был песок. Вначале в разлом требовалось сбросить карбид бора. Соли борной кислоты подвезли на вертолетную площадку и ждали своего часа. А подготовкой песка генералу Антошкину пришлось заниматься лично. Время поджимало. Прежде всего нужно было найти большое количество песка. Огромную кучу сыпучего материала обнаружили на городском пляже. Вначале генералу вместе с членами партийного руководства района пришлось заняться собственноручно заполнением первых мешков песком. Песок засыпали в мешки, а затем грузили на машину и везли к вертолетам. Вскоре появились люди и эту работу организовали. Общими усилиями, в том числе и при помощи летчиков, загрузили первый вертолет. Генерал Антошкин запретил летчикам поднимать тяжести.

В 10.00 27 апреля первый вертолет с грузом поглотителей на борту полетел на реактор. В первую очередь сбросили 10 т карбида бора (замедлителя нейтронов), затем стали сбрасывать мешки с песком.

«Первым на «бомбометание» вел вертолет военный летчик первого класса полковник А. Серебряков. По прямой со скоростью 140 км/ч шли к четвертому блоку. Ориентир - слева две стопятидесятиметровые трубы АЭС. Зашли над кратером ядерного реактора. Высота сто пятьдесят, нет, низко. Двести метров. На радиометре более 500 Р/ч. Зависли над целью, образованной полуразвернутой шайбой верхней биозащиты и шахтой. Щель метров пять шириной. Надо попасть. Биозащита раскалена до цвета диска солнца. Открыли дверь. Снизу несло жаром. Мощным потоком восходил радиоактивный газ, ионизированный нейтронами и

гамма-излучением. Все без респираторов... Высовывали голову в открытую дверь и, заглядывая в ядерное жерло, целясь в него глазом, сбрасывали мешки. И так все время в этот день. Иного способа не было». /7/

Единственный шанс получить хоть какие-то приборные показатели из эпицентра давали полеты на вертолетах. Никто и никогда не сталкивался с такими проблемами, с катастрофами таких масштабов. Думали и решали все на ходу. Легко понять, как в подобной обстановке могли приниматься и ошибочные решения. И ошибки были. Достаточно вспомнить, как предлагалось вертолетами тащить пожарный рукав от Припяти к месту пожара и охлаждать несущие конструкции блока водой. Предлагали использовать для разведки реактора беспилотные самолеты (якобы для того, чтобы сберечь людей) и производить засыпку в ночное время. Подобные предложения делали люди, не знающие принципов боевого применения авиации и технических характеристик летательных аппаратов, но страстно желающие чем-то помочь в выборе правильного решения. Генерал Н.Т. Антошкин эти предложения отклонил как необоснованные, понимая людей и не обижаясь на них.

Шлейф белого дыма, исходящий из развалин горящего энергоблока, в небе на высоте метров двухсот-трехсот от земли изгибался, раздваивался и уходил в северо-северо-западном и юго-западном направлениях.

Выше дымный столб разделялся на отдельные неровные струи и, растворяясь в атмосфере, исчезал. Радиоактивные аэрозоли, образовавшиеся в результате горения графита, под действием ветра уносились далеко в сторону от Чернобыля. Разогретые корпускулы радионуклидов в воздухе охлаждались, обволакивались молекулами паров воды и, утяжеленные, опускались вниз.

В некоторых районах Украины и Белоруссии, расположенных севернее, западнее и юго-западнее Чернобыльской АЭС, началось увеличение радиационного фона. Как выяснилось позднее, увеличение радиационных показателей было отмечено не только в этих регионах СССР, но и в странах Западной Европы, Америки, Африки и Азии, в общем, по всему миру.

Один из первых снимков разрушенного реактора. На нем отчетливо виден шлейф белого дыма, исходящего из развалин взорвавшегося реактора. 26 апреля 1986 года

На вертолетчиков возлагалась вся надежда закрыть реактор и прекратить выбросы радиоактивных веществ в окружающую среду.

После постановки задач закрутился механизм претворения их в жизнь. Важную роль в этом деле сыграли местные советские и партийные органы. Буквально весь Чернобыльский район в течение суток занимался заготовкой песка и засыпкой его в мешки. Работала

Многие вопросы, связанные с выполнением задач вертолетной авиацией, Н.Т. Антошкин обсуждал с учеными и специалистами

техника, завезли десятки тысяч мешков, работали тысячи людей.

Будни Чернобыльской войны

Во время эвакуации жителей Припяти (с 13.30 до 16.00. -В.М.) летчикам запретили сбрасывать грузы в реактор. Пришлось проводить разведку и отрабатывать методику захода на цель.

Десятки раз поднимались летчики в воздух 27 апреля на своих винтокрылых машинах. Больше всех летали Александр Серебряков и Юрий Яковлев. Никто из них не думал о страшных последствиях радиоактивного облучения.

Все это время генералу Н.Т. Антошкину пришлось руководить полетами без перерыва на отдых или обед. Только когда стало ясно, что работа пошла, он передал управление вертолетными экипажами руководителю полетов.

«Молодой, рослый, крепкий, подтянутый, он всегда находился в действии, вернее сказать в непрерывном действии несколько суток - и все без признаков усталости.

Когда им пытались командовать старшие по званию, но из других родов войск, он очень тактично отвечал, что у него есть свой непосредственный начальник, распоряжения которого обязательны для

Уточнение задания на полет

выполнения. Если оппонент настаивал на своем, разъяснения давались в более доступной для понимания форме». /6/

Каждого вновь прибывшего летчика инструктировали и «на-таскивали» на выполнение полета так, чтобы он не мог допустить и малейшей оплошности в полете. Летчики быстро освоили сложную трассу воздушного «слалом» с учетом ветра, ближайших строений и населенных пунктов в этом районе.

Организацию засыпки активной зоны аварийного реактора Правительственная комиссия возложила на генерала Н.Т. Антошкина, заместителя начальника Всесоюзного объединения «Союзатомэнерго» Е.И. Игнатенко и представителей местных и партийных органов: заместителя Председателя Совета Министров УССР Н.Ф. Николаева и Председателя Киевского облисполкома И.П. Плюща.

Свидетельствует заместитель министра энергетики и электрификации СССР Г.А. Шашарин: «Очень хорошо поработал генерал ВВС Антошкин. Энергичный и деловой генерал не давал никому покоя, тормозил всех. Отыскал метрах в пятистах, у речного вокзала, гору отличного песка. Его намыли земснарядами для строительства новых микрорайонов города. Со склада ОРСа привезли пачку мешков, и мы, вначале втроем: я, первый заместитель министра среднего машиностроения А.Г. Мешков и генерал Антошкин начали загружать мешки. Быстро упарились. Работали кто в чем был: я и Мешков - в московских костюмах, генерал в военном мундире. Все без респираторов и дозиметров». /37/

Вскоре Щербина «привязал» к мешкам и песку управляющего трестом Южатомэнергомонтаж Антощука, его главного инженера А.И. Зайца, начальника управления Ю.Н. Выпирайло.

«А Щербина торопил под грохот вертолетов, гонял всех как Сидоровых коз - министров, замминистров, академиков, генералов: «Как реактор взрывать, так они умеют, а как мешки грузить - некому!» /3/

Казалось бы, все на этом этапе локализации катастрофы было просто: рабочие готовили мешки с песком, бором (порошкообразной борной кислотой), глиной и загружали их в вертолеты, вертолеты с грузом на борту поднимались в воздух и сбрасывали его в реактор.

Но выполнять эти действия было непросто. Все приходилось делать вручную. Средств механизации работ, приспособлений для погрузки поглотителей и их прицельного сброса не было. И это понятно. Никто не знал заранее, какая техника может понадобиться в случае аварии на атомной электростанции.

В жерло огнедышащего реактора требовалось сбрасывать тяжелые мешки весом 50-70 кг. К тому же загружали их по 610 штук на борт. Работали члены экипажа в страховочных поясах над чревом ядерного

ада на высоте 150-200 м. Чтобы попасть в цель, бортовые техники вынуждены были смотреть через боковые люки прямо в огнедышащий разлом. Велика, сверхвелика была опасность для авиаторов при выполнении этой боевой задачи! /7/

Температура на высоте полета достигала 120-180° С. Прибор для измерения уровней радиации, со шкалой до 500 Р/ч, зашкаливал. Стрелка измерителя, доходя до крайнего правого положения, ударялась об ограничитель и отскакивала влево. Потом она снова отклонялась вправо, опять следовал удар об эту страшную крайнюю точку и отброс влево. И так постоянно. Радиометр отказывал, а на глазок, по данным генерала Антошкина, уровень радиации на высоте полета мог быть 1000-1500 Р/ч. На эту величину ориентировались, по ней проводили расчеты времени безопасного полета. Академик В.А. Легасов, честнейший человек и большой ученый, считал, что для точности расчетов уровень радиации нужно было увеличивать в два раза, но летчики об этом не знали. У всех была одна мысль - поскорее закрыть реактор и не дать радиации распространиться вокруг. Впрочем, для вертолетчиков уровни радиации тогда большого значения не имели. Какими бы высокими, или сверхвысокими они ни были, все равно бы поставленную задачу небесные ликвидаторы выполнили. Это были советские вертолетчики! Это были советские люди! /3/

Из всех известных средств защиты в Чернобыле использовалась только защита для органов дыхания - респиратор, другой не было. Для недопущения переоблучения пилотов рассчитывали минимально возможное время нахождения над опасной зоной. Недопущение переоблучения пилота являлось его основной защитой.

Николай Тимофеевич не сомневался в том, что вертолетчики сделают все возможное для умирения реактора. Он знал способности своих помощников, профессионализм и мужество авиаторов. Но для того, чтобы раскрутить сложный механизм объединенной авиагруппы (порядка 80 машин) и обеспечить ее всем необходимым, нужно было время, а его не было. Промедление смерти подобно! Все ликвидаторы чувствовали себя в те дни, как на войне.

«На войне, по крайней мере, знаешь, откуда стреляют. От огня можно уйти, уклониться, защититься. А радиацию не видно. Не знаешь, откуда и как она исходит, когда и как тебя поразит, поэтому и защититься от нее не возможно, - говорили летчики, побывавшие в длительных командировках в воюющем Афганистане. - А тут самое страшное приходит потом, спустя месяцы и годы!» /7/

Да, на этот раз противник был коварный и страшный - вышедший из-под контроля человека «мирный атом». Фактически он оказался совсем не мирным, а воюющим с человеком и всем, что было на Земле, несущим смерть. Атом был незримым, но страшным оружием, беспощадно поражающим всех, кто встречался на пути его движения.

27 апреля в кратер реактора было сброшено более 65 т поглотителей. Из них 10 т - бора. Когда Николай Тимофеевич доложил об этом Б.Е. Щербине, тот ему сухо ответил: «Десятки тонн для реактора что слону дробина». /3/ Хоть похвалы летчик не ожидал, но и такого неудовольствия услышать тоже не рассчитывал. Слишком дорогой ценой давались вертолетчикам эти «десятки тонн».

«Черный» день генерала Антошкина

Утро 28 апреля для генерала Н.Т. Антошкина было драматическим и могло поставить точку в его военной карьере. Накануне вечером он и Е.И. Игнатенко улетели на полевой аэродром Певцы Черниговского ВВУЛ для подведения итогов дневной работы, уточнения задач и вопросов организации взаимодействия.

Но не знал Николай Тимофеевич, какая гроза ждет его в кабинете председателя Правительственной комиссии на следующий день.

Утром 28 апреля над полевым аэродромом выпал густой туман. Вылет в таких условиях был запрещен. Генерал Антошкин не находил себе места от волнения. В Чернобыле его ждали люди, ждала важная работа. В одиннадцатом часу вылет разрешили. Прибыв в Чернобыль, Н.Т. Антошкин сразу направился в кабинет председателя Правительственной комиссии. Как только генерал переступил порог кабинета Щербины, на него обрушилась столько брани, грязи и угроз, что он готов был провалиться сквозь землю, хотя и был не из робкого десятка. По его словам, так в жизни его не ругал никто ни до этого, ни после. Только вмешательство его боевых товарищей генералов В.К. Пикалова и Б.П. Иванова смогло смягчить и уладить ситуацию. /3/

Позднее Борис Евдокимович, разобравшись, что за человек Н.Т. Антошкин, так подружился с ним и столько сделал для него и всех вертолетчиков, что они до сих пор вспоминают о нем с благодарностью. Светлая ему память!

В жизни Николая Тимофеевича так бывало не раз, что вначале в нем ошибались. Но впоследствии летчик своим трудом и образом жизни изменял ложное представление о себе.

Генералу Н.Т. Антошкину удалось отлично организовать работу авиаторов в этот день. Вертолеты один за одним выходили на цель - центральный зал (реактор) 4-го блока, над которым освобождались от своего груза. Их действиями управлял авианаводчик полковник Б.А. Нестеров, расположившийся на крыше здания горисполкома - оттуда хорошо просматривались разрушенный блок со столбом дыма и все подлеты к нему.

Вечером, вместе с Е.И. Игнатенко Н.Т. Антошкин докладывал на заседании Правительственной комиссии о том, что на реактор сброшено **90 т** песка и глины. Похвалы не ждали, кто ее ждет в беде? И все же не думали они, что опять выплеснется на них фонтан начальственного недовольствия. Б.Щербина им сказал: «Эти десятки тонн поглотителя для реактора - все та же дробина для слона! А необходимо туда сбросить пять-шесть тысяч тонн! К вашему сведению, это примерно два эшелона!» /8/

Четко и грамотно организованная работа вертолетчиков вселяла в людей уверенность в победе над разбушевавшейся ядерной стихией.

На генерала Н.Т. Антошкина смотрели как на бога, небожителя, облеченного высшими силами, ожидая ответа, когда же будет закрыт тот страшный реактор, разверзший врата ядерного ада? Когда? Глаза, взгляды людей были для него немим укором. /3/

Однако была и другая сторона этой проблемы. Закрывая реактор песком сверху, его теплоизолировали, но и создавали условия для увеличения температуры внутри активной зоны, что в конечном итоге способствовало расплавлению ядерного горючего, состоящего в основном из двуокиси урана, с последующим прожиганием расплавленной магмой подреакторных помещений и ее уходом под фундамент реакторного отделения.

28 апреля произошел коренной перелом в работе по засыпке реактора сверху с использованием вертолетов. Изучив физико-химические свойства свинца, Е.И. Игнатенко, В.А. Легасов и Сидоренко предложили для недопущения проплавления нижних конструкций реактора и ухода ядерного топлива в нижние этажи одновременно с песком сбрасывать в аварийную зону свинец, который попадая в область высоких температур и расплавляясь, должен был проникнуть через горящее ядерное топливо (температура кипения двуокиси урана 325°C) под активную зону и создать жидкометаллическую подушку, отделяющую ее от полов помещения, и предотвратить тем самым их прожигание. Таким образом решалась главная задача: саморазо-

гревающееся ядерное топливо отделялось снизу хорошо отводящим тепло металлом (температура плавления свинца 1726°C).

Перспектива 1. Б.Е. Щербина

В литературе деятельность заместителя Председателя Совета Министров СССР Бориса Евдокимовича Щербины на посту председателя Правительственной комиссии оценивается весьма неоднозначно. Вместе с тем необходимо помнить, что уже вечером 26 апреля он был в Чернобыле, а ночью ему пришлось принимать ответственное решение об эвакуации жителей Припяти.

Именно ему пришлось решать уникальные в мировой практике проблемы в условиях, когда выдающие ученые и специалисты не могли предложить проверенные, однозначно конкретные варианты укрощения взорванного и горящего ядерного реактора.

В своей работе Правительственная комиссия столкнулась со множеством проблем, не имевших аналогов как в отечественной, так и в мировой практике, необходимостью высочайшей ответственности за принимаемые решения.

29 апреля начала работать Оперативная группа Политбюро, созданная для ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС. На первом этапе ликвидации последствий заседания ОГ Политбюро проводилась ежедневно. Зал, в котором заседали члены Политбюро, был оборудован прямой селекторной связью с Чернобылем.

В Кремль звонили первые лица стран Европы, Азии, подвергшихся радиоактивному загрязнению, и требовали объяснений. Правительство Советского Союза находилось в состоянии высшего накала. Со Старой площади постоянно и непрерывно требовали, требовали, требовали принятия решений. Запрашивали сведения о радиационной обстановке в районе катастрофы, в Припяти и в других населенных пунктах и ждали результатов. Спрос был жесткий: что сделано? Потушили горящий реактор или нет? Выбросы продолжаются? Политбюро ЦК КПСС требовало ускорения поисков решений. /9/

Все это нервировало членов Правительственной комиссии и особенно Бориса Евдокимовича, мешало нормально работать. Заседания Правительственной комиссии проходили 3-4 раза в день. Вечернее заседание начиналось в 20.00 и заканчивалось глубоко за полночь. После его окончания начинались согласования, утверждения, отдавались распоряжения. На сон оставалось 2-4 часа. В первые дни работы спать

вообще не приходилось. Члены Правительственной комиссии расходились на один час, чтобы переодеться и умыться.

Работа в таком напряженном и изматывающем темпе доводила до крайнего физического и психического истощения. Не каждый мог выдержать подобный накал. /10/

Еще ночью 26 апреля в зал заседаний Правительственной комиссии в горкоме партии Припяти прибыл руководитель автоколонны автобусов и доложил, что в район Чернобыля прибыло семьсот автобусов для эвакуации жителей из Припяти, и всю ночь будет осуществляться сбор необходимого количества автотранспорта. «К утру 27, - пообещал он, - автоколонна автобусов будет собрана». Председатель Правительственной комиссии приказал докладывать ему лично о прибытии автобусов и автомобилей через каждые два часа.

Принимая решение об эвакуации населения города энергетиков, Б. Щербина знал, что транспорт для выполнения этой операции готовится, поэтому все трудности в проведении этой операции заключались в решении организационных вопросов. Нужно было продумать и отработать все до мелочей - от этого зависели успех и оперативность вывоза людей из опасной зоны.

Подготовкой эвакуации занималась милиция УВД Припяти, усиленная сотрудниками МВД республики. Руководил всей подготовительной работой заместитель министра внутренних дел Украины генерал-майор внутренних войск Г.В. Бердов.

Время начала вывоза людей из зоны, угрожающей их здоровью, зависело от готовности техники и решения организационных вопросов.

В 8.00 27 апреля на утреннем заседании Правительственной комиссии генерал-полковник В.К. Пикапов доложил Б.Е. Щербине, что в городе отмечен повсеместный устойчивый рост радиационного фона. На основании этого доклада Щербина объявил окончательное решение об эвакуации и поставил соответствующие задачи лицам, ответственным за ее проведение.

В 10.00 27.04 состоялось совместное совещание членов Правительственной комиссии и партийного актива Чернобыльского райкома КПСС. На этом совещании, кроме других вопросов, Борис Евдокимович объявил о том, что эвакуация начнется в 14.00. Он приказал подготовить обращение к жителям, в спокойных тонах предлагал сообщить о их временном выезде из города. Такое обращение было подготовлено горисполкомом и в 12.00 передано по местному радио.

Граждане энергограда спокойно и с доверием отнеслись к сообщению властей. Припятчане привыкли ей доверять, поэтому такая

трудная и кропотливая работа, как эвакуация населения из зоны радиации, прошла оперативно и организованно. В этом заслуга в том числе и председателя Правительственной комиссии Б.Е. Щербины.

Получив сверхвысокую дозу облучения, Борис Евдокимович Щербина 4 мая был заменен заместителем Председателя Совета Министров СССР Иваном Степановичем Силаевым. Уехав из Чернобыля он тем не менее интересовался ходом ликвидации последствий и принимал участие в решении ее основных стратегических вопросов. Фактически он остался основным председателем Правительственной комиссии.

Эвакуация населения из Припяти - это только один, первый этап в работе председателя Правительственной комиссии, следующий был связан с эвакуацией населения из 10-ти и 30-км зоны.

Проводились и другие мероприятия, чрезвычайно важные и сложные как в техническом, так и в организационном плане: сбрасывание с вертолетов мешков с глиной, свинцом и двуокисью бора в разрушенный блок для гашения горящих ядерных материалов и создания фильтрующего слоя над его обломками для прекращения выбросов радионуклидов и аэрозолей из эпицентра взрыва, разборка завалов в условиях жесткого радиационного излучения, строительство «саркофага», дезактивация территории, возобновление работы трех сохранившихся энергоблоков, строительство нового города чернобыльских энергетиков Славутича и масса других, может быть, не таких заметных, но не менее важных, которыми занималась Правительственная комиссия под руководством Щербины.

Несгибаемая воля и характер Бориса Евдокимовича, его цепкий аналитический ум, способность подчинить всех участников интересам дела, непререкаемый авторитет и другие качества бесспорного лидера наиболее ярко проявились в первую ночь после катастрофы на Чернобыльской АЭС при принятии решения и оперативной реализации эвакуации населения из Припяти. Причем настолько ярко, что все остальное, продолжавшееся многие месяцы, казалось обычным, рутинным делом, просто затянувшейся командировкой.

Здоровье Б.Е. Щербины было надломлено именно в Чернобыле, где он получил дозу облучения не менее 200 бэр. Сам же он нисколько не считался с тем, какую опасность таило в себе радиационное поражение человека, которое проявляется через много лет после облучения.

Вспоминает В.Ф. Скляр, министр энергетики Украины, один из членов Правительственной комиссии, работавшей в Чернобыле в первых числах мая 1986 года: «Хочу подчеркнуть некоторые бросавшиеся в

глаза особенности поведения людей, работавших в штабе по ликвидации аварии (Правительственной комиссии Совета Министров СССР. - В.М.). Абсолютное большинство выглядело достойно, может быть несколько возбужденно. Глаза блестели ярче, речь отрывистее и четче, резче жестикулируя, и опять же многие стремились скорее действовать, чем вдумываться, анализировать и прогнозировать ход событий. Радиацию не замечали и игнорировали, не кланялись ей, как и пулям наши предки. Говорили со смешком, снисходительно, что-то вроде: «Ну сколько там пикает? А если перевести в секунду, так это совсем ничего». /6/

К счастью (или несчастью), приборов не было. Иначе было бы ясно, что «пикает» весьма прилично. Многие за сутки получали пожизненную дозу облучения. Тон задавал председатель, который по отношению к себе и близкому окружению считал вопросы, связанные с радиацией, неприличными и неуместными. Он вел себя так, как это было заведено среди кадровых военных испокон веков. Я бы сказал, с гусарским высокомерием и спокойно-презрительно. То есть объективно признавалась опасность радиации, но она намеренно не замечалась и практически в аспекте личной безопасности никогда не рассматривалась. Думается, что ее серьезно не принимали в расчет и при обсуждении других вопросов - в первое время, во всяком случае. Как-то стеснялись говорить на эту тему, что ли. Это не от незнания, а от склада характера и воспитания. В основном мы брали пример с начальника. Принцип «делай, как я» всегда убедительнее любых слов». /6/

Воздушная «карусель» Антошкина

Когда генерал Н.Т. Антошкин узнал, что для закупорки реактора требуется 5-6 тыс. т поглотителей, все как будто стало на свое место. Николай Тимофеевич и его помощники приступили к поиску новых решений выполнения поставленной задачи.

29 апреля по-настоящему широким фронтом развернулись работы по локализации катастрофы. Ликвидаторы впервые почувствовали, что их поддерживает вся страна: тысячи людей трудились на заготовке песка, в Чернобыль шли машины со свинцом. Над реактором кружили десятки вертолетов. Около разрушенного блока появились инженерные машины разграждения, которые имели нож бульдозера и специальный захват-манипулятор.

Хорошо потрудились вертолетчики в этот день при засыпке блока. За счет ускорения погрузки вертолетов и сброса мешков, а также

применения различных приспособления они повысили производительность своего адского труда.

В этот день в реактор было сброшено **190 т** грузов. Это был предел человеческих возможностей - так думали тогда все, кто принимал участие в этой работе. Но мнение Правительственной комиссии было неизменным: мало! Надо еще и еще увеличивать количество сбрасываемых поглотителей! /11/ К тому же увеличилось количество вводных, поступающих от Правительственной комиссии одна за другой.

Кроме «бомбардировки» реактора вертолетчикам приходилось

Дезактивация вертолета на полевом аэродроме «Малейки»

заниматься выполнением и других задач, например таких, как ведение радиационной разведки, перевозка членов Правительственной комиссии, обеспечение аэрофотосъемок, полеты в интересах научных исследований и многое другое.

В эти дни Николай Тимофеевич находился на пределе физических сил. От переутомления и недосыпания он боялся сойти с ума, но нужно было держаться, работать и искать решение увеличения количества сбрасываемых в реактор грузов.

Вертолетчики также выполняли задания на пределе физических и нервных сил. Страшила мысль, что люди не выдержат напряжения. Каждый член экипажа за один пролет над реактором получал от 4 до 6 рентген.

С каждым полетом вертолеты становились все более радиоактивными и опасными для полетов. Было от чего прийти в отчаяние.

Возникали мысли, что можно погубить всех летчиков и не выполнить задачу. Но для военного человека это чувство неуместно. Антошкин понимал, что необходимо мобилизовать все свои силы и думать, думать, забыв об опасности и нечеловеческой усталости. И продолжать думать, работать и думать, заставляя других делать то же. /11/

К исходу 29 апреля поступило распоряжение Правительственной комиссии, чтобы в связи с повышением радиационного фона в Припяти вертолетчики покинули площадку «Кубок-1» и перебазировались в другое место.

Это указание осложняло выполнение задачи, отработанной до мелочей, и требовало переработки полетных заданий. Кроме того, нужно было найти новые аэродромные площадки. Но приказ есть приказ. Площадки нашли там, где приказали, но работать по разрешению Б.Е. Щербины остались до конца 30 апреля на прежнем месте.

Еще одна тревожная ночь опустилась над городом. И опять было не до сна, работали с раннего утра до часа ночи. В перечень работ командира сводной авиационной группы ВВС входило следующее: санитарная обработка личного состава в бане, парилка в сауне, смена обмундирования и обуви, прием пищи, постановка задач, разбор полетов, дезактивация вертолетов, дозиметрический контроль, подготовка новых экипажей, прибывших на работу и многое, многое другое. Все дела шли потоком, как на конвейере.

При таком бешеном ритме сил экипажа хватало на сутки! Мало кто мог выдержать такое напряжение. Генерал-майор авиации Н.Т. Антошкин выдержал. Более того, он искал и находил пути увеличения количества сбрасываемых поглотителей, неустанно следил за тем, чтобы летчики выполняли требования безопасности полетов.

Беспокоила все еще малая производительность сбросов в аварийную зону. «Как же организовать массированную атаку на огнедышащий энергоблок? Есть ли какой-нибудь выход?» - терзал себя тяжелыми раздумьями генерал. Выход должен был быть, и он нашелся.

Много раз с воздуха и с земли Антошкин видел работающие портовые краны у причалов речного вокзала. Краны использовали гигантские сетки для погрузки грузов в трюмы кораблей. Так появилась идея применять для транспортировки и сброса грузов тормозные парашюты.

Эта идея всем понравилась. Приступили к ее реализации. За ночь списанные парашюты со всего Киевского военного округа доставили в район погрузки. Рано утром их опробовали - получилось все удачно. Но парашюты быстро закончились. Тогда поняли, что для транспортировки

грузов можно использовать и десантные парашюты. Сделали запрос в Генеральный штаб на десантные парашюты. Вскоре необходимое количество парашютов поступило в район Чернобыля.

Позже десантники шутили: «Генерал Антошкин разоружил две наши дивизии!» В общей сложности в аварийный реактор было сброшено более десяти тысяч десантных парашютов.

Но едва избавились от одной проблемы, как на летчиков навалилась другая: парашюты есть, а приспособления для транспортировки грузов на внешней подвеске для вертолетов Ми-6 и Ми-26 оказались одноразового действия - вместе с парашютами сбрасывались и приспособления. После возвращения с полета мощный вертолет оказывался в бездействии. И опять нужно было думать, что делать.

Изготовление подвесок генерал Н.Т. Антошкин организовал через местные и партийные органы власти Чернобыля и Чернигова. А затем, когда этого оказалось недостаточно, Б.Е. Щербина помог наладить их выпуск в Киеве.

Спасибо всем тем людям, которые, как и летчики, были одержимы одним общим стремлением: спасти попавшую в беду атомную электростанцию, окружающую природную среду, людей, живших в том краю!

С восхода до заката кружились над ЧАЭС вереницы вертолетов. Ритм работы был напряженным. Теперь летчики трудились с восхода и глубоко за полночь. А после этого необходимо было еще обсудить итоги непростого трудового дня, поставить задачи, организовать четкое взаимодействие служб, посоветоваться о том, что делать дальше. К полуночи или того позже командный состав освобождался от дел. А в пять часов - подъем. Опять все сначала. И все новые и новые вводные.

Очень трудно было будить летчиков по утрам - бедняги ругались и чуть не дрались спросонья. Наземный персонал на аэродромах спал на ходу. В других родах войск была такая же картина.

Генерал Антошкин от переутомления и недосыпания едва держался на ногах, он боялся, что перестанет соображать. Через четверо суток ему дали четыре часа на отдых. Антошкин посадил рядом с кроватью солдата и приказал: «Разбудить ровно через четыре часа». Для подстраховки солдата (чтобы не заснул) рядом с кроватью поставил цинковое ведро, в которое положил будильник, заведенный на четыре часа.

Ему казалось, что он только лег и не успел голову положить на подушку, а солдат уже кричал: «Товарищ генерал! Товарищ генерал!

Вставайте! Уже прошло четыре часа». Но все-таки это был отдых. Такое не забывается никогда! Это на всю оставшуюся жизнь!

После легкого завтрака летчики шли на работу - укрощать 4-й блок. После работы в радиационном облаке летчики заставляли себя париться в сауне - это было необходимо для выведения из организма радионуклидов, так врачи рекомендовали. После возвращения из Чернобыля еще очень долго летчики обходили десятой дорогой сауну. Как вспоминает генерал Антошкин: «Год после Чернобыля я не мог ходить в бани и сауны». /11/

Но главное всего была работа. Не сразу получалось прицельное попадание мешков в развалины реактора. Для повышения прицельности метания стали использовать артиллерийскую буссоль. С помощью этого прибора авианаводчик мог наводить борт на установленную дальность сброса, а заход по направлению на цель производил сам экипаж так, чтобы ветер не сносил груз в сторону и столб радиоактивного дыма оставался в стороне. Точность попадания улучшилась, но все же промахи случались.

Вопрос неточного сброса грузов поднимался и на разборах полетов. И генерал Н.Т. Антошкин причину промахов нашел. Раньше авианаводчик произносил одно короткое слово «Сброс!» И летчик, слыша эту команду, не успевал своевременно нажать на кнопку, чтобы сбросить груз. Речь шла о долях секунды, а вертолет уже пролетал за это время лишние метры. Тогда в команду наводчика по указанию Антошкина ввели дополнительное слово «Приготовиться», а затем «Сброс!». И точность попадания улучшилась. Генералу помог его опыт подготовки авианаводчиков.

30 апреля подвезли свинцовые пластины, дробь и болванки. Для защиты летчиков от радиации их сиденья обкладывали тонкими свинцовыми пластинами. Иногда на сиденье клали 1-2 листа свинца. Это снижало дозу облучения в 2-4 раза. На первый взгляд немного, но когда вертолет находился в высоких радиационных полях (500 Р/ч и больше), на летчиков действовало всего 250-125 Р/ч. Листами потолще выстилали полы грузовых отсеков вертолетов, особенно когда в воздух поднимали членов Правительственной комиссии.

К исходу 30 апреля вертолетчики сбросили более **500 т** глины, свинца и других нейтрализующих и поглощающих материалов. /11/

Когда утром 1 мая летчики вылетели на задание, они увидели в середине развала блока две ярко-красных точки. Это означало, что в этих местах прогорел фильтрационный слой. К 11.00, после продолжения засыпки, этого свечения уже было не видно. Генерал

доложил об этом Б.Е. Щербине, и лицо председателя комиссии посветлело. И тут же он поставил задачу по удвоению нормы сброса на 1 мая. /3/

И опять предстояло думать и находить резервы. И Николай Тимофеевич нашел решение вопроса увеличения сбрасываемых грузов. Для этого усовершенствовали устройство внешней подвески. Штатная подвеска позволяла крепить один-два парашюта, в каждый из которых загружали 1400-1500 кг грузов, а грузоподъемность вертолета доходила до 15 т. Летчики были недовольны тем, что шла недогрузка машин. И тогда вместо заводского устройства генерал Н.Т. Антошкин предложил другое, отличавшееся от прежнего конструктивно. Вместо набалдашника с отверстием оно имело удлиненный штырь с наварным кольцом большого диаметра. Это позволяло подвешивать на внешнюю подвеску несколько парашютов с грузами, что соответствовало грузоподъемности самого мощного вертолета Ми-26. Рисунки приспособления (не чертежи, а рисунки) Николай Тимофеевич передал на заводы, и в считанные часы в район погрузки стали поступать модернизированные устройства для внешней подвески.

Так оперативно, как на войне, решались вопросы в Чернобыле. Люди всей душой старались помочь летчикам. При этом они просили об одном: точно ставить задачи, объясняя конкретно, что нужно и когда нужно сделать и куда доставить.

Но этого было недостаточно для удвоения количества сбрасываемых поглотителей. И тогда Н.Т. Антошкин понял, что нужно изменить тактику сбрасывания грузов. Найти ключ к решению этой проблемы помог фронтовой опыт летчика-новатора, дважды Героя Советского Союза генерала И.С.Полбина, командира бомбардировочного авиационного корпуса, погибшего в 1945 году в районе Кенигсберга (Калининграда) во время штурмовки вражеских войск. Разработанный им тактический прием, известный как «Полбинская вертушка», позволил в годы войны многократно повысить эффективность боевого применения пикирующих бомбардировщиков Пе-2 и снизить боевые потери.

В соответствии с указаниями командующего ВВС округа генерал-лейтенанта Н. Крюкова по обеспечению безопасности выполняемых задач генерал-майор Н. Антошкин, полковники Б. Нестеров и А. Серебряков усовершенствовали известную «вертушку»: провели необходимые расчеты и каждой группе однотипных вертолетов выделили свою площадку, тщательно рассчитали время и рубежи ввода их групп в свои круги. Получилась «вертушка» горизонтальная.

Одновременно в полете действовали три «вертушки». Зрелище уникальное: вертолеты взлетали, зависали, а затем с каждой площадки шли по своим маршрутам до рубежа начала боевого курса. Далее все шли друг за другом по одному боевому пути до сброса грузов, после сброса каждый вертолет уходил по своему кругу на площадку погрузки. Так «полбинская вертушка» стала прототипом «вертушки» Антошкина.

Нужно было постоянно думать, работать и думать, забыв об опасности и нечеловеческой усталости

Новая тактика сбросов и техническое усовершенствование механизма сбрасывания позволили еще на четверть увеличить сброс поглотителей. К тому же организовали четкое взаимодействие экипажей и группы управления на земле и в воздухе. /11/

Интенсивная засыпка песком и свинцом активной зоны 4-го блока с вертолетов заметно снизила выход продуктов горения и радиоактивных элементов в окружающую среду (по американским данным, на фотоснимках Чернобыльской АЭС со спутников 30.04.86 уже не видно шлейфа, идущего из горящей активной зоны). Но с вертолетов горение еще просматривалось. Сброс песка приводил к образованию в районе блока пылевого облака, осаждавшего

радиоактивные аэрозоли здесь же, на месте, уменьшая при этом разность радиоактивности на большие расстояния.

На Лелевском вертодроме 1 мая работа шла полным ходом. Вертолет за вертолетом зацепляли грузы и уходили на цель. Бортов было очень много. Воздух дрожал от тяжелого гула винтов. Росли горы свинцовых болванок, листов, заполненных свинцовой дробью мешков. На этой площадке было много руководителей, в том числе местных, организующих эту работу. Летчики и рабочие в этот день трудились с полным напряжением сил: подвешивали и сбрасывали материалы-поглотители, увеличивающие толщину защитного слоя над развалинами аварийного энергоблока. До позднего вечера крутилась над АЭС гигантская карусель.

Праздничный Первомай завершился высокими результатами труда авиаторов. Когда 1 мая генерал-майор Н.Т. Антошкин доложил членам Правительственной комиссии о том, что в аварийный блок сброшено **1100 т** грузов, все заулыбались, встали и дружно зааплодировали. Председатель госкомиссии всем летчикам объявил благодарность. Он попросил поздравить всех летчиков, а затем... поставил на 2 мая еще более объемную задачу. /3/

2 мая погода изменилась. В сторону Киева подул сильный ветер. По просьбе исполняющего обязанности командующего войсками Киевского военного округа генерал-лейтенанта Фомина вертолетчики временно прекратили сброс грузов, чтобы радиоактивная пыль не дошла до столицы Украины.

Во второй половине дня направление ветра изменилось, и авиация продолжила свою работу. В этот день они сбросили в реактор более **600 т** поглотителей и нейтрализаторов. /11/

Самоотверженный труд вертолетчиков по засыпке реактора отметила Правительственная комиссия в протоколе от 2 мая.

3 мая произошла замена председателя Правительственной комиссии и членов комиссии. Вместо Бориса Евдокимовича Щербины прибыл Иван Степанович Силаев, заместитель Председателя Совета Министров СССР. В прошлом - министр авиационной промышленности.

В этот день в реактор сброшено **1100 т** поглотителей. /11/ Сменилась и команда ученых. Вместо В.А. Легасова, возглавлявшего науку в Правительственной комиссии, прибыл Е.П. Велихов.

**Беседа Б.Е. Щербины с генералом Н.Т. Антошкиным.
3 мая 1986 года**

Перед отъездом из Чернобыля Б.Е. Щербина вызвал к себе генерала Н.Т. Антошкина и вручил ему выписку из заседания Правительственной комиссии. Просил беречь ее как память — а вдруг пригодится?!

Работы по сбрасыванию поглотителей в следующие дни продолжались. Защитный слой над аварийным реактором наращивался с каждым днем. Уровни радиации и температура на высоте 200 м существенно снизились. Это была победа!

Свинцовая «атака»

Но вместе с тем у вертолетчиков в это время образовалась новая проблема - массовый сброс свинцовых болванок. Что только с ними ни делали: и в мешки их загружали, и обматывали тряпками, но 40-50-кг болванки с заусеницами не удерживались в упаковке, прорывали ее и выпадали. Бывали случаи, когда грузы не долетали до цели, и падали где-то рядом, вызывая беспокойство людей. /3/

С подсказки одного рабочего приняли решение обвязывать свинцовые слитки парашютными стропами и так, в виде связки, крепить их на внешнюю подвеску. Выходило, что вместо мешков в куполе парашюта можно было подвесить 28 связок на стропах. Теперь уже загружали по 1400 кг в один парашют. На Ми-26 цепляли до 15 т, на Ми-6 - до 9 т, Ми-8 МТ - 4 - 5 т.

Все эти действия оказались очень своевременными, так как после образования над развалинами реактора защитно-фильтрационного слоя, накрывшего как «одеялом» зону горения, в ней стала расти температура, приближавшаяся к температуре плавления ядерного горючего, что и было зафиксировано на снимках, в замерах и наблюдениях, проводимых специалистами.

С первого дня локализации катастрофы генерал Н.Т. Антошкин обо всех результатах работы летчиков докладывал председателю Правительственной комиссии, военным специалистам (прежде всего генералу В.К. Пикалову) и ученым.

3 мая на вечернем заседании Правительственной комиссии после долгих споров и совещаний вертолетчикам поставили задачу: сброс песка, глины и других поглотителей прекратить, сбрасывать только свинец.

4 мая летчики и технический персонал, обязанности которого выполняли военнослужащие (так называемые «партизаны». - В.М.) 371 спецбатальона Гражданской обороны, понимая, что близится завершение работ, трудились с максимальным напряжением сил. С 7 и до 21 ч вертолет за вертолетом пролетали над реактором, сбрасывая в него от 4 до 15 т. Журналисты называли эти полеты «свинцовой «атакой». Это действительно была атака винтокрылых машин на разверзшееся исчадие ада. Мощная атака - **1500 т** свинца за один день. И все точно в цель.

Но случались и просчеты. Был случай, когда случайно сорвалась связка парашютов и, не долетев далеко до цели, упала в огород крестьянского хозяйства в селе Копачи, перепугав чуть ли не до смерти хозяйку. Пришлось запретить пролет не только над селами, но и над огородами. /3/

Поступали жалобы от дежурных смен, работавших на АЭС, что якобы во время сбросов на реактор дрожат все помещения остановленных энергоблоков, а сами грузы летят не туда, куда положено (однажды проломили крышу машинного зала 3-го блока).

Генерал Н.Т. Антошкин поднял в воздух академика Е.П. Велихова, чтобы убедить его в точности сбрасывания свинца в развалины блока.

Сбрасываемые грузы не могли не сотрясать помещения, если с высоты 200 м в реактор падало по 5, 10, а потом и 15 т свинца! Да там земля гудела! Если перевести тонны в килограммы и умножить на 200 м, то сколько килограммометров весила сила такого удара? Подумать страшно!

Академик Евгений Павлович Велихов, увидев реальную точность попадания и услышав доводы генерала, высказал опасения и просил летчиков не очень точно сбрасывать свинец, а то, мол, могут не выдержать несущие конструкции реактора. Однако по-другому сбрасывать было невозможно.

5мая в реактор сбросили **500 т** свинца. /11/

В общей сложности на реактор было сброшено 2500 т свинца. К счастью конструкция выдержала, и температура в зоне горения реактора уменьшилась. Кроме того, свинец значительно снизил уровни радиации над разломом энергоблока. Теперь приборы на высоте 200 м фиксировали 30-60 Р/ч вместо тысяч! Ради этого стоило рисковать собой!

После героических действий пожарных вертолетчики завершили второй, не менее сложный и напряженный период локализации катастрофы - сброс поглощающих и нейтрализующих материалов в активную зону реактора и тушение горящих в ней радиоактивных материалов.

6мая по приказу командующего войсками Киевского военного округа генерал-майор авиации Н.Т. Антошкин покинул района Чернобыля. Ему на смену прибыл генерал-майор авиации Феокистов.

После окончания засыпки реактора по телевидению выступил Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев. Район катастрофы посетил Председатель МАГАТЭ Х. Бликс. В Чернобыль приехали журналисты, кинооператоры, телевизионщики, фоторепортеры, артисты.

После возвращения из Чернобыля генерал Н.Т. Антошкин еще 20 раз ездил туда для выполнения различных заданий командования Киевского военного округа и ВВС округа до июля 1988 года.

В их честь фанфары не звучали

Для полноты представления о подвиге авиаторов и командира сводного авиационного отряда следует привести слова Б.Е. Щербины, сказанные в адрес генерала Антошкина: «Нам повезло, что в тот период

во главе авиационного отряда оказался такой молодой, энергичный и инициативный генерал». /10/

Да, стране и ее народу повезло, что у нас родился, вырос и совершил свой подвиг Николай Антошкин!

О героизме авиаторов написано и сказано, очень мало. Нашему народу есть кем и чем гордиться. Есть у нас герои, есть крылатое племя, которое не дрогнуло в войне с радиацией. Ни один летчик не свернул с боевого курса. Ни один специалист наземных служб не покинул своего поста без приказа. Ни один человек не погиб при выполнении боевого задания, хотя опасности было предостаточно. Каждый экипаж вместо 3-4 вылетов, выполнял 15-20 (с транспортировкой грузов на внешней подвеске!), а иногда и более. «По результатам работы первых экипажей

с 27 по 30 апреля 1986 года экипаж гвардии подполковника Ю.Н. Яковлева выполнил 76 полетов на реактор, сбросив при этом 59500 кг грузов». /55/

Разрушенный энергоблок после его «закупорки», выполненной армейской авиацией

Многих после этих опасных для здоровья полетов тошнило, рвало, но они снова и снова поднимались в воздух. Некоторых летчиков генералу Н.Т. Антошкину приходилось буквально выгонять из района Чернобыля вследствие полученной ими предельно дозы облучения.

Лучшие помощники генерала Антошкина полковники Б. Нестеров А. Серебряков были способны на выполнение самых сложных, может быть невыполнимых действий, вероятно даже самосожжение, или, как Данко, вырвать свое сердце, лишь бы выполнить боевую задачу. Николай Тимофеевич безмерно им благодарен за оказанную помощь и примеры, подаваемые подчиненным. За то, что ребята, так же как и он

сам, изматывались при выполнении боевых задач, забывая об отдыхе, еде, сне, здоровье.

Но радиационное облучение не проходит бесследно. Никто из вертолетчиков не знал свою дозу облучения - не до того было. Позже, по оценке специалистов, оказалось, что доза облучения летчиков руководящего звена составляла не менее 500-600 бэр. После возвращения в свои части летчики тяжело болели. Трижды тяжело болел Николай Тимофеевич, трижды пришлось ему выводить радиацию из организма. Генерал Н.Т. Антошкин за десять суток в Чернобыле потерял почти 11 кг. Доза его только внешнего облучения составила более 600 бэр.

Выполняя свой воинский долг, авиаторы не помышляли о славе и наградах. После решения поставленных перед ними задач их направляли в госпитали на медицинское обследование, а затем - в части для продолжения дальнейшей службы.

Сводная вертолетная группа в период с 27 апреля по 15 мая 1986 года сбросила в реактор более 5 тыс. т различных материалов, в том числе 10 т соединений бора (эффективный поглотитель нейтронов), 600 т доломитовой глины и около 1800 т песка (фильтрующий слой, уменьшающий радиоактивный выброс), более 2500 т свинца (поглотитель выделяющегося тепла). Это официально. А на самом деле сбрасывали гораздо больше, как позднее признавался генерал Н.Т. Антошкин Б.Е. Щербине. Он сознательно обманывал его, чтобы тот не увеличил ежедневные нормы, боясь их не выполнить. Борис Евдокимович улыбнулся, услышав признание, и ответил: «Если бы все в стране делали больше, а докладывали меньше, то мы, наверное, уже жили при коммунизме!»

За указанный период произведено в общей сложности более 4,3 тыс. вертолето-вылетов. В выполнении этой операции участвовало 600 вертолетчиков ВВС Сухопутных войск Советской Армии.

Родина помнила о героях Чернобыля. Многие летчики, штурманы, авиаспециалисты награждены орденами и медалями, грамотами Правительственной комиссии. Труд генерал-майора авиации Н.Т. Антошкина в те дни был отмечен присвоением звания Героя Советского Союза.

Указом Президиума Верховного Совета от 24 декабря 1986 года №6245-ХІ «За личный вклад в успешное проведение работ по ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС, устранение ее последствий и проявленное при этом мужество и героизм «Антошкину Николаю

Тимофеевичу присвоить звание Герой Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Авиаторов, заслуживающих присвоения высокого звания Героя Советского Союза было несколько. Генерал Н.Т. Антошкин представил к присвоению этого высокого звания летчиков Б. Нестерова, А. Серебрякова, Ю. Яковлева, Войтко.

Невольно вспоминаются слова Александра Ивановича Покрышкина об истоках мужества и героизма в воздушных боях: «Самым главным, самым священным для меня был всегда долг перед Родиной. Я не останавливался перед трудностями, если они вставали на моем пути, не хитрил ни перед собственной совестью, ни перед товарищами. В бою старался как можно лучше выполнить поставленную задачу, нанести врагу как можно больший урон». /7/

И вот Чернобыль. Больше сорока лет прошло после войны. Другие времена, иная обстановка, необычные задачи. Но каждый из находившихся в зоне катастрофы испытывал те же чувства, такую же потребность поступать по долгу и совести, о которых говорил маршал авиации А.И. Покрышкин. Уверен, это тот случай, когда высоких слов стыдиться не нужно.

Каждый подвиг уникален, и в каждом есть чувство большой любви к Родине, сознание ответственности за ее благополучие, верность общечеловеческим идеалам, понимание задач, определенных военной присягой, приказами командиров и начальников. Военнослужащие, авиаторы, ученые, врачи в Чернобыле в критической ситуации, не колеблясь, шли на риск, совершали героические поступки.

Меняются поколения авиаторов, уже не дети - внуки фронтовиков становятся в крылатый боевой строй. Равняясь на подвиги героев Великой Отечественной войны и своих современников, сильные духом и мастерством, они всегда начеку, в любую минуту готовы с честью выполнить свой патриотический долг. И нет такой силы, которая

Вручение знаков высшего отличия СССР генерал-майору авиации
Н.Т. Антошкину в Кремле. 14 января 1987 года

заставила бы наследников боевой славы и традиций Военно-Воздушных Сил свернуть с заданного курса.

Генерал-полковник Николай Тимофеевич Антошкин - командир небесных ликвидаторов последствий чернобыльской радиационной катастрофы, яркий представитель героев-авиаторов, совершивших на войне с радиацией невозможное, имя которому - подвиг. Он никогда не прятался за своих подчиненных, а был впереди или рядом с ними.

Перспектива 2. Не омрачайте память сомнениями

После чернобыльской катастрофы появились публикации, содержащие переоценку решений, принятых в первые часы и дни локализации и ликвидации последствий катастрофы.

Особенно много суждений о том, нужно ли было гасить ядерный огонь в разрушенном реакторе, а затем герметизировать его поглощающими и нейтрализующими материалами авиацией. Мнения - разные, в том числе и противоположные.

Одни до сих пор утверждают, что с разрушенным и горящим блоком ничего делать не стоило, мол, само бы все прогорело. Другие настаивают на том, что необходимо было еще больше разрушить реактор для стабилизации состояния топлива. Существует и третье суждение, которое оправдывает действия, предпринятые в Чернобыле.

Если бы не засыпали разрушенный блок сверху поглотителями, он горел бы не менее четырех месяцев. Расчеты - расчетами, но, сколько бы горело содержимое разрушенного блока на самом деле, не знает и теперь уже не узнает никто и никогда. Гасить реактор было необходимо, ибо он постоянно извергал в атмосферу радиоактивность, распространяющуюся по всей планете.

Повышенный уровень радиации зарегистрировали утром 28 апреля 1986 года в ядерной лаборатории Стадсвик шведской энергетической исследовательской станции, расположенной на берегу Балтийского моря, в 75 километрах к юго-западу от Стокгольма. Показания прибора радиационного контроля увеличились в 10-15 раз по сравнению с нормой, и немедленно начались поиски объяснения этому явлению.

Более высокие значения фона наблюдались и в других контролируемых местах. В течение утренних часов была получена информация о повышенном уровне радиации на АЭС «Форсмак», расположенной в 100 км к северу от Стокгольма.

Из соотношения между Cs-137 (цезием-137) и Cs-134 (цезием-134) и знания направления ветра шведы смогли быстро определить, что загрязнение было вызвано выбросом из ядерного реактора к востоку от Швеции, но не от испытаний ядерного оружия.

На поверхности земли обнаружили двукратное увеличение степени радиоактивной загрязненности. Мощность экспозиционной дозы излучения (уровень радиации) возросла от обычных значений в 25-30 раз. Из показаний самописца заключили, что радиоактивное облако достигло Стадсвика 27 апреля 1986 года в 2 ч дня.

Огненный столб горящих радиоактивных материалов во время взрыва взметнулся в небо на высоту более километра. Радиоактивные облака очень быстро разносились в атмосфере во всех направлениях розы ветров по всей планете.

28-29 апреля повышенный радиационный фон зарегистрирован практически во всех странах Западной Европы, руководители которых

начали звонить в Кремль и требовать объяснений. Правительство Советского Союза как могло оправдывалось и заверяло, что авария незначительная и все ее последствия скоро будут ликвидированы.

Поэтому горящий реактор требовалось срочно закрыть. От скорости решения этого зависели судьба планеты и престиж СССР. Изолирующий слой (в существовании которого некоторые сомневаются до сих пор), образовавшийся из сброшенных поглощающих материалов, был создан за четыре дня, и постоянные выбросы радиоактивности в атмосферу прекратились. Тем не менее, происходили единичные «выхлопы», от которых радиоактивность высоко вверх не поднималась и, следовательно, далеко от станции не распространялась.

Необходимо также отметить, что во время сбросов песка над разрушенным блоком поднимались тучи пыли. Да, это правда. Противники такого метода злорадствовали: «Ну посмотрите, что творится! Мы же предупреждали!» Но пыль вскоре оседала и, осаждаясь вниз, захватывала аэрозоли радионуклидов. И хотя во время самих сбросов радиационный фон незначительно повышался, после осаднения пыли он снижался в разы.

Поэтому, учитывая все плюсы и минусы этих шагов, отсутствие опыта тушения радиационных пожаров, напряженную обстановку и недостаток времени на принятие какого-либо альтернативного решения, то действия, предпринятые в Чернобыле, следует считать правильным.

К тому же *при непрерывно «дышащем» блоке, при постоянных выбросах из жерла радиоактивных продуктов, не имело смысла приступать к ликвидации последствий катастрофы* (курсив мой. - В.М.). Зачем удалять с земли и поверхности объектов радиоактивные вещества, если они сверху непрерывно осаждаются?

К чему до сих подвергать сомнению решения и действия людей, оказавшихся в экстремальных условиях? Пусть каждый, кто рассуждает подобным образом, поставит себя на место ученых и членов Правительственной комиссии и попробует осознать и прочувствовать обстановку тех горячих денечков. И скажет, что нужно было сделать и как. Никто из них ничего не скажет. /11/

Не стоит умничать и подвергать сомнению решения и действия мужественных и самоотверженных ликвидаторов последствий чернобыльской катастрофы. Нужно быть благодарными им за все то, что они сделали во имя спасения жизни.

f

Спрос и предложение

27 апреля → 765 м
28 апреля → 90 м
29 апреля → 190 м (второй взлет)
30 апреля → 500 м (поступил бой, восток, восток)
1 мая → 1100 м (реактора и башня не стали видны)
2 мая → 7600 м (троем пилотов, восток, к 1100 м взлет)
3 мая → 1100 м (командир башни и англоязычные)
4 мая → 1500 м (по приказу командира)
5 мая → 500 м (Феллини, переименование района)
6 мая → 1100 м (восток был в стороне Кильва)
7 мая → 1500 м (и мне извержение 9-й волны)
8 мая → 1500 м (убыл 1-й командир 4-й)
9 мая → 1500 м (2-й командир 4-й)
10 мая → 1500 м (3-й командир 4-й)
11 мая → 1500 м (4-й командир 4-й)
12 мая → 1500 м (5-й командир 4-й)
13 мая → 1500 м (6-й командир 4-й)
14 мая → 1500 м (7-й командир 4-й)
15 мая → 1500 м (8-й командир 4-й)
16 мая → 1500 м (9-й командир 4-й)
17 мая → 1500 м (10-й командир 4-й)
18 мая → 1500 м (11-й командир 4-й)
19 мая → 1500 м (12-й командир 4-й)
20 мая → 1500 м (13-й командир 4-й)
21 мая → 1500 м (14-й командир 4-й)
22 мая → 1500 м (15-й командир 4-й)
23 мая → 1500 м (16-й командир 4-й)
24 мая → 1500 м (17-й командир 4-й)
25 мая → 1500 м (18-й командир 4-й)
26 мая → 1500 м (19-й командир 4-й)
27 мая → 1500 м (20-й командир 4-й)
28 мая → 1500 м (21-й командир 4-й)
29 мая → 1500 м (22-й командир 4-й)
30 мая → 1500 м (23-й командир 4-й)
31 мая → 1500 м (24-й командир 4-й)
1 июня → 1500 м (25-й командир 4-й)
2 июня → 1500 м (26-й командир 4-й)
3 июня → 1500 м (27-й командир 4-й)
4 июня → 1500 м (28-й командир 4-й)
5 июня → 1500 м (29-й командир 4-й)
6 июня → 1500 м (30-й командир 4-й)
7 июня → 1500 м (31-й командир 4-й)
8 июня → 1500 м (32-й командир 4-й)
9 июня → 1500 м (33-й командир 4-й)
10 июня → 1500 м (34-й командир 4-й)
11 июня → 1500 м (35-й командир 4-й)
12 июня → 1500 м (36-й командир 4-й)
13 июня → 1500 м (37-й командир 4-й)
14 июня → 1500 м (38-й командир 4-й)
15 июня → 1500 м (39-й командир 4-й)
16 июня → 1500 м (40-й командир 4-й)
17 июня → 1500 м (41-й командир 4-й)
18 июня → 1500 м (42-й командир 4-й)
19 июня → 1500 м (43-й командир 4-й)
20 июня → 1500 м (44-й командир 4-й)
21 июня → 1500 м (45-й командир 4-й)
22 июня → 1500 м (46-й командир 4-й)
23 июня → 1500 м (47-й командир 4-й)
24 июня → 1500 м (48-й командир 4-й)
25 июня → 1500 м (49-й командир 4-й)
26 июня → 1500 м (50-й командир 4-й)
27 июня → 1500 м (51-й командир 4-й)
28 июня → 1500 м (52-й командир 4-й)
29 июня → 1500 м (53-й командир 4-й)
30 июня → 1500 м (54-й командир 4-й)
1 июля → 1500 м (55-й командир 4-й)
2 июля → 1500 м (56-й командир 4-й)
3 июля → 1500 м (57-й командир 4-й)
4 июля → 1500 м (58-й командир 4-й)
5 июля → 1500 м (59-й командир 4-й)
6 июля → 1500 м (60-й командир 4-й)
7 июля → 1500 м (61-й командир 4-й)
8 июля → 1500 м (62-й командир 4-й)
9 июля → 1500 м (63-й командир 4-й)
10 июля → 1500 м (64-й командир 4-й)
11 июля → 1500 м (65-й командир 4-й)
12 июля → 1500 м (66-й командир 4-й)
13 июля → 1500 м (67-й командир 4-й)
14 июля → 1500 м (68-й командир 4-й)
15 июля → 1500 м (69-й командир 4-й)
16 июля → 1500 м (70-й командир 4-й)
17 июля → 1500 м (71-й командир 4-й)
18 июля → 1500 м (72-й командир 4-й)
19 июля → 1500 м (73-й командир 4-й)
20 июля → 1500 м (74-й командир 4-й)
21 июля → 1500 м (75-й командир 4-й)
22 июля → 1500 м (76-й командир 4-й)
23 июля → 1500 м (77-й командир 4-й)
24 июля → 1500 м (78-й командир 4-й)
25 июля → 1500 м (79-й командир 4-й)
26 июля → 1500 м (80-й командир 4-й)
27 июля → 1500 м (81-й командир 4-й)
28 июля → 1500 м (82-й командир 4-й)
29 июля → 1500 м (83-й командир 4-й)
30 июля → 1500 м (84-й командир 4-й)
31 июля → 1500 м (85-й командир 4-й)
1 августа → 1500 м (86-й командир 4-й)
2 августа → 1500 м (87-й командир 4-й)
3 августа → 1500 м (88-й командир 4-й)
4 августа → 1500 м (89-й командир 4-й)
5 августа → 1500 м (90-й командир 4-й)
6 августа → 1500 м (91-й командир 4-й)
7 августа → 1500 м (92-й командир 4-й)
8 августа → 1500 м (93-й командир 4-й)
9 августа → 1500 м (94-й командир 4-й)
10 августа → 1500 м (95-й командир 4-й)
11 августа → 1500 м (96-й командир 4-й)
12 августа → 1500 м (97-й командир 4-й)
13 августа → 1500 м (98-й командир 4-й)
14 августа → 1500 м (99-й командир 4-й)
15 августа → 1500 м (100-й командир 4-й)

ЗВС за всё время выполнили по ЧАЭС 7
28 тысяч самолётов и вертолёт-вылетов

- на разработку > 4300
- на дезактивацию > 6400
- на перевозку 1/с и урзоб > 13000
- на засылку грунта в реактор, опускание приборов и ртутный контроль окк. 4300

За первые дни массового охвата ≈ 4000 чел.

За первые 5 месяцев ≈ 17000 вылетов (а за первые 7 дней ≈ 4000 вылетов — вот какая интенсивность в первые дни)

Сведения о работе, проделанной сводной авиационной группой при локализации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС (с мая 1986-го по август 1988 г.). Выполнены Н.Т. Антошкиным

Ващук Николай Васильевич

Родился 5 июня 1959 года в селе Велика Хайтча Овручского района Житомирской области в крестьянской семье, после окончания средней школы работал на заводе «Большевик».

В 1978-1980 г. служил в Советской Армии. После увольнения в запас поступил на работу в СВПЧ-6 города Припять на должность пожарного. При тушении пожара на 4-м блоке Чернобыльской АЭС 26 апреля 1986 года сержант внутренней службы руководил действиями пожарного отделения.

По команде начальника караула лейтенанта В.Н. Кибенка сержант Н.В. Ващук поднялся на отметку центрального зала (+35,6 м) реактора, осмотрелся, оценил обстановку и заглянул в разлом на реактор. В лицо пахнуло жаром. На миг глаза ослепило от яркого сине-зеленого света, который мгновенно пронизывал и сковывал тело, вызывая жуткое онемение во всем теле и неведомый страх.

Такое ощущение возникает у человека от действия потока ионизирующего излучения мощностью экспозиционной дозы не менее 30000 Р/ч, мгновенно убивающего все живое. Однако Николай Ващук не знал этого. Он не погиб благодаря молодости и отменному здоровью. Только спустя мгновение почувствовал слабость, недомогание, тяжесть и усталость. Сержант мог бы покинуть пост, но отважный огнеборец выполнял свою боевую задачу там, где он был нужен больше всего.

Огонь бушевал и ревел, местами поднимаясь выше человеческого роста. Ноги вязли в расплавленном битуме. Едкий дым вызывал слезотечение и удушливый кашель. Но пожарный все тушил и тушил огонь, не зная, что больше, чем огонь видимый, его сжигает огонь невидимый, радиационный.

Невероятно, необъяснимо, как может человек после одномоментного получения такой большой дозы облучения жить. Но Николай Ващук не только жил, он продолжал бороться с огнем и выполнял свой воинский долг, не понимая, что сознание уже оставило его и он, как профессионал, действует в автоматическом режиме и в полубессознательном состоянии. Ему виделось, что он продолжает

тушить ревущий огонь... Бесчувственного сержанта Ващука из огня вынес старший сержант В.И. Игнатенко.

Очнулся Николай внизу. Ребята шутили, пытаясь привести его в чувство. Ему хотелось улыбнуться и в ответ сказать что-то смешное. Но внезапная тошнота и рвота прервали ход мыслей и оборвали сознание.

Вечером 26 апреля Николая Васильевича в составе первой партии облученных отправили в 6-ю клиническую больницу Москвы.

Н.В. Ващуку провели лечение, показанное при острой лучевой болезни, но доза облучения оказалась слишком большой.

28 апреля в Москву в клинику приехали его жена Антонина Михайловна и сестра Любовь Васильевна. Николай, получивший дозу облучения более 1000 Р, в первые дни, как и другие ребята чувствовал себя терпимо. Тем не менее, его состояние постоянно и стабильно ухудшалось: тело стало темным от радиационного ожога, гортань распухла, говорил с трудом. Из-за того, что слезистая и пищевод оказались обожженными радиацией и высокой температурой, он не мог ни есть, ни пить.

Невзирая на боль и страдания Ващук держался бодро, надеялся на поправку. Он не сомневался в том, что выздоровеет, но доза облучения была слишком высокой (с первой степенью лучевой болезни (600 Р) выживали единицы, его же доза превышала смертельную почти в полтора раза).

Сержант внутренней службы Николай Васильевич Ващук умер в 6-й клинической больнице Москвы 14 мая 1986 года.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 сентября 1986 года «За мужество, героизм и самоотверженные действия при ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС» сержант внутренней службы Николай Васильевич Ващук награжден орденом Красного Знамени (посмертно).

Указом Президента Украины от 21 апреля 2006 года №328/2006 Ващуку Николаю Васильевичу присвоено звание Героя Украины (посмертно).

Водолажский Василий Александрович

Родился 9 февраля 1937 года в селе Хотомля Волчанского района Харьковской области Украины в семье рабочего. В 1954 году окончил харьковскую среднюю школу №13, в 1959 году 160-е военное авиационное училище в Пугачеве Саратовской области. В 1960-1988 годах проходил службу в авиационных частях Белорусского военного округа. Весной 1986 года полковник В.А. Водолажский был назначен заместителем командира 65-го отдельного вертолетного полка (26-я воздушная армия, Белорусский военный округ).

**Курсант 160 военного авиационного училища В.А. Водолажский.
Рисунок неизвестного автора**

С июля 1986 года полковник В.А. Водолажский принимал участие в ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС в составе сводного авиационного отряда армейской авиации в должности командира отряда.

Предельно допустимую дозу радиоактивного облучения летчики получали через 10-15 дней полетов над реактором. Полковник В.А. Водолажский работал в Чернобыле 3 месяца.

Будучи военным летчиком 1-го класса и командиром сводного авиационного формирования, В.А. Водолажский обучал пилотов полетам и маневрам с тяжелыми и крупногабаритными грузами на внешней подвеске, снайперскому сбрасыванию грузов в жерло реактора. Лично обучил 33 экипажа правилам сброса поглощающих материалов на обломки разрушенного реактора.

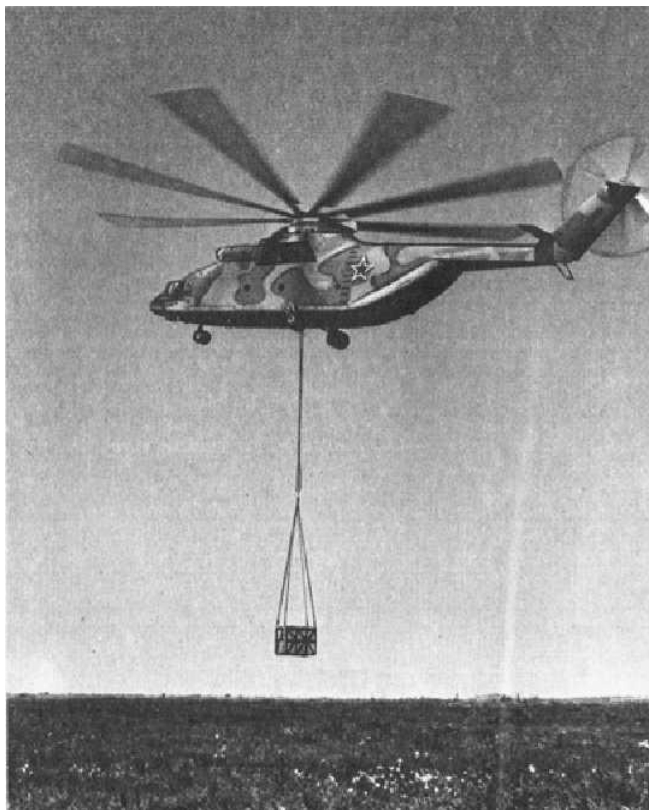
Командиру авиагруппы полковнику В.А. Водолажскому можно было только управлять подчиненными и координировать их действия, но он сам вылетал на опасные и ответственные задания — участвовал в уникальных операциях, выполняемых совместно с летчиками-испытателями Летного испытательного института Министерства авиационной промышленности. Он устанавливал и снимал специальные устройства («промокашки») по очистке крыши машинного зала 3-го ЭБ, монтировал тяжелое фильтровентиляционное оборудование для подачи очищенного воздуха в работающие помещения АЭС.

На вертолете Ми-6 в Чернобыле полковник В.А. Водолажский совершил 120 вылетов на разрушенный реактор, сбросил в него около 300 т специальных веществ. Часто его вертолет снижался вдвое ниже установленной высоты.

В августе 1986 года в чернобыльской зоне отчуждения произошла удивительная встреча двух замечательных людей впоследствии ставших героями России посмертно, - Анатолия Демьяновича Грищенко и Василия Александровича Водолажского. Профессионалы-авиаторы, они работали вместе и занимались своим обычным делом - выполняли полеты повышенной сложности и доставляли тяжеловесные и крупногабаритные грузы на внешней подвеске на объекты Чернобыльской АЭС.

Военный корреспондент подполковник В. Пинчук написал статью о совместной работе авиаторов: «На подмену вертолетчиков сводного отряда прислали нескольких виртуозов из Летного испытательного института. Среди них особенно выделялся заслуженный летчик-испытатель СССР Анатолий Демьянович Грищенко. Высокого роста, плотного телосложения, балагур и весельчак, он вызывал у всех восхищение. А как Грищенко работал! То, что большинство осваивало со второго или третьего захода, для него, летчика от Бога, все было привычно и просто.

Летали в Чернобыле днем и ночью... Полковник Водолажский, как всегда, самые ответственные работы брал на себя. Чего только стоила, например, операция по очистке крыши машинного зала от обломков радиоактивного графита. Сперва их облили клеящим раствором, потом накидывали сверху сеть. Чтобы снять смертоносный улов, вертолет Водолажского снижался до 130 метров - почти в три раза ниже отметки,

Доставка тяжеловесного груза на короткой внешней подвеске на Чернобыльскую АЭС

оговоренной приказом. Это был тот самый случай, когда за его нарушение не наказывали, а поощряли...» /19/

Полковник В.А. Водолажский вернулся из Чернобыля, имея на руках справку об индивидуальной дозе облучения 24,8 Р вместо 10 официально установленных тогда. Индивидуальных дозиметров у вертолетчиков не было, и никто из них точно не знал, какую получил дозу облучения.

Возвратившись из Чернобыля в свою часть, полковник В.А. Водолажский отказался от отпуска и сразу приступил к исполнению служебных обязанностей, так как в части начинались учения.

Как ни крепился, как ни держался мужественный офицер, не обращая внимания на недомогания, слабость, быструю утомляемость и другие симптомы, но болезнь все же сразила его.

Военные врачи, ссылаясь на распоряжение начальника Главного военно-медицинского управления Советской Армии, не связывали его заболевание с облучением, полученным при ликвидации последствий чернобыльской катастрофы. Вместо экстренной помощи и своевременного лечения больным ликвидаторам ставили неправильные диагнозы.

Полковник В.А. Водолажский (крайний справа) в группе летчиков и технического персонала

В 1987 году из-за ухудшения здоровья полковника А.В. Водолажского направили в Центральный военный клинический госпиталь им. Н.Н. Бурденко в Москву. Более полугода его безуспешно лечили в этом элитном медицинском учреждении МО СССР и выписали без улучшения здоровья.

19 октября 1988 года в возрасте 49 лет (старших офицеров в звании «полковник» увольняют в запас при достижении ими предельного возраста 50 лет) приказом министра обороны СССР полковника В.А. Водолажского уволили из Вооруженных Сил СССР по болезни. Ему установили 1-ю группу инвалидности по общему заболеванию.

После увольнения в отставку Василий Александрович жил в столице Белоруссии Минске. С 1990 по 1992 годы Василий Александрович практически постоянно находился на лечении в военном госпитале им. Н.Н. Бурденко в Москве. Тем не менее, медицина не смогла вылечить его от недугов, развившихся на фоне облучения.

В начале июня 1992 года Василий Александрович вернулся из госпиталя домой, фактически умирать. Коллеги Василия Александровича, в том числе гражданские, ходатайствовали о направлении его в лучшие заграничные клиники.

Летчик-испытатель А.Д. Грищенко, выступая по телевидению перед отправкой на лечение в США, обратился к правительству страны с просьбой направить Василия Александровича Водолажского на лечение за границу, но просьба осталась без ответа. Сам Василий Алексеевич, по свидетельству очевидцев, махнул рукой на свой недуг. «Вся его жизнь осталась там, за больничным порогом. Оказалось, что большинство летчиков, прошедших Чернобыль, часто болеют. Таких уже более 130. И никто им не помогает. Почему? Дело в том, что еще в июле 1986 года Минздрав СССР издал распоряжение, которым засекретили все данные по участникам ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС. Связывать любые заболевания с пребыванием в 30-километровой зоне было категорически запрещено.

В августе 1989 под давлением общественности распоряжение наконец-то отменили, но оно продолжало действовать. Признав Василия Алексеевича Водолажского инвалидом первой группы, его уволили из Вооруженных Сил по состоянию здоровья. Однако Центральная военная комиссия (Центральная военно-врачебная комиссия МО СССР. - В.М.) Министерства обороны СССР увязать это с пребыванием в Чернобыле отказалась наотрез...» /19/

Умер полковник В.А. Водолажский 18 июня 1992 года в возрасте 55 лет. Похоронен на кладбище села Королев Стан под Минском.

Непросто пришлось группе коллег и товарищей Водолажского, когда они добивались представления его, гражданина Республики Беларусь, к присвоению звания Героя России. Акцент был сделан не на гражданстве Грищенко, а на воинском звании.

Указом Президента Российской Федерации от 17 февраля 1995 года №149 «За мужество и героизм, проявленные при ликвидации последствий на аварии на Чернобыльской АЭС» полковнику Водолажскому Василию Александровичу присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно).

Но льготы Героя России не распространялись на его семью, живущую в Белоруссии.

**Мемориальная доска, установленная на доме №2 по улице Садовой,
в котором жил В.А. Водолажский**

И тогда Героя России приравнивали к Героям Республики Беларусь.

Указом Президента Республики Беларусь от 15 июля 2002 года №377 «О распространении на членов семьи Героя Российской Федерации полковника Водолажского В.А. льгот, установленных для членов семей Героев Беларуси» предписано: «Учитывая заслуги перед Республикой Беларусь умершего Героя Российской Федерации полковника Водолажского Василия Александровича, распространить на членов семьи полковника Водолажского В.А. льготы, установленные для членов семей Героев Беларуси Законом Республики Беларусь от 21 февраля 1995 г. «О статусе Героев Советского Союза, Героев Социалистического Труда, полных кавалеров орденов Славы, Трудовой Славы».

Василий Александрович Водолажский имел награды: ордена За службу Родине в Вооружённых Силах СССР III-й степени, «Знак Почета», медали.

В Минске его именем названа улица. На доме, в котором он жил установлена мемориальная доска.

12 августа 1999 года приказом Министерства обороны Республики Беларусь полковник В.А. Водолажский навечно зачислен в списки личного состава 65-й транспортно-боевой вертолетной базы. В связи с реформированием этой части было принято решение о зачислении полковника В.А. Водолажского в списки 181-й боевой вертолетной базы.

Анатолий Демьянович Грищенко *

Родился 24 августа 1937 года в Ленинграде. Перед войной семья переехала в Базар Житомирской области, где прошло детство Анатолия. Во время Великой Отечественной войны отец, военный врач, был на фронте, а мальчик с мамой жил в селе. /66/

В 1955 году Анатолий Грищенко поступил на самолетостроительный факультет Московского авиационного института (МАИ). Во время учебы занимался в аэроклубе

института.

В 1959 году после окончания института А. Д. Грищенко направлен на работу в подмосковный город Жуковский, в летно-испытательный институт (ЛИИ). Летал на самолётах и вертолётах. В 1959-1966 годах работал в ЛИИ инженером, старшим инженером.

В 1961 году Анатолий Грищенко познакомился и полюбил симпатичную кареглазую сотрудницу института Галину и в 1963 году они поженились. В 1964 году у них родился первенец Борис, а в 1972-м появился второй сын Илья. /66/

В 1966 году А. Грищенко окончил вертолетное отделение Школы летчиков испытателей (ШЛИ).

В начале своей работы Анатолий Демьянович, проявив недюжинные способности, был назначен ведущим (в ЛИИ) по новому сверхзвуковому бомбардировщику Ту-22. Самолет был сложным, с интересными новинками в конструкции, создававшими определенные проблемы в летных испытаниях. Принимал участие в испытании самолетов Ту-16, Ту-104, Ту-95, Ту-114. С марта 1967-го по январь 1987 года Грищенко на летно-испытательной работе в ШЛИ. В 1976 и 1982 годах работал летчиком-инструктором. /19/

* По материалам книги Г.А Амирьянца «Не прощаюсь» /19/ и статьи Д. Пекканена «Полетевший в ад» из журнала Ридерз Дайджест. /66/

Провел испытания: по транспортировке тяжёлых крупногабаритных грузов на внешней подвеске одним и двумя вертолётами; по определению прочностных характеристик Ми-6 при выходе за предельные ограничения по скорости с входом в зону аэродинамического срыва несущего винта; испытания различных комплектов опытных лопастей несущего винта Ми-6 и Ми-8 и др.

Все эти годы Анатолий Демьянович дружил с Гургеном Рубеновичем Карапетяном, с которым познакомился еще в студенческие годы. Вместе они учились летать в аэроклубе института. Друзья обсуждали между собой все, что касалось их испытательной работы. Позднее Гурген Карапетян перешел на работу в конструкторское бюро Миля. Сдружились и их семьи, они нередко вместе проводили отпуск, отдыхая летом в коттедже на берегу подмосковного озера. /66/

В ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС А. Д. Грищенко принимал участие дважды.

Первый раз его направили в район Чернобыля в мае 1986 года.

«10 мая в 2.00 в ЛИИ поступила телефонограмма от председателя Правительственной комиссии И.С. Силаева с указанием направить летчиков-испытателей Грищенко, Макарова, Сомова в Киевское ОКБ им. Миля в распоряжение Тищенко и Балугева. Указанные в телеграмме летчики занимались летными испытаниями и перевозкой крупногабаритных и тяжелых грузов на внешней подвеске одиночного и пары вертолетов Ми-26.

В 17.00 10 мая летчики прибыли в Киев на совещание по установке защитного колпака на разрушенный реактор». /19/ В это же время в ОКБ прибыл и Г.Р. Карапетян.

С 12 мая экипаж в составе: командир - Г.Р. Карапетян, второй пилот - А.Д. Грищенко, операторы внешней подвески - Евдокимов и Ганичев, штурман и бортинженер - офицеры ВВС, начал тренировки полетов по установке купола-заглушки на 4-й блок Чернобыльской АЭС.

В условиях высоких радиационных полей отрабатывали методику захода на цель и установки купола обоими летчиками и операторами. Выбрали оптимальную длину внешней подвески 120 м. Вертолет дооборудовали дополнительной антирадиационной защитой. На заглушке были смонтированы системы контроля и подачи воды, отсоса воздуха из-под купола, подцепки купола и извлечения шлангов, аварийного извлечения купола.

Позже Грищенко вспоминал: «Необходимо было отработать методику транспортировки и установки купола. В первом полете Гурген

вместе с военными летчиками перевезли эту крышку с киевского завода на аэродром в Гостомель. Конструкция имела диаметр 19 метров и весила 15 тонн. К счастью в полете крышка вела себя довольно устойчиво. «... В Гостомеле и Чернобыле мы выполнили на Ми-26 около 30 полетов: Гурген на левом - командирском сиденье, а я на правом (фактически как командир работали оба - в зависимости от положения относительно трубы и направления ветра). Учтено было все: и опасность излучения, и близость трубы». /19/

Сложность выполнения задачи состояла в том, что рядом со взорвавшимся реактором находилась 150-тиметровая вентиляционная труба, а разрушенные металлоконструкции и строительные балки мешали установке крышки. Кроме того, высокая радиация (до 10000 Р/ч) ограничивала продолжительность выполнения задачи.

«Над реактором экипаж вертолета Карапетяна и Грищенко прошел несколько раз на высоте 200 метров. Перед установкой крышки следовало разведать обстановку в зоне реактора, характер расположения разрушенных металлоконструкций и прочее.

Взлетев, увидели над реактором вертолеты армейской авиации, летающие по кругу над реактором и сбрасывавшие в него поглощающие материалы. Вклинились в круг и прошли над реактором четыре раза. Шли на малой скорости, чтобы рассмотреть и запомнить нагромождения постоянно меняющейся формы - из-за сбросов с вертолетов...

«Хотя в Чернобыле в это время не хватало рентгенометров, летчики все-таки нашли один прибор и взяли его в разведывательный полет. А. Д. Грищенко был поражен, считав его показания радиоактивности в кабине вертолета: 300 Р/ч. По возвращении один летчик сказал им, что измеренный уровень радиации в вертолете равен наружному. Потрясенный Грищенко понял тогда, что свинцовый лист в вертолете не дает почти никакой защиты. Теперь уже было ясно, что он, как и многие другие, получают опасные дозы облучения». /66/

30 мая экипаж был полностью подготовлен к выполнению задания и убыл в Москву для получения дальнейших указаний. /19/

Второй раз в Чернобыль А.Д Грищенко был направлен 16 августа 1986 года. Работал командиром экипажа, вначале на Ми-6, затем на Ми-26. «Дооборудованный и прошедший профилактические работы на заводе ОКБ в Москве вертолет Ми-6 с экипажем ВВС и ЛИИ (Грищенко, Макаров, Воскресенский, Коновалов) 16.08.86 года вылетел в Чернобыль...

В начале августа была поставлена задача: провести дезактивацию трубы и ее площадок в районе 4-го блока. Для этой цели намечали

использовать пожарный вертолет Ми-6, оборудованный емкостью для воды, трубопроводами, насосами и управляемым из кабины штурмана стволом.

После отработки методики выполнения работ и выполнения ознакомительного полета был выполнен демонстративный полет для членов Правительственной комиссии (в то время председателем комиссии был Г.Г. Ведерников).

После наблюдения полета Правительственная комиссия приняла решение отменить выполнение задачи по дезактивации трубы и трубных площадок.

«В связи с пуском первого и второго энергоблоков возникла необходимость доставить на станцию узлы систем вентиляции, кондиционирования и очистки воздуха весом до 14 тонн каждый и габаритами 6 х 6 х 6 м». /19/

...

«С 25 августа мы приступили к работе в составе группы вертолетов Ми-26 под командованием полковника В.А. Водолажского. До 15 сентября было подготовлено несколько экипажей и перевезено около 250 тонн грузов.

Для выполнения работ из Москвы прибыли бортмеханик-оператор Евдокимов и борткинооператор Бондаренко, были доставлены комплекты удлиненной внешней подвески. С целью уточнения места укладки грузов, курсов захода на укладку с учетом препятствий и допустимых метеоусловий были выполнены две посадки на станцию.

Чтобы подавать внутрь работающих помещений очищенный воздух, нужно было установить на зараженной территории в непосредственной близости от станции соответствующие установки с фильтрами. В то же время нельзя было снижаться слишком низко, чтобы не поднимать радиоактивную пыль. Но у военных опыт работы с длинными подвесками невелик, и руководитель их сводной авиационной группы полковник В.А. Водолажский попросил нас остаться и помочь выполнить эту работу.

Половину грузов на Ми-26 перевезли мы - экипаж из ЛИИ, а половину - военные. Они работали тремя экипажами, в подготовке которых мы принимали участие. Приходилось и на атомную станцию ездить - надо было на месте ознакомиться с особенностями монтажа. Я думаю, что вот там-то я и подцепил приличную дозу. Кроме того, еще с Гургеном до 11 мая мы летали «прямо на реактор» - смотреть, как там ставить крышку». /38/

16 сентября экипаж Грищенко возвратился в Москву. При выполнении заданий над разрушенным реактором и в других полях радиоактивности А.Д. Грищенко получил большую дозу облучения.

Вспоминает сын Анатолия Демьяновича Борис. «После возвращения из Чернобыля отец чувствовал себя нормально. Даже когда другим летчикам, побывавшим в Чернобыле, нездоровилось. Мы подумали, что если отец не ощущает последствий облучения, ему повезло. У меня в это время был отпуск, и мы с отцом решили отдохнуть в санатории. Для получения санаторной карты отцу нужно было пройти медицинское обследование, в ходе которого обнаружилось изменение состава его крови (значительное уменьшение числа лейкоцитов). Поездку в санаторий отложили».

«Результаты повторного анализа оказались еще хуже. В крови Грищенко оказался опасно низкий уровень содержания лейкоцитов - белых кровяных клеток, которые вырабатываются костным мозгом и играют жизненно важную роль в иммунной системе организма. А функция костного мозга может быть нарушена заболеванием или внешним воздействием, таким, как радиация. Вскоре у Анатолия появились приступы тошноты, поносы, слабый кашель. Но он не считал эти симптомы, так же как и свой анализ крови, чем-то необычным. Все знакомые летчики, побывавшие в Чернобыле, тоже в той или иной степени жаловались на плохое самочувствие. Он решил, что скоро все пройдет». /66/

Так началось длительная и мучительная эпопея хождения по госпиталям, больницам, медицинским кабинетам и коридорам в целях установления диагноза и причин болезни.

В 6-й областной больнице врачи поставили Грищенко диагноз лейкопения, то есть понижение содержания лейкоцитов в крови. В медицинской карте врачи написали, что причина его состояния «неизвестна».

- До полета в Чернобыль я никогда не болел, - не согласился Грищенко с врачами. - Это и есть причина заболевания. Специалисты, выслушали доводы Анатолия Демьяновича, стали уверять его, что Чернобыль тут ни при чем. «Болезнь была у вас внутри еще до Чернобыля». /66/

Установление истинной причины заболевания имело для Анатолия Демьяновича Грищенко принципиальное значение, как для назначения правильного лечения, так и для установления справедливого отношения

врачей к участникам ликвидации последствий чернобыльской катастрофы.

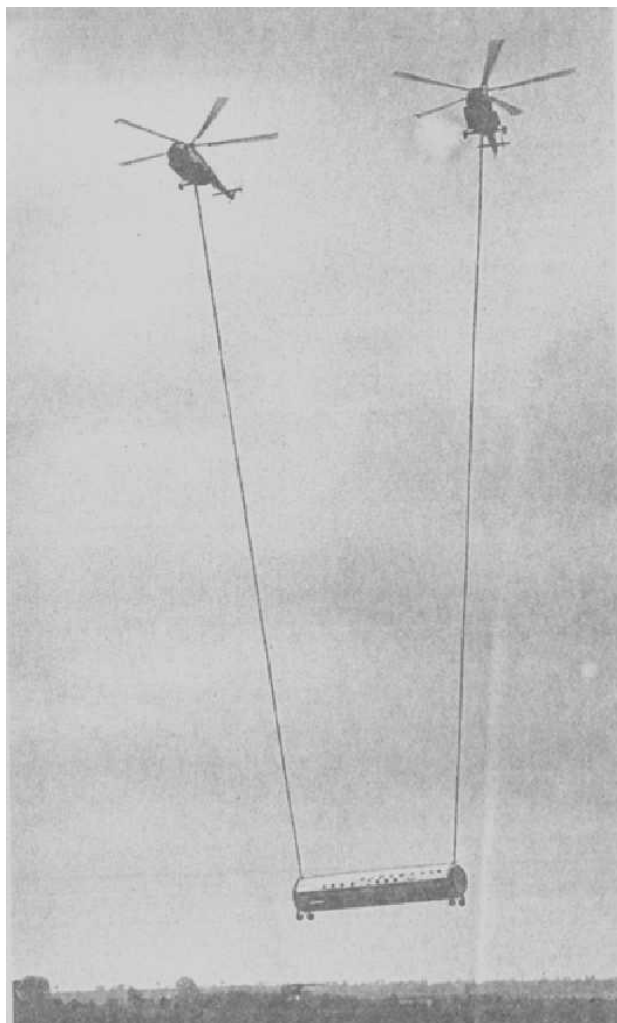
Не надеясь справиться с медицинской бюрократией, летчики-испытатели ЛИИ написали коллективное письмо заместителю Председателя Совета Министров СССР И.С. Силаеву, бывшему во время первой командировки А.Д. Грищенко в Чернобыль председателем Правительственной комиссии.

Летчики писали: «Все работы, поручаемые нам министерством и правительством, мы готовы выполнить и всегда выполняем с максимальной отдачей физических и моральных сил, зная, что если с нами что случится, то в беде нас или наши семьи не оставят... Плохое состояние здоровья тов. Грищенко А.Д. налицо, диагноз поставлен. И, несмотря на это, медицина считает, что пребывание в Чернобыле не является причиной его заболевания. Перспектива - списание тов. Грищенко А.Д. с летной работы и установление инвалидности от общего заболевания. До этой командировки тов. Грищенко А.Д. проходил комиссию без ограничений...

Убедительно просим Вас дать указание на проведение обследования тов. Грищенко А.Д. в компетентном медицинском учреждении с целью установления факта, что резкое ухудшение его здоровья произошло вследствие радиоактивного облучения, полученного им при выполнении служебного долга в Чернобыле». /19/

27 марта 1987 года заместитель председателя Совета Министров СССР И.С. Силаев, в связи с письмом летчиков, дал указание Минздраву СССР (т. А.И. Воробьеву): «Прошу Вас обеспечить тщательное обследование т. А.Д. Грищенко и в случае необходимости - соответствующее лечение. О принятых мерах и результатах доложите Совету Министров СССР. И.С. Силаев». /19/

За два месяца до этого к заместителю министра здравоохранения СССР О.П. Щепину обратился министр авиационной промышленности А.С. Сысцов с просьбой «повторно рассмотреть вопрос о признании возможности связи заболевания Грищенко А.Д. с его пребыванием в зоне повышенной радиации». /19/

Транспортировка тяжелого груза парой вертолетов на внешней подвеске. (Фотография из книги Г.А. Амирьянца «Не прощаюсь»)

Примерно в то же время - 2 января 1987 года - жена летчика Галина Николаевна отправила письмо Генеральному секретарю ЦК КПСС М.С. Горбачеву, в котором просила помочь установить истину в причинах заболевания мужа Анатолия Демьяновича Грищенко. «...Вот и получается, - в конце письма писала она, - что человек выполнял свой патриотический долг, не задумываясь, жертвовал собой ради спасения людей, а теперь столкнулся с явной несправедливостью по отношению к себе». /19/

27 февраля 1987 года Управление онкологии Минздрава СССР сообщило Галине Николаевне: «...В результате медицинского обследования Вашего мужа специалистами кафедры гематологии Центрального ордена Ленина института усовершенствования врачей Минздрава СССР дано заключение о связи заболевания Вашего мужа с работой, выполняемой им при ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС». /19/

Исходя из указанного заключения, решением Московской областной ВТЭК от 29 января 1987 года причина инвалидности у А.Д. Грищенко определена как профессиональное заболевание. /19/

Прошли 1987 и 1988 годы. Болезнь Анатолия Демьяновича прогрессировала, медицинские препараты и методы лечения положительного результата не давали. Однако помог случай.

Друг Анатолия Демьяновича ведущий летчик-испытатель ОКБ им. Миля командир вертолета Ми-28 Гурген Рубенович Карапетян вылетел на ежегодный авиасалон в Ле-Бурже, где встретился с американским летчиком-испытателем Кэпом Парлиером. В разговоре с ним речь зашла об участии авиаторов в ликвидации последствий чернобыльской катастрофы. Гурген рассказал, что все летчики, после работы в Чернобыле болели. Но очень сильно страдает летчик Грищенко. Американский пилот заинтересовался этим случаем и выразил желание помочь советскому коллеге.

Летом 1989 года оптимизма по поводу выздоровления у Грищенко совсем не осталось. Анализ крови показал, что у него наступает предлейкозное состояние. Пройдет немного времени и разрушатся все здоровые клетки костного мозга. Обычная химиотерапия не в состоянии предупредить злокачественное развитие болезни. Врачи предупредили, что в Советском Союзе такую операцию сделать невозможно. /66/

«В сентябре на международном авиасалоне под Лондоном к Кэпу Парлиеру подбежала американская переводчица: «С вами хочет встретиться Алексей Иванов, главный конструктор КБ Миля». /66/

Анатолий Иванов напомнил американцу, как они беседовали с Гургеном о Чернобыле и об Анатолии Грищенко.

- Анатолию плохо. Он очень серьезно болен и нуждается в лечении в США.

- Чем я могу помочь? - спросил Кэп.

- Вы можете организовать его лечение? Иначе летчика не спасти.

- Сделаю, что смогу. Обещаю». /66/

Когда было получено разрешение на лечение А.Д. Грищенко в США закипела работа, к которой подключились сотрудники ОКБ им. М.Л. Миля и ЛИИ им. М.М. Громова. Началась активная переписка (телексная связь) с Парлиером и его коллегами. Главной проблемой к этому времени стали деньги - а их нужно было 200 тысяч долларов США.

Кэп Парлиер (полная фамилия Чарльз Аллен Парлиер, Кэп - это прозвище, образовавшееся из английских инициалов его имени и

фамилии) пообещал подыскать лучшую клинику в США по профилю заболевания коллеги.

Ему удалось выйти на Кэрол Эберхард из внешнеполитической службы Госдепартамента США в Вашингтоне. «Как специалист-политолог Эберхард недавно побывала в Чернобыле в рамках совместной советско-американской программы мероприятий по повышению безопасности ядерной энергетики. Видела она и заброшенные деревни, и заросшие зеленью дома. Картины этого тихого разрушения не давали ей покоя, и теперь она ухватилась за возможность помочь одному из пострадавших от катастрофы.

Кэп сообщил ей, что американским врачам требуется подробное медицинское заключение о состоянии здоровья Грищенко. Эберхард дала телеграмму в посольство США в Москве, где этим вопросом было поручено заниматься молодой женщине референту. Она разыскала Карапетяна и сообщила ему, что нужно сделать.

- Будет сделано, - ответил Гурген.

30 октября Кэп получил подробный телекс с заключением о состоянии здоровья Анатолия Грищенко ./66/

Кэп узнал, что в Сиэтле существует Онкологический исследовательский центр Фреда Хатчинсона одна из ведущих клиник мира по пересадке костного мозга. Парлиер понял, что этот центр является подходящим медицинским заведением. Он связался с доктором Джоном Хансеном, заместителем директора по клиническим исследованиям, и тот сказал ему, что пересадка возможна лишь при наличии совместимого донора. Теперь нужно было не только найти деньги для операции, но и донора костного мозга. В то время только начинала действовать международная компьютерная сеть доноров костного мозга.

«Будучи ведущим летчиком-испытателем фирмы «Макдоннел-Дуглас Хеликоптерс», Парлиер являлся в то же время руководителем отдела фирмы - координатором совместного проекта фирм «Макдоннел-Дуглас» и «Белл Хеликоптер Токстрон» легкого ударно-разведывательного вертолета LHX. Можно себе представить в этой ситуации занятость Парлиера. Однако поражают не только его энергия и настойчивость, но и щепетильность и такт»./19/

«Когда возникли осложнения с выделением у нас в стране средств на лечение Грищенко, о чем посольство США в СССР сообщило Парлиеру через Госдепартамент, он запросил у Галины Николаевны и Карапетяна совета: «...Передо мной встал вопрос о необходимости значительной траты времени на попытку сбора пожертвований у друзей и других сограждан. Я начну этот процесс как можно скорее. Мне

придется использовать средства информации для оповещения как можно большего количества людей. Есть ли у Вас какие-либо возражения по поводу решения вопроса таким образом?» /19/

Особые сложности возникли при подборе донора костного мозга. Всего проверили около 250 000 человек из банка данных доноров костного мозга. Но, тем не менее, поиски завершились успешно. Донором стала 42-летняя женщина из города Безансон во Франции.

В это время стало известно, что советское правительство благодаря настойчивым действиям Карапетяна перечислило на счет Центра Хатчинсона 5 тысяч долларов. Вскоре поступила очередная сумма 15 тысяч. Теперь можно было и собираться в путь.

Эберхард помогла оформить визы для Анатолия и Галины. А Гурген добился от правительства перечисления оставшейся суммы денег.

Авиакомпания «Пан Америкен» и «Ти - Дабл'ю Эй» согласились доставить Анатолия и Галину в Сиэтл бесплатно.

Работавший тогда в Центре Хатчинсона доктор Патрик Битти прибыл в Москву, чтобы осмотреть Грищенко и сопровождать его в Сиэтл. С советской стороны с ними полетела доктор-гематолог Евгения Маргулис.

В аэропорту А. Д. Грищенко дал интервью средствам массовой информации. «Я еду не только ради себя, но и в надежде, что не будет забыт никто из жертв чернобыля, - заявил он. - По возвращении я сделаю все, что смогу, чтобы помочь другим пострадавшим».

Анатолий с Гургеном крепко обнялись. «Увидимся, когда вернешься», - сказал Гурген старому товарищу. Тот кивнул и направился к самолету.

Гурген постоял несколько минут, наблюдая, как самолет с ревом отрывался от земли. «Ну вот, - подумалось ему, - теперь все в руках врачей... и Божьих». /66/

«В Сиэтле одновременно напряженно и радостно их ожидал Кэп вместе с доктором Хансеном и группой журналистов. Один из журналистов спросил у Кэпа, как он относится к Анатолию. «Это необычное чувство, - ответил он. - Я никогда с ним не встречался, но он для меня все равно, что брат». /66/

Анатолий и Галина Грищенко перед отлетом в Сиэтл

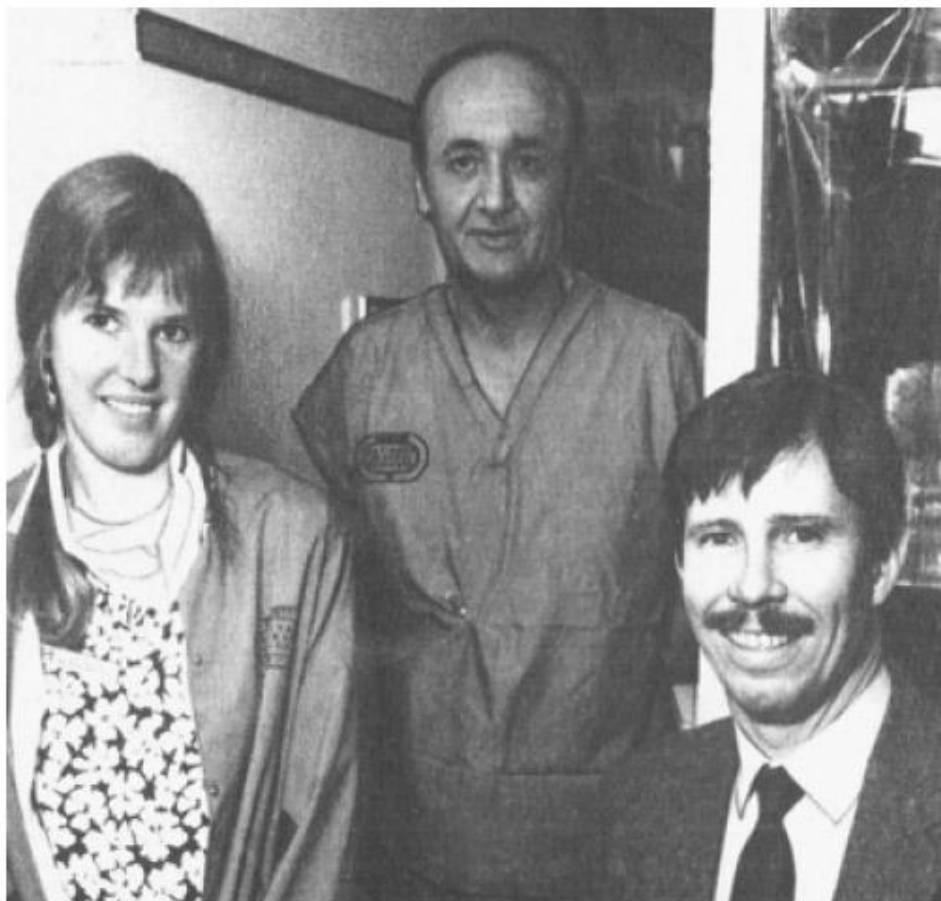
Когда самолет приземлился в аэропорту Анатолий вышел в зал прилета в противоинфекционной больничной маске на лице. Они с Кэпом сразу узнали друг друга. Сначала протянули друг другу руки, а затем крепко обнялись. У Анатолия на глазах были слезы.

- Добро пожаловать, брат - тихо сказал Кэп. - Я долго ждал этого часа.

Перевод не потребовался. «Я тоже», - сказал он.

Лечение началось 13 апреля. Вскоре в больницу начали поступать письма и открытки со всей страны. Американцы приняли его судьбу близко к сердцу, и их реакция воистину ошеломила его. «Зачем они это? - спрашивал Анатолий. - Я же не герой, я обычный человек».

Американцы горячо и сердечно откликнулись на призыв помочь советскому летчику: была организована кампания по сбору дополнительных средств. Их внимание к лечению летчика-чернобыльца из Советского Союза было постоянным и сердечным. Ежедневно по городскому телевидению передавали сводку о состоянии здоровья Грищенко. Об этом писали и местные газеты.

Медсестра Джейн, Анатолий Грищенко и Кэп Парлиер в госпитале Сиэтла. (Фотография из книги Г.А. Амирьянца «Не прощаюсь»)

Но особую заботу о больном чернобыльце проявляли американские врачи. Они делали все возможное, что имелось в арсенале современной медицины.

27 апреля 1990 года через четыре года (к горькому сожалению только через четыре года) после чернобыльской трагедии в Центре онкологических исследований им. Фрэда Хатчинсона была проведена трансплантация Анатолию Грищенко костного мозга донора. Увы, принятые меры современного и высокотехнологического лечения не смогли оказать помощи советскому летчику. Анатолий Демьянович Грищенко умер 3 июля 1990 года.

«В память о мужественном советском авиаторе в Сиэтле были приспущены флаги. В этот день состоялась частная панихида по русскому православному обряду. А на публичной траурной церемонии, состоявшейся в зале местной похоронной конторы, Кэп говорил о своем друге: «Дух самоотверженности Анатолия будет жить. Анатолий будет воплощать великое начало, если мы будем хранить, поддерживать и поднимать этот дух во всех нас»./66/

Справа налево: врач К. Анасетти (с трансплантантом, доставленным в Сиэтл из Франции), Г. Грищенко, врач П. Битти, А. Грищенко. (Фотография из книги Г.А. Амирьянца «Не прощаюсь»)

«13 июля состоялись похороны Анатолия Демьяновича Грищенко в Жуковском. Процессия двинулась по узкой дороге к лесистому кладбищу, где упокоились многие советские летчики, отдавшие жизнь во имя долга. Шел дождь, и в облачном небе над деревьями вертолетчики отдавали последние почести павшему товарищу». /66/

Всемирный фонд безопасности полетов объявил Анатолия Грищенко кандидатом №1 на почетную Международную премию «За героизм», учрежденную Фондом и присуждаемую в исключительных случаях тем, кто, рискуя собой, спас многие человеческие жизни.

Узнав о подвиге и гибели советского авиатора, во многих странах мира начали агитационные кампании по прославлению его подвига. На острове Кипр в одном из городов его именем назвали улицу. В Испании в вертолетной школе король построил на личные средства стелу в память подвига советского вертолетчика А.Д. Грищенко. Одна испанская организация обратилась в Министерство обороны СССР с просьбой предоставить материалы о А.Д. Грищенко для написания о нем книги.

Большую работу в увековечении памяти о А.Д. Грищенко проделал его товарищ и коллега Герой Советского Союза Гурген Рубенович Карапетян, создавший фонд имени Анатолия Грищенко. Вертолетчикам, пострадавшим в результате участия в ликвидации последствий

чернобыльской и других аварий и катастроф, а также их семьям оказывалась финансовую помощь в лечении и реабилитации. Детей чернобыльских ликвидаторов направляли на лечение и отдых за границу. Неоценимую помощь Г.Р. Карапетяну в этом деле оказывала женщина-вертолетчица, многократная рекордсменка мира Инна Андреевна Копец. Много полезных дел сделали эти замечательные люди.

Анатолий Демьянович Грищенко освоил более 30 типов и моделей самолетов и вертолетов. Его общий налет составил свыше 5000 ч, из которых более половины - испытательные полеты.

За участие в ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС и проявленные при этом мужество и героизм Грищенко Анатолий Демьянович награждён орденом Октябрьской Революции.

Указом Президента Российской Федерации от 27 февраля 1995 года «За мужество и героизм, проявленные при ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС» Грищенко Анатолию Демьяновичу присвоено звание Героя Российской Федерации (посмертно).

Награды А.Д. Грищенко. Золотая Звезда Героя России, ордена Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, Дружбы народов, «Знак Почёта», медали. Его именем названа улица в подмосковном Жуковском.

Оба сына Борис и Илья так же, как и их отец посвятили свою жизнь небу и авиации. Борис стал бортрадистом-испытателем, Илья - бортоператором в ОКБ им. А.Н. Туполева в Жуковском.

Заведий Виктор Иванович

Родился 24 февраля 1939 года в Кременчуге Полтавской области в семье рабочего. В 1957 году окончил ремесленное училище по специальности «кузнец свободнойковки». Три года работал на Крюковском вагоностроительном заводе. С 1960 по 1963 год служил в Советской Армии. После увольнения в запас вернулся на Крюковский завод, на котором работал до 1968 года.

С 1966 года началась трудовая деятельность Виктора Ивановича на предприятиях Министерства среднего машиностроения СССР. Работал электромонтером, а затем водителем в Шевченко Мангышлакской области (Казахстан).

В 1976 году семья В.И. Заведия переехала в Снечкус (ныне Висагинас) Литовской ССР на строительство Ингалинской АЭС, где работал водителем, машинистом-оператором. Принимал непосредственное участие в строительстве блоков АЭС и города энергетиков.

Виктор Иванович всегда с высокой ответственностью относился к выполнению возложенных на него обязанностей. Руководство строительства заметило трудолюбивого, исполнительного, немногословного рабочего, для которого работа была важнейшим приоритетом в жизни: все мысли и стремления посвящал он делу, которому служил. Работа «с прохладцей» — это не для него.

С большой любовью и заботой Виктор Иванович относился к технике, на которой трудился. Не считаясь ни с чем, уделял ей столько времени, сил, внимания, сколько требовалось для поддержания в исправном состоянии. Машина, будь то автомобиль или бетононасос, она хоть и железная, но «чувствовала» и «ценила» заботливое отношение к себе и отвечала бесперебойной работой.

Планы и нормы производства Виктор Иванович Заведий всегда выполнял и перевыполнял. По-другому он работать не мог. Это был его характер, стиль жизни. Такой человек обычно всегда у всех на виду - товарищи брали с него пример, начальство им гордилось.

За добросовестный труд В.И. Заведия часто награждали. Ни одно событие, ни один праздник не проходили без его чествования, награждения, как одного из лучших тружеников и передовиков производства. Благодарности, Почетные грамоты, ценные подарки отметили весь его трудовой путь. В 1981 году за высокие трудовые достижения В.И. Заведий награжден орденом «Знак Почёта».

Строителям Игналинской АЭС первым в стране удалось освоить и наладить механизированную укладку пластифицированного бетона при возведении монолитных конструкций по схеме бетонный завод - автобетоносмеситель для транспортировки - автобетононасосы для подачи смеси в любую точку объекта.

Когда случилась катастрофа на Чернобыльской АЭС и потребовались специалисты по механизированной укладке бетона на защитном сооружении, вспомнили об игналинских мастерах.

Ударник коммунистического труда В.И. Заведий. 1979 год

Чернобыльская вахта В.И. Заведия началась 19 июня 1986 года. В числе первых операторов бетононасосов он прибыл на строительство объекта «Укрытие», с ним приехали еще 9 специалистов.

На главном направлении строительства «саркофага» находился монтажный район №11 УС-605, обеспечивавший наладку, ввод в работу и поддержание в рабочем состоянии бетонных насосов, без которых был невозможен ни один шаг в сооружении объекта. Район обеспечивал бесперебойную работу 1-го, 2-го, 3-го, 4-го и 6-го районов.

Функционировать этот район начинал с участка механизированной укладки бетона, созданного в начале июня 1986 года.

«Из высококвалифицированных специалистов была организована круглосуточная ремонтная бригада, оборудована площадка для ремонта и техобслуживания насосов, построен санпропускник. А добавьте сюда работы по заправке насосов маслом, топливом, водой, в каких бы радиационно-опасных местах они ни стояли. Была организована диспетчерская служба с необходимым количеством запчастей для ремонта». /4/

Все прибывшие операторы бетононасосов вошли в состав бригады механизированной укладки бетона. Как одного из наиболее опытных специалистов Виктора Ивановича Заведия назначили бригадиром машинистов-операторов.

Было трудно, очень трудно на первых порах. На отдых и сон оставалось совсем немного, а счет работы шел на часы. Решения в той сложной и напряженной обстановке нужно было принимать сиюминутно и единственно правильные.

В самом начале строительства нужно было построить разделительную стену между 4-м разрушенным и 3-м энергоблоками. Уровни радиации высокие: 150-200 Р/ч. Нашли единственный способ безопасной работы - через два насоса и дистанционный кабель управления. Уникальное сооружение представляла эта стена - пирамида с фасадной стороны, она поднялась достаточно высоко и возводилась, особенно на высоте, с большим трудом. /4/

Операторы бетононасосов находились на переднем крае работ над поврежденным реактором. На импортные автобетононасосы не успели перевести на русский язык техническую документацию, а в бригаде В.И. Заведия уже полным ходом шла работа. Они в кратчайшие сроки освоили самую современную технологию подачи бетона, используя для этого высокопроизводительные бетононасосы зарубежных фирм «Варлингтон», «Швинг», «Штеттер», «Путцмайстер». Работали самоотверженно, в экстремальных условиях, в полях высокой радиации, постоянно наращивая темпы бетонирования.

Следующий этап работ - строительство по периметру 4-го энергоблока защитных стен из железобетона толщиной 6 м с северной стороны и 8 м с южной и западной сторон блока, предназначенных для обеспечения радиационной безопасности строителей.

21 июля на завал уложили первые кубы бетонной смеси. Потребовались дополнительные людские ресурсы, новые добровольцы. Начался необычайный по размаху этап сооружения «саркофага».

Строители защитного сооружения проявляли примеры трудовой доблести, высокое чувство долга, взаимовыручку и товарищество. Никто из них не струсил перед опасностью. Особенной производительностью и организованностью зарекомендовала себя бригада В. И. Заведия.

Объем бетонирования был огромен, а сроки сжаты до предела. «Если в июле бетона шло 2 тысячи 700 кубов в сутки, то к сентябрю преодолели рубеж 6-ти тыс.м », - вспоминает Виктор Иванович.

Из-за высоких уровней радиации рабочая смена машиниста-оператора составляла 15-20 минут, потом дежурство там же, в зоне, но в укрытии. Так каждый день. Позже, когда опасность радиоактивного облучения уменьшилась, увеличилась продолжительность рабочей смены. Поначалу одновременно работало по 4-5 насосов, затем, когда работы вошли в налаженный ритм, их количество увеличилось до 17.

Бригадой Заведий руководил спокойно, уверенно, говорил вполголоса, но его все слышали. «Сгореть можно сразу, - говорил он новичкам, - а можно сделать дело и не сгореть. Без острой нужды голову в пекло не совать! Так и будем действовать».

Если насосы ломались или забивались, их выводили из зоны на площадку дезактивации, прочищали от застывшего бетона, отмывали, а затем перегоняли в зону ремонта. Эта операция требовала большого опыта. Организовывать и выполнять такие работы также входило в обязанности бригадира.

Бетон привозили на стройку в самосвалах. На перегрузочном узле в Копачах бетон из самосвалов перегружали через эстакаду в бетоновозы, которые доставляли его на стройку. Из автомиксеров строительную смесь водители перекачивали в бункер бетононасоса. Они должны были добежать до механизма включения перекачки, включить его и забежать в бункер к оператору. Работой агрегатов управляли операторы.

Поскольку насосы размещались в радиационно-опасных местах, для защиты обслуживающего персонала, возле каждого из них, соорудили освинцованные защитные кабины, в которых имелись окна с хрустальными стеклами для наблюдения за ходом работ.

Первоначальный срок завершения строительства «саркофага» правительство страны определило на сентябрь. Но много, слишком много было проблем в строительстве этого беспрецедентного по технической сложности сооружаемого впервые в мире инженерного сооружения!

Строители и монтажники понимали, что завершить строительство к назначенному сроку вряд ли возможно. Заканчивался июнь, и темпы

стройки не удовлетворяли руководство. А между тем в атмосферу по-прежнему периодически выбрасывались облака радиоактивных аэрозолей. Западные страны, соседи СССР, выражали протесты на непрекращающееся радиоактивное загрязнение атмосферы и местности. Политбюро ЦК КПСС требовало от Правительственной комиссии ежедневного отчета о проделанной работе. Нужно было в кратчайшие сроки закрыть жерло дышащего радиацией вулкана. В это время обстановка на стройке была напряженная и нервная. Каждая остановка, забивка бетоновода или поломка агрегата, вызывали взрыв раздражения руководителей строительства и неизбежный разнос. К счастью, остановки в работе оборудования случались редко.

Работа в бригаде В.И. Заведия была организована и обеспечена на таком уровне, что сбои в работе насосов были маловероятны. Но все это достигалось на пределе нервов, физических сил и человеческих возможностей. Нужно было постоянно держать под контролем работу всех агрегатов, всех участков, предвидеть возможные сбои, поломки и остановки. Малейшая оплошность, упущение из внимания хотя бы незначительного изменения ситуации грозили нарушением рабочего ритма, расцениваемого как катастрофа.

В отдельные дни количество прокачанного бетона достигало рекордных цифр. «Главной задачей в это время было обустройство завала реакторного зала, что давало бы возможность не только подавить самый сильный источник радиации, но и получить одну из самых надежных опор для будущего перекрытия.

Укладка бетона достигла апогея - 5700 м³ в сутки! Ни в Советском Союзе, ни в зарубежной практике такого еще не было. А если принять во внимание условия транспортировки, перегрузки, выгрузки и прокачки, то это были просто нечеловеческие усилия, порыв, революционный энтузиазм. А если добавить сюда уложенные каркасы и гравийно-песчаную массу, то в общей сложности стройка выходила на 8000 кубометров приведенной укладки в сутки.

Специалисты района умело создавали связки насосов различных марок для подачи бетона на большие расстояния и высоты. И нельзя забывать, что бетононасосы были все время в движении - все ближе и ближе к разрушенному реактору. Нагрузки на технику и людей были невероятными - работа шла круглосуточно в течение нескольких месяцев.

В «саркофаг» уложили в общей сложности более 400 000 кубометров бетона!». /4/ Львиную долю из этого количества пластического бетона уложила бригада В.И. Заведия.

В то время командировка ликвидаторов на ЧАЭС длилась месяц. Девяносто дней и ночей пробыл Виктор Иванович в Чернобыле. Его заменили только тогда, когда стены «саркофага» были возведены полностью.

Закончилась чернобыльская вахта В.И. Заведия 2-го сентября.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 декабря 1986 года №6245-ХІ «За мужество и самоотверженный труд, проявленные при ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС и устранение ее последствий» Виктору Ивановичу Заведию присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот».

14 января 1987 года в Кремле состоялось награждение участников ликвидации последствий чернобыльской катастрофы.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР А.А. Громыко вручает высшую награду Советского Союза В.И. Заведию. Москва, Кремль, Екатерининский зал. 14 января 1987 г.

После Чернобыля В.И. Заведий продолжал работать в Снечке на Ингалинской АЭС, активно участвовал в общественной жизни: был избран делегатом на съезд профсоюзов отрасли и страны, стал участником XIX партконференции (1988).

В 1991 году В.И. Заведий переехал в Нововоронеж, где до 1998 года работал водителем и механиком на автотранспортном предприятии.

В феврале 1998 года по возрасту и состоянию здоровья Виктор Иванович Заведий вышел на пенсию.

Участие в ликвидации последствий катастрофы отразилось на его здоровье: он стал инвалидом II-й группы в связи с ликвидацией последствий на Чернобыльской АЭС. Но Виктор Иванович не сдаётся болезням. Он полон уверенности в своем будущем.

В.И. Заведий принимает посильное участие в общественной работе местной чернобыльской организации.

Игнатенко Василий Иванович

Родился 13 марта 1961 года в Братине Гомельской области. После окончания средней школы поступил учиться на электрика в профессионально-техническое училище в Бобруйске. По призыву в армию попал служить в пожарную охрану Москвы, в пожарную часть ВПЧ-2. После увольнения в запас поступил на работу в СВПЧ-6 по охране Припяти. Занимался военно-прикладными видами спорта. Мастер спорта, чемпион Украины по военно-прикладным видам спорта.

При тушении пожара 26 апреля 1986 года старший сержант В.И. Игнатенко руководил действиями отделения пожарной части.

Он был самым сильным и выносливым среди пожарных караула. Первым поднялся на отметку +71, посмотрел вниз, оценил ситуацию и неожиданно для себя увидел, что внизу ничего нет. Там, где были крыша и стены центрального зала ничего не было: ни шатра реакторного зала, ни стен, ни пола, одни черные развалины, невероятное море огня и слепящее свечение, излучаемое снизу. «Ничего нет», - с досадой подумал он, вдыхая полной грудью воздух с радионуклидами. Легкие, грудь, лицо и все тело жгло жаром, будто внутри горел огонь. В горящих развалинах что-то гудело и ревело. «Это не потушить. Это водой не тушится, - подумал Василий, - это что-то другое».

Какая-то неведомая, злая сила витала вокруг, она ощущалась сознанием, нервами, телом. Ее присутствие ощущалось во всеобщем угнетенном состоянии. Пахло озоном и едким дымом. В горле першило. Огонь ревел и бушевал сплошной стеной.

Игнатенко распределил пожарных так, чтобы отсечь путь огню на 3-й блок. Отдавать указания приходилось громким голосом, перекрикивая шум и грохот. Дым сбивал дыхание и вызывал удушливый кашель, но нужно было погасить огонь на выделенном отделению участке. Старший сержант все успевал делать, так как был опытным пожарным, мастерски владел своей специальностью.

Вдруг Василий Игнатенко заметил, что на реакторной отметке упал Николай Ващук. Старший сержант быстро поспешил ему на помощь, привел в чувство и помог добраться до наружной лестницы.

Позже он вынес из огня и сержанта Владимира Тишуру. Кроме того, успел справиться с огнем на своем посту. Спускался вниз последним, как и положено командиру. Сознание потерял на земле после сильной и изнурительной рвоты.

Вспоминает жена В.И. Игнатенко Людмила, приехавшая в Москву в 6-ю клиническую больницу к умирающему мужу.

«Он стал меняться - каждый день я видела другого человека... Ожоги выходили наружу... Во рту, на языке, щеках сначала появились маленькие язвочки, потом они разрослись. Пластами отходила слизистая, пленочками белыми. Цвет лица... Цвет тела... Синий... Красный... Серо-бурый... А оно такое все мое, такое любимое! Это нельзя передать! И даже пережить.

... Спасало то, что все это происходило мгновенно, некогда было думать, некогда было плакать... Кто-то увещевал: «Вы должны не забывать: перед вами уже не муж, не любимый человек, а радиоактивный объект с высокой плотностью заражения. Вы же не самоубийца. Возьмите себя в руки».

К умирающему запрещали прикасаться, чтобы не внести инфекцию в ослабленный организм и не облучиться самой. Василий Игнатенко стойко переносил сильные боли, верил в выздоровление.

Старший сержант внутренней службы В.И. Игнатенко умер 13 мая 1986 года.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 сентября 1986 года «За мужество, героизм и самоотверженные действия при ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС» старший сержант внутренней службы Игнатенко Василий Иванович награжден орденом Красного Знамени (посмертно).

Указом Президента Украины от 21 апреля 2006 года №328/2006 Игнатенко Василию Ивановичу присвоено звание Героя Украины (посмертно).

Кибенок Виктор Николаевич

Родился 17 февраля 1963 года в поселке Ивановка Нижне-Рогожского района Херсонской области Украины в семье потомственного пожарного.

В связи с переводом отца майора внутренней службы Н. Кибенка на новое место службы, их семья переехала в поселок Иванков Чернобыльского района Киевской области.

В 1980 году Виктор окончил иванковскую среднюю школу. В сентябре поступил работать пожарным в ВПЧ-2 Чернобыльской АЭС. В 1982 - 1985 годах учился в Ворошиловградской школе подготовки младшего и среднего начсостава пожарной охраны. После окончания училища лейтенант внутренней службы В.Н. Кибенок получил назначение на должность начальника караула СВПЧ-6 города Припяти.

«В 1 ч 35 мин 26 апреля 1986 года, получив сигнал о пожаре на Чернобыльской атомной электростанции, караул в количестве 10 человек (две автоцистерны и автоколесница) во главе с лейтенантом В.Н. Кибенком прибыл на тушение пожара». /40/

«Лейтенант В. Кибенок возглавил звено газодымозащитной службы и произвел разведку в помещениях, прилегающих к разрушенному реактору. Уровень радиации там был высокий, но пожарные об этом не знали и действовали как в обычных условиях.

Определив боевые позиции, В.Н. Кибенок организовал работу личного состава, обеспечил подачу воды на кровлю машинного зала. Организовал и возглавил действия по тушению огня на кровле и в помещениях, находящихся в непосредственной близости от эпицентра взрыва. Действиями руководимого им караула в сложнейших условиях было остановлено распространение огня в сторону 3-го энергоблока». /40/

На отдельных участках пожара пламя, поднимавшееся на высоту выше 3-х метров, стояло сплошной стеной. Большую опасность для пожарных представляли крыши, покрытые битумом. От высокой температуры он плавился, брызги разлетались в стороны с треском и шипением. В нем мгновенно вязли сапоги пожарных. Если горящая смола попадала на кожу, то вгрызалась в нее, словно клещ. И это был не просто ожог - в ней растворились радионуклиды. При горении кровли выделялся густой, едкий, резкий по запаху дым, вызывающий удушье. /5/

В.Н. Кибенок профессионально руководил действиями пожарных и находился там, где было труднее всего. Подстраховывал бойцов, крепил лестницы, перехватывал то один, то другой ствол. Личным примером, грамотными, смелыми и решительными действиями воодушевлял подразделение на выполнение боевой задачи. В результате длительного воздействия радиации, высокой температуры и едкого дыма В.Н. Кибенок выбыл из расчета караула. Он потерял сознание. Через некоторое время, придя в себя, первое, что спросил: «Как там?» Ему ответили: «Затушили». /3/

Действиями руководимого им караула остановлено распространение огня в сторону неповрежденных энергоблоков. Личным примером, профессионально грамотными, смелыми и решительными действиями В.Н. Кибенок воодушевил пожарных на выполнение боевой задачи.

Во время тушения пожара на Чернобыльской АЭС лейтенант В.Н. Кибенок получил дозу облучения более 1500 Р. Вместе с первой партией облученных его доставили в 6-ю клиническую больницу Москвы.

Вспоминает врач клиники: «Ребята поступили очень тяжелые. Но держали себя в руках, вида не подавали. Старались шутить. Но мы тогда уже знали, что они получили такие страшные дозы облучения, что... (женщина плачет) им помочь было невозможно. Радиация сожгла их изнутри невидимым огнем». /38/

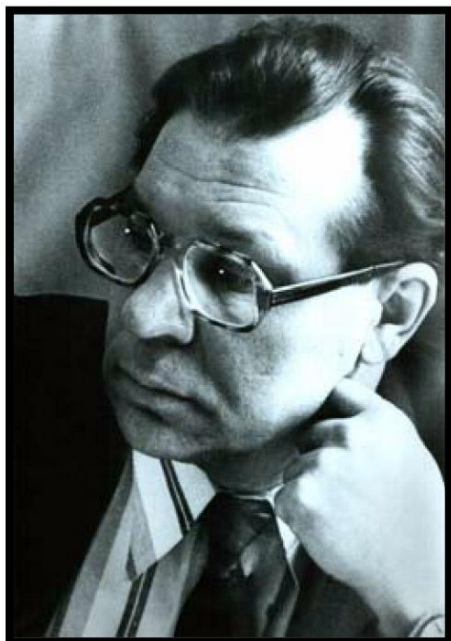
Виктору Кибенку провели полный курс лечения, показанный при острой лучевой болезни, но его организм не выдержал мощного лучевого воздействия - слишком большой оказалась его доза.

Лейтенант В.Н. Кибенок скончался в страшных муках, как и его коллега, побратим по борьбе с радиацией и огнем лейтенант В.П. Правик, в один и тот же день - 11 мая 1986 года.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 сентября 1986 года «За мужество, героизм и самоотверженные действия при ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС» Кибенку В.Н. присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно).

Похоронен В.Н. Кибенок на Митинском кладбище Москвы.

Лейтенант внутренней службы В.Н. Кибенок навечно зачислен в списки личного состава военизированной пожарной части УВД Киевского облисполкома.

Легасов Валерий Алексеевич

Родился 1 сентября 1936 года в Туле в семье государственного служащего. Перед войной его отец Алексей Иванович получил назначение в Москву, и Легасовы переехали в столицу, где и жили до осени 1941 года. Когда немецко-фашистские войска подошли к столице, Легасовых эвакуировали в Тюмень. Три года Валерий, его маленький братик Сергей и мама Вера Георгиевна жили в Сибири. Отец воевал на фронте. Жизнь в эвакуации была нелегкой.

В детской памяти ребенка сохранились обрывки воспоминаний об этом непростом периоде их жизни. Мальчик помнил, как ждали писем от отца и как жадно вслушивались взрослые в сообщения Совинформбюро, стараясь ничего не упустить, о положении на фронтах.

В 1944 году семья вернулась из эвакуации в Курск.

Алексей Иванович Легасов встретил семью после возвращения из эвакуации. Валерий - крайний справа, второй слева - Сергей.

Курск, 1944 г.

1 сентября 1944 года Валерий поступил в 1-й класс курской средней школы №5. Учился на «хорошо» и «отлично», занимался музыкой, много читал.

Летом 1949 года семья Легасовых во второй раз переехала в Москву. 1 сентября 1949 года подросток начал учиться в 6-м классе средней школы №36.

С детства он относился к жизни как к совершенному и правильному миру. «Да, в жизни бывают проблемы и трудности, - размышлял он, - но, тем не менее, все решается справедливо». Если кто-то из людей поступал не так, как ему казалось правильным, Валерий немедленно задавал вопрос: «Но почему? Ведь должно быть не так?».

Его взросление происходило с пониманием того, что ко всему в жизни нужно относиться ответственно, каждый должен быть честным и справедливым, за свои поступки нужно отвечать, а за правду бороться.

Пионер Валерий Легасов принимал активное участие в работе своей организации. На сборах дружины уверенно рассуждал о своих взглядах на жизнь, учебу, взаимоотношения со сверстниками, дружбу, товарищество.

**Встреча с Героем Советского Союза А.П. Маресьевым. Слева у знамени пионерской организации школы №56 Валерий Легасов.
Москва, 1951 г.**

Никогда не забывал тот день, когда в школу приезжал легендарный фронтовик, летчик-истребитель Герой Советского Союза Алексей Петрович Маресьев. Валерия назначили знаменосцем комсомольской организации школы. Под бой барабана он вынес знамя на сцену и остановился рядом с трибуной. И вот под гром аплодисментов вышел прославленный герой Великой Отечественной войны. Юноша не верил своим глазам: настоящий герой, прославленный ас, живая легенда и... вот он стоит рядом. Слушая рассказ ветерана о войне, он думал о том, смог ли бы, так же как Маресьев, мужественно и самоотверженно сражаться за свободу и независимость Родины?

В седьмом классе Валерий вступил в комсомол, был активистом, проявлял инициативу и незаурядные организаторские способности во всем, за что брался.

«Заметив в Уставе комсомола некоторые, на его взгляд, несовершенства, он заново переработал текст документа и у него получился новый Устав Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи. Сам того не понимая, парень покусился на систему, но слава Богу, что уже наступили некие послабления в тоталитарном режиме, вызванные смертью И.В. Сталина». /46/

В 1954 году Валерий Легасов окончил школу с золотой медалью. Его выпускное сочинение признали лучшим в городе. Директор школы Петр Сергеевич Окуньков сказал родителям: «Это взрослый человек, будущий государственный деятель, талантливый организатор. Он может быть философом, историком, инженером». /46/

Кроме занятий музыкой, Валерий серьезно увлекался сочинением стихов. Когда встал вопрос о выборе профессии, он решил стать поэтом. Нашел писателя и поэта Константина Симонова, добился встречи с ним, показал свои стихи и попросил совета: стоит ли посвятить свою жизнь поэзии. К. Симонов посоветовал парню освоить серьезную мужскую профессию. «Увлечение поэзией этому не помешает, - сказал поэт, - а в дальнейшем жизнь сама выведет на нужную дорогу». /46/

Летом В. Легасов поступил на вновь открытый специальный физико-химический факультет Московского химико-технологического института им. Д. Менделеева.

Несмотря на страстное увлечение настольным теннисом, и случавшиеся из-за этого пропуски лекций, он был одним из лучших студентов курса. Однокурсники признали в нем лидера и его избрали секретарем комсомольской организации курса.

Руководству института студент Легасов запомнился, как один из наиболее ярких секретарей комитета ВЛКСМ. На его долю выпали такие

ответственные события, как участие в организации и проведении мероприятий, связанных с Всемирным фестивалем молодежи и студентов в Москве в 1957 году, отправкой студенческих бригад на целину. /46/

В.А. Легасов был членом бюро Советского райкома комсомола, городского комитета ВЛКСМ. Учеба, общественная работа, беспокойство по поводу того, успеет ли везде, где разворачиваются важные события, не мешали ему серьезно относиться к учебе.

«Импульсивный, увлекающийся, очень подвижный, Валерий был человеком спортивного склада, стремительным в движениях, точным в реакциях. С детства он азартно увлекался спортом, причем самыми разными видами на протяжении всей жизни: хоккей, лыжи, велосипед, волейбол, теннис, шахматы. Позже самое большое пристрастие - автомобильные путешествия». /20/

Свой дипломный проект после окончания института Легасов выполнил в Институте атомной энергии им. И.В. Курчатова (ИАЭ). Защита прошла блестяще, и ему предложили готовиться к экзаменам в аспирантуру института. Но Легасов избрал для себя иную судьбу - с группой выпускников уехал работать на Сибирский химический комбинат. Работа на производстве дала ему практические знания в области химической технологии и хорошую практику.

В конце 1962 года В.А. Легасов возвратился в Москву и поступил в аспирантуру ИАЭ. В 1967 году он защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата химических наук.

В марте 1968 года Легасова избрали первым секретарем партийного комитета ИАЭ, а вскоре и депутатом Моссовета. Серьезно относясь к общественной деятельности, Валерий Алексеевич не ослабил свою научную работу. Удивительно, но в тех условиях он нашел возможность и время для интересных исследований, вошедших впоследствии в его докторскую диссертацию.

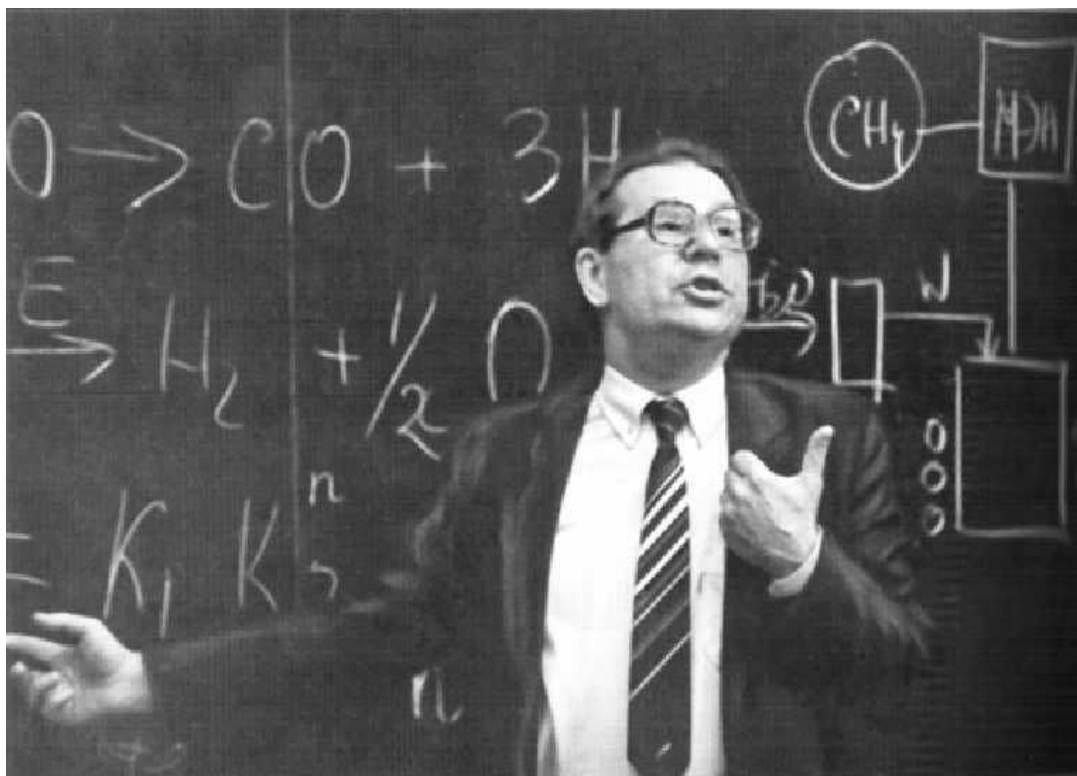
В 1972 году В.А. Легасов защитил докторскую диссертацию. Вскоре его как перспективного ученого назначили заместителем директора Института атомной энергии им. И.В. Курчатова по научной работе.

На этом посту Валерий Алексеевич Легасов провел огромную научно-организаторскую работу: создал регулярный Всесоюзный семинар по проблемам атомно-водородной энергетики, наладил выпуск научно-технического бюллетеня «Атомно-водородная энергетика и технология», возглавлял экспертный совет ВАК СССР по неорганической химии, являлся членом президиума Комитета по

Ленинским и Государственным премиям СССР при Совете Министров СССР. Он был избран в состав Совета директоров Международной ассоциации по водородной энергетике и членом редколлегии международного журнала «Водородная энергетика». Будучи председателем ведомственной комиссии по плазменной химии и металлургии, способствовал внедрению в производство новейших достижений физики и химии плазмы. Был членом Совета АН СССР по химии высоких технологий.

В.А. Легасов пять лет заведовал кафедрой химической технологии в МГУ им. М.В. Ломоносова, много сил вложил в развитие новой концепции химико-технологического образования химиков с университетским уровнем знаний. /20/

Вспоминает сотрудник кафедры, член-корреспондент РАН Н.Н. Олейников: «Академик В.А. Легасов, заведовавший в МГУ им. М.В. Ломоносова объединенной кафедрой радиохимии и химической

В.А. Легасов читает лекцию в МГУ

технологии с 1983 года до конца жизни, остается в памяти сотрудников химического факультета. Его яркие выступления по актуальным проблемам химии и химической технологии всегда проходили в заполненной до предела Большой химической аудитории. Высочайший профессионализм, огромная научная эрудиция, умение подать проблему

в целом и одновременно показать иерархичность ее построения - все это ярко проявлялось в его выступлениях и увлекало слушателей». /21/

Катастрофа на Чернобыльской АЭС 26 апреля 1986 года круто изменила судьбы многих граждан СССР, особенно работающих в ядерной энергетике.

Академик В.А. Легасов прибыл на ликвидацию последствий катастрофы в составе Правительственной комиссии Совета Министров СССР вечером 26 апреля. В состав комиссии вошли: Б.Е. Щербина - заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Бюро по топливно-энергетическому комплексу, назначенный распоряжением Совета Министров СССР председателем Правительственной комиссии; министр энергетики и электрификации СССР А.И. Майорец, заведующий сектором атомной энергетики аппарата Совета Министров СССР Л.П. Драч; заместитель министра здравоохранения Е.И. Воробьев; первый заместитель директора Института атомной энергии академик В.А. Легасов; заместитель главного инженера института «Гидропроект» В.С. Конвиз, заместитель Генерального прокурора СССР О.В. Сорока; руководитель одного из подразделений КГБ Ф.А. Щербак и др. Кроме того, прибыли заместитель Председателя Совета Министров Украины Н.Ф. Николаев и председатель Киевского облисполкома И. Плющ. /4/

В седьмом часу вечера колонна правительственных машин въехала в город энергетиков Чернобыльской АЭС Припять. Остановились на центральной площади у здания городского комитета партии. Встречать московскую комиссию вышли все руководители местных органов. Членов Правительственной комиссии разместили в кабинетах горкома.

В.А. Легасов, не теряя времени, приступил к выяснению обстановки на АЭС.

В областном штабе по ликвидации последствий аварии, который работал здесь же, в горкоме, ему сообщили, что 4-й блок разрушен, а что произошло с реактором - неизвестно. Предположения были самые мрачные. Известно, что полностью разрушены крыша и стены. Во дворе атомной станции валяются обломки технологического оборудования и куски графита, радиоактивные компоненты активной зоны реактора выброшены на кровлю соседних блоков и территорию станции. Уровни радиации уточняются, но имеют явную тенденцию к увеличению. Во время аварии погибло два человека: старший оператор главных циркуляционных насосов В.И. Ходемчук, его тело не найдено, и электрик В.Н. Шашенок, который умер утром от полученных травм и ожогов. От радиации пострадали 130 человек. Всем оказывается медицинская помощь в больницах города. Двадцать восемь человек, из

числа наиболее облученных, отправлены в Москву в 6-ю клиническую больницу, специализирующуюся на лечении лучевой болезни.

С трех часов дня в Чернобыле работали ученые и специалисты НПО «Союзатомэнерго» - заместитель начальника, доктор технических наук Е.И. Игнатенко, главный инженер этого же объединения Б.Я. Прушинский, генеральный директор НПО «Энергия» А.А. Абагян, начальник отдела радиационной безопасности Л.П. Хамьянов, заместитель председателя Госатомэнергонадзора СССР М.П. Алексеев, заместитель министра энергетики и электрификации СССР по атомной энергетике Г.А. Шашарин и др.

Академик Легасов оперативно встретился со всеми, кто прибыл раньше и выяснил, что им известно о случившемся на атомной станции. Г.А. Шашарин, Е.И. Игнатенко, А.А. Абагян, которые уже успели осмотреть аварийный энергоблок с вертолета, имели лишь предварительное представление об аварии. По их словам выходило, что реактор разрушен полностью, все технологическое оборудование активной зоны силой взрыва выброшено наружу. В аварийной зоне горят обломки оборудования и радиоактивные материалы. По исходящему из развала белому дыму предположили, что горит графит.

Академик В.А. Легасов предложил объединить усилия всех ученых и специалистов и начать работу, чтобы не терять время. Из всей команды прибывших в инициативном порядке сформировали несколько рабочих групп для принятия экстренных мер.

Были созданы группы:

- по выявлению причин аварии и определению состояния аварийного блока;
- по обеспечению безопасности 1-го, 2-го, 3-го энергоблоков;
- по выявлению радиационной обстановки в районе 4-го ЭБ, на всей станции и в Припяти;
- по организации эвакуации жителей из опасной зоны;
- по организации аварийно-спасательных работ;
- радиационного и дозиметрического контроля;

В.А. Легасов проанализировал всю имеющуюся известную информацию. «Теперь, - решил он, - нужно срочно приступить к подготовке предложений первостепенной важности. Вскоре может понадобиться объективный доклад о случившемся».

На первом заседании Правительственной комиссии В.А. Легасов как научный руководитель от Института атомной энергии доложил председателю госкомиссии подготовленные сведения о том, что стало известно об обстановке на аварийном блоке и о проделанной работе.

Члены Правительственной комиссии с тревогой слушали доклад академика, вникнув во всю сложность и неопределенность обстановки, сложившейся на АЭС.

Аналогичных аварий в практике советской и мировой ядерной энергетики не происходило, поэтому никто из членов комиссии не знал, что и как нужно делать. Легасов своим хладнокровием и аргументированностью доводов постепенно сумел создать в Правительственной комиссии обстановку спокойной и продуктивной работы.

Борис Евдокимович Щербина, ранее принимавший участие в ликвидации последствий больших аварий, уверенный в своем опыте и умении работать в экстремальных ситуациях, прибыл на Чернобыльскую атомную станцию в бодром расположении духа. Во всем его благодушном виде читался иронический вопрос: «Ну что, напортачили? Сами справиться не можете?»

Тем не менее выслушав доклад Легасова и других специалистов, поняв серьезность ситуации и неопределенность обстановки на АЭС, его состояние заметно омрачилось. Председателя Правительственной комиссии терзал один вопрос: как же так, как это могло произойти? Что делать?

Щербина утвердил своим решением, внося некоторые коррективы, состав сформированных групп, кандидатуры руководителей и выбранные направления работы.

Первую рабочую группу он поручил возглавить академику В. А. Легасову, которой предстояло детально изучить обстановку в районе 4-го блока, разобраться с физическим состоянием реактора, определить его параметры и возможность новых взрывов или возгораний. Нужно было в экстренном порядке найти способы тушения горящих радиоактивных материалов и прекращения выбросов радионуклидов во внешнюю среду.

Второй группе во главе с академиком А.А. Абагяном поручили произвести радиационную разведку в районе 4-го блока, на территории Чернобыльской АЭС, в Припяти и на близлежащей территории.

Третьей группе, состоящей из военнослужащих гражданской обороны под руководством генерал-полковника Б.П. Иванова, поручили немедленно приступить к подготовке возможной эвакуации населения и проведению дезактивационных работ.

Другие группы оставили работать почти без изменений в первоначальном составе и по решаемым задачам.

Около девяти вечера в зал заседаний Правительственной комиссии прибыл начальник штаба ВВС Киевского военного округа генерал-майор авиации Н.Т. Антошкин. Он доложил о своем прибытии Щербине.

- Чем может помочь авиация? - спросил он генерала.

- Авиация выполнит любую поставленную задачу, соизмеримую с ее техническими возможностями, - ответил Антошкин.

Поздно вечером 26 апреля к работающей Правительственной комиссии подключился прибывший в район бедствия начальник химических войск Министерства обороны СССР генерал-полковник В.К. Пикалов. Академик В.А. Легасов очень хорошо знал специфику действий химических войск, их техническую оснащенность и профессионализм военнослужащих. Он с радостью приветствовал прибытие В.К. Пикалова, полагая, что части химвойск, предназначенные для ликвидации последствий применения оружия массового поражения в условиях войны, смогут внести весомый вклад и в выяснение обстановки, и в организацию ликвидации последствий.

- Что могут сделать военные химики для устранения последствий аварии? - спросил Щербина генерала Пикалова.

- С минуты на минуту ожидается прибытие передовой группы мобильного отряда по ликвидации последствий радиационных аварий (МОЛПА). В ее составе высококлассные специалисты, бронированная техника, приборы радиационной разведки и дозиметрического контроля. Через сутки подойдут основные силы отряда. Будем работать. О результатах и предложениях доложу по мере выяснения обстановки.

Работа членов Правительственной комиссии шла энергично. Каждый искренне желал внести свой вклад в нормализацию обстановки и тем самым помочь работе комиссии. Предложений было много, но не все они содержали в себе «рациональное зерно», некоторые были явно ошибочными.

С идеями и инициативами шли к академику В.А. Легасову, который представлял в Правительственной комиссии Институт атомной энергии и поэтому, по сути, и по факту стал в ней самым главным ученым. Валерий Алексеевич внимательно выслушивал всех, давал свое заключение, никого не обижая, ничего не отвергая. Он всех вовлекал в дискуссию по тому или иному вопросу. К нему шли не только с предложениями, но и с вопросами, которые тревожили. Одних он успокаивал, другим что-то разъяснял, третьим предлагал исследовать тот или иной аспект или произвести расчеты. Вместе с тем обстановка в

Правительственной комиссии из-за неясности и тревожных предположений в то время сложилась напряженная.

Бурная работа групп прерывалась, когда начиналось общее обсуждение важного вопроса. Все активно включались в тему исследования, хотелось побыстрее все исправить.

Обобщив имеющуюся информацию по обстановке на аварийном блоке, территории станции и близлежащих окрестностях, Легасов определил и сформулировал задачи первоочередной важности, которые требовалось решить незамедлительно.

1. Определение состояния реактора и возможности его самопроизвольного разгона.

2. Подготовка эвакуации населения Припяти и станции Янов.

3. Определение методов тушения горящего реактора и предотвращения выбросов радионуклидов в окружающее пространство.

4. Определение мер необходимой безопасности для 1-го, 2-го, 3-го блоков.

5. Создание карты уточненной радиационной обстановки на 4-м блоке, территории станции, в Припяти и близлежащей территории.

6. Организация дозиметрического контроля.

7. Организация йодной профилактики участников ликвидации и местного населения.

Около полуночи в Припять прибыла передовая группа **МОЛПА** под командованием подполковника Н.А. Выбодовского в составе 4-х боевых разведывательных машины БРДМ-2рх, радиостанции и других специальных машин, доставленных в район Чернобыля военно-транспортной авиацией.

8. А. Легасов по согласованию с генералом В.К. Пикаловым вместе с сотрудником ИАЭ им. И.В. Курчатова А.А. Боровым на одном из БРДМ выехал к разрушенному блоку для выяснения параметров радиационной обстановки.

Подъехали, как только позволяли обломки разрушенного блока, ближе к завалу. Но измерить мощность экспозиционной дозы не удалось: радиометры и рентгенометры зашкаливали на всех диапазонах измерений. Стрелки приборов отклонялись вправо до максимального значения, а затем отбрасывались влево на нулевую отметку. Затем все повторялось. Такая «пляска» радиометров не позволяла произвести измерение уровней радиации. Вернулись ни с чем. В той обстановке нужны были приборы, работающие на других физических принципах регистрации излучений. Такие приборы нашлись у специалистов НПО «Энергия».

Организовав измерение активности другими приборами в районе аварийного блока, академик В.А. Легасов сосредоточил усилия ученых и специалистов на самой важной задаче - определении возможности самопроизвольного разгона реактора. В радиоактивных материалах, оставшихся в разрушенном реакторе, под действием сил взрыва могла начаться самопроизвольно развивающаяся цепная реакция деления, что неизбежно могло привести к атомному взрыву. Выяснить, какова вероятность возникновения этого страшного сценария развития обстановки, можно было только по определению наличия или отсутствия нейтронного потока внутри разрушенного реактора. Если нейтронные излучения имелись в активной зоне, то их можно было бы зарегистрировать и снаружи. Поэтому определение нейтронного потока в тех условиях было основной и актуальной задачей. Сотрудники «Союзатомэнерго», начавшие работать в аварийной зоне еще в дневное время 26 апреля, получили на этот счет противоречивые данные. Нейтронный поток то регистрировался, то отсутствовал.

Для подавления нейтронного излучения требовалось ввести в зону развала карбид бора, который нейтрализовал нейтроны. Во время залива водой горящих радиоактивных материалов внутри взорвавшегося реактора сотрудники станции растворили в воде и ввели в активную зону еще днем 26 апреля 40 т этого поглотителя. На этом запасы нужного вещества на АЭС закончились, а необходимость в нем была большая. В оперативном режиме энергетики Украины в течение ночи с 26 на 27 апреля доставили с Запорожской АЭС 10 т карбида бора.

Во втором часу ночи В.А. Легасов совместно с генералом В.К. Пикаловым разработали план действий по измерению нейтронов приборами военных химиков, имеющими нейтронные диапазоны измерений. Экипаж с разведчиками из числа офицеров-химиков на БРДМ-2-рх направили к аварийному блоку. Вскоре разведчики вернулись, и командир доложил, что приборы зафиксировали мощный поток нейтронного излучения.

Это сообщение расстроило и обескуражило членов Правительственной комиссии. Но Валерий Алексеевич не поверил сообщению военных. «Возможно, - предположил он, - приборы зафиксировали не нейтроны, а сильное гамма-излучение, которое своим мощным энергетическим воздействием подавило детекторы регистрации нейтронов».

Академик В.А. Легасов сам выехал на разведку к аварийному блоку. Это была его вторая поездка в зону запредельных излучений. Он провел необходимые измерения и его предположения подтвердились,

нейтроны вблизи блока не регистрировались. Но, тем не менее, полной уверенности в том, что реактор заглушён, ни у кого не было. Только академик В.А. Легасов был в этом уверен, о чем и сообщил в ночном телефонном разговоре Председателю Совета Министров СССР Н.И. Рыжкову. Все же для полной уверенности в этом деле, Легасову пришлось еще несколько дней заниматься этим вопросом. Только проведя радиохимические измерения и исследование по соотношению йода-134 и йода-131, он сделал вывод, что наработка короткоживущих изотопов не происходит, а значит, реактор не работает и находится в подкритическом состоянии.

Между тем обстановка в Правительственной комиссии по-прежнему оставалась напряженной и тревожная. Нужно было срочно решать, как и чем тушить горящие в активной зоне радиоактивные вещества и материалы. Отсутствие опыта в подобных ситуациях не позволяло принять эффективные меры. К тому же руководство страны торопило и требовало принятия срочных мер. Все смотрели на академика В.А. Легасова с надеждой, от него ждали научного решения, определяющего выход из критической ситуации.

В рабочих группах полным ходом шло обсуждение способов тушения активной зоны. Кто-то вспомнил, что в иностранной прессе проходили сведения о тушении высокотемпературных пожаров забрасыванием их поглощающими материалами. Какими именно не помнили. В горящую зону забрасывали материалы, которые, попадая в зону высоких температур, плавилась и поглощала часть энергии горения. «Нужно понять, какие это могут быть вещества. Необходимо найти несколько видов таких веществ, - размышлял академик. - Одни вещества будут плавиться, и отводить «на себя» температуру горения. Другие, расплавляясь частично, будут создавать изолирующе-фильтрующий слой на поверхности развала и препятствовать выходу в атмосферу радиоактивных газов и аэрозолей.

Третьи - препятствовать движению расплавленной магмы вниз в подреакторное пространство».

В решении этой задачи принимали участие все члены Правительственной комиссии. Советовались, предлагали свои варианты, звонили в Москву и кому-то объясняли сложившуюся обстановку, что-то просили, что-то требовали - в Москве в это ночное время не спали многие ученые и специалисты.

Диагностика аварийного блока. В.А. Легасов и В.Ф. Шикалов

Обсуждали свойства всех природных материалов, которые можно было найти в близлежащей местности. Предлагали и материалы, которые нужно было привезти. Валерий Алексеевич убедил всех, что материалов для выполнения задачи должно быть очень много и находиться они должны где-то поблизости. На подвоз веществ времени не было. Обстановка в активной зоне развивалась стремительно и по неизвестному сценарию. Дорога была каждая минута. Исходя из своих доводов, Легасов предложил более подробно исследовать физико-химические свойства песка. Будучи прекрасным аналитиком, академик очень быстро произвел все расчеты и подтвердил предположение о том, что песок подойдет для тушения радиоактивной магмы. «Попадая в зону высокой температуры, песок будет плавиться и тем самым способствовать снижению температуры горения», - утверждал он. Так появилась первая идея использовать речной песок для забрасывания его в горящую активную зону.

Валерий Алексеевич позвонил академику А.П. Александрову и рассказал о том, что в группе ученых есть мнение воздействовать на горящую область реактора песком. Александр Петрович утвердил принятое решение и посоветовал использовать глину, содержащую в себе доломитовые примеси. Доломитовая глина должна была быть хорошим сорбентом для выделяющихся в атмосферу радионуклидов. Если рассыпать этот материал на горячей поверхности, то образующийся слой будет выполнять роль фильтра на пути движения радиоактивных газов и аэрозолей.

С земли подобраться к развалу блока оказалось невозможным из-за высоких уровней радиации. Оставалось только одно: материалы в разлом сбрасывать с воздуха вертолетами. Эту идею детально обсудили в рабочей группе, согласовали с генералом Н.Т. Антошкиным и только после этого доложили председателю Правительственной комиссии. Б.Е. Щербина одобрил предложение использовать песок для закупорки блока и армейскую авиацию для выполнения этой работы.

Генералу Антошкину приказали немедленно доставить в район катастрофы вертолеты и, не дожидаясь рассвета, приступить к сбрасыванию песка в зону горения.

«Сейчас это сделать невозможно, - возразил генерал. - Вертолеты ночью не летают. К тому же полеты над 4-м блоком нужно хорошо организовать. Необходимо провести разведку полетных трасс, отработать методику захода на цель, сброса грузов, создать диспетчерскую службу и многое другое для обеспечения полетов. Постараемся ускорить выполнение всех необходимых действий, - сказал он, - но работу можем начать только с утра. Ночью Александрийский авиаполк совершил перелет на полевой аэродром Черниговского летного училища.

Сейчас летчики отдыхают. В шесть часов утра в Припять прилетит первый борт. Вот тогда и начнем». /36/

С доводами генерала согласились. Дело это непростое - организовать сброс нужных материалов с воздуха. Вместе с тем все понимали, что много времени потребуется на организацию подготовительной работы. Нужно было еще найти место, откуда брать песок, и решить, кто будет заниматься этим делом: требовались люди, автомобили, мешки, лопаты. Б.Е. Щербина обратился к представителям местных и партийных органов, чтобы те мобилизовали людей, нашли необходимое количество тары и инструмент.

Кто-то подсказал, что на пляже имеются огромные кучи песка, который привезли для наращивания линии берега реки Припять. С него и решили начать заготовку песка.

Выбросам радиации способствовало горение графита в активной зоне, которого в ней было около 2,5 тыс. т. По подсчетам Легасова, за один час сгорала примерно 1 т графита. В результате горения образовывались радиоактивные газоаэрозольные компоненты, которые вместе с высокотемпературными массами дыма вылетали в атмосферу. Нужно было на поверхности разлома создать фильтрующий слой из сорбирующих материалов, которые, пропуская через себя газы и аэрозоли, адсорбировали бы их на себе. «Если не погасить горение

радиоактивных веществ, считал академик, - то загрязнение атмосферы планеты может продолжаться не менее 4-х месяцев. Это приведет к глобальной экологической катастрофе».

В.А. Легасов подсчитал, что для создания фильтрующе-изолирующего слоя толщиной 1 м потребуется не менее 50000 т материалов.

В третьем часу ночи 27 апреля Валерий Алексеевич в очередной раз выяснил сведения по уровням радиации в Припяти. Результаты оказались шокирующими: в некоторых местах города активность возросла в сотни раз!

Легасов немедленно обратился к Щербине.

- Борис Евдокимович, радиационная обстановка в Припяти стремительно ухудшается. Перспективы на то, что произойдет спад мощности излучения, чрезвычайно малы. Практически их нет. Нужна срочная эвакуация населения.

- Для того чтобы провести эвакуацию, ее нужно подготовить. - Щербина заметно нервничал. С трудом он сдерживал раздражение, бушующее в нем. - На это нужно время. Необходимо подготовить технику и выполнить организационные мероприятия. Эти действия проводятся правительством Украинской республики с утра 26 апреля. А это дело небыстрое. Для эвакуации требуется почти полторы тысячи автобусов. Сбор необходимого количества техники для вывоза людей завершится только к утру 27-го. Считаю, что в двенадцать часов дня сможем начать операцию. К сожалению, в Правительственной комиссии на этот счет до сих пор еще нет единого мнения. Эвакуацию, как это ни странно, не поддерживает представитель Минздрава. Есть и другие, кто надеется, что уровни загрязнения в Припяти пойдут на снижение. Все очень непросто. Нужно все хорошо организовать. Важно не допустить паники.

- Независимо от того, уменьшится активность в Припяти, или увеличится, будет единодушное мнение в Правительственной комиссии или нет, эвакуацию необходимо проводить сразу, как только будут выполнены все необходимые действия, - заявил академик В.А. Легасов. Щербина, сверкнув на него глазами и ничего не сказав, отвернулся.

В таком напряженном темпе работала Правительственная комиссия всю ночь. Перед рассветом председатель на один час отпустил всех умыться и сменить одежду. Через час приказал собраться в зале заседаний для продолжения работы.

Около семи утра 27 апреля на центральную площадь Припяти приземлился вертолет ВВС Киевского военного округа, пилотируемый полковником А.И. Серебряковым.

Офицер доложил председателю Правительственной комиссии и генералу Н.Т. Антошкину о прибытии авиаполка в район катастрофы и о его готовности к выполнению боевой задачи.

- Ну что, ваши летчики не побоятся работать в условиях радиации?
- обратился к нему Б.Е. Щербина.

- Борис Евдокимович, - вместо Серебрякова ответил Антошкин, - вот командир полка, бесстрашный офицер, прошел Афганистан. У него в полку все такие. Он сам первый и полетит на реактор.

В 7.30 винтокрылая машина, пилотируемая полковником А.И. Серебряковым, вылетела на разведку полетной трассы на 4-й блок.

С прилетом военных вертолетчиков у членов Правительственной комиссии появилась возможность осмотреть взорвавшийся реактор с воздуха. Б.Е. Щербина объявил, что желающие могут готовиться к полету на реактор.

В девятом часу только что возвратившийся с ЧАЭС вертолет полковника А.И. Серебрякова с членами Правительственной комиссии вылетел на осмотр 4-го блока. Вместе со всеми вылетели Б.Е. Щербина и В.А. Легасов.

Когда к разрушенному блоку приблизились на минимально допустимое расстояние, все прильнули к иллюминаторам. Приглушенные работающими двигателями вертолета голоса умолкли. Внизу, на расстоянии около 200 м разверзлась ядерная бездна, поражающая и устрашающая воображение своей необычностью. Наступила пауза. Какое-то время все молчали. «А что это там за малиновое свечение?» - прозвучал негромкий вопрос Б.Е. Щербины. «Это смерть», - ответил академик Легасов. /24/ Из разрушенного реактора излучалось разноцветное свечение, местами вспыхивали языки пламени, освещая обломки искореженного технологического оборудования и осколков разрушенных стройматериалов.

Ответ академика потряс всех. К командиру экипажа пошли с просьбой подлететь к реактору с разных сторон, зависнуть в том или ином положении для фотографирования и приборной съемки. Опытный летчик делал все, что только позволяли технические возможности летательного аппарата.

После возвращения в Припять, полковнику А.И. Серебрякову пришлось еще раз лететь на реактор.

**Осмотр 4-го блока с борта вертолета. У иллюминатора Б.Е. Щербина.
Крайний справа - академик В.А. Легасов. 27 апреля 1986 г.**

Желающих осмотреть разрушенный блок из числа ученых и специалистов было немало. И это было не простое любопытство: увидеть масштабы разрушений - необходимое условие для принятия решений. Академик В.А. Легасов, воспользовавшись возможностью, полетел на ЧАЭС второй раз, чтобы лучше рассмотреть разрушенный блок.

В это время на площади Припяти велась подготовка к сбрасыванию материалов в развал 4-го блока. Прежде всего, как и решили ночью, для нейтрализации возможного нейтронного излучения в активной зоне подготовили 10 т карбида бора. Первая задача - введение в аварийную зону нейтронного поглотителя, была оперативно решена.

Вторая задача была связана с введением в активную зону вещества, которое смогло бы способствовать снижению температуры горения. В качестве такого материала решили использовать песок, которого в той местности было более чем достаточно.

Кроме того, если бы началось плавление таблеток с радиоактивными веществами, то аэрозольные и газообразные фракции абсорбировались бы на частичках песка, не пропуская их продвижение в атмосферу.

С 10 часов 27 апреля началась работа авиаторов по забрасыванию разрушенного реактора с воздуха карбидом бора и песком, засыпанным в мешки.

На утреннем заседании Правительственной комиссии в 10.00 Б.Е. Щербина объявил о том, что эвакуация жителей Припяти и станции Янов начнется в 14.00. Поручение о подготовке и передаче сообщения жителям города дали горисполкому Припяти.

Большой проблемой по прежнему оставалось найти такие вещества, которые могли бы стабилизировать температуру горения, отнимая часть энергии для разделения веществ на отдельные компоненты. После длительных размышлений и консультаций с Москвой пришли к решению, чтобы в качестве стабилизаторов температуры выбрать свинец. Свинец - легкоплавкий металл (температура его плавления $327,4^{\circ}\text{C}$), «...но он тяжелее ядерного топлива (двуокиси урана) и должен, расплавляясь, протечь под активную зону, по пути охлаждая ядерное топливо и затем, растекаясь, разнести его по помещениям реакторного отделения, снижая энергонапряженность и температуру. В конечном итоге, свинец, создавая жидкометаллическую подушку, отделил бы двуокись урана от полов помещения и предотвратил бы тем самым их прожигание». /23/

Но беспокоило то, что если температура в зоне горения выше температуры плавления свинца, то он мог бы, при приближении к высокотемпературной зоне, сублимироваться (переходить из твердого агрегатного состояния в газообразное, минуя жидкую фазу), то есть испаряться, и его пары, будучи весьма токсичными, могли бы расширить спектр негативных факторов катастрофы.

Для проведения этого исследования использовали импортные тепловизоры, которые установили на борту вертолетов. Вертолеты кружили над 4-м блоком, а операторы фокусировали объективы приборов на обломках разрушенного реактора. Но результаты измерений оказались малоубедительными, и академик Легасов установил это сразу. Валерий Алексеевич знал, что шведские тепловизоры работали на основе полупроводников. Поэтому полученные показания следовало правильно интерпретировать, так как мощное гамма-излучение, попадающее на полупроводники, существенно искажало результаты замеров. Легасов предложил тепловизорные измерения дополнить измерениями, полученными с помощью прямых термопар. С вертолетов в зону разлома реактора на длинных фалах опускали термопары, которые и давали более точные сведения о температуре в зоне разрушений.

Академик В.А. Легасов предложил еще один способ определения температуры активной зоны.

«Поскольку продолжалось горение графита, то мною было предложено осуществлять воздухозабор, и мы отправляли в Киев на анализ содержание CO , CO_2 , их соотношения, по которым с не очень высокой точностью, но можно было судить о максимальных температурах в разрушенном 4-м блоке». /1/

«По итогам полученных измерений сделали заключение, что температура в активной зоне была не равномерной и в отдельных точках составляла 1000°C . Но в основном поверхность разрушения имела температуру не более 300°C ». /1/

Несмотря на то что температура расплавленных материалов с каждым днем увеличивалась примерно на 135°C вводить свинец в активную зону было оправданным и могло быть весьма эффективным фактором. На основании полученных Легасовым данных приняли решение о забросе свинца в горящую активную зону с помощью вертолетов. По мере подвоза этого материала на ЧАЭС вертолетчики начали его сброс в жерло реактора. /27/

«Учитывая, что были и высокотемпературные области, решили использовать и карбонатсодержащие породы, в частности, доломит, назначение которого было то же самое - там, где возможно стабилизировать температуру, затратив энергию на разложение доломита на компоненты». /1/

Сброс с большой высоты на разрушенный блок тяжелых грузов приводил к образованию облаков пыли и повышению радиоактивного фона не только на территории станции, но и далеко за ее пределами. Это вызвало недовольство и возмущение со стороны некоторых членов Правительственной комиссии и откровенных недоброжелателей академика В.А. Легасова. Но он сумел доказать, что метод закупорки реактора фильтрующими, изолирующими, нейтрализующими веществами достаточно эффективен, поскольку после осаждения облаков пыли, образующихся после сбрасывания, гамма-фон в районе аварийной зоны снижался в разы. Непросто было академику отстаивать свои действия, но он научно обосновывал свои решения, поэтому все его реализованные предложения принесли определенный результат и способствовали локализации катастрофы.

27 апреля для определения величины суточного выброса радиоактивных веществ из аварийного реактора академиком В.А. Легасовым и генералом В.К. Пикаловым была разработана операция под кодовым названием «Крест». Для выполнения задуманного использовали вертолеты с офицерами химических войск на борту.

По команде со всех вертолетов, находящихся в воздухе на удалении от 13 до 3 км от АЭС, и по нормали к оси на удалении от 3 до 9 км на высоте от 250 м до 2 км осуществили забор воздуха. Полученные результаты позволили правильно спрогнозировать выпадение радионуклидов в отдельных районах. Для выполнения операции использовали 68 вертолето-вылетов. /28/

Но вместе с тем у членов Правительственной комиссии возникло очередное опасное предположение, получившее название «китайский синдром». Ученые не могли исключить того, что расплавленная магма радиоактивных материалов сможет проплавить поддон и фундамент реактора и уйти вниз в землю на глубину.

Время было тревожное, обстановка неясная. Высказанная гипотеза очень обеспокоила всех. Никто не мог ни опровергнуть это предположение, ни доказать, что оно осуществится.

При аварийных взрывах шахта блока уже опустилась вниз на 4 м. Если движение реактора вниз продолжится, то при встрече высокотемпературной области радиоактивной массы и грунтовых вод могло произойти мгновенное парообразование и мощный взрыв с огромным радиусом поражения и непредвиденными гигантскими последствиями, несопоставимо большими, чем при взрыве 4-го блока.

Над решением этой задачи работали В.А. Легасов и В.А. Сидоренко - первый заместитель председателя Госатомэнергонадзора и заместитель начальника НПО «Союзатомэнерго», а также доктор технических наук Е.И. Игнатенко.

Проблема была действительно сложной и не имела готовых решений. Е.И. Игнатенко ранее, работая с реакторами типа ВВЭР, разрабатывал предложения на «особый период» военных действий на случай разрушения реактора. При этом предусматривалось бурение скважин с закачкой в них цементных растворов, сооружения водонепроницаемых стен в грунте, способных отсечь пути возможного перемещения высокотемпературных радиоактивных масс к водоносным горизонтам.

Но прежде чем раскаленная ядерная магма могла пройти через фундамент шахты реактора и дойти до водоносных горизонтов, она могла соприкоснуться с водой, которая (предположительно в количестве 5000 м³) находилась в бассейне-барботере под реактором. Это положение тщательно обсудили, оно оказалось весьма реальным.

Срочно требовалось откачать всю воду из поддона реактора. Выполнить эту задачу поручили военным. Но в бассейн-барботер нельзя было попасть, к нему не было путей подхода. Схемы расположения

узлов реактора найти не удалось. Предложили в целях получения дыры, необходимой для попадания в резервуар с водой, прострелить стену шахты реактора кумулятивным выстрелом. Академик В.А. Легасов категорически высказался против такого способа действий. В доказательство он привел три аргумента: 1) выполнить это практически очень непросто; 2) взрывы и сотрясения для разрушенной активной зоны, находящейся в непредсказуемом состоянии - нежелательны, так как могли спровоцировать дальнейшее разрушение с непредвиденными последствиями; 3) вода в бассейне радиоактивная. Выплеснуть в подземные горизонты 5000 м радиоактивной воды - только усугубить последствия катастрофы. Он предложил простое решение: разыскать схему устройства барботера, найти запорные устройства, открыть их и воду откачать. Мнения по этому делу разделились, а вопрос остался открытым. И только в Москве на заседании Оперативной группы Политбюро ЦК КПСС 5 мая после доклада Валерия Алексеевича приняли решение - по реактору не стрелять, а дыру пробить другим способом. /43/

Ученые под руководством В.А. Легасова после длительных и мучительных размышлений и консультаций пришли к выводу, что расплавленная активная зона с температурой более 2000°C не может выйти из реакторного отделения. Конструктивно реактор опирался на мощные металлические крестообразные опоры, под ними находилось помещение, заполненное большим количеством труб из нержавеющей металла, под этим помещением располагался двухэтажный бассейн-барботер. Подошвой реакторного отделения была 3-метровая железобетонная плита. Расчеты показали, что активная масса не могла прожечь эти препятствия.

Но, тем не менее, тревога и неосознанный страх оставался в сознании каждого, кто работал по этой проблеме. «А вдруг что-то упустили, что-то недооценили?» - думалось каждому.

Академик В.А. Легасов в Чернобыле руководил действиями ученых. К нему стекалась вся информация. Сейчас уже трудно вспомнить, кто и когда был автором той или иной идеи или предложения по локализации катастрофы. Но люди были искренни в своем стремлении помочь в той сложной ситуации. Легасов отсеивал ненужное, лишнее, но принимал к разработке все то, что было актуальным и обещало принести положительный результат. Он лучше других представлял, что нужно было тогда делать. Ученые и специалисты, работавшие с ним, понимали, может быть, чувствовали это и стремились к нему, как к гаранту успеха.

Сфера научной компетентности академика Легасова была настолько велика, а объем решаемых задач при локализации катастрофы настолько многогранен, что именно он оказался тем человеком, тем лидером, который организовал и сплотил все лучшие научные и профессиональные силы. Вероятно, по Божьей воле оказался он в составе Правительственной в нужное время и в нужном месте. Академик Легасов всегда был там, где выполнялись самые опасные, самые трудные, но, как считали тогда, самые верные и необходимые действия.

Несколько суток подряд под руководством академика В.А. Легасова многократно повторялись исследования газовых компонентов выбросов. Отсутствие короткоживущих изотопов в результатах исследований убедили ученых в том, что топливная масса, оставшаяся в реакторе после взрыва, действительно находится в безопасном состоянии.

Ежедневно 4-5 раз на вертолете он облетал реактор, чтобы получить новые данные о состоянии активной зоны. Пренебрегал опасностью облучения, о здоровье и последствиях не думал вообще - не до этого было. Его мысли были заняты другим: как можно быстрее погасить горение радиоактивных материалов, перекрыть выход в окружающую среду радионуклидов. Он первый установил, что катастрофическое развитие аварии прекратилось и других взрывов не будет. На получение такого нужного и важного в тех условиях заключения академик использовал весь свой опыт, все знания и смелость научных размышлений.

Если при проведении исследований требовалось находиться на полях высокой активности, Валерий Алексеевич незамедлительно выходил на опасные участки и выполнял необходимые действия.

В книге «Герои атомного проекта» о Легасове написано: «Здесь (в Чернобыле. - В.М.) в полной мере раскрылись его качества организатора, научный потенциал, личная инициатива и мужество. Валерий Алексеевич, возглавляя работу оперативного штаба Курчатовского института, который координировал весь комплекс аварийных работ на Чернобыльской АЭС, принимал непосредственное участие в выработке принципиальных решений, организации необходимых мероприятий по ликвидации аварии и ее последствий...»
/25/

В.А. Легасов у 4-го энергоблока

2 мая реактор перестал гореть. В этот же день в Чернобыль прибыла замена первой смены Правительственной комиссии. Два дня ушло на передачу дел и введение в обстановку сменщиков. На смену академика В.А. Легасов прибыл академик Е.П. Велихов. Но В.А. Легасова из Чернобыля не отпустили. Только в ночь с 4 на 5 мая Валерий Алексеевич с группой членов Правительственной комиссии вылетел в Москву для участия в работе заседания Оперативной группы Политбюро ЦК КПСС.

К этому времени В.А. Легасов получил большую дозу облучения и рассчитывал остаться дома. Работа на пределе нервных и физических сил, постоянное напряжение, недосыпание, радиация окончательно измотали его силы? ему срочно требовался полноценный отдых.

Вспоминает Маргарита Михайловна Легасова, ныне вдова академика:

«Наконец, 5 мая рано утром мы встретили похудевшего, облысевшего, с очень загорелым лицом и кистями рук (нам потом объяснили, что это был чернобыльский загар) очень изменившегося Валерия: в чужом костюме, в чужой белой кепочке, с большим полиэтиленовым мешком вместо привычного кейса...

Глаза Валерия были измучены, покрасневшими от усталости и недосыпания, а может быть, и от скрытых слез.

Мы с дочерью одновременно закричали: «Как ты? Ты здоров?» Были и другие выкрики и восклицания, а он очень медленно и спокойно сказал: «Все потом, после... Как внуки? Вы здесь все здоровы? Все в порядке?»

Очень быстро принял душ, позавтракал нехотя. Произнес: «Должен ехать к 10 часам на заседание Политбюро ЦК КПСС. Будет обсуждаться чернобыльская авария». Виделся он с нами в тот день минут 35, не более». /26/

5 мая в 10.00 в Москве на Старой площади состоялось заседание Оперативной группы Политбюро ЦК КПСС и Валерия Алексеевича Легасова пригласили принять участие в его работе. От него рассчитывали получить самую достоверную оценку состояния дел в зоне катастрофы и перспектив ликвидации последствий. Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева интересовали три вопроса: 1) насколько опасна ситуация на 4-м блоке; 2) когда это все закончится; 3) что делать для того, чтобы быстрее закончить все действия в Чернобыле. Он был обеспокоен тем, что его авторитет в мире, как руководителя государства, начинает падать. Горбачев знал, что только Легасов может объективно объяснить и оценить всю сложившуюся ситуацию на Чернобыльской АЭС.

Выписка из протокола третьего заседания ОГ ПБ ЦК КПСС.

«ЛЕГАСОВ (академик). Работа организована так: тов. Щербина занимается организационными делами, тов. Мешков - изучением причин аварии, я - выработкой рекомендаций о предотвращении выбросов на дальнейшее расстояние. Группы в Москве ведут анализ.

Соображения по предотвращению последствий аварии, которые высказываются на Западе, следует учитывать. Это не просто догадки, а результат проводившихся исследований с учетом имевших место аварий АЭС. Нам приходилось расчеты делать на месте, т. к. штатных мер предусмотрено не было.

ГОРБАЧЕВ. К тому же здесь вода прямо под реактором.

ЛЕГАСОВ. Это было сделано ради экономии, чтобы не строить два здания. Минсредмаш не был с этим согласен. Было бы 45 труб, выведенных на расстояние, и не было бы проблем. Это просчет всех энергетиков.

ГОРБАЧЕВ. А колпаки?

ЛЕГАСОВ. При той мощности взрыва, который имел место, колпак не спас бы.

ГОРБАЧЕВ. Нужно сосредоточиться на том, что нас ожидает.

ЛЕГАСОВ. Через 10 часов мы приостановили работу реактора. Но он продолжает излучать радиоактивность, так как за год работы в нем произошло накопление изотопов. Мощность тепловыделения от таких осколков в первые сутки составляла 14 мегаватт, а сегодня равняется 8,5 мегаватт, т. е. в сутки как бы сгорает 60 т угля. Кроме того, происходит

горение графита. Всего его 2,5 тыс. т. В час сгорает одна тонна. В сутки это эквивалентно 24 тоннам угля. Полностью графит сгорит за 1/3 года.

Первая задача состоит в том, чтобы создать средства для фильтрации радиоактивных изотопов. Сейчас их идет в воздух в 100 раз меньше, чем их шло бы, если бы не было принято мер по заброске реактора песком и другими материалами с воздуха. Расположенный около реактора район приносился в жертву, так как при заброске грузов с высоты 200 м поднималась пыль, усиливающая радиацию вокруг станции.

Сейчас расплавленная в реакторе масса движется вниз. Контролировать это трудно, так как не были предусмотрены дистанционные приборы, которые позволяли бы это делать. *Это и моя вина* (курсив мой. - В.М.). Но этого нет ни на одной АЭС в мире.

В первый день после аварии температура расплавленной массы составляла 1100° С, а вчера в 18.00 - 2000° С. В сутки она повышается на 135° С.

Сегодня ночью проводился эксперимент: расплавленная масса рушилась в воду. Но взрыва не произошло. Однако если расплавленная масса из реактора достигнет воды, то будет мощное парообразование.

Ситуация по-прежнему тревожная. Нужно теплоохлаждение реактора снизу. Необходимо сделать проходку под землей и дать по ней азот. За 2-3 дня нужно дать воздушную циркуляцию. Вчера на реактор не бросали мешков, чтобы обеспечить тягу.

Относительно потенциально опасной зоны. Больше 250 км она не может быть. При этом активная - 30-50 км. Наш институт разрабатывал тему «Заслон», касающуюся этой проблемы. Так что у нас имеются точные расчеты.

ГОРБАЧЕВ. А что будет, если произойдет соединение с водоносным слоем?

ЛЕГАСОВ. Тут мы с Велиховым не нашли общего языка. Воду из бака надо откачивать, а не стрелять, чтобы вылить.

ГОРБАЧЕВ (т. Щербине). Нужно сообщить на место, чтобы не пробивали (т. Щербина уходит).

ЛЕГАСОВ. Что касается бетонирования, то это финишная операция.

ГОРБАЧЕВ. Какова судьба остальных трех блоков?

ЛЕГАСОВ. Первые два блока сохранили работоспособность. Если не будет взрыва, то с ними ничего не случится. На третьем блоке в случае чрезвычайной ситуации может возникнуть пожар.

ГОРБАЧЕВ. Нужно ли приглашать иностранцев? Зря не надо. Но если надо, то пусть это вас не смущает.

ЛЕГАСОВ. Нас стали знакомить с шифротелеграммами по этому вопросу. Только два момента нам были неизвестны. Это французская пена и дистанционные роботы ФРГ. Так что общего сигнала SOS подавать не надо, а появляющиеся за рубежом сообщения для их учета направлять в группу.

РЫЖКОВ. Если получится вариант с выкачкой воды через трубу, можно ли по этой же трубе пустить жидкий азот?

ЛЕГАСОВ. Да. Но это не исключает подкопа.

РЫЖКОВ. Нужно делать и то и то». /43/

После заседания Политбюро весь первый состав Правительственной комиссии остался в Москве, а Валерию Алексеевичу Легасову пришлось возвращаться в Чернобыль по просьбе И.С. Силаева. Его присутствие и участие в работе ученых было необходимым. По-видимому, это была просьба не только Силаева, но и других людей. С Легасовым всем было спокойнее и продуктивнее работать. И академик, пренебрегая столь необходимым отдыхом, пробыв лишь несколько минут с семьей, убыл на Чернобыльскую АЭС. /26/

Академик В.А. Легасов провел большую работу по определению объема и перечня работ при строительстве защитного сооружения над разрушенным блоком. В перечень разрабатываемых им вопросов входило:

- конструкционные особенности проектируемого сооружения;
- производство и доставка основного строительного материала на объект работ;
- перечень автомобильных и специальных технических средств, привлекаемых для транспортировки бетона к месту назначения;
- дезактивация техники, наличие необходимых пунктов специальной обработки;
- определение условий, в которых будут находиться строители;
- определение условий организации проведения крупномасштабных работ в районе радиоактивного загрязнения.

В это время решалась еще одна важная задача из числа приоритетных при устранении последствий катастрофы – защита рек Припять и Днепр, Киевского водохранилища от попадания в них радиоактивных веществ.

Вместе с тем большую озабоченность академика В.А. Легасова вызывали подпочвенные воды, которые находились совсем неглубоко под Чернобыльской АЭС. Измерение уровней загрязненности побережья

и самой воды проводилось с первых дней после катастрофы ежедневно, но этого было недостаточно. Важно было оградить бассейн вод рек от активной воды, которая могла с ливневыми и паводковыми водами выйти за пределы зоны катастрофы и попасть в водные акватории.

Поскольку часть радиоактивных веществ попала в воду при взрыве реактора и при горении радиоактивных материалов в активной зоне, для защиты рек решили построить защитные дамбы, в состав которых помещали цеолиты вещества, способные сорбировать на себе радиоактивные частицы, радионуклиды в воде, если бы они там имелись. На всех больших и малых реках соорудили такие защитные дамбы. Кроме того, берега рек в 10км зоне были обвалованы, т.е. вдоль побережий рек и водохранилищ строили насыпи из песка и щебня для того, чтобы ливневые стоки не попадали в водные акватории. Проведенные мероприятия сыграли свою положительную роль в защите рек и водоемов от радиоактивных веществ.

Только 13 мая, прибыв в Москву на очередное заседание Оперативной группы Политбюро ЦК КПСС академик В.А. Легасов, набравший дозу облучения более 100 бэр, был выведен из зоны катастрофы. Но в течение года он неоднократно ездил в Чернобыль для решения плановых и внезапно возникавших задач.

В июне Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев с официальным визитом посетил Венгерскую Народную Республику. Академика В.А. Легасова включили в состав делегации, так как венгры могли потребовать объяснений по обстановке на Чернобыльской АЭС и ликвидации последствий катастрофы. И тогда более компетентных ответов на интересующие вопросы кроме Легасова никто бы дать не смог. /26/

В июне в Советский Союз поступило приглашение от МАГАТЭ принять участие в специальном совещании экспертов по обсуждению чернобыльской катастрофы и вопроса о состоянии ядерной энергетики в мире.

После возвращения из Венгрии академика В.А. Легасова, как одного из самых компетентных специалистов, знавших истинную обстановку на ЧАЭС, назначили руководителем комиссии по подготовке доклада о причинах катастрофы и ликвидации последствий. И снова непростая, но весьма ответственная задача выпала ему. Нужно было подготовить объективный, откровенный материал, который бы, не разглашая государственной тайны, не подрывая национальных интересов страны, не уменьшая авторитета отрасли и советской науки,

сообщил бы специалистам и мировой общественности о чернобыльской катастрофе.

Это задание было очень сложным по деликатности и дипломатичности. В докладе нужно было указать причины катастрофы, не называя непосредственно виновных. Простыми демагогическими рассуждениями насчет ядерной энергетической безопасности отделаться не представлялось возможным, а отказаться от выполнения этого задания было нельзя, так как академику пригрозили строгими партийными санкциями.

Как вариант выхода из создавшейся непростой ситуации был такой: написать материал, не содержащий в себе ничего того, что запрещала спецслужба, чего боялось руководство института и министерства. Пусть он будет слабым и не ответит на интересующие иностранцев вопросы, однако свои останутся довольны - так решили государственные чиновники.

Валерий Алексеевич не пошел этим путем. Он сделал объективный, искренний материал, содержащий в себе глубоко научный анализ и перспективные выводы из сложившейся непростой ситуации в ядерной энергетике в стране и мире.

Почти три месяца (июнь, июль, август) прошли в подготовке доклада «Авария на Чернобыльской АЭС и ее последствия». Длительные и мучительные размышления, изнурительная работа над докладом, последствия недавнего облучения существенно подорвали здоровье академика.

25-29 августа в Вене состоялось специальное совещание МАГАТЭ, собравшее более 500 экспертов из 62 стран и 21 международной организации. Делегация СССР во главе с В.А. Легасовым представила подробный доклад об аварии в Чернобыле объемом 380 печатных страниц. Доклад академика Легасова длился около пяти часов и поразил детальным анализом и откровенным характером информации.

Один высокопоставленный сотрудник МАГАТЭ после совещания заявил, что из доклада русских услышал больше, чем предполагал. Ведь заранее все думали, что выступление советского ученого о катастрофе в Чернобыле - всего лишь формальность и ничего нового узнать не удастся.

Но Валерий Алексеевич нарушил все прогнозы зарубежных коллег. Доклад получился неожиданно откровенным, в котором прозвучала истинная оценка состояния ядерной энергетики в СССР и мире.

Участники совещания стоя аплодировали советскому ученому. Это был его триумф. После завершения совещания экспертов в знак

признательности за проделанную академиком работу руководство МАГАТЭ приняло решение наградить академика В.А. Легасова флагом МАГАТЭ, который 29 августа и был ему вручен.

На основе материалов экстренного совещания была построена подготовка к Генеральной конференции МАГАТЭ, намечавшаяся на сентябрь 1986 года.

Однако в стране неоднозначно оценили выступление академика Легасова в Вене. Его все-таки, как он и предполагал, пытались обвинить в разглашении государственной тайны и профессиональных секретов. Но поскольку реальных фактов в подтверждение выдвигаемых обвинений не нашлось, все закончилось неоднозначными намеками и банальной нервотрепкой, которая отнимала силы и без того измученного напряженной работой, нервной напряженностью и радиацией человека.
/21/

Международное совещание экспертов МАГАТЭ по анализу причин катастрофы на Чернобыльской АЭС. Вена, август 1986 г.

«Нельзя не вспомнить и историю с докладом о чернобыльской аварии, подготовленным к сессии экспертов МАГАТЭ. Кое-кто требовал автора этого объемного доклада привлечь к уголовной ответственности. Вокруг этого доклада разгорелись большие страсти. Я думаю, что это шло не только от руководства страны. Я в этом вопросе, как и мои заместители, в том числе и покойный Щербина, занимал совершенно определенную позицию: мы доверяли Легасову, доверяли той команде, которая работает. И когда я увидел, что здесь просто нездоровая атмо-

сфера, я сказал так: «Вот есть доклад - есть. Люди отвечают за свои слова и действия - да, отвечают. Посмотрели специалисты, которым мы рекомендовали, - да, посмотрели. Все. Пусть делают доклад». /45/

1 сентября 1986 года академику В.А. Легасову исполнялось 50 лет. Ходили упорные слухи, что к этой дате должен быть издан указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении ему звания Героя Социалистического Труда. Но слухи оказались только слухами. К своему юбилею академик получил только ценный подарок - наручные часы «Полет» от министра Министерства среднего машиностроения СССР Е.П. Славского.

В первых числах сентября В.А. Легасов убыл в Чернобыль. Основной задачей на тот период была очистка кровли 3-го блока и трудных площадок от высокоактивных осколков. Понимая, что реализация этого будет сопряжена с большим риском для жизни людей, академик принял участие в выполнении контрольных замеров уровней радиации, составлении плана действий и инструкции по безопасности на участках с высокой активностью. Он сам в составе первых групп выходил на кровлю и следил за тем, чтобы ликвидаторы не задерживались и быстрее уходили с опасных участков. Когда установленное время выходило, а солдат мешкал и задерживался на участке, не уходил, он требовал, чтобы тот немедленно убыл в укрытие. В фильме режиссера А.А. Гуренидзе «Ликвидатор» кинооператор-документалист запечатлел этот эпизод, и мы слышим за кадром срывающийся на хрип голос академика: «Все в укрытие, всем немедленно убыть в укрытие...» /24/

22-26 сентября в Вене проходила Генеральная сессия МАГАТЭ. Руководителем советской делегации был назначен председатель Правительственной комиссии по ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы Б.Е. Щербина, его сопровождал академик В.А. Легасов.

Основной вопрос сессии - состояние ядерной энергетики в мире и перспективы ее развития. О чернобыльской катастрофе и ликвидации ее последствий несколько раз немногословно упомянули в своих докладах некоторые выступающие.

В конце сентября 1986 года академик В.А. Легасов, прибыв в район Чернобыля после возвращения с Генеральной сессии МАГАТЭ, принял самое непосредственное участие в продолжавшихся работах по ликвидации последствий катастрофы.

На Генеральной сессии МАГАТЭ. Академик В.А. Легасов крайний слева, второй слева Б.Е. Щербина. Вена, 22-26 сентября 1986 г.

В это время он совместно с учеными АН УССР участвовал в разработке стратегии защиты вод р. Припяти и в целом бассейна Днестра. Более точные изыскания и точная оценка радиационной обстановки на воде, миграции радионуклидов к водам, испытание итальянской техники, закупленной для строительства «стены в грунте», позволили ученому сделать вывод, что это решение, принятое для строительства бетонированной траншеи вокруг аварийной зовы, ошибочно. На основе предложенных Валерием Алексеевичем доказательств, защитное сооружение построили только на самом загрязненном участке протяженностью примерно 8 км.

Минводхозу академик Легасов предложил более эффективное решение, заключавшееся в том, чтобы вместо траншей всю загрязненную территорию оградить большим количеством скважин (около 150), часть которых были бы разведывательными. В них планировалось непрерывно измерять степень загрязненности поступающей воды. При необходимости загрязненную воду с помощью

специальных устройств можно было откачивать и не допускать ее прохождения в глубоко расположенные подземные воды.

Практика показала, что решение правильное и эффективное. По данным оценки радиоактивной загрязненности в разведывательных скважинах попадания радиации в них обнаружено не было, поэтому прекращение строительства защитного сооружения «стена в грунте» оказалось верным. Основная защита подземных вод базировалась на системе откачных скважин, которые постоянно находились под контролем.

Был еще один вариант защиты воды Днепра (строительство отводного канала вод Припяти). Академику В.А. Легасову была поручена оценка предлагаемого варианта. Проведя необходимые расчеты, он доказал, что эти мероприятия избыточны, так как система скважин, дамб обеспечивает серьезную защиту вод Днепра. Впоследствии такая же оценка была дана специально созданной комиссией, выполнившей необходимые сложные расчеты. /44/

С 1 октября для предотвращения переноса радиоактивной пыли с объектов и территории ЧАЭС началось орошение зданий и территории раствором барды. Распыление полимера осуществляли с вертолетов. Вещество, выпадавшее с воздуха на загрязненные поверхности, покрывало их и после застывания превращалось в пленку, предотвращающую перенос радиоактивной пыли. В.А. Легасов принял активное участие в исследовании физико-химических свойств вещества и его взаимодействия с материалами, радиоактивными компонентами и водной средой. В чем-то барда устраивала, в чем-то не подходила, так как была недолговечна и разрушалась под действием дождевой влаги и других факторов. Военные химики провели ряд испытаний веществ, которые препятствовали переносу радиоактивной пыли.

В декабре 1986 года директор Курчатовского института академик А.П. Александров на партийном активе института объявил, что В.А. Легасова представили к присвоению звания Герой Социалистического Труда. Директор подошел к Легасову и став рядом с ним, сказал: «Вы знаете, товарищи, сколько сил и энергии приложил Валерий Алексеевич в Чернобыле для локализации катастрофы. И сейчас он возглавляет научный штаб института по ликвидации последствий. И сейчас на ликвидации последствий проблем хватает», и пожал руку своему первому заместителю, обнял его. Но когда вышел указ, фамилии Легасова в нем не оказалось...

«Можно вспомнить хотя бы историю с награждением. Когда закончили первый этап работ, встал вопрос о том, чтобы наградить

людей, которые принимали участие в ликвидации этой аварии. Все делалось по установленному в то время порядку. И когда мы вечером после рассмотрения всех вопросов стали обсуждать вопрос о награждении и нам стали докладывать, кого наградить, мы увидели, что фамилии Легасова в числе представляемых к награждению не было. Мы стали спрашивать тех товарищей, которые занимались этим вопросом и готовили списки, почему нет Легасова? Нам сказали: «Вы знаете, ведь он заместитель директора Курчатовского института - научного руководителя создания такого типа реактора. Мы говорим: «Ну хорошо, он заместитель директора. Но он все-таки не занимался проектированием реактора». Оперативная группа заняла очень четкую, принципиальную позицию. Мы сказали, что, несмотря ни на какие веяния, мы считаем, что Легасов заслуживает самой высокой награды нашей страны. И мы порекомендовали присвоить ему звание Героя Социалистического Труда и соответственно орден Ленина, как полагалось. Этот список мы внесли в установленном порядке (мы вносили, Политбюро рассматривало, а затем Верховный Совет уже оформлял указы). Когда, через несколько дней стали смотреть списки награжденных, то снова увидели, что фамилии Легасова в списке нет. Тогда мы обратились к М.С. Горбачеву с вопросом: почему нет Легасова? Он начал говорить то же самое, что идут всякие разговоры, что институт, где работал В.А. Легасов, виноват в аварии, а вы награждаете зам. директора этого института. Мы опять говорили, что Валерий Алексеевич никакого отношения к реакторным проблемам не имеет. Наоборот, он очень много сделал для ликвидации ее последствий, и было бы неправильно его не наградить. Но тем не менее с нами не посчитались и Легасова в этом списке не оказалось - он был вычеркнут из подготовленных нами списков». /45/

«Высшая оценка В.А. Легасову, как научному руководителю основных работ по ликвидации последствий, дана экс-премьером Правительства России Н.И. Рыжковым: «При его активном участии были решены принципиальные теоретические разработки ликвидации и захоронения продуктов горения и распада элементов реактора. Как руководитель комиссии по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС свидетельствую, что вклад Легасова В.А. был настолько большой, что его трудно оценить даже сейчас, по истечении десяти лет после трагедии. Его мужество, беспрецедентно долгая работа в Чернобыле, чрезвычайно важные для страны и всего мира научные решения в силу различных обстоятельств не были своевременно оценены государством.

В то время, конечно, главный вопрос - действует ли реактор или нет, происходит в нем реакция или нет? Первый облет, который был сделан Щербиной, Легасовым и другими специалистами, показал, что идет свечение, т.е. в реакторе высокие температуры, но окончательного мнения они не могли высказать о том, идет реакция или не идет.

И только когда Валерий Алексеевич на бронетранспортере (на БРДМ-2рх. - В.М.) подъехал к завалу, к зоне, вышел и сделал соответствующие измерения, он твердо сказал (я с ним об этом разговаривал, что потом было официально сообщено), что реактор молчит, что реакции нет.

С 26 числа я каждую ночь разговаривал сначала со Щербиной, потом с Легасовым. И Валерий Алексеевич все время отвечал на мои вопросы. Я, может быть, его выматывал просто-напросто. Я говорил: «Валерий Алексеевич, Вы не обижайтесь, что я задаю Вам много вопросов. Я просто не специалист в этом деле, но я должен быть уверен». И хотя я ему беспредельно верил, но тут я должен был себя победить, себе доказать, что это именно то, что требуется». /45/

Он сделал все, что мог

Чернобыльская катастрофа переломила судьбы многих людей нашей страны. К их числу относится и Валерий Алексеевич Легасов.

Блестящий ученый, имеющий огромные заслуги в области науки, техники, производства, лауреат многих престижных премий, признанный специалист мирового уровня в области водородной энергетики и в других областях науки, он не занимался проблемами безопасности и эксплуатации ядерных энергетических установок.

Но 26 апреля 1986 года он «лицом к лицу» столкнулся с этой проблемой и был обескуражен, шокирован наличием чудовищных проблем в ядерной энергетике, запущенностью обстановки в регламентно-нормативном регулировании всех сфер ядерной энергетики, от подготовки кадров на руководящие должности атомных электростанций и неудовлетворительного подбора операционного персонала, до безответственности конструкторов, инженерно-технического звена КБ - производство - эксплуатация. /46/

Ошеломленный неразберихой и растерянностью руководителей Чернобыльской АЭС и руководства заинтересованных министерств, В.А. Легасов вспоминал: «...поразительная растерянность, неготовность, сродни с неготовностью в начале ВОВ в июне 1941 года.» /1/

С этого момента начинается не жизнь, а борьба с чиновничьей и бюрократической машиной ядерно-энергетической промышленности Советского Союза, за изучение проблем безопасности, повышение ее уровня, обеспечение безопасности эксплуатации. И здесь он столкнулся со «стеной безразличия, равнодушия и безответственности». /46/

Никто с академиком В.А. Легасовым не спорил. Его точку зрения не отвергали, с ней соглашались, обещали поддержать и продвинуть, правда, не так быстро, как хочется (ссылались, как правило, на то, что вопрос новый, непростой, требует детальной проработки, согласования и т.д.), но непременно обещали поддержать. Время шло. У академика появлялись новые идеи, проекты, предложения. Он шел с ними на новый уровень руководства, и там все повторялось то же самое и с начала, и так везде и всюду. Ни один из проектов, предложенных академиком В.А. Легасовым после участия в ликвидации последствий чернобыльской катастрофы, реализован не был. Особую надежду возлагал Валерий Алексеевич на создание института ядерной безопасности.

«Недостаточно внимания в Министерстве среднего машиностроения (МСМ) уделялось общесистемным исследованиям, проводимым с одобрения директора Курчатовского института (академик А.П. Александров): структуре атомной энергетики, доле ядерной энергетики, регионам строительства АЭС и др.; созданию перспективных, более совершенных реакторов. Вот как оценивает В.А. Легасов реакцию Министерства среднего машиностроения на предложения о разработке более безопасного реактора: «Это вызвало в министерстве исключительную бурю негодования, особенно у министра Славского, который чуть не ногами топал на меня, когда говорил, что это совсем разные вещи, что я неграмотный человек, лезу не в свое дело и что совсем нельзя сравнивать один тип реактора с другим». /44/

Убедившись в бесперспективности своих действий в ядерной энергетической промышленности, Легасов начал исследовать проблему рисков на объектах промышленного производства различного профиля и обнаружил там ту же самую картину: неготовность к действиям в чрезвычайных условиях, отсутствие аварийных схем, специальных подразделений и необходимой материальной базы для ликвидации последствий экстремальных ситуаций.

При решении проблем общей промышленной безопасности он встретил ту же реакцию, что и при решении вопросов ядерной безопасности.

У В.А. Легасова были сторонники. Они оказывали помощь, но вопросы государственной важности требовалось решать по-государственному. А там была действительно непробиваемая стена. /46/

Это надломило его силы, расстроило психику. Выходило, что победа в его борьбе была за теми, кто ничего не хотел менять в сложившемся образе мышления и в отношениях человека к технике. /26/

Несмотря на свое тяжелое физическое состояние и болезнь, Валерий Алексеевич принимал приглашение на научные и профессиональные встречи, конференции, участвовал в их работе.

Профессор В.В. Меншиков, коллега Валерия Алексеевича по кафедре МГУ, вспоминает: «Можно назвать удачей в жизни каждого человека, который соприкасался с ним в этот период. Его глубокое убеждение, что необходимо проинформировать общество о реальном состоянии дел, лишить его иллюзий и начать экологическое и гражданское просвещение с ориентацией на то общее, что должна содержать вся цивилизация XXI века, есть действительно главная задача, которую должны решить ученые в ближайшие 10-15 лет». /21/

Но академик не сдавался. «В течение двух лет после чернобыльской катастрофы Валерий Алексеевич на пределе сил подготовил много научных, научно-популярных публикаций, которые появились в газетах «Правда», «Известия», «Труд», в журналах. Особый интерес у читателей вызвали его аналитические статьи в журнале «Коммунист». /25/

Осенью 1987 года академик В.А. Легасов посетил ФРГ, выступал с докладами, участвовал в пресс-конференциях, собиравших огромную аудиторию.

Весной 1988 года В.А. Легасов посетил Францию. Научные круги и простые граждане этой страны с интересом и уважением встречали академика. /21/

28 апреля 1988 года Валерий Алексеевич должен был представить свои результаты расследования причин катастрофы на Чернобыльской АЭС. Однако 27 апреля он трагически погиб.

Одна из последних фотографий В.А. Легасова

К Чернобыльским тайнам и секретам прибавилась еще одна: тайна гибели академика В.А. Легасова.

В сентябре 1996 года на 60-летие академика научная общественность собрала подписи и направила ходатайство о присвоении В.А. Легасову звания Героя России депутату Госдумы Н.И. Рыжкову.

Указом Президента Российской Федерации от 18 сентября 1996 года «За мужество, стойкость, героизм, проявленные при ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС» Валерию Алексеевичу Легасову присвоено звание Героя России (посмертно).

Заслуги В.А. Легасова были высоко оценены научным сообществом страны: с 1976 года - член-корреспондент АН СССР, с 1981 года — действительный член АН СССР. В 1976 году Валерий Алексеевич Легасов получил Государственную премию СССР, в 1984 году - Ленинскую премию. В 1985 году он избран членом Президиума АН СССР. Награжден: орденами Ленина, Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, медалями. /20/

Похоронен академик В.А. Легасов на Новодевичьем кладбище Москвы.

Лелеченко Александр Григорьевич

Родился 25 июля 1938 года в селе Новоореховка Полтавской области в семье сельских тружеников. После окончания школы в 1955 году поступил в авиационное училище, после окончания которого получил специальность штурмана, но работать в авиацию не пошел.

В 1958 году Александр Лелеченко стал работать на Запорожской тепловой станции электриком.

В 1961 года Александр поступил учиться в Киевский политехнический институт на электротехнический факультет. В 1966 году после окончания института был направлен на Славянскую ГРЭС. Когда началось строительство Запорожской ГРЭС, Александр Лелеченко оказался в числе ее строителей.

В 1975 году А.Г. Лелеченко перевели на Чернобыльскую АЭС.

26 апреля 1986 года заместитель начальника электрического цеха Чернобыльской АЭС А.Г. Лелеченко прибыл на станцию в пять часов утра. «Обнаружил и перекрыл разорвавшийся трубопровод. Понял - станции грозит новый взрыв, теперь уже на электролизерной установке. На ощупь пробрался между искореженными конструкциями и сумел перекрыть магистральный трубопровод, подающий водород». 151

Оберегая молодых электриков от облучения, трижды ходил в электролизерную, чтобы перекрыть подачу водорода к аварийным генераторам. Это помещение находилось рядом с разрушенным блоком. Повсюду валялись обломки радиоактивного графита и ядерного топлива. Активность местами достигала 15 000 Р/ч. Потом, стоя по колено в радиоактивной воде, в течение получаса изучал состояние распредустройств, пытаясь подать напряжение на питательные насосы. Гасил возгорания, стараясь не допустить распространения огня на 3-й энергоблок. Находил и отключал поврежденное оборудование

Александр Григорьевич Лелеченко своими действиями предотвратил развитие катастрофы как внутри, так и снаружи машинного зала и тем самым спас всю Чернобыльскую АЭС.

Насколько героическим и самоотверженным был этот человек, сознательно прикрывший собой молодые жизни и сделавший так много

для локализации катастрофы! То, что сделал он один, было под силу трем-четырем сотрудникам, которые также получили бы смертельные дозы облучения.

А. Г. Лелеченко получил дозу облучения свыше 2500 Р, которой хватило бы на пять смертей. После оказания ему первой помощи в Припятской больнице Александр Григорьевич почувствовал себя лучше и снова пошел на АЭС, где проработал еще несколько часов.

Вечером 26 апреля он был доставлен в отделение радиационной патологии Киевской городской больницы. Лечение проходило очень тяжело: вся его слизистая оболочка была разрушена, даже жидкая пища вызывала боль.

Умер Александр Григорьевич Лелеченко 7 мая 1986 года в страшных мучениях.

А.Г. Лелеченко похоронен 9 мая в селе Степное Полтавской области.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 сентября 1986 года «За мужество и самоотверженность при ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС» Лелеченко Александр Григорьевич награжден орденом Ленина.

Указом Президента Украины от 21 апреля 2006 года №328/2006 Лелеченко Александру Григорьевичу присвоено звание Героя Украины.

Лыков Геннадий Дмитриевич

Родился в Абакане Красноярского края 2 апреля 1932 года в семье служащих. С 1948 по 1952 год учился в строительном техникуме. В 1953 году поступил в Новосибирский инженерно-строительный институт.

С 1958 года Г.Д. Лыков начал трудовую деятельность в должности прораба в тресте «Сибакадемстрой». Его профессиональные качества как инженера и руководителя формировались непосредственно на строительной площадке, на которой он

работал главным инженером участка, главным инженером и начальником СМУ. На любой работе Г.Д. Лыков подтверждал свое звание инженера высокого класса. Он был способным и инициативным организатором, умеющим взаимодействовать с большим коллективом.

В 1971 году Г.Д. Лыков назначен главным инженером, а в 1974-м - начальником «Сибакадемстроя».

Под его руководством построены: Сибирское отделение Российской академии наук (СО РАН); научный городок Сибирского отделения Академии сельскохозяйственных наук; Сибирское отделение Академии медицинских наук; научные и промышленные объекты атомной и микробиологической промышленности; два комплекса городских водозаборных сооружений; жилые микрорайоны; объекты соцкультбыта Новосибирска и области; курорт Белокуриха и др.

За строительство научных центров в Новосибирске Г.Д. Лыков награжден орденом Ленина (1971), за строительство научного центра и жилого района Сибирского отделения ВАСХНИЛ ему присуждена Государственная премия СССР (1985).

Организаторские способности начальника «Сибакадемстоя» Геннадия Дмитриевича Лыкова, его умение сплотить коллектив на выполнение сложных задач, были востребованы при ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС.

«Новосибирцам пришлось работать в самый напряженный период строительства «Укрытия» с 20 июля по 1 октября. В состав 2-й смены УС-605, возглавляемой Г.Д. Лыковым, входило 9347 человек (из них строителей и монтажников - 2862 человека, 1269 инженерно-технических работников) и 1400 единиц техники.

В этот период было завершено устройство основных бетонных конструкций. Темпы суточной укладки бетона были высокими и составляли 5,2 тыс. м³, а в отдельные дни - 5,62 тыс. м³ (для сравнения: все подразделения «Сибкадемстроя» в летние месяцы более 700 м³ бетона в сутки не принимали). Уже к 15 сентября из 360 тыс. м бетона (запланированных на строительство «саркофага» - В.М.) было уложено 298 тыс. м³.

В сентябре провели подготовительную работу по монтажу металлоконструкций. Получили и изготовили 4,8 тыс. т металлоконструкций, из них 3,6 тыс. т пошло на укрупнительную сборку, а 1,4 тыс. т смонтировали. /18/

С 10 сентября по 1 октября запроектировали, изготовили и смонтировали приточную и вытяжную вентиляцию - более 3000 м. Высокая интенсивность работ требовала четкой организации строительства и работы с полной отдачей сил как от руководителей, так и от рабочих.

Условия работы были необычными - напряженный, непрерывный круглосуточный режим работы изо дня в день, без выходных, до полного завершения работ. Высокий фон радиации на рабочих местах требовал строгого соблюдения режима работ. Была установлена норма облучения - не более 2 рентген в сутки, не более 25 рентген за все время пребывания на работах по восстановлению. /18/

Коллектив Управления строительства, возглавляемый Г.Д. Лыковым, в сложных условиях показал высокую организованность. Основная масса специалистов, военных строителей и инженерно-технических работников работала самоотверженно.

В результате более чем двухмесячной работы разрушенный энергоблок перестал быть источником радиоактивного загрязнения окружающей среды.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 декабря 1986 года №6245-Х1 «За мужественный и самоотверженный труд, проявленные при ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС и устранение ее последствий» звание Героя Социалистического Труда присвоено Геннадию Дмитриевичу Лыкову с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот».

Начальник 2-й смены УС-605 Г.Д. Лыков с руководителями подразделений и служб

В 1989-1990 годах под руководством Г.Д. Лыкова специалисты «Сибкадемстроя» участвовали в ликвидации последствий землетрясения в Кировокане Армянской ССР.

За высокие достижения в производственной деятельности и большой вклад в укрепление дружбы и сотрудничества между народами Указом Президента РФ от 16 марта 1999 года Геннадий Дмитриевич Лыков награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени.

Умер Геннадий Дмитриевич Лыков 7 июня 2001 года.

Максимчук Владимир Михайлович

Родился 8 июня 1947 года в селе Добриводы Збаражского района Тернопольской области в трудовой семье. Детство и юность прошли на Житомирщине, в селе Демковцы Любарского района. Отец умер, когда Володе было шестнадцать лет, осталась мама и пятеро братьев и сестер, все младше его.

С ранних лет он был воспитан семьей и обществом в духе понимания и уважения интересов коллектива, общественное всегда ставил выше личного. Окончив среднюю школу, осенью 1965 года поступил в Львовское пожарно-техническое училище; закончил его в 1968 году с красным дипломом (был зачислен в Книгу почета училища), после чего имел право выбора. Выбрал Москву.

«В столице начиная с 1965 года части и подразделения военизированной пожарной охраны комплектовали за счет лиц, призванных на действительную военную службу, и гарнизону были необходимы молодые офицеры, способные работать с солдатами». /39/

В мае 1968 года лейтенант внутренней службы В.М. Максимчук назначен на должность начальника караула 2-й военизированной пожарной части (ВПЧ-2) Управления пожарной охраны (УПО) Москвы. Молодой офицер с первых дней службы всецело посвящает ей свою жизнь. Изучает уставные документы, наставления, инструкции. Но делал это он в вечернее и свободное от основной работы время. Работа с личным составом караула, с солдатами и сержантами срочной службы, которые в то время составляли основу его подразделения, занимала все его служебное время. Работа с людьми - очень непростое занятие. Чтобы найти понимание и тем более заслужить доверие подчиненных, у которых ты постоянно на виду, нужно быть безупречным во всем. Нужно быть почти идеалом. Лейтенант В. Максимчук это понял, и с первых дней службы (и до последних) занял именно эту, без преувеличения и пафоса сказать, жертвенную позицию. Быть безупречным в службе пожарного и одновременно жить жизнью обычного человека - почти невозможно. Нужно сделать выбор: или

первое или второе. Юный огнеборец делает выбор в пользу первого - быть офицером пожарной охраны, всецело преданным службе.

«...И все равно, несмотря на то, что работа моя в достаточной степени тяжёлая и ответственная, мне она очень нравится. Я работаю с людьми, с солдатами, молодыми пареньками, которые только после прохождения срока службы становятся по-настоящему готовыми к взрослой жизни людьми... Именно в работе я и нахожу удовлетворение, радость и спокойствие, именно в работе с солдатами, с моими «детьми», так я их мысленно называю. Мне кажется, что если бы мне и предложили другую работу, может быть, лучшую, но не связанную с воспитанием молодых людей, я бы отказался».

Из личных писем Владимира Максимчука. 13 декабря 1968 года. /39/

Незаурядные способности молодого офицера в исполнении служебных обязанностей, его подготовка по специальности, добросовестность и порядочность поражали воображение начальства, подчиненных и сослуживцев. Такой офицер всегда выделялся из числа других и становился заметным для всех.

Уже в сентябре этого же, 1968 года, т.е. через четыре месяца после начала службы, лейтенант В.М. Максимчук повышен в должности - назначен заместителем начальника (заместителя командира команды) 2-й ВПЧ.

Через год, в октябре 1969 года, случилось невероятное для войск пожарной охраны столицы - лейтенант В.М. Максимчук назначен на «подполковничью» должность - начальника (командира команды) 50-й ВПЧ.

Так стремительно продвигались по службе только чрезвычайно трудолюбивые и перспективные офицеры. Такие офицеры были примером для других, поэтому руководство замечало и поощряло их назначением на вышестоящие должности.

«Пятидесятая ВПЧ - начало командирской работы, командирской ответственности, широкое поле деятельности для молодых и серьезных. Характер работы остался тем же, но с усилением ответственности по всем параметрам. Владимиру Михайловичу добавилось забот и по хозяйственной части. За годы его работы здесь был оборудован и оснащен инвентарем спортивный городок - уделялось большое внимание физической подготовке молодежи. Проводилась постоянная воспитательная работа, продолжилась преемственность поколений - связь с ветеранами труда, встречи и беседы с участниками Гражданской и Великой Отечественной войн. Командир дневал и ночевал со своими

солдатами, особенно при подготовке каких-то важных мероприятий и событий». /39/

Самостоятельная командирская работа раскрывает перед офицером широкие возможности профессионального роста. Начальство внимательно и заботливо относилось к службе молодого и перспективного офицера, но поблажек не делало. Наоборот, как бы проверяя на прочность его целеустремленность и убежденность в выбранном пути, командиры и начальники ужесточали требования к нему, его части, к выполняемым задачам. Как тогда было принято, ему не разрешили поступать на очное отделение в Высшую инженерную пожарно-техническую школу МВД СССР. Однако понимая, что только одной работоспособностью многого в службе не добьешься, лейтенант В. Максимчук в 1969 году поступил на учебу в ВИПТШ МВД СССР на заочное отделение, которое успешно окончил в 1974 году.

«Я же встречаю Новый год со своими воспитанниками, которые тоже хотят порадоваться празднику. Сейчас их у меня прибавилось, стало больше на двадцать человек, а всего - семьдесят. Вот только вчера они приняли присягу и на всю жизнь запомнят те торжественные минуты, волнующие слова. Сегодня они уже правомочные солдаты-воины. Это замечательно!

Кто из молодых парней этого не прошел, тот имеет мало шансов считать себя смелым и мужественным человеком - в прямом смысле этих слов. Армия — трудная школа, но необходимая для мужчины...»

Из личных писем Владимира Максимчука. 27 декабря 1968 года.

«Служба забирает у меня все... Выхода не вижу...»

Из личных писем Владимира Максимчука. 20 октября 1970 года.

«Не умею я притворяться, лицемерить, быть удобным и угодливым, не могу перекладывать на чужие плечи то, что должен сделать сам».

Из личных писем Владимира Максимчука. 11 января 1971 года.

«Работы чрезвычайно много, а еще больше нервотрепки. Сегодня буду спать буквально пару часов, подъем в четыре утра - проверяю ночью службу, поднимаю по тревоге своих подопечных. За последнее время появилось много замечаний и нареканий по существу, нужно положение исправлять. На работу сегодня пришел в парадной форме, настроение хорошее, мои «дети» приветствовали меня радостно. В

ответ на мое поздравление получил троекратное «ура!!!». Это были приятные минуты, забылись все невзгоды, почувствовалась слаженность коллектива и гордость за него. Хорошо хоть иногда устроить праздник по-настоящему!

...Да, дела в первую очередь, в отношении к делу я не изменюсь никогда и останусь таким, как есть: честным, добросовестным, исполнительным, благородным...»

Из личных писем Владимира Максимчука. 3 ноября 1971 года. /39/

С марта 1973 года капитан В.М. Максимчук служил в должности заместителя начальника 1-го отряда (заместитель командира дивизиона), начальника штаба в/ч 5111. Прохождение службы в этой должности дало Владимиру Михайловичу, строевому офицеру, опыт штабной работы, что было весьма полезно для его профессионального роста.

«Район действия отряда - весь центр Москвы, где обстановка с пожарами всегда была сложная, и забот у Максимчука прибавилось. Организация службы, работа с личным составом, тушение пожаров - все то же, но масштабы увеличились. Следующий этап - учебный полк, здесь новобранцев предстояло «ввести в профессию», а затем отправлять в войсковые части столичного гарнизона. В памяти многих, знавших его в тот период, Владимир Михайлович остался именно начальником штаба учебного полка. Учебный полк — это прямое попадание, совпадение его планов и идей с идеями и задачами подразделения, предназначенного обучать молодых солдат профессиональному мастерству, искусству тушения пожаров, подчас — «высшему пилотажу»: и пожар потушить, и в живых остаться.

Капитан В.М. Максимчук

Роль В.М. Максимчука как начальника штаба полка во всем этом была огромна; для него было важно донести смысл и содержание профессии пожарного до своих подчиненных, своих «детей». Он «держал в руках» весь учебный процесс, проводил занятия с офицерами, сержантами, рядовыми как по вопросам службы, так и по программе боевой подготовки, укреплял материальную базу, заботился о бытовой стороне жизни. Часто уже по внешнему виду и предварительной беседе он мог судить, что за человек перед ним. Его интересовал не внешний лоск, а существо вопроса; подчас проявлял педантичную строгость, но всегда был справедлив в своих требованиях. Никогда, даже мысленно, не отрывался от дел - пребывал на боевой подготовке, на разводах, на стрельбах, на маршах, на строевых смотрах, на дежурствах, на совещаниях, на пожарах, и, казалось, другого для себя не представлял.

Зимой учебный полк базировался на Звездном бульваре, летом - в загородном лагере «Космос». Под руководством Максимчука и создавался этот учебный центр «Космос», где развернулось большое строительство, в том числе комплекс психологической подготовки пожарных, летний стадион со спортивными тренажерами, учебная пожарная башня и стометровая полоса препятствий. Говорят, что без Владимира Михайловича вряд ли удалось бы создать такую базу - и на Звездном, и в «Космосе».

За время работы в учебном полку Владимир Михайлович возрос профессионально, укрепил личные качества, закалил характер. Следующая должность, должность начальника отделения боевой подготовки штаба Управления пожарной охраны (УПО) Москвы - объективно заслуженное продвижение; заработал уважение и авторитет, может взять на себя большой груз и достойно его нести. Здесь он проявил себя с самой лучшей стороны: боевая подготовка, боевая готовность, боевые действия - без этого пожарному никак нельзя. А, в общем-то, именно в этом «боевом треугольнике» заключена сущность характера Максимчука, с корнями «прикипевшего» к службе». /39/

«За двенадцать лет работы в Московском гарнизоне был пройден путь от начальника караула ВПЧ до начальника отделения в Управлении пожарной охраны Москвы; по меркам того времени - немало. Вторая ВПЧ стала стартом в служебной биографии: боевая подготовка личного состава подразделений в казарме и дежурных караулах, занятия с личным составом части, воспитательная работа, изучение района выезда, тушение пожаров, участие в спортивной жизни гарнизона». /39/.

«...с 1975 по 1978 год Владимир Михайлович был бессменным начальником штаба - от учебного отряда до учебного полка. Это были

самые трудные годы становления Московского гарнизона пожарной охраны как войсковой структуры... Тысячи молодых солдат и сержантов прошли школу подготовки, школу опыта. И главным «дирижером» в этом сложном процессе был начальник штаба (НШ - так принято называть эту должность у военных), самое краткое название с самым большим объемом работы. Феноменальная память Владимира Михайловича во многом помогала ему, он по именам помнил всех офицеров, даже по прошествии десятка и более лет.

Тогда, в период становления, долго и рутинно решались вопросы приравнивания Московского гарнизона ко всем армейским уставам, законам и положениям. Очень долго звания были занижены, многие правовые вопросы решались годами, было нелегко, а ведь гарнизон трудился день и ночь: тушили пожары, создавали новые воинские части и городки, выезжали на стрельбы и учения, постигали труднейшую работу воспитателя молодых бойцов, борьбы с «дедовщиной» и другое. Но капитан В.М. Максимчук уверенно шел своей дорогой, он уже был довольно известной личностью в гарнизоне, с ним считались, а дружбой с ним гордились многие офицеры. Гордились сказать: «Я хорошо знаю Максимчука» или «Я этот вопрос с Максимчуком решил», тогда ни у кого возражений не возникало. Упорнейший труд, высочайшее чувство ответственности за порученный участок работы нельзя было не заметить, имя Максимчука входило в «касту», составляло «костяк» лучших офицеров гарнизона». /39/

«...В августе 1978 года молодой и талантливый начальник штаба полка переводится на работу в аппарат Управления пожарной охраны города Москвы (ныне Пречистенка, 22), где возглавляет одно из ответственных отделений - боевой подготовки. В этом же году ему присвоено звание майор-инженер». /42/

В.М. Максимчук становится заметной фигурой, его уже знают не только в Москве. В январе 1981 года майора-инженера В.М. Максимчука приглашают на работу в центральный аппарат - в Главное управление пожарной охраны (ГУПО) МВД СССР на должность заместителя начальника оперативно-тактического отдела главка, курирующего всю службу и боевую подготовку пожарных страны. Он был нужен как грамотный и инициативный руководитель, способный вести оперативное направление службы.

«Проверка... АЭС. Проанализировать все по АЭС. Срок - один месяц. Изучение справок по направлениям. Крупные пожары. ГДЗС. Что делается? Дрожь берет, когда читаешь справки! 25 информации по

АЭС. 16% - пожары. Рассмотрение отчетов. 17 АЭС - страдает анализ и обобщение... Перед отделами и главком стоит вопрос: АЭС. Нормы проектирования - их нет. Правил - нет. ГДЗС - ??? Психологическая подготовка сотрудников личного состава по охране АЭС. Подготовка обслуживающего персонала. Подбор начальников частей по охране АЭС. Помощи в этом вопросе нет. Информации по тушению пожара на АЭС - нет... Нормативы по подаче средств на АЭС - вся пятилетка. Перечень АЭС для совместных проверок. Подготовка рекомендаций. Август-сентябрь - совещание-семинар по АЭС... За июнь - АЭС??? Обзор о практической организации п/пож. тренировок с личным составом частей и персоналом АЭС - третий квартал... Всю работу по АЭС надо объединить в один кулак! Проблемы создания средств индивидуальной защиты. Защитная одежда. Боевая одежда. Защита от аммиака? Специальная конструкция для АЭС. Самоспасение... Что сделать? - Повсеместно изменять всеобщее отношение к вопросам пожарной безопасности».

Из рабочих записей Владимира Максимчука, 1985 -1986 годы.

«Волнует стремительный рост пожаров с большим ущербом... Гибель. 100 человек - на 1 млн. человек. (Лондон: 43 - на 1 млн. чел.) ЧП - сколько??? Что надо решить во ВНИИПО, ВИПТШ, ИПЛ? Создание межхозяйственных команд. Как проанализировать подготовку? Кто готов? Как готов? Что надо делать? - Этих вопросов нет, а это - важнейшие вопросы! Отстаем по стандартам. Практических рекомендаций нет. Качество обучения. Мы отстаем в разработке некоторых средств, чтобы предотвратить пожар... Мы не можем быстро локализовать пожар. Причины не изучаются. Почему? Главк, ВНИИПО - ...??? Много простых примеров, но никто не хочет об этом думать. Причин много. Конкретность. Надо видеть главное направление. Дознание - ??? Автоматика. Складирование. По селу - отдельно??? - вопрос из вопросов».

Из рабочих записей Владимира Максимчука в марте-апреле 1985 года. /39/

«10 июня 1981 года майор Максимчук Владимир Михайлович, прибыв одним из первых на станцию метро «Октябрьская», принял участие в разведке пожара, а затем возглавил работу ряда боевых групп по ликвидации пожара. В условиях высокой температуры и сильного задымления Максимчук проявил мужество и самоотверженность. Своими энергичными, умелыми и организованными действиями подавал

пример пожарным и офицерам в выполнении поставленных задач, чем существенно повлиял на предупреждение дальнейшего распространения огня и способствовал успешной ликвидации этого сложного подземного пожара... За мужество и отвагу, проявленные при тушении сложного пожара, майор внутренней службы Максимчук Владимир Михайлович заслуживает награждения медалью «За отвагу на пожаре».

Из характеристики к наградному листу, подписано начальником ГУПО МВД СССР Ф.В. Обуховым, июль 1981 года. /39/

«Владимир Михайлович, работая в ГУПО МВД СССР, к началу чернобыльских событий был в звании подполковника внутренней службы, занимал должность начальника оперативно-тактического отдела. По долгу службы занимался вопросами атомных станций, понимал, что ряд проблем далеко не решен - пытался их разрешить. И вдруг... Или не вдруг? Ночью 26 апреля 1986 года нам домой позвонил дежурный по главку, коротко передал о пожаре на атомной станции в Чернобыле. Так Владимир Михайлович раньше других узнал и расшифровал страшное сообщение о трагедии, подобной которой еще не было. Чернобыль... А где хоть это, в какой части страны? Я тогда ничего еще не знала, но точно догадалась, что с радиацией шутки плохи, что даром не пройдет (*уже гибнут люди!*), что лучше сразу отдать полжизни, чем туда ехать, - но кто же меня слушал? Владимир Михайлович срочно вызвал машину, поехал на работу. Все остальное постепенно просачивалось из разноречивых источников: сам факт аварии, оценка ее специалистами, реакция общества. Но в общем, словно ничего такого не ждали, многих тогдашних руководителей застал врасплох набор цифр: 1, 2, 3, 4, секретно, что означало: 1 - загорание на станции; 2 - крупный пожар; 3 - выход радиации; 4 - есть пострадавшие и погибшие. Потом эту новость узнали все.

В главке было жарко от чернобыльского пожара, и сотрудники стояли перед неизбежностью встречи с его последствиями...

После пожара 26 апреля 1986 года личный состав по охране Чернобыльской атомной станции выбыл из строя, поэтому было принято централизованное решение по созданию сводных отрядов из пожарных частей всей страны; руководили из Москвы (для этого в главке был образован оперативный штаб). Люди приезжали, несли вахту, набирали свои рентгены и уезжали, а опасность оставалась. Владимир Михайлович поехал в Чернобыль в начале мая 1986 года для руководства сводным отрядом пожарных. На станции и вокруг

проводились ликвидационные работы. Ситуация предвещала: не успокаивайтесь, ждите беды!!!» /39/

В районе Чернобыльской катастрофы подполковник В.М. Максимчук прибыл 13 мая 1986 года. Со свойственной ему энергичностью и скрупулезностью он включился не только в

Подполковник В.М. Максимчук

исполнение своих непосредственных обязанностей, но и обязанностей члена Оперативной группы МВД СССР.

Занимался вопросами радиационной разведки в помещениях АЭС, дезактивации загрязненных участков, применения веществ и материалов для перекрытия выбросов радионуклидов из разрушенной зоны реактора, испытывал новые средства индивидуальной защиты, покрытия стройплощадки ЧАЭС полимерным раствором барды в целях пылеподавления и многими, многими другими, не входящими в круг его профессиональных обязанностей. Но и свои вопросы нужно было решать. Много времени ушло на организацию бытовых вопросов для дежурного караула.

Обстановка на атомной станции в то время была боевая, широким фронтом шла война с невидимым и коварным врагом - радиацией. «На

войне, как на войне», приоритетными в выполнении были самые опасные, самые непредсказуемые и невероятные действия, а все, что было маловажным, второстепенным, откладывалось на потом. В пожарной безопасности второстепенного не бывает, все имеет свое значение и когда-то «срабатывало». Владимир Михайлович методично и последовательно организовывал и осуществлял наведение должного порядка в своем «хозяйстве».

Очень много времени ушло на организацию и проведение эвакуации пожарной техники, оставшейся на территории станции после тушения пожара 26 апреля. Выполнявшие задачи пожарные машины (в количестве 24 единиц, причем 4 непосредственно у 4-го блока) оказались брошенными на месте боевого применения немymi свидетелями грозных событий. Теперь их нужно было убрать, так как они мешали возможному маневру пожарной техники в случае пожара.

Подполковник Максимчук изучил схему расположения блоков, подсобных помещений, пруда-охладителя, хранилища жидких радиоактивных отходов, маслоотстойников и других объектов. Часто по несколько часов приходилось быть рядом с разрушенным и извергающим радиацию 4-м блоком.

Только на эвакуацию техники ушло почти 10 часов. При этом получил немалую дозу облучения, но должного внимания учету доз собственного облучения не уделил. Хотя дозиметрический контроль подчиненных организовал должным образом и неоднократно контролировал. Тем не менее, где-то при обследовании атомной станции он получил радиационный ожог левой ноги. Нога покраснела и опухла. Сапог на нее одеть стало невозможно.

С раннего утра до поздней ночи проверяет подполковник свои объекты, уточняет систему управления и обеспечения техническими и материальными средствами на случай возможного пожара. Детально изучил положение дел с боевым резервом, силами и средствами пожарной охраны в Иванково. Вопросы организации и корректировки службы занимали основное время его пребывания в зоне катастрофы. Непокойно на душе у опытного огнеборца. Предчувствует он беду, находящуюся где-то близко, рядом.

22 мая подполковник В.М. Максимчук «провел совещание с офицерами и рассмотрел с ними возможные варианты действий в случае пожара на АЭС. В последние дни было чувство, что обязательно что-то

Чернобыль. Отряд по охране Чернобыльской АЭС. Участники ликвидации пожара на ЧАЭС в ночь на 23 мая 1986 года. Подполковник В.М. Максимчук в первом ряду второй справа. Май 1986 года. (Фото из книги Л.В. Максимчук Чернобыльский словарь

случится. Видел, как с каждым днем разворачивается фронт работ, а порядка мало». /41/

23 мая «В 2 часа 10 минут на пункт связи военизированной пожарной части Чернобыля поступило сообщение о пожаре. По этому сообщению на АЭС был направлен дежурный караул в составе четырех отделений. Следом за караулом на бронетранспортере выехал штаб пожаротушения во главе с начальником оперативно-тактического отдела главного управления пожарной охраны МВД СССР подполковником внутренней службы Максимчуком В.М». /40/

«В 02 часа 30 минут с группой офицеров прибыл на станцию. К месту пожара были вызваны силы и средства пожарной охраны... Находился на станции до 14 часов 30 минут. Средств защиты, за исключением респиратора-лепестка, не имел. Обут был в кеды, другая обувь не подходила. По прибытии какое-то время находился в штабе ГО, расположенном под административно-бытовым корпусом АЭС,

пытался выяснить обстановку, затем в БЩУ-1. ОБСТАНОВКОЙ НИКТО НЕ ВЛАДЕЛ.

Вместе с дозиметристом по коридору деаэрационной этажерки, соединяющей 3-й и 4-й блоки, ушли на разведку пожара. Со стороны транспортного коридора разведку проводил караул. Помещений №402 и №403 мы достигли минут через 20-30, так как первоначально не нашли дверь, ведущую из коридора в блок. По этому коридору достигли развалин четвертого реактора и лишь затем, возвращаясь назад, нашли нужную нам дверь.

Обнаружив горение кабелей и разобравшись предварительно в обстановке, провели разведку в помещениях туннеля. Были там минут 30-40. НАХОДЯСЬ В ТУННЕЛЕ, ПРИНЯЛ РЕШЕНИЕ О ТУШЕНИИ ПОЖАРА ЗВЕНЬЯМИ, О ЧЕРЕДОВАНИИ СМЕН, СОСТОЯЩИХ ИЗ ПЯТИ ЧЕЛОВЕК, И О ДОСТАВКЕ ИХ В ТРАНСПОРТНЫЙ КОРИДОР НА БТРах. Принять такое решение мне было непросто, зная Боевой устав пожарной охраны. Но и сегодня, спустя почти пять лет, считаю это решение единственно правильным. Нам удалось не только ликвидировать пожар, но и спасти жизни десяткам пожарных». /41/

«Первая группа пожарных из 5 человек, достигнув места пожара, вскрыла металлический короб в кабельном тоннеле на отметке +12,5 и подала пожарный ствол. Через 10 минут их заменила другая пятерка, и так до прибытия дополнительно на АЭС десяти отделений, которые были разделены на четыре группы и по очереди направлялись на тушение пожара.

Оценив сложившуюся обстановку, В.М. Максимчук дал указание подать к месту пожара два пенных генератора (ГПС-600) для заполнения кабельного туннеля пеной. Проведенная операция предотвратила повторное возгорание кабелей и распространение по ним огня с 4-го на 3-й энергоблоки». /40/

«До 6-ти часов утра я находился в разных местах, периодически - в месте тушения, после АБК, где сосредоточились силы, БЩУ-1; сказать точно, где и сколько, не могу. Где-то около 6-ти часов утра, может быть, и раньше, почувствовал боль в груди - такое состояние, что кто-то насыпал горящих углей. Боль все усиливалась и продолжалась еще долго, пока находился в госпиталях. Стало больно говорить, трудно передвигаться (нога!). В 14 часов 30 минут, оставив группу пожарных на АЭС, дал отбой другим силам, уехал со станции - думал, немного отдохну и буду работать дальше, хотя ЗЕМЛЯ УХОДИЛА ИЗ-ПОД НОГ. Но врачи отправили в госпиталь МВД УССР». /41/

Управляя действиями подчиненных, подполковник В.М. Максимчук пренебрегал личной безопасностью, часто входил в радиационные поля и находился там, где решалась главная задача огнеборства.

Двенадцать часов подполковник Максимчук В.М. пробыл в огне и радиации. Полученная им доза внешнего облучения составила более 700 рентген.

«Тщательный анализ фактов показывает, что с самого начала возникновения ситуации в ночь с 22 на 23 мая 1986 года на ЧАЭС подполковник Максимчук дал себе отчет в том, чем это грозит реально людям и станции. Все высокое руководство, находившееся «за тридевять земель», по существу, самоустранилось от решения вопросов тушения, и простому подполковнику пришлось полагаться только на себя (*интересно, как бы вышестоящие начальники отчитывались перед руководителями государства, если бы Максимчук не выручил их всех сразу?*). Владимир Михайлович сумел не растеряться, а, напротив, собрать все свои силы и умение, чтобы не дать развиваться этому пожару и в то же время сохранить людей, не дать им погибнуть: немедленно прибыл к месту аварии, принял личное участие в разведке и в тушении. Уникальность случая в том, что такой боевой разведки пожара в мире еще никто не проводил; и подобного пожара еще не было - до того. Ни высокая радиация (приборы зашкаливали), ни радиационный ожог ноги, ни отсутствие средств защиты - ничто не смогло остановить его. При всем этом главное - в отношении к людям, в стремлении сберечь их жизни, что явилось проявлением высочайшего профессионализма и человеколюбия.

Дело в том, что в уставных документах пожарной охраны МВД СССР не было указаний к действию оперативных подразделений по тушению пожаров на атомных объектах, что стало причиной гибели 28-ми человек на пожаре на ЧАЭС 26 апреля 1986 года. Но Максимчук поступает дальновидно, с опережением установок. Он избирает верную тактику посменного тушения в условиях повышенной опасности (в каждой смене 5 человек - бойцы во главе с офицером), ограничивает пребывание каждой смены в опасной зоне (до 10 минут), чтобы люди не переоблучились. Далее - мобилизовал всех имеющихся в наличии сотрудников и резервистов; вызвал резерв из Киева и Иванково, лично руководил тушением пожара с 2 часов 30 минут до 14 часов 23 мая 1986 года пока физически держался на ногах, и, уже отдавая последние силы, произвел расчет пенной атаки с таким прицелом, чтобы не дать

вспыхнуть пожару вновь или «проснуться огню» в другом месте кабельных тоннелей.

Его уверенные действия позволили пожарным успешно осуществить верный замысел на практике, ликвидировав смертельно опасный очаг пожара за относительно короткое время. Как справедливо говорили тогда, решительность и самоотверженность Владимира Михайловича спасли людей (а их было 318 человек, и все остались живы), станцию и - по большому счету - полпланеты. С тех самых пор пожарные страны стали называть Владимира Михайловича героем Чернобыля». /39/

«О пожаре было принято жесткое решение: не распространяться, мол, не стоит будоражить общество, и без того напуганное словом «Чернобыль». Молчание и сокрытие фактов о размерах катастрофы на ЧАЭС все более переходили в преступление.

Пожар тщательно замалчивался, подвиг попал в разряд «секретных», а последующие человеческие страдания были настолько явными, что скрывать их оказалось просто невозможно. На том пожаре Владимир Михайлович получил сверхвысокую, смертельную дозу радиации, которая, по современным методам подсчета, составляет около 700 рентген - в семь раз превышая роковой предел! С поля сражения, с лучевыми ожогами голени и дыхательных путей, его увезли в Киев. К машине несли на носилках - сильно тошнило, почти рвало, ходить и говорить громко уже не мог. Под капельницами он провел около месяца, а дальше - предстояли мытарства, тяжкие болезни, малоэффективное, изнуряющее лечение, очередные дела.

Другому человеку и десятой доли свершений, и десятой доли болезней хватило бы с избытком...

Но хотя впереди маячил смертельный приговор, Максимчук знать об этом не желал. Он еще не сделал всего, на что способен. Твердость характера и высокая мораль вели к главной цели жизни, позволяли до поры игнорировать безжалостный приговор. Заставляя свой организм сражаться всеми клетками, больными и здоровыми, преодолевал все мужественно, почти без жалоб, не желал признавать себя инвалидом, деградировать как личность, но - напротив - собирался с силами и работал дальше.

Невзирая на то что за свой по-настоящему героический поступок в Чернобыле не получил никакой награды, только выразительное молчание в ответ, а чаще глухое осуждение со стороны клерков-буквоедов (*так не было принято тушить пожары!*), оптимизма не терял, собирался долго и полноценно трудиться. Ни разу не пожалел,

что поступил в Чернобыле неординарно! Старался - и успевал - реализовать свой опыт и перспективные идеи, тушить пожары, воспитывать молодых бойцов.

Восемь лет врачи боролись за здоровье отважного огнеборца. Все это время он не прекращал исполнять свои непростые служебные обязанности - иначе не мог жить.

Отдельно необходимо отметить и заслуги Владимира Михайловича по развитию в стране пожарно-прикладного спорта, неотъемлемого приложения к труду пожарных, спорта, являющегося символом и пропагандой профессионального мастерства.

С приходом Владимира Михайловича в Федерацию пожарно-прикладного спорта СССР изменилось многое. С памятного 1981 года и вплоть до недавнего - то ли нового, то ли новейшего времени - сборная команда сначала СССР, а потом России не выпускала пальму первенства на всех международных соревнованиях, проходивших под эгидой КТИФ (Международного комитета по предупреждению и тушению пожаров). На эти состязания Владимир Михайлович ездил в качестве руководителя делегации от нашей страны он задавал тон, учил науке побеждать! Учил молодых помнить и любить историю страны, подвигов пожарных.

Так, например, Владимир Михайлович являлся инициатором проведения в Москве на стадионе «Динамо» летом **1994** года Международных соревнований по пожарно-прикладному спорту, посвященных официальному открытию на Митинском кладбище Мемориального комплекса пожарным, погибшим при тушении пожара, участникам локализации и ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС в 1986 году.

Выписка из послужного списка генерал-майора внутренней службы В.М. Максимчука после участия в тушении чернобыльского пожара 23 мая 1986 года:

- с марта 1989-го по январь 1990 года - заместитель начальника Главного управления пожарной охраны МВД СССР;

- с января 1990-го по август 1991 года - первый заместитель начальника Главного управления пожарной охраны МВД СССР;

- с августа 1991-го по июнь 1992 года - первый заместитель начальника Главного управления пожарной охраны и аварийно-спасательных работ МВД СССР.

Уроки Чернобыля, событий в Армении, трагедия Спитака и Ленинакана (1988), пожара в Ионаве (1989), опыт тушения других сложных и обширных пожаров были очень важны для Владимира Михайловича. За эти годы он уже ясно представлял себе острую

необходимость создания в стране специальной аварийно-спасательной службы экстренного реагирования на чрезвычайные ситуации. Занимая должность второго (а по сути, первого) в стране по части борьбы с огнем, он становится инициатором создания в стране эффективной общегосударственной системы безопасности и борьбы с авариями, катастрофами и стихийными бедствиями - отечественной службы экстренного реагирования на чрезвычайные ситуации, специализированных подразделений по проведению первоочередных аварийно-спасательных работ на базе пожарной охраны, а также выпуска новейшей пожарной техники, пожарно-технического вооружения и аварийно-спасательного оборудования.

Владимир Михайлович инициативно работает в этом направлении, ищет, находит и объединяет сторонников; продолжает поездки в зоны бедствий и катастроф, а также «за опытом» в развитые страны Европы и Америки. Результаты обнадеживали. Будучи профессиональным пожарным-спасателем высочайшего класса, передавал личный опыт другим, недаром так часто его и называли спасателем.

«Начало любой катастрофы или аварии - самый опасный и критический момент. Кто первым обязан и по службе, и по совести прибыть на место происшествия и за счет умелых, четких, профессиональных действий спасти десятки, сотни, а может, и тысячи жизней? Вот в чем ныне острота вопроса. Речь идет о создании специальных служб экстренного реагирования на чрезвычайные ситуации. Не секрет, сейчас многие ведомства имеют свои отряды риска. И каждая такая служба варится в собственном соку. Мы не знаем планы действий горноспасателей, соответствующих служб авиаторов, моряков, шахтеров, а они, в свою очередь, - наши заботы. По мнению пожарных, давно назрела необходимость создания государственной системы в стране по экстренному реагированию на чрезвычайные ситуации. Такие меры позволят объединить все ведомственные службы спасателей, а значит, и реагировать на любые ЧП более мощными, профессиональными силами».

Из статьи-интервью «Отряды риска и уроки огня», написанной по беседам с полковником внутренней службы В.М. Максимчуком первым заместителем начальника ГУПО МВД СССР, февраль 1990 года. /39/

После августовских событий 1991 года, при возникшей политической ситуации в стране, в ГУПО МВД СССР произошли

принципиальные изменения и перестановки. Всех больше заботило личное устройство, а не судьба службы. Опуская детали и моральную составляющую всех возникших проблем с августа 1991-го до мая 1992 года, генерал Максимчук возглавляет Управление пожарной охраны Москвы (с июня 1992-го по май 1994 года), которое и стало его последним местом службы, последним подвигом жизни. Для Москвы это была определенная удача: все, что оказалось невозможным в масштабах страны, можно было осуществить в пределах столицы - постараться довести столичный гарнизон до соответствия мировому уровню. И Владимир Михайлович сумел произвести коренные изменения в работе службы, на которые раньше потребовались бы десятилетия, начать важные дела и решить животрепещущие проблемы по укреплению пожарной безопасности города. Так:

- сдвинут с «мертвой точки» вопрос по возведению депо, которых в Москве уже несколько лет назад было гораздо меньше установленных норм, особенно в районах новостроек; согласно принятому 9 ноября 1993 года Генеральному плану о строительстве в столице новых 47 депо, в пятилетний срок было построено 25 новых депо;

- обновлен парк и созданы новые образцы техники, позволяющей решать нелегкие вопросы противопожарной защиты столицы, подготовлен к сдаче в эксплуатацию и начал работу современный комплекс службы «01» - Центр управления силами и средствами пожарной охраны (ЦУСС);

- введен в строй Учебный центр по подготовке пожарных специалистов, конкурентоспособный заграничным аналогам;

- создан региональный специализированный отряд по тушению крупных и наиболее опасных пожаров;

- закуплена современная аварийно-спасательная техника;

- преодолен барьер высотности зданий;

- создана первая в России вертолетная пожарно-спасательная служба Москвы;

- значительно расширились и окрепли международные связи Москвы;

- в октябре 1993 года Москва была спасена от крупномасштабного пожара, который, разгорись в полную силу, был бы сродни черныбыльскому пожару 1986 года или столичному пожару 1812 года;

- проведена структурная перестройка УПО Москвы, объединены усилия двух основных направлений деятельности: службы пожаротушения и Госпожнадзора; созданы предпосылки для

становления местных гарнизонов ГПС с учетом территориального деления на административные округа;

- начата активная разработка законопроекта «О пожарной безопасности», других документов и норм, подготовлен переход гарнизона на контрактную службу». /39/

Что касается пожара в ночь на 23 мая 1986 года на ЧАЭС, то... этот пожар ни на минуту не давал забыть о себе. Информация о нем для общества как была, так и оставалась закрытой. Пожар засекретили, и надолго. Отмечали в прессе изредка, искажая подвиг до неузнаваемости, «вспоминали» о том *таинственном* пожаре с опаской. Владимиру Михайловичу приходилось жить с тяжелым грузом болезней и непризнания своего подвига, давшего толчок новым размышлениям. От действия больших доз облучения у Владимира Михайловича развилась острая лучевая болезнь. «Он долго и безуспешно лечился, перенес три тяжелые операции. Болезнь прогрессировала. Но Владимир Михайлович обладал редкими достоинствами, недоступными большинству - мужеством мысли, силой духа и несгибаемой волей к победе. Эти высокие качества не покидали до последнего дыхания жизни...

В апреле 1994 года Красный Крест Швеции предложил Владимиру Михайловичу, уже смертельно больному, последнюю попытку выжить. Он принял предложение, учитывая свое состояние, срочно вылетел в Стокгольм. Но было поздно». /39/

Генерал-майор внутренней службы Владимир Михайлович Максимчук, начальник Управления пожарной охраны Москвы, умер 22 мая 1994 года, пережив свой подвиг в Чернобыле ровно на восемь лет.

Указом президента Российской Федерации от 18 декабря 2003 года №1493 «За мужество и героизм, проявленные при выполнении специального задания Правительства» генерал-майору внутренней службы Владимиру Михайловичу Максимчуку присвоено звание Героя Российской Федерации. /39/

Похоронен Герой России генерал-майор внутренней службы Владимир Михайлович Максимчук на Митинском мемориальном кладбище Москвы.

**Могила и надгробный памятник Герою России генерал-майору
внутренней службы В.М Максимчуку на Митинском кладбище Москвы**

Мельник Николай Николаевич*

Родился 17 декабря 1953 года в селе Ставище Ставигденского района Киевской области. В феврале 1975 года Николай поступил, а в ноябре 1975 года окончил Кременчугское летное училище гражданской авиации.

С 1975 года Н.Н. Мельник работал в Полтавском объединенном авиаотряде (ОАО) сначала пилотом, потом командиром самолета Ан-2.

С 1977 года Николай Мельник работал в Херсонском ОАО гражданской авиации командиром вертолета Ка-26 на авиационных работах, патрулировании нефте- и газопроводов, перевозке пассажиров.

С 1982 года Н.Н. Мельник летчик-испытатель Феодосийского филиала ОКБ им. Н.И. Камова, проводил летные испытания вертолетов Ка-27, Ка-29, Ка-32, Ка-31.

В 1984 году Николай Николаевич Мельник окончил вертолетное отделение Школы летчиков-испытателей Летного испытательного института гражданской авиации СССР и получил квалификацию летчик-испытатель 3-го класса. Возвратился на работу в Феодосийский филиал ОКБ им. Н.И. Камова.

30 мая 1986 года по телеграмме председателя Правительственной комиссии по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС Н.Н. Мельника откомандировали на выполнение правительственного задания в район Чернобыля и его назначили основным летчиком на вертолет Ка-252 Е бортовой номер №910.

Для успешной организации работ по ликвидации последствий катастрофы членам Правительственной комиссии требовалась информация о процессах, происходящих внутри разрушенного реактора. Получить данные о температуре горения радиоактивной магмы в активной зоне, уровнях радиации, нейтронном потоке и других параметрах специалисты пытались с первых дней локализации катастрофы. Для этого использовали тепловизоры, радиометры, электронные термометры и другие приборы, а также расчетные методики. Но ни один из применяемых средств и способов не дал точных данных о том, что же в действительности происходило в активной зоне аварийного реактора.

* По материалам фонда Народного музея истории и трудовой славы ОАО «Камов», директор А.Н. Васин.

Ученые разработали программу под названием «Буй» для исследования процессов, происходящих в зоне разрушения. Подготовительные работы заняли два месяца, установка системы детекторов происходила в течение десяти дней.

«Детектор, то есть датчик, или буй, представлял собой устройство с оболочкой в виде усеченного конуса, которое устанавливалось на поверхность развала реактора и в центральный зал. Каждый из датчиков имел длинный кабель, конец которого крепили к вертолету, после чего его транспортировали в заданную точку и устанавливали на поверхность развала реактора, а затем через кабель подключали к основной сети. В каждом бую были смонтированы два преобразователя тепла для одновременного измерения температуры и плотности теплового потока на поверхности развала. Внизу на расстоянии 0,5 и 1 м от нижней плоскости были укреплены термометры для измерения температуры воздуха, примерно на середине буя размещался детектор мощности экспозиционной дозы (МЭД) гамма-излучения, на верхнем конце шесть анемометров». /59/

Для установки датчиков в развал реактора требовались высокопрофессиональные вертолетчики. Правительственная комиссия остановила свой выбор на вертолетчиках ОКБ им. Н.И. Камова.

«Отладив систему внешней подвески длиной 200 м и систему стабилизации, - вспоминал руководитель по выполнению специальных работ в зоне чернобыльской катастрофы, представитель ОКБ Камова Игорь Александрович Эрлих, — мы приступили к выполнению работ. И

Летчик-испытатель Н.Н. Мельник в кабине вертолета.
Чернобыль. Май 1986 года

тогда встал вопрос о летчиках - кого из них брать на эту работу. Пробовали всех, кого можно было забрать без ущерба для проведения остальных испытаний, - Л.И. Пантелея, В.А. Мельникова, Н.Н. Мельника. На голову выше остальных оказался в полетах над Чернобылем летчик-испытатель нашего Феодосийского филиала Николай Николаевич Мельник. А ведь по ряду объективных критериев именно его кандидатура считалась поначалу не особенно подходящей. Но как только он взлетел, то сразу стало ясно, что как раз он-то и работает лучше всех - вот вам и объективные критерии». /59/

Экипаж вертолета Ка-252 Е в составе: Н.Н. Мельник (пилот), Ю.Н. Кувыков, О.А. Азаров (бортоператоры), В.М. Ткаченко (штурман), получил задание на транспортировку на внешней подвеске вертолета специального оборудования и введения его в аварийную зону реактора.

Прежде чем приступить к выполнению задачи, экипаж Мельника под руководством специалистов приступил к проведению необходимых расчетов и тренировок. Очень важно было все просчитать и детально отработать, особенно тщательно требовалось освоить маневры выхода на цель и опускания датчиков.

Фото из испанского авиационного журнала, на котором наглядно видна работа вертолетчиков, несущих на внешней подвеске на 200-метровом кабеле датчики, которые предстояло ввести в груды обломков разрушенного блока

Обстановка в зоне Чернобыльской АЭС в это время стояла тревожная. Ученые строили свои прогнозы о развитии процессов в активной зоне 4-го блока по самому худшему сценарию.

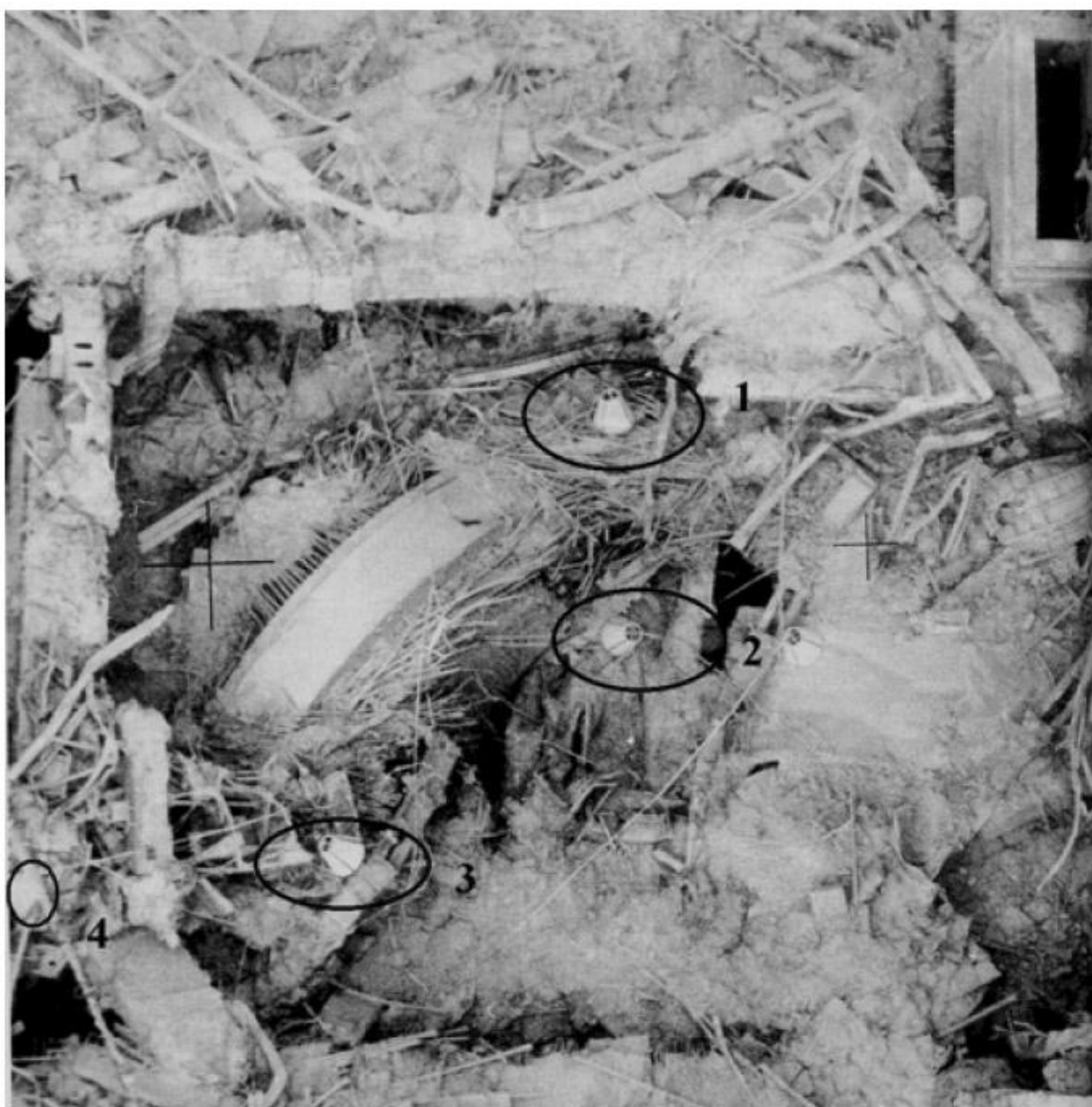
После выполнения необходимых расчетов вертолетчики приступили к тренировочным полетам. Членам экипажа требовалось досконально изучить свои обязанности в полете и отработать свои обязанности в полете и отработать до автоматизма свои действия. Все понимали важность и ответственность задания и к тренировкам относились с предельной ответственностью.

После окончания подготовительных работ начались полеты на реактор. Вначале тренировочные, а затем и боевые. Всего за время командировки экипаж выполнил **около 30 уникальных операций** с использованием специального оборудования для введения аппаратуры, предназначенной для измерения уровней радиации на аварийном реакторе и температурных показателей процессов, происходящих как снаружи активной зоны, так и внутри.

На этой уникальной фотографии слева внизу виден трос с кабелем, идущий с борта вертолета в разлом блока. На конце кабеля находятся датчики

Испанский журнал, опубликовавший эти снимки и прославлявший подвиг советских вертолетчиков при ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, писал, комментируя эту фотографию: «Необыкновенная фотография, дающая возможность простым смертным получить представление о том, в каком состоянии находился реактор 4-го блока после взрывов и засыпки глинистым конгломератом. В центре снимка видно треугольное отверстие размером 0,8 м в основании и 1 м высотой, в которую Мельник должен был ввести трубчатую основу датчиков. Хорошо видны конические объекты (4 из них видимые), так же как и кабели, которые присоединяли к мониторам технического персонала. Видна и крышка реактора, стоящая ребром, окруженная «зарослями кустарника» трубопроводов охлаждения».

Фотография, претендующая по своей уникальности на первое место среди чернобыльских снимков. Датчики выделены и обозначены цифрами

19 июня 1986 года экипаж Н.Н. Мельника выполнил еще одну техническую операцию под кодовым названием «игла» по введению датчиков в активную зону реактора. Летчики опустили в разрушенный реактор стальную трубу длиной 18 м и диаметром 10 см во внутренней полости которой были вмонтированы различные датчики.

Экипаж вертолета и обслуживающий персонал, принимавший участие в подготовке и проведении операций по введению датчиков в разрушенный реактор. Н.Н. Мельник стоит в середине в темных очках. Чернобыль. Май 1986 г. (Фотография из испанского авиационного журнала)

25 июня 1986 года, завершив выполнение поставленных задач, Н.Н. Мельник убыл из Чернобыля.

5 октября 1987 года Указом Президиума Верховного Совета СССР «За мужество, смелость и высокий профессионализм, проявленные при выполнении опасных и сложных полетов при ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС» Н.Н. Мельнику присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

В 1987 году Н.Н. Мельнику присвоили звание летчика-испытателя I класса.

В 1988 году Н.Н. Мельник назначен старшим летчиком-испытателем Феодосийского филиала ОКБ им. Н.И. Камова. Награжден

гуманитарной наградой имени И. Сикорского (США) за полеты, выполненные в Чернобыле.

В настоящее время Николай Николаевич Мельник работает пилотом-инструктором в испанском аэроклубе, обучает испанских летчиков мастерству пилотирования многоцелевых российских вертолетов.

Николай Николаевич Мельник - член Королевской ассоциации аэроклубов и пилотов-любителей Испании.

Пикалов Владимир Карпович*

Родился 15 сентября 1924 года в Армавире Краснодарского края в семье потомственного кубанского казака. Его родители: отец Карп Иванович и мама Мария Максимовна вырастили двух сыновей - Георгия и Владимира.

Казачи во все времена - люди служивые, до глубокой старости, пока рука держит шашку, они состоят в территориальных казачьих формированиях и принимают участие во всех войнах и военных конфликтах, защищая южные рубежи России. Дух служения Отечеству, высокий патриотизм естественно присущи

как Пикаловым, так и другим сотням и тысячам казачьих семейств.

Карп Иванович Пикалов воевал в Первую империалистическую войну на турецкой границе. Был активным участником Октябрьской революции и Гражданской войны, служил красным командиром в частях Таманской дивизии, принимавшей участие в боях на юге и в центральной части Советской республики. Прославился храбростью в боях за город Царицын.

Суровыми дорогами войны

В июне 1941 года Владимир Пикалов после окончания девятого класса средней школы №7 на станции Минутка, близ Кисловодска, вместе с десятью одноклассниками попросился в армию. Но на фронт таких юнцов не пускали и военный комиссариат района направил ребят в Первое Ростовское артиллерийское училище. /13/

Летом 1941 года многомиллионная армия фашистской Германии, используя численное преимущество и фактор внезапности, нанесла сильные удары по войскам Красной Армии и, прорвав оборону и нарушив систему управления войсками, сумела продвинуться далеко в глубь территории страны.

* По материалам книги «Герой Советского Союза генерал-полковник В.К. Пикалов. Воспоминания сослуживцев».

Большого успеха добились немцы на южном направлении. 10 июля 1941 года войска вермахта вышли к реке Дон в районе Воронежа, 23 июля немцы взяли Ростов-на-Дону.

Артиллерийское училище, незадолго до вступления противника в город, эвакуировали в Армавир. От матери Владимир узнал, что его отец и старший брат Георгий в начале июля ушли на фронт, и писем от них не было.

Оставив казармы, учебные корпуса и полигоны курсантов-артиллеристов на новом месте обучали в наспех оборудованных классах и на неподготовленной местности. Учеба шла по ускоренному курсу военного времени. Первокурсников, едва прошедших курс молодого бойца, обучали всему самому необходимому, что должен был знать боец, а потом уже и артиллерист на войне. Артиллерист противотанковой артиллерии должен был хорошо знать теорию стрельбы, а уметь только одно: метко поражать фашистские танки. Курсант Пикалов, юноша и вчерашний школьник, в одночасье ставший солдатом, старательно осваивал военное дело, чтобы умело громить врага.

Курсантов старших курсов направляли на фронт на боевую стажировку. Из курсов формировали пехотные роты, которые уходили в район боевых действий Южного фронта. Курсанты сражались как рядовые солдаты. Когда старшекурсники прошли через боевые действия, и многие из них в училище не вернулись, на фронт стали посылать первокурсников. В их числе убыл и курсант В. Пикалов, который в сентябре 1941 года получил свое первое боевое крещение

В сентябре-октябре 1941 года курсант Пикалов В.К., познавая горечь поражения, принимал участие в оборонительных сражениях на Кубани и Северном Кавказе.

В первых числах декабря войска Южного фронта перешли в контрнаступление и освободили города: Ростов-на-Дону, Азов, Чал-тырь и др. Гитлеровцы отступили под натиском Красной Армии на несколько десятков километров. В результате одержанной победы вновь открылась весьма важная для армии железнодорожная магистраль Северный Кавказ - центр европейской части Советского Союза. Это была одна из первых успешных операций Красной Армии осени 1941 года.

В середине декабря 1941 года обстановка на фронте значительно ухудшилась. Немецкое командование, используя резервы бронетанковых и механизированных частей, создало на кавказском направлении мощную ударную группировку сил, которая перешла в наступление. Ростов-на-Дону вновь оказался захваченным фашистами. Наступление

гитлеровцев на Кавказ продолжилось. Немцы, потерпев неудачу под Москвой и Ленинградом, стремились взять реванш на южном направлении и овладеть кавказскими стратегическими резервами Советского Союза.

В январе - феврале 1942 года Верховное командование РККА в целях развития успеха декабрьской наступательной операции Западного и Калининского фронтов под Москвой сосредоточило стратегические резервы на этом направлении, где намечалось нанести решительный удар.

В начале февраля 1942 года после окончания училища лейтенанта В.К. Пикалова направили на фронт в действующую армию, в войска Западного фронта. В должности командира взвода управления противотанкового дивизиона семнадцатилетний лейтенант Пикалов начал воевать с немецко-фашистскими оккупантами.

В мае 1942 года на фронт лейтенанту В.К. Пикалову пришло письмо от мамы. Мария Максимовна сообщила о большом горе, постигшем их семью. В боях за Харьков смертью героя погиб брат Георгий. От отца вестей по-прежнему не было. Как стало известно позже, его отец Карп Иванович, тяжело раненный в боях за Харьков, оказался в немецком плену.

Недолог век истребителя танков на войне. Если он выживал в первом же бою - это было военное счастье. В единоборстве танк - человек побеждали стальные нервы, мастерство и мужество. Смерть повсюду плотно витала в воздухе и разила все живое. Выжить в таких условиях мог только смелый и сильный человек. Молодой офицер, еще не успевший познать мирную жизнь, оказался в военном кошмаре. В этих страшных условиях юноша стал бойцом. В нем родился боевой дух офицера-артиллериста. Именно здесь закалился его характер, сформировались образ защитника Отечества и его судьба.

С 1942 по 1945 год лейтенант, старший лейтенант, капитан Владимир Пикалов героически сражался в боях за Родину. Служил в должностях: командир взвода управления артиллерийского дивизиона, заместитель командира батареи, помощник начальника штаба артиллерии дивизии по разведке, начальник штаба дивизиона, командир батареи, офицер разведки 331-го артиллерийского полка резерва ВГК. Воевал в войсках Западного, Донского, Сталинградского, Степного и 2-го Белорусского фронтов, освобождал города Курск, Минск, Познань, участвовал в штурме Берлина. О том, как он воевал, свидетельствуют два легких и одно тяжелое ранение и боевые награды: орден Красной Звезды и Отечественной войны 1-й степени, медали.

Его отец Карп Иванович Пикалов в 1944 году совершил мужественный и невероятный в условиях глубокого немецкого тыла подвиг: бежал из концлагеря Бухенвальд. Побег оказался удачным. После долгих скитаний по немецким тылам, что само по себе невероятно сложно (немецкие леса - это не брянские или калужские непроходимые и дикие заросли и чащобы, это просматриваемые на сотни метров расчищенные, благоустроенные и контролируемые различными ведомствами и местным населением лесные массивы), Карп Иванович прошел через немецкие леса и вышел к чешским партизанам - так он стал бойцом чешского партизанского отряда.

До конца войны К.И. Пикалов партизанил на территории Чехословакии. Он удостоен звания Почетного гражданина города Турнов (в мае 1975 года генерал В.К. Пикалов, так же как и его отец, удостоен этого почетного звания). В звании капитана уволился Карп Иванович Пикалов в запас, и уже в мирные дни получил «догонявшие» его всю войну два ордена Красной Звезды.

В конце апреля 1945 года в боях за Берлин капитан В.К. Пикалов был тяжело ранен.

Из артиллеристов - в военные химики

На лечении в Сочинском военном госпитале, капитану В.К. Пикалову приходилось беседовать с ранеными фронтовиками о прошедшей войне, о будущем армии и страны. «Война всегда способствует развитию военной техники и вооружения, - рассуждали фронтовики. После победы по опыту войны создаются новые виды вооружений: танки, самоходные орудия, авиация, ствольная и реактивная артиллерия.

- Я видел, какой страшной силой в бою является огнеметное оружие, - заметил, как бы случайно, один из собеседников.

- Да, немцы бежали без оглядки, если огнеметчики давали хотя бы один залп, - подтвердил другой. - Это военные химики.

- Огнеметчики - химики? Не может быть! Такая силища и у «химарей!» - удивлению артиллериста Пикалова не было предела.

- Да-да, это химики «жарили немчуру», как тараканов. То, что вы видели, ребята, это всего лишь были действия ручных огнеметов. Но у военных химиков есть еще и тяжелые фугасные огнеметы! После залпа «тяжеловесов» немцев долго нужно было искать по всему фронту», - ликовал офицер противохимической службы.

Незаметно разговор перешел на тему оружия нового поколения, которое должно появиться на вооружении армии в скором времени. Вспомнили, что гитлеровцы не успели создать свое «чудо-оружие». Кто-то, как бы по секрету, сообщил, что слышал якобы все ученые, участвовавшие в разработке германского «оружия возмездия», сейчас работают в США.

Офицер-химик настаивал на том, что если новое оружие появится, то непременно у военных химиков. Он рассказал, что, по сути дела, такое оружие уже имеется - это отравляющие вещества нового поколения, которые в мизерном количестве (одна капля) могут уничтожить целую армию противника.

Долго размышлял после этого разговора о своем будущем капитан Пикалов. Свой выбор между гражданской работой и военной службой он уже сделал: будет служить. Но он знал, что артиллерия уже давно не бог войны, есть и другие ударные рода войск. Конечно, химик в чем-то «загибал», но в основном он был прав: все новое, секретное, тайное может появиться только в этих непонятных войсках. Подробнее расспросив товарищей о службе в войсках противохимической защиты, Владимир Пикалов принял решение - продолжить службу в этих перспективных войсках.

Принятое им решение наглядно свидетельствует о стремлении молодого офицера к принятию неординарных, непривычных решений. Он не повторял чужих действий, избегал коллективных решений. Для него не существовало: «я сделаю так, как все», «куда все - туда и я». После долгих размышлений, оценки вопроса с разных точек зрения, взвешиваний всех «за» и «против» выбор делался в пользу нового и неизвестного.

Для реализации задуманного нужно было овладеть военно-химической специальностью, которую можно было освоить, поступив на учебу в Военную академию химической защиты. Однако серьезным препятствием могла стать медицинская комиссия: тяжелое ранение подорвало здоровье офицера.

В августе 1945 года капитан В. Пикалов после признания его медицинской комиссией годным к дальнейшему прохождению воинской службы убыл в Москву на учебу в Военную академию химической защиты.

В академии офицеров-фронтовиков зачисляли на подготовительные курсы, и в сентябре 1945 года капитан В.К. Пикалов начал учиться на 10-месячных подготовительных курсах. К сдаче вступительных

экзаменов в академию допускались только офицеры, успешно окончившие подготовительный курс обучения.

Летом 1946 года боевой офицер артиллерии, завершив обучение на подготовительных курсах, поступил в Военную академию химической защиты им. Маршала Советского Союза К.Б. Ворошилова и был зачислен слушателем первого курса командно-инженерного факультета.

С 1 сентября началась учеба по пятилетней программе. Капитану Пикалову, окончившему девять классов средней школы, учеба давалась нелегко. Особенно трудно приходилось на занятиях по общей и органической химии, высшей математике, иностранному языку. Чтобы

Слушатель подготовительных курсов ВАХЗ им. Маршала Советского Союза К.Е. Ворошилова капитан В.К. Пикалов

усвоить учебный материал по этим предметам приходилось заниматься дополнительно вечером и ночью. Капитан еще на фронте научился принимать жизнь такой, какая она есть, и определять в ней главное, тогда главным для него было одно - учеба.

Слушатели первого курса имели неодинаковый уровень подготовки, и для выравнивания их знаний нуждались в дополнительных занятиях. Такие занятия кафедры академии проводили факультативно, в свободное время для слушателей и в выходные дни. Пройденный материал закрепляли самостоятельно, как правило, ночью.

Опытные преподаватели, пытливый ум молодого офицера и его необычайная работоспособность сделали свое дело: к концу первого курса капитан Пикалов не имел задолженностей по предметам обучения.

Легче давались военные дисциплины, сказывался боевой опыт войны - это прежде всего относилось к общевойсковой тактике и тактике химических войск. Занятия по этим предметам проводили известные ученые и опытные преподаватели тактических и тактико-специальных кафедр, имевшие большой опыт работы. Семинарские занятия они проводили интересно, динамично, привлекая слушателей принимать активное участие в обучении.

Труднее давались технические предметы обучения. Артиллеристу пришлось осваивать технику химических войск, изучение которой было связано с необходимостью понимания особенностей химических войск, специфики их службы. К тому же при изучении техники требовалось понимание механизма химических реакций, протекавших при нейтрализации отравляющих веществ.

Техника химических войск существенно отличалась от артиллерийской. В то время слушатели изучали такие химические машины, как: БХМ (боевая химическая машина), АДМ (автомобильный дегазатор местности), АГВ-2 (автомобильный газовоздушный генератор), АРС (авторазливочная станция) и др. Эти машины имели двойное назначение: для применения отравляющих веществ на местности и для дегазации порошкообразными и жидкими дегазирующими средствами обмундирования, снаряжения, боевой техники и местности.

Впечатляли воображение огнеметно-зажигательные средства: танковые огнеметы АТО-41, ранцевые огнеметы РОКС и фугасные огнеметы ФОГ-2. В годы войны огнеметное вооружение зарекомендовало себя высокоэффективным средством поражения живой силы противника, боевой техники, инженерных сооружений и нанесло ощутимый урон гитлеровцам. Капитан Пикалов увлеченно изучал огнеметы и тактику действий огнеметных подразделений. Всю свою службу он будет проявлять повышенный интерес к огнеметно-зажигательному вооружению, и принимать активное участие в его развитии.

Привлекали внимание и средства дымовой маскировки войск. Многие участники войны с недоверием относились к дымовым средствам, некоторые командиры считали, что использование дымов в боевых условиях может только навредить действиям своих войск, дезорганизовать их боевые порядки. Опытные преподаватели кафедры дымовой маскировки обучили слушателей способам постановки дымовых завес во всех видах боя и сделали их активными сторонниками применения дымов в бою.

На занятиях по специальной и тактико-специальной подготовке слушатель Пикалов познавал суть и смысл противохимической защиты

Советской Армии. Понятие «защита» определяло ее способность обеспечить неуязвимость войск от действия химического оружия.

К легкой службе капитан В.К. Пикалов не стремился. Часто в ущерб одним дисциплинам он уделял больше внимания тем, которые способствовали формированию прочных знаний по специальной подготовке. Он знал, что при решении внезапно возникающих задач, в экстремальных условиях, на успех может рассчитывать только тот, кто в совершенстве владеет техникой и вооружением, является мастером своего дела и обладает гибким мышлением, способным на несколько шагов вперед просчитывать развитие событий.

О незаурядных интеллектуальных способностях офицера говорит хотя бы тот факт, что он не только углубленно осваивал новую профессию, но критически оценивал получаемые в стенах академии знания. Так, анализируя организацию химических войск и противохимической службы Советской Армии, слушатель Пикалов неоднократно, особенно на старших курсах, высказывал свои соображения о необходимости их реорганизации.

В дальнейшем он реализовал все свои планы по реформированию химических войск, выведя их на уровень лучших среди специальных войск Министерства обороны.

Учеба в академии, общение с профессорско-преподавательским составом, академиками, учеными, имеющими мировое признание, элитой химических войск способствовали формированию незаурядного специалиста, яркой личности, высокообразованного, мастерски владеющего военным делом офицера химических войск

Начальник химической службы

В 1951 году после окончания академии майор В.К. Пикалов получил назначение в Прибалтийский военный округ на должность начальника химической службы полка.

Противохимическая служба в этой части не во всем соответствовала требованиям руководящих документов и указаниям старших начальников, поэтому находилась далеко не в лучшем состоянии. Прием дел и должности начальника службы начался с инвентаризации химического имущества на складе части и в подразделениях.

Комиссия, назначенная приказом командиром полка, выявила недостающее имущество и упущения в учете. Учета техники и вооружения противохимической службы практически не было.

Восстановив утраченное имущество и наладив учет, начхим приступил к организации в подразделениях части номерного учета противогазов, средств защиты кожи, приборов химической разведки и дегазационных комплектов. Он добился закрепления противогазов за конкретным военнослужащими, в том числе и за офицерами.

Химическое имущество занесли в книги учета материальных средств подразделений под их заводскими номерами и закрепили за личным составом части. Теперь противогаз записывали по номеру коробки в военный билет, как оружие, и это незамедлительно отразилось на техническом состоянии химического имущества. Противогазы стали чище и исправнее. На строевой смотр части подразделения прибывали с противогазами, состояние которых обязательно проверялось, причем не только офицерами службы, но и командирами всех уровней.

По настоянию начальника химической службы в полку один день в месяц объявлялся «химическим днем». В этот день все военнослужащие от рядового хозяйственного взвода - до командира полка носили с собой противогазы. В установленный командиром полка день, в установленное время, дежурный по полку передавал по системам оповещения во все подразделения сигнал «Газы». Майор В.К. Пикалов и офицеры управления проверяли действия личного состава подразделений по этой команде. На очередном служебном совещании начальник противохимической службы майор В.К. Пикалов подводил итоги действий военнослужащих по сигналу оповещения. Это мероприятие способствовало плановому повышению качества проводимых тренировок по пользованию средствами защиты органов дыхания солдатами и офицерами полка.

В запущенном состоянии оказалось и планирование противохимической подготовки в полку. Ранее этот план, как составная часть плана боевой подготовки полка не разрабатывался. Вне системы подготовки находились и химические инструкторы батальонов и дивизионов. В основном сержанты химической службы использовались на различных работах, что считалось нормой.

Не обвиняя своего предшественника в запущенности дел, майор Пикалов энергично взялся за работу, понимая, что теперь вся ответственность за противохимическую подготовку части, состояние службы полка лежит на нем. Он приступил к разработке документов по планированию противохимической подготовки для всех учебных групп офицерского состава, подразделений родов войск, подготовке

химических инструкторов и химизированных (нештатных) экипажей, отделений, расчетов рот и батарей полка.

План мероприятий химической службы полка на учебный год содержал разделы: проверка состояния химического имущества в подразделениях и на складе, развитие учебно-материальной базы противохимической подготовки, расчет потребности в табельных средствах и расходах химического имущества (дымовых, имитационных, учебно-боевых и др.) для обеспечения ротных, батальонных учений полка. /13/

Исходя из этого, обозначилась потребность в различных материально-технических средствах службы, которая вошла в заявку начальнику противохимической службы дивизии.

Обстановка требовала серьезного реформирования всех сфер, в частности организации и выполнения всех мероприятий плана. Особенно большое внимание следовало уделить проверке хранения химического имущества в подразделениях, а также организации противохимической подготовки офицерского состава, химических инструкторов батальонов, сержантов части, совершенствованию учебно-материальной базы.

Для успешного решения поставленных задач пришлось кардинально изменить отношение командования части, солдат и офицеров к противохимической службе. На командирских и инструкторско-методических занятиях майор В.К. Пикалов неустанно разъяснял военнослужащим полка роль и значение противохимической защиты в системе боеспособности частей и соединений Советской Армии.

Не покладая рук трудился майор В.К. Пикалов над решением задач, определенных начальником противохимической службы дивизии и руководящими документами. Чтобы все «поставить» на свои места, требовалась длительная и систематическая работа. Начхим полка проводил занятия в подразделениях части, знакомился с командованием батальонов, рот, отдельных взводов. Требования ставил жесткие: только при отличном владении противогазом и средствами защиты кожи воин может рассчитывать на то, что не погибнет при первой же газовой атаке, а подразделение выполнит боевую задачу.

Участвуя в системе командирской и инструкторско-методической работы в полку, начальник противохимической службы разъяснял офицерам и сержантам, насколько важно научить солдат грамотно действовать в условиях применения противником химического оружия. Он сумел доказать значение своего предмета как основного в системе боевой подготовки. «Часть не сможет выполнить поставленную задачу, если не выживет при химическом ударе, - убеждал В.К. Пикалов офицеров части, - ваше умение отлично стрелять, мастерски водить

боевые машины и достигнутое совершенство в боевой слаженности подразделений ничего не стоят, если бойцы не сумеют себя защитить от химического оружия, не смогут грамотно преодолеть на марше зараженный участок местности, и провести специальную обработку».

Преподавание предмета противохимической защиты в системе командирской подготовки в полку и подразделениях осуществлялось настолько грамотно, наглядно и убедительно, что ни у кого не возникало желания относиться с прохладцей к новому предмету обучения, оспаривать его концепцию.

Офицеры полка понимали, что наступила новая эра в боевой учебе войск, что это в современных условиях весьма логично и требует неукоснительного выполнения.

Неустанно занимался начхим обучением солдат и офицеров по противохимической защите. Индивидуальная подготовка основывалась на выполнении нормативов по пользованию средствами защиты.

В начале 1950-х годов в учебных программах боевой подготовки частей и подразделений появились новые темы и тренировки. Это касалось изучения нового отравляющего вещества общедовитого действия «Табун». Это отравляющее вещество обладало рядом особых химических свойств: поражало живую силу в парообразной фазе и в капельно-жидком состоянии через кожные покровы. Поэтому предписывалось внести коррективы в программу противохимической подготовки подразделений, в тактику их действий, а также поправки в индивидуальную подготовку военнослужащих и обучить их действиям в условиях применения отравляющих веществ общедовитого действия.

Майор В.К. Пикалов выступал как новатор современных и более совершенных способов обучения военнослужащих. Для защиты кожных покровов от стойких отравляющих веществ и ОВ кожно-нарывного действия в полку на весь личный состав получили армированные бумажные накидки, рекомендованные для защиты кожных покровов личного состава при преодолении зараженных участков местности и в случае применения противником отравляющих веществ с воздуха.

С появлением средств защиты кожи учебный процесс по противохимической подготовке усложнился - теперь на занятиях отрабатывали надевание противогаза и защитной накидки.

До прибытия в полк майора В.К. Пикалова химические инструкторы батальонов выполняли различные поручения по указанию командиров батальонов, а в учебном процессе по противохимической подготовке не участвовали. Новый начальник химической службы сумел убедить командира полка в том, что защита личного состава от

химического нападения противника - важнейшая дисциплина. С большим трудом, но ситуацию нецелевого использования химических инструкторов батальонов удалось изменить.

Теперь сержанты-химики помогали начальнику химической службы полка и командирам подразделений проводить занятия по специальности, стали активными участниками групп подготовки младших командиров, инструкторско-методических и других мероприятий.

Особое внимание уделял майор В.К. Пикалов совершенствованию учебно-материальной базы полка. Понимая, что обучение должно быть наглядным и поучительным, он все свои знания и умения по специальной подготовке приложил к созданию учебного класса и площадок в химическом городке. Свои представления об учебно-материальной базе части, полученные в академии, майор внедрил на учебном поле полка, вместе с тем все наглядные пособия и учебные сооружения он сделал по-своему.

Ранее занятия по противохимической подготовке проводили командиры штатных взводов и рот на тактическом поле. После сооружения химического поля, специальные занятия планировали и проводили на его территории, что способствовало повышению качества занятий и установлению контроля за проведением специальных занятий. Например, на изготовленных макетах техники бойцы тренировались в надевании средств защиты и противогазов, как на боевой технике.

Специально оборудованная площадка позволяла отрабатывать действия подразделений при преодолении в пешем порядке и на штатной технике участка местности, зараженного отравляющими веществами. На отдельных площадках разместили стенды и таблицы по отравляющим веществам, дегазирующим растворам и проведению дегазации вооружения и военной техники. В химгородке оборудовали учебный класс для изучения теории противохимической защиты.

Планомерно и скрупулезно выполняя свои служебные обязанности, не позволяя никому допускать послабления и упущения по своей дисциплине, майор В.К. Пикалов вывел свой полк в число лучших по противохимической подготовке в дивизии. Будучи ровным по характеру, требовательным, но справедливым, майор В.К. Пикалов заслужил уважительное отношение к себе со стороны командования полка и сослуживцев и вскоре стал одним из лучших офицеров части. Хорошего мнения о нем были и в химической службе дивизии.

В 1953 году майор В.К. Пикалов возглавил противохимическую службу своей дивизии. Новая должность отличалась от предыдущей по уровню и по масштабам работы.

Зная по своему опыту, что специальная подготовка некоторых начальников химической службы полков и отдельных батальонов во многом желала быть лучшей, вновь назначенный на должность НХС дивизии пересмотрел подготовку своей учебной группы (начальников химической службы полков и отдельных батальонов) и с разрешения комдива, по согласованию со штабом соединения, запланировал дополнительные занятия. Тематику и план проведения занятий утвердил командир дивизии. В ходе занятий планировалось изучение химического состава отравляющих, дымовых и зажигательных веществ и дегазаторов, химических процессов взаимодействия дегазирующих компонентов с отравляющими веществами иностранных армий и механизма их действия на человека.

Весьма актуальный вопрос в тематике занятия - изучение имитационных и учебно-боевых веществ и правил их безопасного применения в ходе занятий и на учениях.

С появлением кожно-нарывных отравляющих веществ и противохимических пакетов особое внимание в противохимической подготовке уделялось изучению мер доврачебной помощи пораженным отравляющими веществами.

Кроме повышения теоретической и практической подготовки майор В.К. Пикалов планировал поближе познакомиться с офицерами службы и наладить с ними правильные служебные взаимоотношения.

После занятий с начальниками служб частей им были организованы внеплановые занятия с химическими инструкторами батальонов в масштабе дивизии. Это позволило повысить уровень специальной подготовки подчиненных, что, в свою очередь, не замедлило сказаться на уровне специальной подготовки личного состава частей соединения.

Противохимической подготовке в дивизии, как и во всем Прибалтийском военном округе, уделялось достаточное внимание. Занятия и тренировки по пользованию индивидуальными средствами защиты и противогазами были на строгом контроле штаба и командира дивизии. В частности регулярно проводились учебные сборы с нештатными химизированными экипажами подразделений частей, которые укомплектовывались новейшими средствами химической, а позже и радиационной разведки.

На территории Прибалтийского военного округа практиковалось проведение тактических учений с реальным применением учебно-боевых отравляющих рецептур. Каждое такое учение требовало тщательной подготовки и еще более пунктуального исполнения обязанностей специалистами химической службы дивизии при проведении работ

на местности, зараженной учебными отравляющими веществами, а затем неуклонного контроля действий частей и подразделений на каждом этапе учения. Это было возможно при высокой организованности и четкости действий всей химической службы дивизии.

На учения с применением учебных рецептур привлекался взвод химической защиты дивизии. Химики-разведчики проводили химическую разведку в составе участвующих на учениях частей, химики-дегазаторы разворачивали площадки специальной обработки и проводили полную дегазацию боевой техники, оружия и материальных средств. Функции санитарной обработки зараженного личного состава выполняла медицинская служба дивизии. Каждое такое учение было объектом пристального внимания командования дивизии, армии и служило росту престижа химических войск. И, конечно же, учение неизменно находилось на особом контроле начальника химических войск округа.

Должность начальника химической службы дивизии позволила подполковнику В.К. Пикалову закрепить на практике знания по тактической подготовке, полученные в академии, в частности по действиям танковых и мотострелковых полков в бою танковой (общевойсковой) дивизии, а также понять их роль и место в армейской операции.

Участие в дивизионных тактических, командно-штабных учениях и тренировках, доклады перед командованием дивизии, чтение лекций по противохимической подготовке, участие в командирской подготовке подняли начальника химической службы дивизии подполковника В.К. Пикалова на новый уровень профессионализма.

На этой должности проявились его организаторские способности, профессионализм, трудолюбие, честность, принципиальность. Оставаясь всегда требовательным к подчиненным, он уважал людей независимо от их звания и должности. При необходимости Пикалов умел отчитать провинившегося, сделать выговор, но всегда в такой форме, что это не задевало самолюбия военнослужащего, их человеческого достоинства.

Как перспективный офицер, имеющий хорошую командно-штабную подготовку, в конце 1953 года подполковника В.К. Пикалова привлекали на командно-штабные учения химического отдела Прибалтийского военного округа. Участие в КШУ ПрибВО позволило ему повысить оперативную и оперативно-тактическую подготовку, получить опыт работы в высшем эшелоне деятельности офицера химических войск, изучить структуру военного округа, управлений и отделов родов войск и служб.

В 1954 году подполковник В.К. Пикалов назначен на должность офицера отдела начальника химических войск военного округа.

«Уже при первом знакомстве в новых условиях службы Владимир Карпович производил впечатление высокоподготовленного офицера, который прекрасно владел обстановкой в войсках, знал их задачи и способы решения. Высказывания офицера были лаконичны, конкретны и убедительны. Его внешний облик внушал доверие и симпатию». /14/

Отдел начальника химических войск округа был небольшим по численности подразделением, поэтому каждый офицер находился в готовности к выполнению самых различных обязанностей. Основное время службы уходило на работу в войсках. Офицеры принимали участие в различных учениях, проверках боевой готовности частей и соединений и подготовке войск округа. Немало времени уделялось учебному процессу химических войск округа и штабной работе. /14/

Будучи заместителем начальника химических войск округа, подполковник В.К. Пикалов считался одним из активных организаторов работы отдела. Обладая гибким и оригинальным мышлением, он владел ценным даром и умением сплотить и направить коллектив отдела на решение сложных задач, при этом наиболее трудные задачи всегда брал на себя. В подчиненных высоко ценил самостоятельность, творческий подход, неординарность действий.

Полководец

В 1959 году полковник В.К. Пикалов назначен на должность начальника химических войск Прибалтийского военного округа.

Новый начальник химических войск округа с высокой ответственностью отнесся к исполнению своих служебных обязанностей. Он очень тщательно готовился к занятиям, лекциям, встречам с офицерами и командованием войск объединения, штудировал до полного запоминания и четкого устного и письменного изложения основных положений руководящих документов, наставлений, методических пособий, сборников нормативов. То, что трудно запоминалось, конспектировал. Еще на войне у него сформировался свой стиль работы: досконально знать все и немного больше о том, о чем пойдет речь на предстоящей встрече. Неясные обрывки воспоминаний по требуемому вопросу не годились, нужны были только точно выверенные, четко доложенные сведения.

Перед каждым выездом в войска проводился тщательный инструктаж офицеров, определялись задачи и порядок их выполнения. При этом

полковник В.К. Пикалов, обладая феноменальной памятью, обращал внимание офицеров на устранение обнаруженных ранее недостатков в той или иной части или соединении.

Будучи военачальником высокого ранга, он часто сам выезжал в войска, где все могли наглядно видеть методы его работы. Офицер вникал во все стороны жизни проверяемых частей и соединений, внимательно выслушивал подчиненных и принимал решительные меры по устранению недостатков.

К тому же он умел быстро найти общий язык с офицерами, сержантами и солдатами частей и подразделений. Встречаясь с солдатами, интересовался их жизнью и бытом, постоянно требовал от командиров умелого сочетания уставной требовательности с заботой о подчиненных, уважения их человеческого достоинства - все это снискало уважение и любовь солдат, сержантов и офицеров.

Стиль работы полковника В.К. Пикалова состоял в непрерывном поиске новых задач для войск и для себя, научном обосновании, энергичном продвижении своих идей через бюрократические преграды. Владимир Карпович умел убеждать старших начальников.

Невзирая на большую занятость, он находил время на научно-исследовательскую и изобретательскую работу.

В 1962 году в Управлении начальника химических войск МО СССР полковник В.К. Пикалов представлял офицерам химических войск со свое изобретение - электронный вычислитель ЭВ-1. Всех удивляла его техническая грамотность и детальное освещение вопросов.

/15/

В 1963 году полковнику В.К. Пикалову присвоили звание генерал-майора технических войск. Обладая удивительным чувством нового, он постоянно выдвигал оригинальные научные и технические идеи, позволявшие возглавляемому им управлению и войскам постоянно находиться на острие современной научно-технической мысли.

В подготовке войск генерал В.К. Пикалов строго придерживался принципа «Учить войска тому, что требуется на войне», поэтому в боевой подготовке химических войск широко применяли реальные отравляющие и учебные радиоактивные вещества.

Серьезное внимание начальник химических войск ПрибВО уделял развитию и совершенствованию полевой учебно-материальной базы химических войск. Во многом благодаря его усилиям был создан полигон химических войск на Добровольском учебном центре округа.

Особое значение генерал Пикалов придавал подготовке офицерского состава, руководящего состава округа по вопросам химической

защиты. Он считал, что обученность войск действиям в условиях применения противником оружия массового поражения во многом определяется подготовленностью командиров частей, соединений, объединений войск округа и офицеров управлений, отделов штаба.

Генерал В.К. Пикалов принимал активное участие в подготовке и проведении занятий и учений на сборах руководящего состава, проводимого командующим войсками округа. Он всегда выбирал наиболее важные и сложные темы в подготовке войск по защите от оружия массового поражения и мастерски проводил показательные учения.

**Начальник химических войск Прибалтийского военного округа
генерал-майор В.К. Пикалов. 1963 г.**

Подобные учения сопровождались действиями войск на таком уровне, что надолго запоминались его участникам. Прибыв в свои части и соединения, они проводили подобные занятия и учения. Такой метод работы позволял вырабатывать единые взгляды в подготовке войск округа в целом по защите от оружия массового поражения.

За годы службы генерал-майора В.К. Пикалова в должности начальника химических войск Прибалтийского военного округа повысились уровень подготовки войск округа по защите от оружия массового поражения и полевая выучка частей и подразделений химических войск, вырос авторитет химической службы.

Командование Вооруженных Сил СССР, зная о высокой подготовке войск Прибалтийского военного округа, проводило на их базе полевые учения слушателей военных академий.

В 1966 году генерал-майора В.К. Пикалова зачислили слушателем Военной академии Генерального штаба ВС СССР. Учеба укрепила и расширила оперативно-тактические знания генерала в области планирования и боевого применения химических войск, повышения эффективности их действий и защиты войск от оружия массового поражения. Обучение в ВА ГШ предусматривало формирование из слушателей военачальников высшего звена, мыслящих стратегическими критериями.

Перед окончанием академии ГШ генерал-майор В.К. Пикалов предварительно апробировал свою дипломную работу на одной из кафедр академии химической защиты в присутствии всего профессорско-преподавательского состава. Ученых ВАХЗ поразила масштабность и глубина мышления докладчика. Работа получила высокую оценку ученых, а позже и руководителей академии ГШ им. маршала Советского Союза К.Е. Ворошилова.

Академию ГШ ВС генерал Пикалов окончил в 1968 году с золотой медалью.

После окончания учебы генерал-майора В.К. Пикалова назначили заместителем начальника Военной академии химической защиты по учебной и научной работе. Время было переломное, уходило поколение фронтовиков, в армии шла военно-техническая революция, в химических войсках назревала реорганизация. В короткий срок Владимир Карпович проделал большую работу по совершенствованию учебного процесса в академии, улучшению ее учебно-материальной базы. Все свои идеи и задумки он успешно воплотил в докторской диссертации, которую успешно защитил в этот период. /14/

1 марта 1969 года генерал-майора В.К. Пикалова в возрасте сорока пяти лет назначили на высшую должность в химических войсках МО СССР - начальником химических войск Министерства обороны. В то время при назначении офицеров и генералов на вышестоящие должности им присваивали очередное воинское звание. При назначении на должность в беседе с министром обороны СССР Маршалом Советского Союза А.А. Гречко генерал Пикалов отказался от присвоения ему звания генерал-лейтенанта, мотивируя это тем, что «если служба пойдет, то и звезды будут. А если служба не заладится - звезды не помогут».

С первых месяцев службы в должности начальника химических войск генерал Пикалов приложил немалые усилия на объединение

служб противохимической и противобактериальной защиты. Под руководством В.К. Пикалова подготовили соответствующие документы, в которых содержались убедительные аргументы, основанные на научных данных, в пользу упомянутого объединения. Вскоре вопрос был решен.

Конец 1960-х годов, над миром витает грозная тень ядерной войны. С появлением ядерного оружия коренным образом изменились взгляды на ведение боя и операции и их химическое обеспечение. Перед химическими войсками встали новые сложные задачи, решение которых требовало иных подходов и глубоких знаний.

Лучшие умы армии начали вырабатывать алгоритмы действий войск в войне с применением ядерного оружия, и среди них молодой генерал-майор Владимир Пикалов. Под его непосредственным руководством разрабатывались методики оценки ядерной, радиационной, химической и биологической обстановки, программы подготовки подразделений и частей по защите войск от оружия массового поражения.

Начальник химических войск МО добился, чтобы защита от оружия массового поражения стала основной дисциплиной обучения для подразделений всех видов ВС, родов войск и штабов. Одно это уже значительно подняло престиж химических войск.

Понимая, что именно подразделения, части и соединения являются фундаментом химических войск, Владимир Карпович на первом этапе своей созидательной деятельности сосредоточил усилия на укреплении этой основы. Были разработаны и научно обоснованы комплекты химических войск армий, фронта и центра, созданы мощные ячейки их мобилизационного развертывания.

Эти нововведения проходили обязательную проверку в войсках и только после этого становились штатами и табелями.

В войска широким потоком поступала новая техника (ТМС-65, АРС-14, БРДМ-2рх), новейшие средства защиты, приборы радиационной и химической разведки, мониторинга окружающей среды.

Одной из составляющих, обеспечивающей успех начинаний Пикалова, была его феноменальная способность правильно подобрать кадры своих помощников. Под его началом служили такие незаурядные личности, как Юрий Станиславович Малькевич, Сергей Павлович Большаков, Владимир Сергеевич Кавунов, Анатолий Демьянович Кунцевич, Григорий Андреевич Жуков, Евгений Максимович Журавский, Николай Тимофеевич Степанов, Виктор Алексеевич Владимиров, Владимир Константинович Шатунов, Виктор Иванович Бухтояров, Игорь Борисович Евстафьев и др.

Важнейшим из этапов деятельности Владимира Карповича стало создание автоматизированной системы выявления ядерной, радиационной, химической и биологической обстановки. Пути ее технической реализации привели Генеральный штаб ВС к решению создания автоматизированной системы управления Сухопутными войсками.

Подсистема химических войск вошла в автоматизированную систему Сухопутных войск как составная часть общей системы. Однако ее исполнение военными химиками было более высокого качества по сравнению с другими родами войск вследствие того, что к моменту ее создания они находились в более выгодном положении, так как имели первичные центры сбора информации. В других родах войск Сухопутных войск их в то время не было.

Говоря о единой системе выявления масштабов и последствий применения противником оружия массового поражения, необходимо отметить и еще один шаг генерала В.К. Пикалова, направленный на укрепление войск. Он сумел, а это было очень непросто, убедить начальника ГШ и министра обороны в необходимости развертывания в Вооруженных Силах группировки частей засечки ядерных взрывов. В составе химических войск создали службу специального контроля со своим НИИ и стационарными частями засечки, а в войсках Московского, Белорусского, Одесского, Закавказского и Забайкальского военных округов сформировали мобильные батальоны и полки засечки ядерных взрывов оперативно-стратегического назначения.

К началу перестройки и в структуре общевойсковых армий развернули несколько батальонов засечки и разведки. Это был титанический труд: нужно было не только изыскать потребную численность личного состава, но и разработать и заказать в промышленности необходимую технику, организовать чрезвычайно специфическую подготовку кадровых офицеров и младших специалистов, наладить боевую подготовку частей совершенно нового для химических войск профиля.

Такое было по плечу только генералу В.К. Пикалову и возглавляемому им коллективу управления.

Он всесторонне опирался на оперативно-тактические и военнотехнические данные при оценке сложившейся обстановки, прогнозировал ее развитие и на этой основе принимал оптимальные решения, организовывал подчиненных на их реализацию.

Те годы были насыщены командно-штабными учениями управлений округов, в рамках которых проводились оперативно-тактические учения армий и корпусов с привлечением реальных войск, часто с

проведением боевых стрельб полками и даже дивизиями, боевым применением фронтовой и армейской авиации.

Генералы и офицеры УНХВ МО СССР, вузов и НИО после вручения наград. 1976 г.

Начальник войск требовал от руководителей окружного, армейского и дивизионного звена в каждом тактическом и оперативном эпизоде учений применять химические войска.

В боевых порядках войск выполняли задачи подразделения РХБ разведки, комплексы засечки ядерных взрывов выходили в реальные позиционные районы, на учениях с боевой стрельбой действовали подразделения огнеметчиков, вооруженные огнеметами РПО и тяжелыми огнеметными системами ТОС. Наземными силами подразделений аэрозольного противодействия и, что особенно важно, воздушными, ставились отсекающие фланговые дымовые завесы, а при выдвижении и вводе в бой и сражение общевойсковых частей и соединений последовательно создавались линейные дымовые завесы для обеспечения прикрытия действий войск на рубежах развертывания.

Ни одно общевойсковое учение не проводилось без реальной организации полной специальной обработки частей силами частей и подразделений химических войск.

Мудрый начальник войск понимал, что только постоянное пребывание подразделений химических войск в боевых порядках, на глазах общевойсковых начальников и командиров докажет необходимость их существования, укрепления и совершенствования.

Работа в войсках. Волгоград. 80-е годы

Будучи военачальником высокого ранга, генерал В.К. Пикалов сам часто выезжал в войска, где офицеры могли наглядно видеть методы его работы. Он вникал во все стороны жизни проверяемых частей и соединений, внимательно выслушивал подчиненных и принимал решительные меры по устранению недостатков.

Генерал-полковник В.К. Пикалов постоянно выдвигал новые научные и технические идеи, что позволяло возглавляемым им управлению и войскам постоянно находиться на переднем крае современной научно-технической мысли.

Эти идеи подлежали немедленной реализации. С этой целью на ежегодных сборах руководящего состава химических войск демонстрировалась техника, тактические и оперативные приемы проигрывались на специальных занятиях. Так, задолго до чеченских событий, получила путевку в жизнь тяжелая огнеметная система «Буратино». Проводилось и применение аэрозолей.

В конце лета 1981 года на территории Белорусского и Прибалтийского военных округов проводилось крупнейшее за послевоенный период оперативно-стратегическое учение «Запад-81». В ходе этих учений на практике проверялись теоретические искания Генерального штаба в области организации наступательных операций фронтовых объединений с осуществлением на различных этапах комплексного огневого

поражения противника, исследовались вопросы организации боевых действий армейских и фронтовых оперативно-маневренных групп (ОМГ).

Оборону противника в первый день операции на направлении главного удара наступающего фронта прорывали две дивизии смежными фланговыми ударами на участке 8 км по фронту. В ходе выполнения армиями 1-го эшелона ближайшей задачи войска наступающего фронта форсировали на нескольких участках реку Западная Двина, с одного из плацдармов вводилась в сражение Оперативная маневренная группа фронта.

Генерал В.К. Пикалов держал под постоянным контролем подготовку химических войск Белорусского военного округа к учениям, приезжал несколько раз лично, требуя обязательного участия в комплексном огневом поражении ТОС и подразделений реактивных пехотных огнеметов, а также широкого применения аэрозолей при форсировании водной преграды.

И он добился своего: крупнейшие общевойсковые начальники, несмотря на ураганный огонь артиллерии (на 1 км участка прорыва действовало до 150 условных единиц поражения) смогли увидеть высокую эффективность огня ТОС и РПО «Шмель», а некоторые и запомнили это.

В 1989 году при выводе советских войск из Афганистана, генерал армии В.И. Варенников потребовал от начальника химических войск МО СССР срочно сформировать отряд ТОС и через два месяца обеспечить его действиями вывод войск 40-й армии из Афганистана. И это было сделано. /14/

При форсировании р. Западная Двина широко использовалась дымовая маскировка войск. Впервые подразделения аэрозольного противодействия ТДА-М (с экипажами) перебрасывались на захваченный плацдарм сразу же вслед за передовыми отрядами на вертолетах Ми-6. Проведение подобного маневра было по силам только такому выдающемуся полководцу, как генерал-полковник В.К. Пикалов. Потрясенные общевойсковые начальники и высокопоставленные гости наблюдали, как термитно-дымовые автомобили (ТДА-М), раскачиваясь на тросах под вертолетами, транспортировались на рубеж дымопуска. Оперативно заняв позиции, воины-химики произвели дымопуск и обеспечили успешное проведение сложнейшего элемента фронтовой наступательной операции. Это был триумф химических войск. Это был триумф полководческого таланта генерал-полковника Владимира Карповича Пикалова! /14/

В.К. Пикалов стал инициатором крупномасштабного применения средств аэрозольной маскировки. Так, в ходе опытного войскового учения в Дальневосточном военном округе с помощью мощных дымовых генераторов машин ТМС-65 и других средств дымопуска на высоте 50-100 м создавалось макрооблако дыма площадью до 900 кв. км, которое в течение суток полностью прикрыло с воздуха район сосредоточения мотострелковой дивизии и позволило ей успешно форсировать реку Зея. Результаты учений позволили В.К. Пикалову развернуть новые работы в области маскирующих аэрозолей.

Под неустанным вниманием начальника химвойск МО находилось развитие и совершенствование полевой учебно-материальной базы химических войск. Предметом его особой заботы был Военный институт в Шиханах, в котором имелаась уникальная исследовательская и испытательная база для работы с индивидуальными и коллективными средствами защиты, средствами радиационной, химической и биологической разведки, техническими средствами дегазации, дезактивации и дезинфекции, машинами специальной обработки, космическими, воздушными и наземными средствами разведки, различными образцами огнеметного зажигательного оружия, включая реактивные системы залпового огня, аэрозольные и другие средства маскировки в широком спектральном диапазоне.

В институте функционировали специализированные корпуса для проведения медико-биологических и физиолого-гигиенических исследований, для проведения радиометрических исследований во всем диапазоне гамма-, бета- и альфа-излучений, для изучения поражающих характеристик светового излучения ядерного взрыва. Лаборатории Шиханского института оснащались самой современной отечественной и зарубежной химико-аналитической аппаратурой и приборной техникой. Это позволило проводить исследования на качественно ином уровне и создать центр по идентификации и расшифровке неизвестных веществ и материалов, который использовался для решения целого ряда перспективных задач.

Начальник химических войск МО обладал огромной работоспособностью. Он мог сутками без отдыха выполнять порученную ему работу. При этом, если не хватало дневного времени, он прихватывал и ночь, но задача всегда выполнялась в установленные сроки. Этого он требовал и от всех подчиненных офицеров.

Допоздна сидит начальник войск на рабочем месте и пишет, пишет левой рукой, почерком, который не спутаешь ни с каким другим,

формулируя замысел на реализацию очередного этапа развития и совершенствования химических войск. /14/

Одним из основных направлений деятельности В.К. Пикалова являлось вовлечение ведущих научных коллективов академии наук и отраслевых институтов военно-промышленного комплекса в военно-химические исследования и разработки. Это обеспечивало ускоренное внедрение достижений отечественной науки в области создания новых материалов, оптико-электронной, лазерной, вычислительной техники и других отраслей в практику разработки перспективных образцов вооружения и средств защиты.

В области выявления и оценки радиационной, химической и биологической обстановки под руководством В.К. Пикалова на базе автоматических приборов радиационной, химической и биологической разведки, технических средств засечки ядерных взрывов, использования наземных, воздушных и космических средств разведки, в сочетании с расчетно-аналитическими станциями приема и обработки информации с последующей прогнозируемой оценкой обстановки, была создана единая система выявления и оценки последствий применения оружия массового поражения.

Особое значение придавал В.К. Пикалов развитию огнеметно-зажигательного вооружения. При его непосредственном участии было разработано мощное штурмовое оружие - ручной огнемет, в котором использовался термобарический заряд, не уступающий по своему разрушающему действию объемно-детонирующим артиллерийским снарядам.

Принципиально новым видом оружия стала тяжелая огнеметная система залпового огня (ТОС-1), обеспечивающей массированное применение зажигательного оружия в ходе огневой поддержки мотопехоты и танков. Такого мощного оружия у военных химиков не было никогда.

Качественно новые направления развития получили средства маскировки. Были созданы маскирующие покрытия в радиочастотном и других спектральных диапазонах по типу технологии «стелс». Жаль только, что ведущие авиаконструкторы нашей страны не использовали их для создания нового поколения боевых самолетов.

При активном участии В.К. Пикалова кардинально изменилась защищенность бронетанковой техники Сухопутных войск, которая стала оснащаться системами защиты личного состава от оружия массового поражения. В состав системы вошли приборы ПРХР, переключающие воздухообеспечение бронеобъектов с режима принудительной

вентиляции на режим воздухоочистки и регенерации при обнаружении радиоактивных и отравляющих веществ, обеспечивая тем самым эффективную защиту экипажа от поражения различными видами оружия массового поражения. В те годы ни одна армия мира не располагала подобными средствами защиты.

Значительный вклад В.К. Пикапов внес в создание вертолета РХБ-разведки, комплекса дистанционной химической разведки атмосферы КДХР-1Н, нового поколения приборов биологической разведки и многих других средств вооружения химических войск и средств защиты.

Все это стало возможным благодаря тщательно продуманной научно-технической политике развития вооружения химических войск и средств защиты, формировавшейся под руководством В.К. Пикалова с активным участием многих квалифицированных специалистов-химиков. Для руководства военно-химической наукой Пикалов привлек многих видных ученых-химиков. На должность заместителя начальника химических войск по вооружению получил назначение А.В. Фокин (впоследствии академик); научно-технический комитет управления возглавил доктор технических наук, профессор Н.С. Антонов. Практика назначения на ответственные должности в центральный аппарат управления видных ученых-химиков осуществлялась целенаправленно и системно. На ответственные должности в центральный аппарат назначались: академик А.Д.Кунцевич, доктор технических наук И.Б. Евстафьев, кандидаты наук В.Т. Заборня, Р.Ф. Разуванов и многие другие.

Проводимые в химических войсках военно-научные исследования выполнялись в тесном взаимодействии с учеными и преподавателями Военной академии химической защиты. И ему было на кого опереться. Это академики М.М. Дубинин и И.Л. Кнунянц, доктора наук - Н.М. Николаев, М.Н. Баранаев, А.Н. Калитаев, Ю.М. Ваулин, Л.Н. Ильин, В.Н. Манин и многие, многие другие.

Большой энтузиазм и значительные усилия были проявлены В. К. Пикаловым в разработке средств аэрозольного противодействия высокоточному оружию и создания радиопоглощающих материалов. В результате было создано научное подразделение, предназначенное для разработки теории аэрозольного противодействия, создания радиопоглощающих материалов, включая пенные рецептуры.

С каждым годом совершенствовался стиль работы начальника химических войск МО, способствовавший успешному решению задач защиты от ОМП в масштабах Вооруженных Сил страны. Он добился увеличения численности химических войск, развернул новые части и

учреждения, расширил сеть полигонов и научных центров. Большая и крайне важная работа проводилась под его руководством по совершенствованию научного сопровождения задач химических войск. Часто к такой деятельности привлекались крупнейшие научно-исследовательские учреждения и видные ученые. Защиту войск от ОМП поставили на твердую научную основу.

**Ученый совет ВАХЗ. Докладывает профессор генерал-майор
Л.Н. Ильин (крайний справа). 1985 г.**

Увеличивался авторитет войск РХБ защиты, а с ним и авторитет генерала В.К. Пикалова. За успешное руководство химическими войсками ему присвоили звание генерал-полковника. Своей самоотверженной работой он оказал влияние на развитие химических войск не только Вооруженных Сил СССР, но и армий государств - участников Варшавского Договора.

По инициативе генерал-полковника В.К. Пикалова осуществлялись кардинальные организационно-штатные преобразования во всех звеньях химических войск. Так, разработано, принято на вооружение и снабжение, освоено в серийном производстве и поставлено в войска большое количество новых, более современных образцов вооружения химических войск и средств защиты, улучшена система подготовки кадров, поднята на высокий уровень боевая и мобилизационная готовность химических войск.

В деятельности начальника химических войск МО важное место занимали вопросы оснащения химических войск современной техникой и обеспечения общевойсковых соединений и объединений средствами защиты от оружия массового поражения. При этом он уделял особое внимание проблеме обеспечения ВХВ и СЗ мобилизационного развертывания Вооруженных Сил, динамике накопления неприкосновенных запасов и их своевременному обновлению. Генерал Пикалов не только систематически заслушивал руководство управления химического вооружения и снабжения по этим вопросам, но и сам выезжал на наиболее важные промышленные предприятия, осуществлявшие производство и поставки вооружения химических войск и средств защиты.

Его усилиями были основаны в училищах химических войск и академии соответствующие кафедры, на которых курсанты и слушатели обучались вопросам организации и осуществления технического обеспечения химических войск.

При подготовке доклада министру обороны по действиям химических войск и гражданской обороны на различных командно-штабных учениях всегда готовили и всесторонне обосновывали предложения, каждый раз в оригинальных и смелых решениях. Особенно это проявлялось в подготовке материала для высшего командования Вооруженных Сил, руководства страны, промышленных министерств и ведомств. Пикалов обладал удивительной способностью и умением так оформить цифровые данные в таблицах или построить графики, что в них без дополнительных объяснений ясно и наглядно просматривался замысел и предлагаемые решения исходя из рассматриваемого вопроса или вытекающие из обстановки. Кроме того, начальник химических войск МО обладал художественным вкусом, и все графические материалы, готовившиеся под его руководством и при личном участии, отличались предельной четкостью и совершенным внешним оформлением.

Проекты докладов готовились тщательно и практически никогда не читались при выступлениях. Генерал умел убедительно, доходчиво и обоснованно доносить свои мысли до слушателей, что привлекало оппонентов на его сторону, создавало авторитет и уважение и в итоге способствовало решению многих перспективных замыслов.

Благодаря ему коренным образом возрос авторитет химических войск, резко вырос объем и уровень НИОКР, задаваемых соответствующими постановлениями ЦК КПСС и Совета Министров СССР по

профилю химической службы. Генерал В.К. Пикалов проявлял смелость при постановке острых вопросов перед Министерством обороны.

Впервые в истории химической службы В.К. Пикалов вошел в состав Военного совета Сухопутных войск.

В зоне особого риска

По приказу министра обороны СССР химические войска участвовали в ликвидации ряда аварий и техногенных катастроф. Высочайшая профессиональная подготовка генерал-полковника В.К. Пикалова позволяла ему решать многие оперативные задания, связанные с различными чрезвычайными ситуациями.

Под его руководством были уничтожены захоронения трофейного химического оружия немецкой армии, обнаруженные под городом Барановичи, ликвидировали крупные химические аварии под Ригой, в Архангельской и Тульской областях.

В 1980 году перед Московской олимпиадой в центре города на Манежной площади в подвалах академического Института радиоэлектроники (ранее эти помещения принадлежали Московскому университету) были обнаружены всеми забытые запасы старого химического оружия времен первой Мировой войны в виде ржавых баллонов, содержащих ядовитый газ хлор.

Для ликвидации столь опасной «экологической мины» поздно ночью к зданию института прибыла автоколонна военных химиков. Личный состав колонны в средствах защиты погрузил опасный груз в ящики с активированным углем, необходимым для поглощения возможных утечек ядовитых газов. Затем колонна вместе с машинами ГАИ, «скорой помощи» и техникой для дегазации аварийных выбросов практически без остановок (в кабинах машин находились два попеременно сменяемых водителя), минуя крупные населенные пункты, прошла около 1000 км до полигона в Шиханах, где эти баллоны уничтожили с соблюдением всех необходимых мер безопасности.

В те годы специалисты-химики участвовали в ликвидации чрезвычайных ситуаций в зарубежных странах. На Кубе путем крупномасштабной дезинфекции жилых кварталов Гаваны и других городов предотвратили массовую эпидемию возбудителя лихорадки Денге. /14/

Военные химики принимали активное участие в определении причины массовой гибели рыбы в Карибском море, оценили последствия диоксинового заражения на территории Вьетнама.

В первых числах января 1981 года в Прибалтике произошла железнодорожная авария: в составе свалившегося под откос эшелона находились три цистерны с хлором. Сложность ситуации заключалась в том, что совсем недавно Правительство СССР подписало международное соглашение об экологической защите Балтийского моря, а рядом с районом аварии протекала река Неман. В результате ликвидации последствий аварии все отходы дегазации могли попасть в море.

Начальник химических войск МО прибыл в район аварии и принял руководство ликвидацией ее последствий на себя. Он досконально изучил обстановку, а затем принял решение на ликвидацию последствий аварии.

Генерал В.К. Пикалов принял решение об эвакуации цистерн. Из трех цистерн две оказались разгерметизированы, а одна целая.

Цистерны с нарушенной герметичностью осторожно подняли и установили на рельсы. Места проливов надежно продегазировали. Все аварийные работы выполнялись с соблюдением мер безопасности и с минимальным ущербом для экологии окружающей среды региона.

Личные качества, большой войсковой и фронтовой опыт, высокая научно-техническая эрудиция, смелость и решительность выдвинули В.К. Пикалова в число лидеров в организации и проведении работ по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС.

Утром 26 апреля В.К. Пикалова, находящегося на сборах центрального аппарата Вооруженных Сил в Прикарпатском военном округе, вызвал к телефону ВЧ-связи начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза С.Ф. Ахромеев.

Он сообщил, что на Чернобыльской атомной электростанции случилась большая авария и ему необходимо быть там. Доложив министру обороны Маршалу Советского Союза С.Л. Соколову о случившемся и получив от него разрешение убыть в район аварии, а также на подъем по тревоге 122-го мобильного отряда ликвидации последствий радиационных аварий и на переброску его авиацией в Чернобыль, начальник химических войск МО с начальником штаба Управления НХВ МО генерал-майором В.С. Кавуновым на вертолете министра обороны вылетели в район Чернобыльской АЭС.

В это время передовой отряд 122-го мобильного отряда, поднятый по тревоге, начал подготовку передовой группы к перелету на самолетах военно-транспортной авиации в район Чернобыльской АЭС.

Глубокий циклон над Украиной не позволил генерал-полковнику В.К. Пикалову долететь до Чернобыля. Вертолет с начальником хими-

ческих войск МО совершил посадку в Киеве. Дальше ехали на автомашинах.

Два года спустя после апрельских событий 1986-го о своих мыслях и переживаниях в пути к месту трагедии так вспоминал генерал-полковник В.К. Пикалов.

«За время движения от Киева до Припяти я спрогнозировал все доступные для моего понимания возможные варианты аварии на ЧАЭС. Но то, что увидел, подъезжая к атомной станции, заставило меня буквально сжаться в комок. Точнее, не меня, а мои мысли. Постоянное свечение марева над главным энергетическим корпусом говорило о том, что авария катастрофическая - взорвался реактор. Значит, предстоит иметь дело с радиоактивными выбросами непосредственно из активной зоны, а, следовательно, с крайне сложной формой радиоактивного загрязнения. И не только местности, населенных пунктов, но и воздушной среды. Причем загрязнения радиоизотопами, практически со всем широким семейством радионуклидов, что в практике нигде и никогда не было.

Я четко осознал, что ни в науке и тем более в научных трудах как открытого, так и закрытого (служебного) характера нет решения возникшей проблемы. А мне предстояло это решение принять во что бы то ни стало, в самые сжатые сроки...

Главное, что я считал необходимым сделать, это лично выяснить радиационную обстановку и, как говорят у военных, «выяснить переднюю линию противника и расстановку его боевого порядка».

Первостепенная задача - получить данные, при этом исключительно достоверные: есть ли цепная реакция в реакторе 4-го энергоблока ЧАЭС? То есть возможен или исключен в нем ядерный взрыв?

Для получения ответов на эти вопросы нужно было, образно говоря, лечь у кратера взрыва и по личным гамма-нейтронным дозиметрам определить экспозиционные дозы. Эта задача мною лично была выполнена в течение суток. Я подчеркиваю, что это было крайне нужно, так как в кратере 4-го энергоблока шли неуправляемые радиационные процессы, а от них зависела судьба трех других энергоблоков.

Задача была выполнена, и мною лично по рации об этом было доложено (в ГШ. - В.М.). Но пришлось при этом побывать на территории, где уровни радиации превышали 2000 Р/ч.

Все дальнейшее было проще. Требовалось снять уровни радиации как у зданий, так и в промышленной зоне, на территории строительной базы, а затем в 10- и 30-километровых зонах.

Конечно, я рисковал, понимал, знал, что перешагнул за пределы дозволенных медициной доз облучения. Но риск был оправдан во имя других людей, и прежде всего молодых солдат, которым предстояло выполнять сложные дезактивационные работы.

Непрерывно на ЧАЭС я был около двух месяцев. Отдыхал не более двух-трех часов в сутки. Приходилось постоянно вести поиск новых технических решений для предотвращения радиоактивных выбросов из аварийного блока, определять удельную активность радиоактивного захоронения населенных пунктов, возможные и допустимые сроки эвакуации населения, осуществлять дозиметрический контроль облучения населения и военнослужащих. Отрабатывалась и техника дезактивационных работ». /9/

Когда автомобиль «Волга» с начальником химических войск подъехал к опасной зоне на Чернобыльской АЭС, генерал остановил машину, высадил водителя-солдата со словами: «Оставайся, сынок, тебе еще детей рожать». Сам сел за руль и объехал вокруг станции. Осмотрел со всех сторон взорванный энергоблок. /16/

В 23.30 26 апреля генерал-полковник В.К. Пикалов прибыл в Припятский горком партии, в котором располагалась Правительственная комиссия. Начальнику химических войск МО выделили кабинет. В нем установили аппаратуру связи полевого пункта управления.

Около полуночи в Припять прибыл передовой отряд 122-го мобильного отряда под командой командира отряда подполковника Н.А. Выбодовского. Офицер доложил о прибытии передовой группы части. В ее составе было 30 человек личного состава и 8 единиц техники (БРДМ-2рх — 4 ед., радиостанция Р-142 - 1 ед., Газ-66 (с продовольствием и оборудованием) - 2 ед., УАЗ-469 - 1 ед.)

Несколько позднее ночью, с 26 на 27 апреля, прибыли начальник управления радиационной безопасности УНХВ МО СССР контрадмирал В.А. Владимиров и сотрудники управления полковники В.П. Кузьмичев и капитан 2-го ранга Ю.П. Тимошкин.

Нужно было срочно овладеть ситуацией в районе 4-го энергоблока. Проведение первичной радиационной разведки возглавил и проводил лично сам Владимир Карпович на БРДМ-2рх. Он считал своим долгом лично изучить и оценить радиационную ситуацию, сложившуюся в результате катастрофы.

Это была его вторая поездка к эпицентру катастрофы. Высадив водителя бронированной разведывательной машины в безопасном месте, сам сел за руль и поехал к развороченному взрывом энергоблоку.

Ворота были закрыты, и генерал, протаранив их, подъехал на минимальное расстояние к развалу блока. /11/

Пикалов понимал, что мог попасть под выброс радиоактивных веществ, но надеялся, что проскочит. Он подъехал к блоку с северной стороны. У развала блока стояла удручающая, мертвая тишина. Чернеющие в темноте обломки стен строения освещались заревом малиново-оранжевого цвета. Иногда свечение из реактора сопровождалось треском и выбросом снопов искр. Неведомое, жуткое чувство исходило от места катастрофы. Казалось, сама преисподняя разверзлась в развалинах, кажущихся в темноте жутким монстром. Это была страшная картина. Генерал объехал вокруг блока и станции, насколько было возможно. Сделал замеры уровней радиации, у развалин. Прибор (ДП-ЗБ со шкалой 500 Р/ч) зашкаливал.

Начальник химических войск увидел истинные масштабы катастрофы своими глазами и понял, что случилась большая беда. Это была не авария, но широкомасштабная радиационная катастрофа.

Вся ночь на 27 апреля пошла на выявление радиационной обстановки в районе аварийного блока, на территории станции, в Припяти и нанесение данных на карту. От дозоров радиационной разведки постоянно поступала информация. Ночью никто не сомкнул глаз. Отрабатывали карту радиационной обстановки, готовили предложения по ликвидации последствий.

Утром 27 апреля сформировали оперативную группу УНХВ МО СССР под руководством В.К. Пикалова. В нее вошли офицеры В.А. Петрайтис, А.И. Баженов, А.И. Микиш, Е.В. Волков, В.П. Кузмичев, Ю.П. Тимошкин.

В 8.00 27 апреля В.К. Пикалов доложил начальнику Генерального штаба расчеты потребности частей химических, инженерных войск и гражданской обороны, необходимой для ликвидации последствий катастрофы.

В 10.00 27 апреля НХВ МО доложил председателю Правительственной комиссии о сложной радиационной обстановке в районе АЭС и в Припяти, предложил срочную эвакуацию населения. После докладов ученых и ядерщиков обстановка в районе катастрофы значительно прояснилась.

Одной из важнейших задач, решаемых химическими войсками во взаимодействии с авиацией, являлось установление величины суточного выброса активности из разлома 4-го энергоблока. С этой целью генерал В.К. Пикалов спланировал, а вертолетчики с химиками-разведчиками на борту провели операцию, получившая название «Крест». Для этого

понадобилось совершить 70 вертолетовылетов. По общей команде все вертолеты забирали пробы воздуха по оси с подветренной стороны на удалении от 13 до 3 км от АЭС и по нормали к оси на удалении от 3 до 9 км на высотах от 25 м до 2 км. Это позволило правильно спрогнозировать выпадение радионуклидов в удаленных районах. /16/

К исходу 27 апреля Оперативная группа химических войск по данным воздушной и наземной радиационной разведки провела анализ радиационной обстановки и нанесла на карту границы зон радиоактивного загрязнения (изодозовые линии), соответствующие степеням опасности для населения, позволившие Правительственной комиссии оценить складывающуюся обстановку в районе катастрофы.

В 3.00 28 апреля в район катастрофы железнодорожным эшелоном прибыли основные силы мобильного отряда химических войск.

Утром 28 апреля перед прибывшими в Чернобыль офицерами Оперативной группы и личным составом мобильного отряда выступил начальник химических войск МО генерал-полковник В.К. Пикалов. Он сказал:

«Настал день, когда химические войска должны совершить то, для чего они и были созданы. Население этого района и все люди Советского Союза с надеждой смотрят сейчас на нас. Мы должны победить эту беду, чего бы нам это ни стоило. Нельзя допустить, чтобы радиоактивные вещества разнеслись по всей стране».

С прибытием в район катастрофы основных сил 122-го молп отряд разместили полевым лагерем на окраине с. Копачи, а затем в районе н.п. Ораное. Оперативная группа УНХВ МО СССР организовала всестороннее обеспечение действий отряда и выполнение частью своих первоочередных задач. ОГ разработала систему действий личного состава, и управления его подразделениями с соблюдением мер радиационной безопасности.

К 30 апреля стало ясно, что силами только одного мобильного отряда в сложившейся обстановке задачи ликвидации последствий катастрофы не выполнить. В.К. Пикалов принял решение развернуть и направить в район Чернобыля своим ходом 25-ю бригаду химической защиты Киевского военного округа, а также увеличить состав своей Оперативной группы.

Во второй половине 2 мая 25-я брхз под командованием полковника Г.С. Улуппова сосредоточилась в районе Чернобыля.

3 мая 1986 года ОГ УНХВ МО СССР решала задачи первоочередной важности: создали систему радиационной разведки и наблюдения на атомной электростанции и в 30-км зоне; проводили радиационную

разведку маршрутов передвижений; определили точки замера уровней радиации и отбора проб воздуха, грунта, воды, растительности; разработали порядок ведения воздушной радиационной разведки; определили порядок и сроки сбора информации и другие задачи. Главное внимание уделялось организации радиационной разведки на территории ЧАЭС силами и средствами 122-го молп и 25-й брхз.

Одной из самых сложных и опасных задач оперативной группы был постоянный наземный и воздушный контроль радиационной обстановки вокруг станции. Определили 25 точек, назначили химиков-разведчиков (офицеров ВАХЗ и Шиханского института) и ежедневно два раза в сутки делали замеры уровней радиации с забором проб грунта.

Несколько раз генерал-полковник В.К. Пикалов сам вместе с разведчиком объезжал эти точки, чтобы лично оценить опасность и темпы спада уровней радиации. Данные замеров генерал В.К. Пикалов докладывал на Правительственной комиссии лично Б.Е. Щербине. Кроме того, данные разведки направляли в Москву, а пробы - в Семипалатинск.

Радиационную разведку проводили два раза в сутки по намеченным маршрутам. Постоянное радиационное наблюдение организовали в административном здании АЭС, Припяти, Чернобыле и районах расположения воинских частей.

Наибольшую опасность представляли выброшенные из реактора ТВЭЛы, местоположение которых требовалось установить. С этой целью по предложению В.К. Пикалова провели аэрофотосъемку, позволившую установить места нахождения тепловыделяющих элементов.

Военные химики занимались выявлением количества плутония, выброшенного из реактора на территорию промплощадки. И с этой задачей они успешно справились.

Не менее важной оказалась задача определения масштабов и характера радиоактивного загрязнения, а также установление величины суточного выброса из активной зоны аварийного блока.

Для оценки площади радиоактивного загрязнения и направления распространения выбросов из разрушенного реактора по предложению В.К. Пикалова провели воздушную радиационную разведку на вертолетах, позволившую начать наземную радиационную разведку по выбранным направлениям дозорами роты радиационно-химической разведки Киевского военного округа и мобильного отряда.

В начале мая 1986 года остро обозначился вопрос о возможности в результате сильного нагрева активной зоны проплавления днища блока

и ее провала в скопившуюся в подреакторном пространстве воду. Мог произойти новый, более мощный тепловой взрыв, в результате которого пострадали бы другие реакторы АЭС и радиационная обстановка могла бы сильно усугубиться. Для предотвращения подобного развития катастрофы требовалось расчистить территорию АЭС с запада от аварийного блока, чтобы инженерные войска смогли обеспечить откачку скопившейся в поддоне реактора воды.

Понимая всю опасность работы по расчистке территории у 4-го энергоблока, генерал В.К. Пикалов лично ее возглавил и в течение нескольких часов в условиях высоких уровней радиации руководил, принимая все меры по защите работающего личного состава. Эта работа была не только трудоемкой, но чрезвычайно опасной. Выполнена она была силами 122-го мобильного отряда фактически без потерь и в кратчайшие сроки.

В другом случае, опять-таки в условиях сильнейшей радиации, Пикалов лично возглавил работу по изъятию из помещения, находящегося рядом с аварийным блоком, машины связи КГБ, расшифровка записей которой могла пролить свет на причины аварии. Работа продолжалась несколько часов, и дозы облучения работавших составили десятки рентген.

Ярко, профессионально и оригинально выступал начальник химических войск МО генерал-полковник В. К. Пикалов на заседаниях Правительственной комиссии. Ежедневные заседания комиссии начинались с его доклада о состоянии радиационной обстановки в районе станции и в 30-км зоне. С каждым днем радиационная обстановка ухудшалась, масштабы загрязнения увеличивались. Но Пикалов не только сообщал угрожающие сведения, но и вносил предложения по тактике и стратегии ликвидации последствий катастрофы, и эти предложения, как правило, принимались.

Велика заслуга генерал-полковника В.К. Пикалова в организации разработки и производства надежной роботомизированной техники для выполнения дезактивационных действий в зонах задельных уровней радиации. Роботы, поставляемые из-за рубежа (Японии, Германии, Англии и других стран), не выдерживали высоких радиационных нагрузок и ломались. Нужно было сделать свой, отечественный механизм, способный действовать в условиях высоких полей ионизирующих излучений. Пикалов лично подготовил техническое задание на требуемое изделие, определил тактико-технические характеристики машины. Это непростое задание получили ученые ведущих конструкторских бюро страны.

В начале мая 1986 года по заказу начальника химических войск МО сотрудники МВТУ им. Баумана создали два мобильных робота: «МОБОТ-4-ХВ-1» и «МОБОТ-4-ХВ-2». Первый вышел из строя в высоких полях радиации, а второй работал хорошо. Владимир Карпович сам лично испытал этот робот.

У последней черты, закрывающей все беды и невзгоды государства, всегда стоит армия. Но такую военно-техническую операцию, как в Чернобыле, армии предстояло выполнить впервые. Военачальники, предполагавшие, что если они привлекут сюда большое количество техники и личного состава, обозначат правый и левый фланги, центр, то дело пойдет само собой, очень сильно в этом ошибались.

Для такой операции нужен был руководитель, лидер, способный решать масштабные научные и производственные задачи, команда исполнителей-организаторов, армейские полки и батальоны. И они нашлись.

В этот период начальник химических войск МО СССР был главным руководителем работ по ликвидации последствий

Генерал В.К. Пикалов испытывает управляемый по радио робот «МОТОБОТ-4-ХВ-2»

чернобыльской катастрофы. Его незаменимыми помощниками являлись опергруппы, соединения и части химической защиты, прибывшие в начале мая из всех военных округов Советского Союза. В короткие сроки в химических войсках развернули и направили в район

катастрофы еще одну бригаду, семь полков, три отдельных батальона химической защиты, дозиметрическую роту, ремонтно-восстановительный батальон, два химических склада. Для подготовки личного состава, призываемого из запаса, к выполнению дезактивационных работ, радиационной разведки и других специфических задач сформировали три учебных батальона.

Совместно с силами и средствами гражданской обороны, инженерных войск, армейской авиации провели радиационную разведку районов загрязнения и определили наиболее важные и срочные задачи по оптимальным способам действий войск и защите населения зоны отчуждения.

В последующем встала задача определения масштабов и характера радиоактивного загрязнения, а также установления величины суточного выброса из 4-го энергоблока.

4 мая на заседании Правительственной комиссии с участием членов Политбюро (в том числе и председателя Совмина СССР Н.И. Рыжкова) в поселке Зеленый Мыс генерал-полковник В.К. Пикалов выступил с докладом, который стал для присутствующих, мягко говоря, неожиданным.

Генерал предложил наиболее оптимальный вариант действий: *работу станции остановить, население из зон загрязнения эвакуировать, до закрытия 4-го энергоблока дезактивацию населенных пунктов не проводить, максимально сократить количество войск в зоне, оставив только специалистов, разработать технологию дезактивационных работ, которые провести в течение 7 лет. Зону отчуждения закрыть,*

Генерал-полковник В.К. Пикалов в ²⁰⁰расположении 25 полка химической защиты. Крайний справа командир полка А.Н. Степанов

предоставив природе самой залечить раненое место (курсив мой. - В.М.). /17/

Вместо 7 лет руководство страны определило срок для нормализации обстановки 7 месяцев. Последующая практика показала, насколько был прав В.К. Пикалов, - работы продолжились в течение 4 лет и 8 месяцев, втянув в свою орбиту свыше 1000000 военнослужащих и гражданских специалистов.

По предложению начальника химических войск МО в районе катастрофы в июне 1986 года развернули научный центр Минобороны СССР для научного сопровождения и обобщения опыта работ по ликвидации последствий катастрофы.

Основу научного центра составляли сотрудники 42-го ВНИИ ГО, Шиханского НИИ химических войск, Военной академии химической защиты, Ленинградской военно-медицинской академии и других научных учреждений МО. Специалисты УНХВ, академии химической защиты, института и других военных и гражданских организаций работали в этом центре и внесли весомый вклад в дело ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС.

Среди всех офицеров научного центра от одной трети до половины были из химических войск, которые непосредственно участвовали во всех работах и мероприятиях - от очистки крыши ЧАЭС до дезактивации населенных пунктов.

При выполнении военно-научных и научно-практических работ центром поддерживалось взаимодействие с научно-исследовательскими учреждениями АН СССР, АН УССР, Военной академией химической защиты, Министерством химической промышленности и другими организациями.

Первыми руководителями центра были генерал-лейтенанты А.К. Федоров, и Б.П. Дутов. Но следующими начальниками этой организации стали генералы и полковники химических войск. Решением министра обороны научный центр передали под управление и научное руководство начальника химических войск МО.

В течение двух месяцев генерал-полковник В.К. Пикалов непрерывно находился в районе Чернобыльской АЭС. В течение двух лет держал он руку на пульсе работ по ликвидации последствий радиационной катастрофы, бывая в самых опасных местах, и получил, по самым скромным подсчетам, около 150 рентген, которые нанесли несомненно немалый ущерб его здоровью. И затем в течение трех лет он руководил ходом ликвидационных работ на ЧАЭС, насколько позволяли ему здоровье и дела по руководству войсками. Бессонные ночи,

лихорадочные мозговые штурмы позволили определить наиболее рациональную стратегию ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС.

Подвиг, совершенный генерал-полковником Владимиром Карповичем Пикаловым в дни ликвидации последствий чернобыльской катастрофы логическое продолжение его жизни и всей службы на благо Родины.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 сентября 1986 года «За мужество, героизм и самоотверженные действия при ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС» генерал-полковнику В.К. Пикалову присвоено звание Героя Советского Союза.

Соединив в себе качества крупного военного начальника, творца, ученого, системного аналитика-организатора, В.К. Пикалов добился выдающихся успехов в развитии военно-химической науки и оснащении нашей армии высокоэффективными образцами вооружения и средств защиты. Его жизнь и деятельность — достойный пример образцового служения Отечеству.

Будучи в отставке, В. К. Пикалов проводил большую работу среди ветеранов войны и химических войск.

29 марта 2003 года на семьдесят девятом году жизни, остановилось сердце полководца, гражданина и пламенного патриота Отечества.

Вся жизнь, служба и деятельность Владимира Карповича — яркий образец безупречного выполнения воинского долга, беззаветного служения и преданности интересам защиты Отечества.

Вручение генерал-полковнику В.К. Пикалову высшей награды Родины - ордена Ленина и медали «Золотая Звезда» Героя Советского Союза. Екатерининский зал Кремля. 14 января 1987 г.

Руководство страны высоко оценило его деятельность.

Награды Владимира Карповича Пикалова: Звезда Героя Советского Союза, 2 ордена Ленина, ордена Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, 2 ордена Отечественной войны I степени, 2 ордена Красной Звезды, медали.

Владимир Карпович Пикалов имел ученые и почетные звания: доктор технических наук, действительный член технических академий Российской Федерации и Украины, лауреат Государственной премии СССР и Латвии, заслуженный химик и нефтехимик.

Правик Владимир Павлович

Родился 13 июня 1962 года в Чернобыле Киевской области в семье служащего. В 1979 году поступил в Черкасское пожарно-техническое училище МВД СССР.

Окончил училище в 1982 году. По распределению назначен начальником караула ВПЧ-2 (военизированной пожарной части) по охране Чернобыльской АЭС.

26 апреля 1986 года лейтенант В.П. Правик по сигналу «Тревога» поднял личный состав караула и убыл к месту тушения пожара.

В 1 ч 28 мин караул в составе двух отделений (13 человек) прибыл на 4-й энергоблок ЧАЭС. «К моменту прибытия караула пожаром был охвачен четвертый энергоблок, крыша машинного зала, создалась реальная угроза распространения огня по кровле машинного зала на третий энергоблок». На месте офицер провел разведку очага пожара, оперативно оценил обстановку, подтвердил и передал в радиосеть повышенный вызов (номер 3), выбрал решающее направление для работы боевых участков, распределил личный состав и организовал действия пожарных в условиях высоких уровней радиации, проявляя стойкость и мужество, обеспечил успешное тушение». /5/

Лейтенант В.П. Правик организовал тушение огня на кровле, сосредоточив там имеющиеся силы и средства. С этого момента начался отсчет времени короткого, но яркого подвига пожарных, в котором сплавились воедино мужество, преданность долгу, моральная стойкость и великое самопожертвование. /59/

Нужно было во что бы то ни стало отсечь огонь от остальных энергоблоков. В ходе работы лейтенант В.П. Правик умело руководил действиями подчиненных.

При обследовании зоны возгорания и разрушения офицер находил куски реакторного графита, извлекал их из пузырящегося от высокой температуры битума и сбрасывал вниз. Заглядывал в разлом крыши, смотрел на малиновое свечение, исходящее из развала реактора. Поняв смертельную опасность ситуации, не подпустил к проему развала других пожарных. Приказал: «Уходите все отсюда! Мне уже нечего терять. Закончу все сам». /2/

В очаге пожара лейтенант пробыл **один час двадцать минут**. /1/
Получил дозу облучения более 1500 рентген. /3/

Ухудшение самочувствия, рвота, кратковременные потери сознания наступили позже, после завершения тушения пожара. Первую медицинскую помощь огнеборцам оказали в больнице Припяти. После капельницы у пожарных наступило кратковременное улучшение, но ненадолго. У тех, кто получил большие дозы облучения, на коже проявился специфический радиационный загар.

Прибывший из Москвы доктор Д.А. Селидовкин отобрал по внешним признакам тридцать человек для транспортировки в 6-ю клиническую больницу Москвы, специализирующуюся на лечении пострадавших от облучения.

Радиация медленно сжигала молодые тела пожарных и эксплуатационников. Вначале всех разместили в обычных двухместных палатах. Ухудшение здоровья наступило ночью. Ближе к рассвету 27 апреля боль стала невыносимой. От сильной боли помутилось сознание. Болело все внутри. Обожженная кожа покрылась волдырями, которые лопались и обнажали кровоточащее тело...

Кратковременную отдышку в страданиях и просветление сознанию давали обезболивающие уколы.

В первые дни лечения, когда еще были силы, Владимир написал письмо жене и дочери.

«Здравствуйте, мои дорогие, хорошие Наденька, Наташка!

С большим приветом к вам ваш курортник и лодырь. Это потому, что я отлыниваю от воспитания нашей крошки Наташки. В начале письма прошу извинить за почерк и ошибки.

Живу я хорошо. Поселили нас в институте-клинике для осмотра. Как вы знаете, здесь все, кто был тогда, так что мне весело, ведь мой караул весь при мне. Ходим, гуляем, по вечерам любимся вечерней Москвой. Одно плохо, что любоваться приходится из окна. И наверное, месяца на полтора-два. Увы, такие здесь законы. Пока не обследуют - не выпишут.

Надя, ты читаешь это письмо и плачешь. Не надо, утри слезки. Все обошлось хорошо. Мы еще до ста лет доживем. И дочурка наша ненаглядная нас перерастет раза в три. Я по вам очень соскучился. Закрою глаза и вижу Надю с Натальей Владимировной...

Сейчас у меня здесь мама. Примчалась. Она вам позвонит и скажет, как я себя чувствую. А чувствую я себя хорошо. На этом буду заканчивать. Не волнуйтесь. Ждите с победой. Надя, береги дорогую нам Наташку.

*Твой навеки Володя. Москва
6-я клиническая больница».*

Врачи делали все возможное для спасения пожарного: ему сделали пересадку костного мозга, внутривенно влили экстракт печени многих эмбрионов для стимулирования кроветворения. Но смерть не отступала... Владимир Правик стоически переносил боль и муки. /3/.

«Владимир Правик голый лежит на наклонном ложе под железным каркасом с лампами. Вся поверхность тела обожжена, трудно разобраться, где огнем, где радиацией, все слилось. Чудовищные отеки снаружи и внутри. Распухли губы, полость рта, язык, пищевод. Ядерная боль особенная, она нестерпима и беспощадна, доводит до шока и потери сознания. Ему вводили морфий и другие наркотики для купирования, хотя бы ненадолго, болевого синдрома». /3/.

«Этот славянский богатырь мог выжить и победить смерть, если бы только его кожа не была убита на всю глубину. Для лечения нужна была живая кожа. А ее у Правика не осталось ни кусочка. Она вся убита радиацией. Радиацией убиты и слюнные железы. Рот пересох, как земля в засуху. Владимир не мог говорить, только смотрел, мигал веками без ресниц, которые выпали, смотрел, и в глазах иногда вспыхивало жгучее нежелание подчиниться смерти». /2/

Началось умирание, исчезновение плоти на глазах. Он стал таять, сохнуть, исчезать. Это мумифицировались убитые радиацией остатки кожи и тела. Он с каждым часом, с каждым днем уменьшался, уменьшался, уменьшался, постепенно превращаясь в почерневшую, легкую, как ребенок, высохшую мумию. /3/

Совсем плохо Владимиру Правiku стало к вечеру 10 мая. Мама, дежурившая у его постели, вдруг услышала: «Попрощаемся ... Попрощаемся, мама». Вот и все, что он сказал перед смертью.

Владимир Павлович Правик умер 11 мая 1986 года.

«Из всего караула погиб только один человек - сам командир, лейтенант внутренней службы В.П. Правик». /5/

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 сентября 1986 года «За мужество, героизм и самоотверженные действия при ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС» лейтенанту внутренней службы Владимиру Павловичу Правiku присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно).

ЭКСПЕРТНЫЙ СОВЕТ № 1

по установлению причинной связи заболевания, инвалидности и смерти с воздействием ионизирующей радиации у лиц, профессионально контактирующих (контактировавших) с радиационными веществами и источниками ионизирующих излучений.

123182, Москва, ул. Живописная, д. 46. Институт биофизики.
тсн. 190-62-59, 190-92-17

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Правик Владимир Павлович, 23 лет, начальник караула ВПЧ-42, находился на лечении в клинике Института биофизики (г. Москва) с 27 апреля по 11 мая 1986 г.

Больной страдал острой лучевой болезнью крайне тяжелой степени: кишечный синдром, орофарингеальный синдром, выраженная депрессия кроветворения, пульмонит, радиационный ожог всей кожи 1 степени и 3-4 степени кожи лица, шеи и рук. Токсемия. Токсико-септическое поражение паринхиматозных органов, отек легких, отек мозга.

Заболевание возникло и смертельный исход наступил в связи с непосредственным участием больного в аварии на ЧАЭС.

Заключение выдано жене больного для предъявления по месту ее жительства.

Председатель Экспертного Совета

А.К. Гуськова

Секретарь Экспертного Совета

Л.Н. Петросян

Заключение экспертного совета о смерти В.П. Правика

Похоронен лейтенант В.П. Правик на Митинском кладбище Москвы. Он навечно зачислен в списки личного состава военизированной пожарной части УВД Киевского облисполкома. Памятник герою установлен в городе Ирпень Киевской области.

Самойленко Юрий Николаевич

Заместитель главного инженера Чернобыльской АЭС по дезактивации. Возглавлял работы по ликвидации последствий катастрофы на атомной станции, в Припяти и близлежащей территории. Сумел организовать все имеющиеся в районе катастрофы силы и средства для выполнения этой задачи.

При организации выполнения ликвидационных работ Ю.Н. Самойленко внедрил современные технологии, новейшую отечественную и зарубежную технику.

Дезактивация - это самое главное и трудное дело, которое приходилось выполнять на Чернобыльской АЭС после катастрофы. Дезактивация - это удаление радиоактивных веществ с территории, наружных и внутренних поверхностей зданий и сооружений, техники и оборудования. Дезактивация - это и есть более, чем на 80 % ликвидация последствий чернобыльской катастрофы.

Задачи, поставленные Правительственной комиссией перед участниками ликвидации последствий, были огромными и часто трудновыполнимыми. Нужно было устранить последствия катастрофы и нормализовать обстановку на Чернобыльской АЭС, в Припяти и других близлежащих населенных пунктах и территориях.

В конце мая 1986 года на ответственный участок заместителя главного инженера Чернобыльской АЭС по дезактивации назначили молодого инженера, заместителя начальника цеха строящейся Ростовской АЭС Юрия Николаевича Самойленко.

Он оправдал оказанное ему доверие и организовал эффективное выполнение ликвидационных работ. Благодаря его усилиям, энергии, творческому отношению к делу, были решены сложнейшие технические задачи по устранению последствий самой большой в мире радиационной катастрофы.

К основным работам по ликвидации последствий относились: дезактивация внутренних поверхностей помещений 1-го, 2-го, 3-го энергоблоков, подвальных помещений станции, кровли машинного, реакторного залов 3-го энергоблока, подтрубного пространства, смотровых площадок вентиляционной трубы 3-го и 4-го блоков, дезактивация территории АЭС, промплощадки, ОРУ-330, ОРУ-750 и других объектов.

Ю.Н. Самойленко возглавлял штаб ЧАЭС по дезактивации с июня до конца 1986 года. Все это время он находился в Особой зоне и принимал личное участие в организации ликвидационных работ.

В то время обстановка на ЧАЭС складывалась более чем напряженная. Политбюро ЦК КПСС требовало от Правительственной комиссии ускорения темпов ликвидации последствий и сокращения сроков подготовки к пуску в эксплуатацию остановленных энергоблоков. Времени на раскачку не было. Поэтому все мероприятия организовывались и выполнялись быстро. От принятия решения до их реализации проходило немного времени.

Площадь всех загрязненных радионуклидами внутренних помещений 1-го, 2-го, 3-го энергоблоков, составляла более 1 млн кв. м, общая площадь всех загрязненных помещений станции - более 3 млн кв. м. Все эти огромные площади нужно было продезактивировать (часто неоднократно) и сделать безопасными для работы людей.

Дезактивационные работы на ЧАЭС Ю.Н. Самойленко планировал тщательно и детально продумывал действия людей на радиоактивной местности во всех элементах.

Для обеспечения дезактивационных работ на Чернобыльской АЭС требовались не только люди (к участию в них ежедневно привлекали более двух тысяч военнослужащих химических войск и гражданской обороны), но и современные технологии и технические средства.

Юрий Николаевич Самойленко организовал, обеспечил и принимал личное участие в выполнении всех дезактивационных работ на Чернобыльской АЭС. Благодаря его усилиям были пущены в эксплуатацию оставшиеся невредимыми после катастрофы 1-й, 2-й энергоблоки.

Вспоминает Ю.Н. Самойленко:

«Сам я прибыл в Чернобыль 29 мая. Когда мне поручили очистить крышу, то первым делом пришлось создать штаб. В него вошли не только работники станции, но и военные.

За день «через крышу» проходило примерно 400 военнослужащих. Их рабочая смена длилась от 20 секунд до одной минуты. Люди лишь успевали выйти из укрытия, добежать до радиоактивного объекта, сбросить его вниз и опять бегом вернуться в укрытие.

Для инструктажа идущих на кровлю имелось специальное помещение, в котором были установлены мониторы, а видеокамеры располагались на крыше. Таким образом мы могли наблюдать за действиями каждого, кто выходил на участок дезактивации.

Хочу отметить, что ни одного военнослужащего не посылали на опасное задание по приказу. Мы отбирали только добровольцев. Хотя,

как потом подсчитали, военнотружущих, «прошедших через крышу», оказалось в пять раз больше, чем планировали.

Обычно на инструктаж приходило по четыре человека во главе со старшим. Каждому показывали схему, подробно объясняли, где лежит инструмент и что требуется сделать за указанное время. Здесь же, на КП, находились врач и дозиметрист. Инструктаж обычно проводили Сотников и Галушак.

Иногда меня спрашивают: а как проводились расчеты времени пребывания людей на крыше? Это был научный расчет, который строился на законах физики и воздействия радиации на организм человека. Никто из добровольцев не должен был получить больше установленной и безопасной для его здоровья дозы облучения.

Контроль осуществлялся самым жестким образом. На крышу людей выводил старший офицер. Он и засекал время работы. Но перед тем, как ее начать, на одежде аэрозольной краской выводили номер, что позволяло видеть каждого, глядя на телеэкран.

После возвращения с кровли проводили разбор действий перед строем. Лучшим тут же выписывали и вручали Почетные грамоты, выдавали денежные премии, объявляли благодарности. Тем, кто не выполнил намеченное задание, говорили прямо: «Ты не выполнил боевую задачу».

Но чудеса самоотверженности буквально можно было наблюдать ежедневно. Например, четыре человека, среди которых назову фамилию В. Стародумова, сбросили вниз загрязненный предмет весом 350 кг, причем в свинцовых печатках, за строго установленное время.

Каждый очищенный участок мы отмечали на схеме белым квадратиком с фамилией того, кто это сделал. Скоро вся схема была в таких знаках безопасности». /60/

Ю.Н. Самойленко всегда стремился быть на самом ответственном участке. Он контролировал выполнение дезактивационных работ в самых трудных и опасных местах, применял научный подход при выполнении поставленных задач и использовал новейшие технологии для повышения эффективности и качества работ.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 декабря 1986 года №6245-XI «За мужественный и самоотверженный труд, проявленные при ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС и устранение ее последствий» Юрию Николаевичу Самойленко присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот».

Телятников Леонид Петрович

Родился 25 января 1951 года в поселке Введенка Боровского района Кустанайской области Казахстана в семье служащего. В 1968 году после окончания средней школы поступил в Свердловское пожарно-техническое училище МВД ССР, которое окончил в 1971 году. В 1978 году окончил Высшую пожарно-техническую школу МВД СССР.

В ночь на 26 апреля 1986 года произошел взрыв и пожар на 4-м энергоблоке Чернобыльской АЭС. Начальник ВПЧ-2 майор внутренней службы Л.П. Телятников прибыл на место пожара в 1 ч 46 мин, хотя и находился в отпуске.

Критическое положение сложилось в зоне аппаратного отделения 4-го блока, высота которого составляла более семидесяти метров. Крыша над реактором рухнула, от взрывной волны несущие конструкции деформировались, ядовитый дым от горящих покрытий стелился над всей площадью пожара. /59/

Майор Л.П. Телятников принял на себя общее руководство тушением пожара. Разведал места с наибольшими уровнями радиации и повышенной загазованностью, оценил обстановку, расставил силы и средства на решающем направлении. Принял решение на организацию двух боевых участков: №1 - на кровле машинного зала с задачей локализовать пожар; №2 - со стороны реакторного отделения для тушения пожара на кровле и в примыкающих к реакторному залу помещениях. В этих работах были задействованы восемь пожарных автомобилей. /40/ На первый участок направил два отделения, а на второй — одно. /3/

В ходе пожаротушения корректировал расстановку сил и средств на решающих направлениях. Несколько раз поднимался на 71-ю отметку, чтобы лучше рассмотреть направление движения огня. Обстановка менялась каждую минуту. Горящий битум, тяжелый ядовитый дым снижали видимость, затрудняли дыхание. Пожарные работали под угрозой неожиданных выбросов пламени и внезапных обрушений.

«После взрыва невозможно было пробраться в аппаратное отделение через разрушенные помещения, и боевые позиции

ствольщиков были переведены на кровлю аппаратного отделения, откуда происходило тушение пожара и охлаждение конструкций. Майор Л.П. Телятников обеспечил локализацию возгорания на кровле машзала и предотвратил серьезные последствия. Получил большую дозу облучения и сильное отравление газами». /5/

Майор внутренней службы Л.П. Телятников.
Начало 1986 года

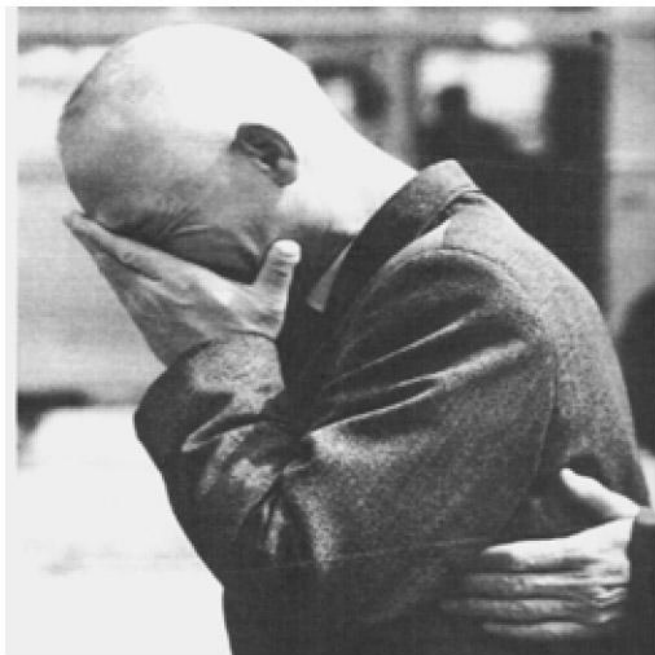
Более полутора часов 24 пожарных боролись с огнем в условиях мощного ионизирующего излучения, в токсической атмосфере сильного задымления, на высотах от 12 до 70 м при постоянной угрозе обрушения конструкций. На большинстве участков они сумели локализовать или полностью ликвидировать огонь.

В 2.15 были локализованы последние очаги горения на крыше машинного зала и еще через 20 минут пожар был ликвидирован на всех этажах реакторного отделения. /40/

Вместе с лейтенантами В.П. Правиком и В.Н. Кибенком он поступил на лечение в 6-ю клиническую больницу Москвы.

Пройдя через все муки острой лучевой болезни, лечение самыми современными медицинскими технологиями в стране и за рубежом, организм Л.П. Телятникова смог победить радиацию.

В июле 1986 года Л.П. Телятников впервые посетил Митинское кладбище, на котором были еще свежи могилы его товарищей. Горечь утраты была так велика, а душевные и физические силы еще ослаблены, что не сдержал боевой офицер слез, заплакал: «Ребята, ребята, дорогие мои, ну почему, почему, все так получилось...».

**Майор Л.П. Телятников на Митинском кладбище Москвы.
Июль 1986 года**

Указом Президиума Верховного Совета от 24 сентября 1986 года «За мужество, героизм и самоотверженные действия при ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС» майору внутренней службы Леониду Петровичу Телятникову присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

После неоднократного лечения в стране и за рубежом Леонид Петрович Телятников продолжил службу во внутренних войсках МВД СССР. Все эти годы он посвятил повышению боевой выучки, технической оснащенности пожарных частей Украины и укреплению спортивной закалки личного состава.

Когда СССР прекратил свое существование, генерал-майор внутренней службы Л.П. Телятников остался служить во внутренних войсках Украины.

С 1998 года генерал-майор Л.П. Телятников возглавлял Добровольное пожарное общество столицы Украины. Герой Советского Союза Леонид Петрович Телятников умер 2 декабря 2004 года на 54-м году жизни. Похоронен в Киеве на Байбаковском кладбище.

**После вручения высоких наград. Слева направо: Герой Социалистического Труда А.Н. Усанов, Герой Советского Союза В.К. Пикалов, Герой Советского Союза Н.Т. Антошкин, Герой Социалистического Труда Л.П. Телятников, Герой Социалистического Труда В.И. Заведий, Герой Социалистического Труда Г.Д. Лыков, Герой Социалистического Труда А.Н. Самойленко.
Кремль. 14 января 1987 г.**

Тишура Владимир Иванович

Родился 15 декабря 1959 года в Хабаровске в семье военного летчика. После окончания школы в Гатчинском районе Ленинградской области был призван в Советскую Армию, служил в химических войсках.

После увольнения в запас Владимир Тишура поехал жить в Припять, где его семья жила после увольнения отца в запас.

Владимир Иванович поступил работать на строительство Чернобыльской АЭС, работал стропальщиком. По совету товарищей-пожарных поступил на работу в СВПЧ-6 Припяти.

26 апреля 1986 года старший пожарный сводной военизированной пожарной части СВПЧ-6 по охране Припяти старший сержант В.И. Тишура тушил огонь на крыше блока спецхимии, находившейся на отметке +71 м. Он видел то же, что и его товарищи: ревуший огонь, рвущийся из-под обломков реактора, горящий энергоблок. Боролся с огнем в ядерном кошмаре, погасил очаги горения на своем посту и перебрался в сепараторные помещения, где тушил огонь до полного изнеможения.

Надышавшись едкого дыма и получив большую дозу облучения, ощущая слабость, старший сержант Тишура продолжал выполнять боевую задачу, хотя имел полное право покинуть свой участок. Дым ел глаза, на сапоги налипал расплавленный битум, каску осыпало радиоактивным пеплом горящих материалов, было очень жарко. О радиации ни Владимир, ни его товарищи-пожарные еще не подозревали - пожар, как пожар, и все недомогания объясняли воздействием огня и дыма.

Владимир Иванович покинул свой пост только тогда, когда погасил последний очаг горения. По пути к лестнице потерял сознание. Очнулся, когда увидел перед собой лицо командира отделения старшего сержанта Василия Игнатенко. «Как ты, Володя, идти сможешь?» - спросил он. При помощи Василия спустился вниз, там началась рвота.

Вечером 26 апреля Владимира Ивановича Тишуру вместе с другими пожарными отправили в Москву в 6-ю клиническую больницу.

Ему провели лечение, показанное при острой лучевой болезни. Но доза облучения оказалась слишком большой. Более 1000 Р. Выжить после такого облучения было невозможно.

30 апреля в больницу приехала его жена Зинаида Сергеевна. Супруга находилась рядом с мужем, как и все жены умирающих пожарных, получила дозу радиоактивного облучения и 6 мая в связи с ухудшением своего здоровья, ненадолго уехала домой, обещав вернуться через неделю.

Умер старший сержант В.И. Тишура 14 мая 1986 года.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 сентября 1986 года «За мужество, героизм и самоотверженные действия при ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС» старший сержант внутренней службы Владимир Иванович Тишура награжден орденом Красного Знамени (посмертно).

Указом Президента Украины №328/2006 от 21 апреля 2006 года Владимиру Ивановичу Тишуре присвоено звание Героя Украины (посмертно).

Р.С. Вдова Владимира Ивановича Тишуры Зинаида Сергеевна Тишура после смерти мужа долго болела. Радиация, попавшая в нее, когда она была с умирающим мужем, медленно, но последовательно делала свое черное дело. Добровольно, как и другие жены пожарных, она старалась, как могла, уменьшить страдания и боль любимого человека.

Зинаида Сергеевна Тишура умерла от онкологического заболевания в декабре 2009 года.

Р.Р.С. 26 апреля 2010 года на Митинском мемориальном кладбище рядом с могилой пожарного Героя Украины В.И. Тишуры стоял мужчина. За руку он держал мальчика лет 6-7. «Вот смотри, сынок, и запоминай. Здесь похоронен твой дедушка Владимир Иванович. Он был пожарным и погиб, спасая людей от радиации. Твой дедушка Герой Украины».

Тытенко Николай Иванович

Родился 3 декабря 1962 года в Киевской области, Полесском районе в поселке Вильча в семье крестьян. После окончания средней школы поступил в мореходное училище в городе Кронштадт Ленинградской области, но посвящать свою судьбу морскому флоту Николай передумал и после окончания училища вернулся в родные края, и вскоре поступил на работу в СВПЧ-6 Припяти пожарным.

Старший сержант внутренней службы сводной военизированной пожарной части СВПЧ-6 по охране Припяти 26 апреля принимал участие в тушении пожара на Чернобыльской атомной электростанции.

Тушил очаги возгораний в центральном зале. Полыхало в пяти местах. Было очень жарко. Работал под угрозой внезапного обрушения пола и вспышки нового возгорания. Погасив огонь на своем посту, он переместился в сепараторное помещение. С большим трудом отбил движения огня в другие помещения. Он сделал все, чтобы огонь не переместился дальше. В бушующем огненно-дымном шквале не растерялся, действовал грамотно и смело, однако получил большую дозу облучения - свыше 1000 Р. Даже когда ему было уже плохо, он продолжал выполнять боевую задачу и только погасив огонь, покинул свой пост.

Вечером 26 апреля старшего сержанта Н.И. Тытенка в числе других пожарных отправили в Москву в 6-ю больницу, где провели лечение, показанное при острой лучевой болезни, но доза облучения оказалась слишком большой.

Его жена Татьяна Николаевна смогла приехать в клинику 6 мая. Николай очень обрадовался ей и сказал, что ему стало легче. Зная о том, что он сам является источником излучения, попросил супругу уехать. «Приезжай за мной 16 мая. Заберешь на Украину», - сказал Николай.

Умер старший сержант Н.И. Тытенко 16 мая 1986 года.

Татьяна Николаевна приехала 17 мая. Она опоздала на один день - Николай предсказал точную дату своей смерти.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 сентября 1986 года «За мужество, героизм и самоотверженные действия при ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС» старший сержант внутренней службы Николай Иванович Тытенко награжден орденом Красного Знамени (посмертно).

Указом Президента Украины от 21 апреля 2006 года №328/2006 Николаю Ивановичу Тытенку присвоено звание Героя Украины (посмертно).

Усанов Александр Николаевич

Родился 7 июня 1929 года в Подольске Московской области в семье служащих. После окончания в 1952 году Московского инженерно-строительного института им. В.В. Куйбышева был направлен в систему Минсредмаша, где работал 40 лет. С 1952-го по март 1957 года работал инженером, начальником строительного участка. Уже тогда молодой специалист А.Н. Усанов был награжден медалью «За трудовую доблесть». Трудовой доблестью Александр

Николаевич отличался всегда. Незаурядные организаторские качества, аналитический склад ума, порядочность, скромность, честность были присущи ему всегда. За пятнадцать лет трудовой деятельности в Первом строительном-монтажном тресте Москвы он быстро продвигался по службе: был старшим прорабом, главным инженером, начальником строительного-монтажного управления, заместителем начальника и главным инженером треста.

В 1962 году А.Н. Усанов награжден орденом «Знак Почета», а в 1971 году - орденом Ленина.

В 1973 году А.Н. Усанов был назначен начальником 11-го Главного управления. В его подчинении находилось тринадцать строительного-монтажных предприятий, в том числе и Первый строительный-монтажный трест, десятки тысяч рабочих, тысячи объектов, разбросанных по территории всего Советского Союза: это Ленинградская АЭС, большая химия и уран в Узбекистане, научные объекты в Москве, Подмосковье и средней полосе и многое другое.

В 1979 году А.Н. Усанов назначен заместителем министра среднего машиностроения и в его подчинение перешел весь строительный-монтажный комплекс министерства. С первых дней чернойбыльской катастрофы заместитель министра среднего машиностроения А.Н. Усанов принимал непосредственное участие в ликвидации ее последствий, входил в состав Правительственной комиссии, был председателем центрального штаба министерства по ликвидации последствий катастрофы и строительству защитного сооружения объект «Укрытие». Более ста суток находился он в районе катастрофы. Он руководил и обеспечивал выполнения всего комплекса работ по ликвидации последствий и осуществлению строительных работ.

От решений Александра Николаевича во многом зависела судьба строительства, и без его участия невозможно представить успех, которого тогда добились строители. Талантливый инженер, руководитель высокого класса, А.Н. Усанов был главным руководителем всех вахт строек 1986 года. Лично участвовал в реализации всех основных инженерных решений при строительстве «саркофага». В ответственные моменты принимал решительные меры незамедлительно, являясь подлинным полководцем в этом необычном сражении с радиационной стихией.

Вспоминает Р. Канюк: «Меня вызвали для очередного облета станции с руководством штаба на вертолете. А.Н. Усанов совершал эти облеты регулярно. Надо сказать, что Александр Николаевич постоянно находился на площадке и практически не остерегался радиации. При обходах часто задерживался на открытых местах с большими уровнями радиации. Я неоднократно пытался увести его за какое-нибудь укрытие, но все было бесполезно. Думаю, что за весь период своего пребывания на станции он получил дозу не менее 100 Р».

Все свои знания, опыт, находчивость Александр Николаевич приложил для выполнения возложенных на него задач. Часто для принятия решения он выходил на местность с высокими уровнями радиации. Ни одна из трудных, часто кажущихся невыполнимыми задач не решалась без его личного участия.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 24 декабря 1986 года №6245-Х1 «За мужественный и самоотверженный труд, проявленные при ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС» Александру Николаевичу Усанову присвоено звание Героя Социалистического Труда с вручением ордена Ленина и золотой медали «Серп и Молот».

После Чернобыля была ликвидация последствий землетрясения в Армении. В Кировокане Минсредмаш при активном участии Александра Николаевича построил более 70 000 м² жилья, школы, детские сады и др.

На трудовом посту в должности заместителя министра Александр Николаевич Усанов находился до конца своей жизни.

Умер Александр Николаевич Усанов скоропостижно 25 декабря 1992 года.

Глава 2. Неизвестные герои

Испокон веков на Руси героями считали людей мужественных, самоотверженных, совершивших подвиги, исключительные по смелости и доблести.

«Герой - ирой, витязь, храбрый воин, доблестный воитель, богатырь, чудо-воин». /52/

«Герой - исключительный по смелости или своим доблестям человек, выделившийся своей храбростью на войне». /53/

С XVII века в России герой должен был не только совершать геройские поступки, но иметь государственные награды своей страны, которые подтверждали факт геройских поступков, их влияние и значение на исход военной кампании или войны.

В XIX, начале XX века в царской России героями называли воинов, совершавших подвиги на полях сражений и награжденных военными наградами.

В СССР героем считался тот, кто совершил подвиг и был награжден медалью «Золотая звезда» Героя Советского Союза или золотой медалью «Серп и Молот». Если после совершенного действия звания Героя не присваивали, то подвиг оставался героическим событием и геройским не признавался.

Такое же положение о героях перешло из СССР в Россию современную.

Когда воин или гражданин идет на выполнение действий, связанных с риском для жизни, он не думает о том, станет он героем или нет. В такой ситуации главное - выполнить сложное и ответственное задание, свой воинский или гражданский долг. Это всегда трудная и опасная работа, от которой многое зависело.

Если в ходе выполнения задания человек оставался жив, то ответственность за присвоение ему высокого звания возлагалась на командование (начальство), отдавшее приказ на выполнение задачи. Если герой погибал, то оценят по достоинству его действия или нет, возлагалось не только на военное (гражданское) руководство, но и на его сослуживцев, товарищей, общественность, которым стало известно о совершенном подвиге. Общество никогда не оставалось равнодушным к тому, что совершено во имя сохранения и процветания жизни. Общественность не может быть равнодушной к тем, кто жертвовал собой во имя других. Отношение к героям характеризует нравственный климат общества, его мораль.

«Герой - человек, совершивший подвиги, необычайный по своей храбрости, доблести, самоотверженности». /53/ Совершая подвиг, человек всегда жертвует собой. Он отвергает свою жизнь ради того,

чтобы жили другие. Такие действия по силе, драматизму, общественному резонансу не могут оставаться незамеченными, неизвестными для всех. Такие поступки не должны никого оставить равнодушным. Цивилизация имеет шанс на выживание только тогда, когда среди людей есть такие, которые способны и готовы жертвовать собой ради других.

Те, о ком пойдет далее речь, геройские подвиги совершили. Это известный факт. Но признанными героями они не стали. Может ли так быть? Оказывается, может. К сожалению, бывают и другие причины, препятствующие присвоению высоких званий достойным. Так или иначе, но остались эти Герои неизвестными. Благодаря этой книге люди узнают о тех, кто проявил героизм, защищая их от радиации.

Балахонов Владимир Григорьевич

Балахонов Владимир Григорьевич, родился 2 февраля 1957 года в Чирчике Ташкентской области Узбекской ССР.

В 1974 году окончил чирчикскую среднюю школу, в 1975 году Кемеровский учебный авиационный центр (УАЦ) ДОСААФ на вертолетах Ми-1, в 1976 году Бузулуцкий УАЦ ДОСААФ на вертолетах Ми-4, в 1977 году окончил Кировоградскую школу высшей летной подготовки. С 1977 по 1980 год работал диспетчером УВД (круг, посадка, старт) в аэропорту Омска.

В 1981 году окончил Сызранское ВВАУЛ экстерном. С 1981 по 1985 год служил в Группе советских войск в Германии (Ораниенбург) в должности летчика-штурмана на вертолетах Ми-8.

С 1985 года проходил службу в Киевском военном округе в 51-м гвардейском отдельном вертолетном полку (г. Александрия) в должности летчика-штурмана.

С 27 по 30 апреля 1986 года гвардии старший лейтенант В.Г. Балахонов в составе экипажа гвардии подполковника Ю.Н. Яковлева принимал участие в ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС.

27 апреля экипаж гвардии подполковника Ю.Н. Яковлева выполнил 28 заходов на взорвавшийся блок с налетом 8 ч 40 мин, сбросив 29 700 кг груза. «Так как на протяжении трех дней ни один индивидуальный дозиметр не работал, и возникла угроза списания с летной работы, командир экипажа расчетным методом определил дозу облучения каждого члена экипажа. Она составляла 34 рентгена. Конечно, все понимали, что эта величина очень условна, но в той обстановке ничего другого сделать было невозможно». /55/

За 28 апреля экипаж Яковлева выполнил 36 заходов на реактор.

«К исходу 28 апреля на аэродром Чернигова со складов ВДВ доставили необходимое количество различных парашютов. 29 апреля на площадку загрузки подвезли парашюты и приспособления для крепления грузов на внешней подвеске для вертолетов Ми-6. Теперь уже к полетам на сброс грузов приступили все типы вертолетов.

Подцепка груза производилась в нескольких точках, и экипажи взлетали на реактор с минутным интервалом. С утра и до позднего вечера крутилась над АЭС гигантская карусель из вертолетов.

Во второй половине 29 апреля прибыли вертолеты Ми-26 из Белорусского и Закавказского военных округов. После короткой наземной подготовки и контрольных полетов они приступили к выполнению задания по засыпке реактора. Экипажи до наступления темноты выполнили по пять - семь вылетов. Руководство полетами в районе АЭС осуществлял полковник Б. Нестеров, по его команде экипажи производили сброс груза.

30 апреля каждой группе однотипных вертолетов выделили свою площадку, тщательно рассчитали по времени и рубежам ввода групп в круг, что позволило выполнить максимально возможный объем сброшенного груза». /55/

В связи с полученной дозой облучения более 36 рентген экипажи Серебрякова и Яковлева отстранили от полетов. Гвардии подполковник Яковлев проводил методические занятия с вновь прибывшим летным составом, а полковник Серебряков руководил полетами.

«В конце дня огласили приказ главнокомандующего ВВС о назначении гвардии подполковника Ю.Н. Яковлева старшим группы летного состава, получившего предельные дозы облучения для направления в Центральный военный научно-исследовательский авиационный госпиталь (ЦВНИАГ)». /55/

«В 22 часа 30 апреля первая группа летного состава в количестве 86 человек, во главе с гвардии подполковником Ю.Н. Яковлевым убыла на медицинское обследование и лечение». /54/

По результатам работы первых экипажей с 27 по 30 апреля 1986 года экипаж, в который входил гвардии старший лейтенант В.Г. Балахонов, выполнил 83 полета, совершил 76 заходов на реактор, сбросив при этом 59 500 кг грузов.

За мужество и самоотверженность, проявленные при ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, гвардии капитан В.Г. Балахонов награжден орденом Красная Звезда.

После лечения и реабилитации гвардии капитан В.Г. Балахонов продолжил службу в 51-м отдельном гвардейском вертолетном полку Киевского военного округа в должностях: командир вертолета, старший летчик на вертолетах Ми-8.

В 1989 году гвардии капитан В.Г. Балахонов переведен для прохождения дальнейшей службы в Дальневосточный военный округ на должность командира звена вертолетов Ми-8. Вскоре ему присвоили очередное воинское звание майор.

Майор В.Г. Балахонов

Гвардии майор В.Г. Балахонов военный летчик 1 класса. Имеет общий налет 2700 ч, освоил 4 типа вертолетов.

В феврале 1994 года гвардии майор В.Г. Балахонов уволен из рядов Вооруженных Сил РФ по состоянию здоровья.

В 1994 году В.Г. Балахонов переехал на постоянное место жительства в Омск.

В 1999 году Владимиру Григорьевичу установлена 2-я группа инвалидности вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС.

В настоящее время Владимир Григорьевич Балахонов живет в Омске.

Выбодовский Николай Александрович

Родился 14 января 1950 года в Туле в семье служащих.

После окончания средней школы в 1967 году поступил в Костромское военно-химическое училище, которое окончил в 1970 году. После окончания училища служил в Киевском военном округе в должностях: командир взвода хим-защиты танкового полка, командир отдельной роты химической защиты дивизии, начальник штаба батальона химической защиты дивизии.

С 1974 по 1977 год капитан Н.А. Выбодовский учился в Военной академии химической защиты им. Маршала Советского Союза С.К. Тимошенко на очном отделении командного факультета.

После окончания академии направлен в Дальневосточный военный округ (ДВО). Службу проходил в должностях: начальник штаба батальона, командир батальона химической защиты, командир огнеметного батальона ДВО, начальник химической службы дивизии, старший офицер Управления НХВ ДВО.

В январе 1986 года подполковника Н.А. Выбодовского назначили командиром 122-го мобильного отряда ликвидации последствий радиационных аварий (**молпа**) химических войск, дислоцировавшегося в п.г.т. Шиханы Приволжского военного округа.

Краткая предыстория этой части. Мобильный отряд был создан в 1979 году после аварии на космическом разведывательном корабле КА-954 с ядерной энергетической установкой на борту, который упал на севере Канады. При этом часть северной территории этой страны оказалась загрязненной радиоактивными веществами.

Советский Союз заявил готовность ликвидировать последствия радиационной аварии своими силами. Для этого срочно была подготовлена команда специалистов химических войск. Канадцы отказались от помощи наших специалистов в ликвидации последствий аварии и устранили последствия радиоактивного загрязнения своими силами. На основе этой воинской группы и был создан мобильный отряд.

Позже созданный отряд принимал участие в ликвидации последствий радиационных и химических аварий и катастроф.

По уровню специальной подготовки личный состав отряда являлся своеобразным «спецназом» химических войск. Специальная, тактическая, техническая, психологическая подготовка офицеров, сержантов, солдат была организована на высшем профессиональном уровне. Часть находилась в постоянной готовности к выполнению любой задачи по ликвидации последствий радиационных и химических аварий и катастроф.

«Для действий личного состава в условиях радиационного загрязнения были установлены требования по обеспечению радиационной безопасности. Эти требования разрабатывались на основе приказов и директив МО СССР, НХВ МО, инструкций, наставлений, руководств и других нормативных документов. Радиационная безопасность личного состава в части всегда находилась на одном из приоритетных мест». /48/

Переоблучение, т.е. получение военнослужащим дозы внешнего облучения, превышающей установленную (допустимую), являлось чрезвычайным происшествием со всеми вытекающими последствиями. От величин доз радиоактивного облучения, полученных личным составом при выполнении работ в условиях радиации, зависела боеспособность части. Можно было в первый же день работы в Чернобыле «пережечь» людей и поставить начальство перед фактом необходимости вывода отряда из района действий. Поэтому в **молпа** всегда «свято» выполнялось правило: беречь, то есть не переоблучать людей.

Одним из важнейших условий РБ было соблюдение принципа зависимости мощности экспозиционной дозы (уровня радиации) от времени нахождения на загрязненном радиоактивными веществами участке. Зависимость эта обратно пропорциональная: чем больше уровень радиации на местности, тем меньше время нахождения на нем. У всех офицеров и сержантов части при себе имелись таблицы расчета допустимого, т.е. безопасного времени нахождения на загрязненном участке. Измерив уровень радиации, можно было очень быстро, не производя вычислений, определить безопасное время работы.

Поэтому меры радиационной безопасности при проведении разведки и дезактивации, правильный расчет времени возможного нахождения на загрязненной местности, дозиметрический контроль личного состава и степени радиоактивного загрязнения техники в «хозяйстве» Выбодовского *всегда выполнялись неукоснительно.*

26 апреля 1986 года начальник химических войск МО СССР генерал-полковник В.К. Пикалова, находящийся на учебных сборах в Прикарпатском военном округе, получил приказ начальника Генерального штаба ВС СССР маршала С.Ф. Ахромеева прибыть в Чернобыль. Начальник Генерального штаба поднял по тревоге мобильный отряд химических войск и отдал приказ на совершение марша железнодорожным транспортом в район Чернобыльской АЭС. Передовой отряд части он приказал перебросить в район катастрофы силами военно-транспортной авиации.

«В этот день около 11 часов дня дежурный по части получил сигнал «Тревога», - вспоминает Николай Александрович Выбодовский, - сигнал поступил по закрытой связи (ЗАС). Заместитель НХВ МО СССР генерал-лейтенант Ю.С. Малькевич передал приказ начальника ГШ ВС: «Отряд привести в состояние полной боевой готовности и подготовить к совершению марша в район Чернобыльской АЭС».

Через два часа поступила команда на подготовку передового отряда в составе 30 человек и 8 единиц техники (БРДМ-2рх - 4, радиостанция Р-142 - 1, ГАЗ-66 (с продовольствием и оборудованием) - 2, УАЗ-469 - 1) для переброски в район катастрофы военно-транспортной авиацией.

Для выполнения этой задачи были выделены 8 самолетов Ан-12 ВВС. Взлетали с Шиханского аэродрома.

В 21.00 26 апреля самолеты с личным составом и техникой передового отряда приземлились на аэродроме Овруча. С ходу совершив марш протяженностью 90 км, отряд к 23.30 26 апреля прибыл в Припять. /48/

Когда колонна передового отряда **молпа** въехала в Припять, разведчики увидели, что город энергетиков живет своей обычной мирной жизнью. Народ гулял и веселился, окна в квартирах были открыты, в эти дни было очень жарко. Повсюду слышались музыка и пение людей. Потом стало известно, что 26 апреля в Припяти играли 4 свадьбы.

Подполковник Н.А. Выбодовский нашел начальника химических войск МО генерал-полковника В.К. Пикалова в здании Припятского горкома партии, доложил ему о прибытии передового отряда в назначенный район и готовности к выполнению боевой задачи.

Генерал-полковник В.К. Пикалов приказал выставить разведдозор у здания горкома, а всю группу сосредоточить на северной окраине села Копачи.

Расположив личный состав и технику в указанном месте, командир отряда убыл в Припять к НХВ МО для получения задачи.

Генерал-полковник В.К. Пикалов поставил личному составу задачу на ведение радиационной разведки на территории ЧАЭС, в Припяти, на дорогах и близлежащей местности.

«Сложность выполнения указанных работ заключалась в том, что активную зону разрушенного реактора еще не заглушили и динамика поступления радиоактивных продуктов в атмосферу была непредсказуемой. Это требовало высокой оперативности в работе разведывательных расчетов из мобильного отряда и было связано с большим риском, так как вероятность новых взрывов в реакторе не исключалась». /50/

Полковник Н.А. Выбодовский. 1986 г.

К моменту прибытия передового отряда **молпа** в район катастрофы о радиационной обстановке знали только одно: она очень сложная и опасная. Но это разведчиков не пугало, а, наоборот, мобилизовало на четкие и организованные действия.

Утром 27 апреля командир отряда получил от НХВ МО задачу на ведение радиационной разведки маршрутов и оборудование района для расположения части в Копачах. Руководить радиационной разведкой генерал-полковник В.К. Пикалов приказал лично командиру отряда.

Особенность разведки местности, загрязненной радиоактивными веществами вследствие катастрофы на 4-м блоке ЧАЭС, заключалась в том, что радиоактивное загрязнение имело не сплошной, а очаговый характер. Едва бортовой радиометр фиксировал радиацию, как машина

уже успевала проехать этот участок дороги. БРДМ-2рх останавливали, давали задний ход и по приборам находили точку с наибольшим уровнем радиации.

Разведчики быстро освоили специфику своей работы в новых условиях.

Собрав данные разведки и нанеся их на карту, подполковник Н.А. Выбодовский доложил НХВ о выполненной задаче. Нужно отметить, что члены Правительственной комиссии в первый период ликвидации последствий с недоверием относились к сведениям о радиационной обстановке, полученным от военнослужащих, в том числе и от разведчиков передовой группы **молпа**. Поэтому сведения об уровнях радиации на местности перепроверили и убедились, что войсковая разведка действует безупречно.

Цифровые значения величин уровней радиации не совпадали с данными, полученными «гражданскими» дозиметристами, лишь потому, что измерения осуществлялись приборами, работавшими на различных физических принципах регистрации ионизированных излучений. Этим и объяснялись некоторые непринципиальные расхождения в данных разведки.

«Действуя по единому плану, офицеры части вместе с разведывательными расчетами отряда, за очень короткие сроки (несколько часов) получили все необходимые исходные данные для оценки радиационной обстановки на основе большого количества инструментальных дозиметрических измерений, разного рода обмеров и взятия проб на радиоактивность как на самой станции, так и на прилегающей к ней местности и в населенных пунктах». /48/

Следует особо отметить, что все измерения проводились табельными войсковыми приборами радиационной разведки.

В 3 часа ночи 28 апреля на станцию Янов прибыл эшелон с основными силами отряда. Разгрузка осуществлялась в километре от АЭС. В этом месте уровни радиации были довольно высокими. Чтобы не допустить переоблучения личного состава, командир решил экипажам после выгрузки группами по две-три единицы самостоятельно убывать в район расположения части.

В составе прибывшей техники были современные машины радиационной и химической разведки РХМ-1 «Кашалот» в количестве 6 единиц, ИМР (инженерные машины разграждения) в количестве 2 единиц, радиометрическая лаборатория, расчетно-аналитическая станция и другая специальная техника. Достаточно сказать, что спецоборудование разведывательной машины РХМ смонтировано на

базе гусеничного тягача МТЛБ со специальным отсеком (капсулой) для размещения экипажа, который уменьшал действие ионизирующих излучений в 100 раз.

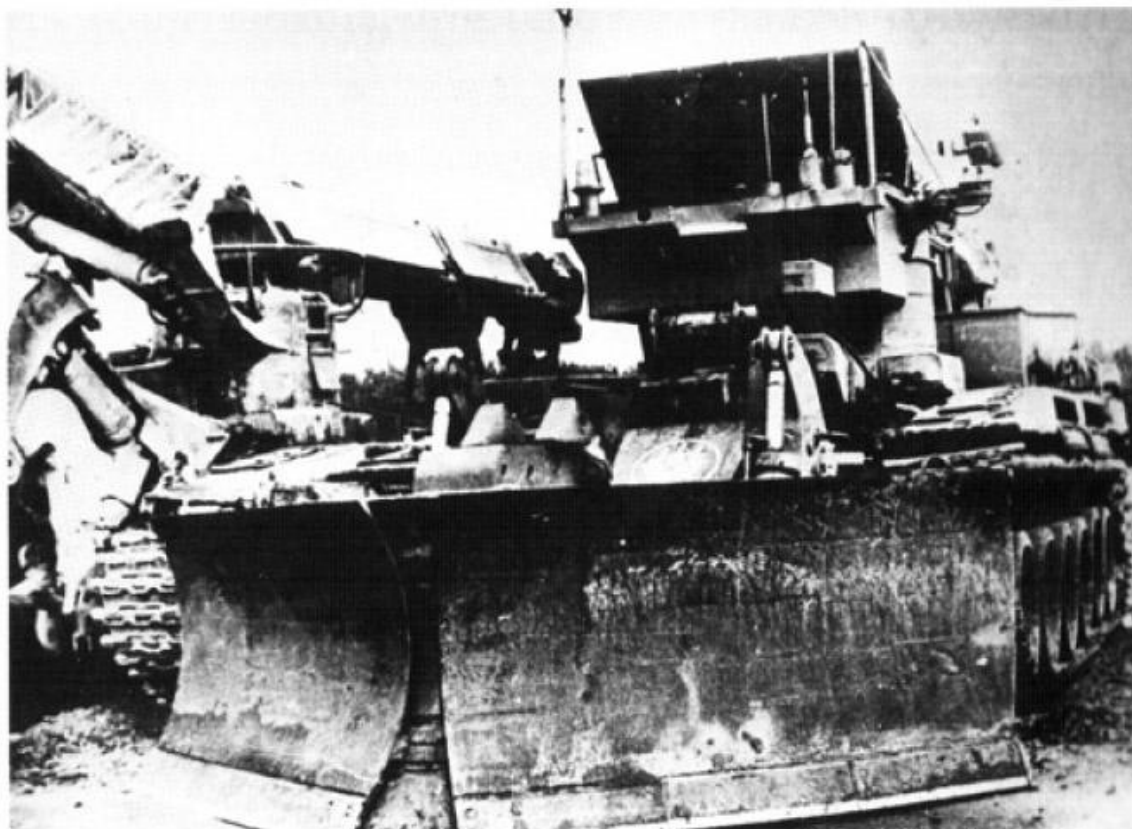

Машина радиационной, химической и биологической разведки РХМ-1 («Кашалот»)

Инженерная машина разграждений ИМР создана на базе среднего танка Т-72 имеет бульдозерный нож с изменяющейся конфигурацией и манипулятор для захвата предметов разной величины (опытный оператор мог взять с поверхности спичечный коробок). Мощность двигателя - 500 л.с, толщина брони ослабляла действие радиации от 100 до 1000 раз. Через два дня из Прикарпатского военного округа прислали еще 6 таких машин.

28 апреля экипажи РХР вели радиационную разведку указанных маршрутов и наблюдение в назначенных точках.

«В населенных пунктах разведчики встречали местных жителей, которые были встревожены, понимая, что произошла большая беда. Они подходили к военным и спрашивали их о том, что случилось на Чернобыльской АЭС. Но, к сожалению, разведчики им ничего сказать не могли». /48/

Инженерная машина разграждений ИМР

Завершив размещение личного состава и техники в указанном районе, с утра 29 апреля отряд получил дополнительные задачи: развернуть ПУСО (пункт специальной обработки) на трассе Припять - Чернобыль и подготовиться к работе непосредственно на АЭС и на разрушенном энергоблоке.

Днем 29 апреля один из экипажей разведчиков под командованием старшего лейтенанта Блохина разведал самый безопасный маршрут передвижения по атомной станции и подъезда к 4-му энергоблоку.

Для планирования и организации радиационной разведки нужна была карта или схема Чернобыльской АЭС. Однако ни карты, ни схемы атомной электростанции не нашлось, тогда подполковник Н.А. Выбодовский обратился к директору АЭС В.П. Брюханову с просьбой помочь в этом вопросе.

В распоряжение подполковника выделили главного инженера станции Н.М. Фомина и автомобиль ГАЗ-69. Выбодовский объехал станцию и от руки нарисовал схему ЧАЭС.

Дезактивация местности - это вторая по важности задача (после радиационной разведки), которую выполняли воины мобильного отряда. Для ее выполнения в районе катастрофы использовали ИМРы, которые кроме надежной защиты от проникающей радиации были оборудованы

фильтровентиляционной системой защиты экипажа. Эти машины были очень востребованы при дезактивации местности, т.е. очистке ее от радиоактивных обломков разрушенного оборудования.

Основная машина радиационной разведки химических войск БРДМ-2рх. Имеет 4-х кратный коэффициент ослабления радиации. Для повышения защищенности экипажа от ионизирующих излучений машину дополнительно обшивали листовым свинцом

29 апреля генерал-полковник В.К. Пикалов приехал в расположение отряда и выступил перед личным составом части. «Настал день, - сказал он, - когда наши химические войска должны совершить то, для чего они и были созданы. Население этого района и все люди Советского Союза с надеждой смотрят сейчас на нас. Мы должны одолеть эту беду чего бы нам это ни стоило. Нельзя допустить, чтобы радиоактивные вещества разнеслись по всей стране». /15/

30 апреля утром из развала энергоблока произошел выброс облака ярко-оранжевого цвета, которое поднялось вверх и разлетелось в разные стороны. Военнослужащие отряда все это видели, так как находились в 3-х км от Чернобыльской АЭС. В этот день разведчики выполняли ранее поставленные задачи по разведке дорог и маршрутов передвижения войск и различной техники, 5 раз в сутки производили измерения по степени радиоактивного загрязнения и уровням радиации в стационарных точках, расположенных на территории атомной станции.

30 апреля состоялся строевой смотр личного состава и техники отряда, на котором присутствовал Б.Е. Щербина - заместитель Председателя Совета Министров СССР, назначенный председателем Правительственной комиссии по расследованию причин катастрофы и ликвидации последствий.

Борис Евдокимович Щербина осмотрел технику части, ознакомился с техническими характеристиками специальных машин и их возможностями по выполнению специальных работ. После этого он побеседовал с личным составом.

1 мая личному составу части поставили задачу на ведение разведки территории в районе разрушенного энергоблока. Эту непростую задачу командир решил выполнить офицерами отряда. На задание поехал он сам и вызвавшийся добровольцем начальник химической службы Воздушно-десантных войск МО полковник В.П. Зайцев.

«О результатах разведки генерал-полковник В.К. Пикалов доложил письменно министру обороны и начальнику Генерального штаба: «... впервые в мире проведена радиационная разведка разрушенного энергоблока атомной электростанции». В рапорте были указаны фамилии тех, кто ее осуществлял». /48/

В этот же день было принято решение о передислокации отряда за пределы 30-км зоны в село Ораное.

Глубокой ночью колонны автомобильной и гусеничной техники прибыли в село Ораное, но тут же последовал приказ - тяжелую технику с частью разведывательных и инженерных машин разграждения возвратить на прежнее место. Немного поворчав и отдохнув, пришлось совершить марш обратно в Копачи. На войне, как на войне.

С утра 2 мая, в целях облегчения подступа к разрушенному энергоблоку, согласовав с охраной и руководством станции, ИМРаами разрушили два пролета забора АЭС с торца машинного зала 4-го и 3-го энергоблоков.

Инженерные машины разграждения вышли на территорию станции и начали дезактивацию местности, т.е. сбор выброшенных взрывом блоков, арматуры, кусков графита и прочего, продвигаясь все ближе и ближе к основанию разрушенного блока.

«Первым эту работу начал командир инженерной роты старший лейтенант М. Ширченко, отважный, геройский офицер. Другие экипажи стояли за забором и ждали команду приступить к выполнению задачи.

Но люди так устали от ночных «маршей», что уснули на своих местах в машинах и не слышали команду, переданную по средствам связи. Как я ни «надрывался», приказывая командирам выдвинуться на

исходную для начала работы позицию, меня никто не слышал. К тому же радиосвязь в условиях интенсивного радиоактивного излучения была неустойчивой и постоянно прерывалась. Радиостанции не имели защиты от радиации». /48/

Подполковнику Wybодовскому пришлось выйти из РХМ наружу и по радиоактивной местности подойти к машинам и разбудить солдат. «Увидев этот мой «выход, - вспоминал Николай Александрович, - наблюдавший со стороны заместитель НХВ МО генерал-лейтенант Ю.С. Малькевич отругал меня и сказал: «Что ж ты делаешь, командир?!» А что мне оставалось делать?!. Время на выполнение работы было ограничено. Каждая минута нахождения в зоне радиации превращалась в конкретную величину дозы облучения. Главной моей обязанностью по отношению к личному составу было уберечь его от переоблучения, т.е. сохранить солдатам, сержантам и офицерам здоровье и тем самым жизнь. Будучи офицером химических войск, я знал, что действие радиации на организм человека очень опасно». /48/

Дезактивация местности в районе 4-го энергоблока 2 мая проводилась в целях очистки территории для проведения минновзрывных работ военными инженерами, которым была поставлена задача 3 мая пробить взрывом дыру в стене шахты реактора для откачки радиоактивной воды из подреакторного пространства. Существовала опасность, что реактор, находящийся в плазменном состоянии, прожжёт фундамент и опустится вниз и тогда от его соприкосновения с водой мог произойти сильный взрыв с выбросом радиоактивных веществ на большие расстояния. Кроме того, от взрыва могли пострадать другие реакторы АЭС.

«Наиболее сложными и опасными были, пожалуй, работы по очистке территории и оборудования от твердых радиоактивных материалов. Не всегда и не везде удавалось их выполнить с помощью высокопроизводительных инженерных машин разграждения, находясь за броневой защитой. В ряде труднодоступных мест воины вынуждены были выходить из машин, чтобы «манипуляторами» - типа лом или лопата, извлечь обломки графита и тепловыделяющих сборок реактора из-под механизмов и агрегатов, не разрушая их.

4 мая шахтёры и метростроевцы перед началом сооружения тоннеля под разрушенным блоком отказались выходить на работу до тех пор, пока из-под газгольдеров, находящихся рядом с 3-м энергоблоком, не уберут высокоактивные куски графита. Эту работу выполнили воины мобильного отряда». /48/

Кроме выполнения этих работ военнослужащие **молпа** отбирали пробы выбросов из реактора и исследовали их изотопный состав, осуществляли дозиметрический контроль личного состава и степени загрязнения техники, выходящих из загрязненных районов.

Приходилось решать и другие технические и организационные вопросы по обеспечению радиационной безопасности тех, кто выполнял работы по ликвидации последствий катастрофы.

«В первых числах мая привезли японский робот, который не смог выполнить работу по очистке территории от РВ. Робот часто останавливался и не подчинялся командам управления. Командиру роты радиационной разведки капитану С. Ледневу приходилось выходить из защитной капсулы РХМ, цеплять его на буксир и транспортировать в безопасное место, чтобы выяснить причины отказа. Кроме того, этот отважный офицер устранял неисправности машин разведки вблизи разрушенного энергоблока, вёл разведку внутри машинного зала, на его крыше до уровня разрушений, куда проходить было очень опасно». /48/

Разработанные офицерами отряда предложения по радиационной разведке, дезактивации местности и техники, наряду с рекомендациями других ведомств (Минатома, Минздрава, Гражданской обороны), были приняты Правительственной комиссией за основу при принятии решений и содержанию основных работ по ликвидации последствий катастрофы». /50/

«14 мая главный гигиенист Центрального военно-медицинского управления Министерства обороны посетил 122-й мобильный отряд химических войск... 52 военнослужащих этого отряда имели дозы от 25 до 72 бэр. У командира отряда подполковника Н.А. Выбодовского зарегистрирована доза облучения 58 бэр. На вопрос врача, почему он получил такую высокую дозу, подполковник ответил: «Командир должен быть всегда впереди. Он должен подавать пример действий в опасных ситуациях». /47

Об этом не писали и фильмов не снимали. Только в секретных шифротелеграммах указывали воинскую часть, звания и фамилии первых участников ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС.

Воины мобильного отряда выполняли свой долг и шли на радиацию осознанно, зная о том, что ждет их на полях ионизирующих излучений, понимая, чем они опасны для человека. Они одними из первых шагнули в неизведанное ядерное пекло.

«При ликвидации последствий катастрофы проявилась настоящая дружба и единство всех братских народов СССР. В этой битве

участвовали практически все представители национальности нашей страны и все они были горды званием советского человека. Это было заметно во всем. В составе подразделений служили воины разных национальностей. В части никогда не возникали конфликты на национальной основе. В Чернобыле в условиях боевой обстановки личный состав спланивался, объединялся. Взаимовыручка и поддержка между военнослужащими были обычным делом.

За весь период ликвидации последствий не было случаев трусости или паники. Тогда, в первые дни ликвидации последствий катастрофы, работы выполняли специалисты, которые знали о последствиях облучения. Но, тем не менее, все действия осуществлялись мужественно и стойко. Боялись ли они? Да, боялись. Был ли у них страх? Да, конечно был. Каждый человек боится, когда ему страшно. Нельзя верить тем, кто говорит, что ничего не боится. Опытные специалисты утверждают, что при выполнении работ на радиационных полях страшно бывает только вначале. А потом как-то все забывается. Мысли только о том, чтобы сделать все хорошо и правильно.

Все работы выполнялись быстро, на высоком уровне организованности. Когда роботы не справились с возложенными на них задачами по дезактивации территорий, то на выручку пришли советские тракторостроители и ученые. Из Челябинска самолетом в Киев доставили трактор ЧТЗ, и в течение трёх дней и ночей киевские электронщики на его базе сделали настоящий безотказный робот.

Инициатива, творчество, заинтересованность в общем успехе стали характерными качествами всех воинов, участвующих в ликвидации последствий катастрофы. Многие военнослужащие, получив задачу, вносили рационализаторские предложения, позволяющие лучше их выполнить. Тем самым они стремились внести свой вклад в нормализацию обстановки в Чернобыле.

В качестве примера можно привести лейтенанта В. Мандрыча, менее года назад окончившего военное училище. Он за короткий срок разработал и внедрил на практике принципиально новый экспресс-метод изотопного анализа выбросов из ядерного реактора. Новизна и эффективность этого метода, хотя и не сразу, была признана известными учёными, работавшими в районе АЭС.

Отвагу и мужество проявили коммунисты-политработники. Так, секретарь комитета комсомола части старший лейтенант А.Б. Дерюгин, участник афганской войны, проявивший на войне мужество и героизм, и на ликвидации последствий катастрофы совершал чудеса храбрости.

Однажды он заменил за рычагами РХМ механика-водителя, получившего предельную дозу облучения.

Взаимозаменяемость между членами экипажа в части и подразделении находилась на высоком уровне. Главное - это выполнить приказ, поставленный части.

Многие сержанты и солдаты за свои героические действия в Чернобыле были удостоены правительственных наград. Хотя, я считаю, что некоторые остались неоцененными по достоинству. На правительственные награды был установлен лимит: 4 ордена Красной Звезды, 3 ордена «За службу Родине в ВС», 5 медалей «За боевые заслуги». И это количество наград на 200 человек первопроходцев-ликвидаторов! Когда каждый был, без преувеличения сказать, - герой. Вот она, оценка действий личного состава части в первые дни ликвидации последствий катастрофы!

В отряде служили замечательные ребята. Дай Боже им здоровья за их самоотверженные и геройские дела в Чернобыле! Я счастлив, что мне довелось с ними побывать в такой, как сейчас говорят, «горячей точке» и принять участие в таком славном деле - спасении Отечества от радиации!

Слаженно и организованно работал штаб части во главе с начальником штаба майором С. Шишко. Офицеры штаба, наряду с выполнением своих функциональных обязанностей, сами участвовали в выполнении специальных работ. Так, помощник НШ старший лейтенант Н. Козлов, выполняя свои обязанности качественно и грамотно, оформляя и ведя боевые документы, часто заменял «вышедших из строя» разведчиков и механиков тяжелых машин.

Вот так и приходилось трудиться буквально круглые сутки, не считаясь с опасностью. Но такая напряжённая обстановка способствовала дальнейшему сплочению коллектива!» /48/

Первая партия военнослужащих части после получения предельных доз облучения 20 мая убыла из района катастрофы. 22 мая личный состав прибыл в район постоянной дислокации в Шиханы Саратовской области.

Вторая партия возвратилась на зимние квартиры в начале июня.

Третью партию после передачи отряда подполковнику Лукьянову, вывели из района Чернобыля в июле 1986 года.

В июле 1986 года в Чернобыле на базе 122-го **молпа** был создан 75-й мобильный отряд ликвидации последствий радиационных аварий (в/ч 75257). Часть укомплектовали офицерским составом кадра и запаса из Приволжского военного округа. Солдат и сержантов запаса призвали

военными комиссариатами Поволжья, и после подготовки в учебном батальоне военного округа направляли в Чернобыль в распоряжение 75-го **молпа**.

Вся техника отряда постоянно проходила дозиметрический контроль и подвергалась дезактивации. Автомобильную и бронетанковую технику, степень радиоактивной загрязненности которой при дезактивации снизить до предельно допустимых норм не удавалось, захоранивали в могильниках.

Недостающую технику для укомплектования в/ч 75257 поставили со складов. Так было весь период ликвидации последствий катастрофы, вплоть до осени 1990 года.

Шиханский **молпа** после возвращения всего личного состава в пункт постоянной дислокации восполнил недостающую технику по табелю штата со складов ПриВО и центральных складов МО СССР.

2 августа 1986 года приказом министра обороны СССР 122-й мобильный отряд ликвидации радиационных аварий химических войск был награждён Вымпелом министра обороны «За мужество и воинскую доблесть, проявленные при выполнении заданий Советского Правительства и министра обороны СССР при ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС».

В сентябре 1986 года на базе 122-го мобильного отряда в военном гарнизоне Шиханы был сформирован мобильный полк ликвидации последствий радиационных аварий химических войск. Позже на его базе была сформирована мобильная бригада ликвидации последствий радиационных аварий и катастроф.

Момент истины: Вымпел МО СССР «За мужество и воинскую доблесть...» проносят перед строем первопроходцев-ликвидаторов. 12 августа 1986 г.

За мужество и самоотверженность, проявленные при выполнении Правительственного задания по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, полковник Н.А. Выбодовский награжден орденом Красной Звезды.

В настоящее время полковник в отставке Николай Александрович Выбодовский живет в Калининграде, последнем месте его службы начальником войск РХБ защиты Прибалтийского военного округа. Принимает активное участие в патриотическом воспитании молодежи, выступает в местной печати, на телевидении и рассказывает о той войне с радиацией, в которой он и его товарищи были первопроходцами. На уроках мужества он рассказывает о тех, кто первым вошел и сразился с ядерным супостатом, посягнувшим на мирную жизнь советских граждан.

Зборовский Петр Павлович (1952-2005)¹

Капитан П.П. Зборовский в апреле 1986 года проходил службу в должности командира 4-й механизированной роты Киевского полка гражданской обороны.

«Ночью 26 апреля полк гражданской обороны подняли по тревоге. Офицерам сообщили: «Авария на атомной станции в Припяти. Горит трансформаторное масло». Подробности

никаких. Вызвали со всех концов города офицеров полка, выстроили технику в колонну. Примерно в шесть утра, как и было предусмотрено боевым расчетом, в Припять отправили мобильный отряд во главе с командиром полка полковником Владимиром Васильевичем Гребенюком. Человек сто солдат и офицеров, десятка три машин. Из механизированной роты убыл механизированный взвод старшего лейтенанта Макеева.

Вечером этого же дня на усиление моботряда (мобильного отряда) уехали еще несколько офицеров. Во второй половине следующего дня поступила команда развернуть на базе полка 731-й спецбатальон. Вечером стали прибывать первые люди». /51/

Спецбатальон - обычный батальон химической защиты, формирование которого осуществлялось по штатам военного времени. Он состоял из трех рот и отдельных взводов и имел общую численность около трехсот человек. Только две должности - командира батальона и начальника штаба - занимали кадровые офицеры подполковник Николай Босый и капитан Сергей Волков. Остальных офицеров, сержантов и солдат призывали из запаса.

«Приписников» привозили из всех военкоматов Киева и области. За ночь их переодели в военную форму, распределили по подразделениям. Утром 29-го, уже перед посадкой на машины, командир полка полковник Гребенюк (он прибыл накануне из Припяти за этим батальоном) принял решение усилить химбат еще четырьмя кадровыми офицерами. В их числе был и капитан П.П. Зборовский.

«Только и успел послать солдата за «тревожным» чемоданом и полевой формой. Переодевал их уже в машине. Было такое чувство, что

¹ По материалам воспоминаний П.П. Зборовского «Я и сейчас там, в Чернобыльской зоне» из книги В.А. Гудова «731 спецбатальон».

скоро вернусь. Ну, день-два, пока солдаты привыкнут к штатным командирам... Домчались до Чернобыля быстро и сразу под вертолеты загружать их песком, доломитом, свинцом. Жарища, пыль, грохот двигателей. И так с раннего утра до позднего вечера...» /51/

1 мая со станции в сторону площадок, где работали подразделения спецбатальона, пошло красное облако. Полеты вертолетов прекратили. Людей срочно посадили на машины и отправили за пределы зоны возможного загрязнения.

Лагерь части находился на северной окраине Припяти, километрах в 6-7 от атомной станции. Все в нем бросили, только полевые кухни успели забрать. Больше на то место уже не возвратились. Другой лагерь разбили рядом с Дитятками. Туда и подвезли новые палатки, постельное белье, обмундирование. Вечером организовали помывку личного состава, смену одежды и нательного белья.

В первом часу ночи 2 мая в распоряжение батальона прибыли генерал-майор и полковник. Зборовскому приказали собраться и убыть вместе с ними к председателю Правительственной комиссии И.С. Силаеву.

«Приехали в Чернобыль. Правительственная комиссия работала в здании райкома партии. У двери милиционер, вход по пропускам. Поднялись на второй этаж. В приемной секретарь проинструктировал, кому и как докладывать. Захожу в зал заседаний, докладываю о прибытии. Навстречу поднимается из-за стола Силаев, председатель Правительственной комиссии по ликвидации аварии на ЧАЭС. Среднего роста такой, голова вся седая. Стал так, по-военному, строевую стойку принял, руки по швам: «Товарищ капитан, вам поставлена правительственная задача откачать воду из-под четвертого блока». Я и подумать ничего не успел, отвечаю: «Есть». Силаев: «Подробности узнаете в штабе у военных. Они в исполкоме. Готовность к работе 9.00». Вот и весь разговор. Спускаюсь по лестнице, а в голове... Что ж я там за пятнадцать минут успею? Получу свои 700 рентген, и конец...

К тому времени я уже знал от Сани Логачева, командира взвода из нашего полка, который 27 апреля разведку у четвертого блока проводил, что у стены реактора 2800 рентген. Я еще с училища помнил: 700 рентген смертельная доза. Вот и прикинул, что хватит меня на четверть часа». /51/

В назначении капитана Зборовского старшим группы определенную роль сыграло то, что он много лет служил командиром трубопроводного взвода, хорошо освоил насосные станции. Его знали

по учениям, показательным занятиям в управлении ГО штаба Киевского военного округа.

В опергруппе Министерства обороны капитана встретил генерал Шматко. Он уточнил, какие средства для выполнения задачи потребуются, сколько может понадобиться людей, какую технику взять.

«Сам, говорю, поеду в полк и подберу все необходимое. Генерал одобрил решение: «Так надежнее». Я созвонился с полком, рассказал, что мне надо, на машину, и в Киев. К приезду насосные станции уже были готовы, только проверил комплектность, заканчивалась погрузка труб. Люди были из пожарной роты нашего полка гражданской обороны. Всех солдат я хорошо знал, раньше служил в этом подразделении, месяца четыре как ушел со взвода на механизированную роту.

Со мной поехали три офицера. Командир роты капитан Акимов Николай Михайлович и два командира взводов: лейтенанты Вадим Злобин и Гена Хецев. К рассвету все было готово, и мы пошли на Чернобыль. Колонну вел замкомандира полка, теперь уже покойный подполковник Анатолий Иванович Харин». /51/

Перед отъездом капитану Зборовскому удалось на несколько минут забежать домой. Разбудил жену, сказал, что у него все в порядке, поцеловал спящего сына и ушел. То, что поехал в Чернобыль, жене он не сказал. Тогда по Киеву уже начали распространяться страшные слухи о Чернобыле.

«В девять был у Силаева. «Готовы?» - спрашивает. «Так точно!» - отвечаю. - «Хорошо, не торопитесь. Еще не решили, куда воду откачивать. В десять вы должны присутствовать на заседании Правительственной комиссии, а пока разместите людей. Можете занять любое удобное вам общежитие». Я поставил задачу командиру взвода лейтенанту Хецеву заняться устройством людей, а мы с командиром пожарной роты капитаном Акимовым поехали на разведку: надо же знать, где предстоит работать.

Подъехали к станции с тыльной стороны. Хорошо был виден разрушенный реактор. А дозиметрический прибор внутри БТРа с электронной цифровой шкалой. Смотрю сверху, с брони, цифры замелькали: «600... 700... 800 рентген». Кричу водителю: «Давай, хлопчик, назад!». Ушли...» /51/

В это время шло заседание Правительственной комиссии, заслушивались самые разные предложения о том, куда закачивать радиоактивную воду. Единого мнения не было. Предлагали различные варианты, спорили. В конце концов И.С. Силаев назначил очередное

заседание на более позднее время, а главному инженеру и капитану Зборовскому поручил выехать на станцию и на месте определить, куда откачивать воду.

«Приехали на станцию, стали прикидывать, откуда можно добраться до воды. Под блоком шел технологический канал, но для того чтобы добраться до него, надо было проделать отверстие в бетонной стене. Предложения были самые разные: пробить его выстрелом из орудия или гранатомета, прожечь кумулятивной миной. Но кто мог сказать, как поведет себя реактор после такой стрельбы? Решили не рисковать, пробивать отверстие вручную.

Построил пожарную роту, объяснил задачу, говорю: «Дело опасное. Нужны добровольцы». Потом в газетах писали, что весь строй сделал шаг вперед. Реально вышли пятеро: сержанты Паша Авдеев и Ваня Максимчук и два ефрейтора Игорь Малодушев и Саня Коршунов. Был еще и командир взвода лейтенант Хецев, но офицера я оставил, кто-то же должен людьми командовать, а эти четверо ребят поехали со мной.

На БТРе подъехали к стене. Уровни там были большие. Я посчитал, не больше, чем по 12 минут, можно работать. Хлопцы по двое из БТРа выбегали и пробивали стену кувалдами. Вижу, трудно идет дело, не уложимся во время, давай им помогать. Прodelали дыру. Меня, как водолаза, веревкой обвязали (никто же не знал, что там, за стеной, вдруг такие уровни, что сознание потеряю), и я полез. В туннеле можно было свободно передвигаться, темновато только.

Иду, иду. Слышу, под ногами начало хлюпать. От воды шло тепло градусов под 40. Сероводородом несло здорово. Осмотрелся: нет, здесь со станциями и трубопроводами не развернуться. Стал искать дальше. Поднялся по какой-то лестнице, смотрю, вроде подходит. Уже после взял с собою провожатого со станции, двух солдат и добрался с ними туда через 3-й блок. То, что надо! Это был технологический зал между третьим и четвертым блоками. Туннель такой. По габаритам с железнодорожный вагон. Там еще рельсы были проложены. Мощные ворота на въезде... Доложил Правительственной комиссии, что место, откуда можно откачивать воду, найдено». /51/

После этого капитан Зборовский поехал на заседание Правительственной комиссии. От усталости он буквально валился с ног. Спать удавалось урывками, по несколько минут. Иван Степанович Силаев вел заседание.

Примерно в полночь позвонил Горбачев. Его голос был хорошо слышен в комнате: «Ну что, приняли решение, куда девать воду? У меня здесь тоже рабочая группа сидит, думает. Думайте и вы...»

Между тем температура в аварийной зоне повышалась, росла и температура воды под реактором. Что произойдет, если бетон под ним разрушится и он ухнет в воду, никто не знал...

Вдруг И.С. Силаев обращается к капитану: «Зборовский, откачивайте воду в хранилище ХЖТО (хранилище жидких топливных отходов). Задача понятна?» Отвечаю: «Никак нет».

- А что ж тут не понятно? Есть пункт «А» четвертый блок и пункт «Б» хранилище ХЖТО. Ваша задача перекачать воду из пункта «А» в пункт «Б». «Это-то понятно, - говорю, - но я на этих двухстах метрах всех своих людей пожгу. Там же у блока 2800, у ХЖТО под тысячу рентген!». Силаев смотрит на ту схему, что перед ним, а там цифры совершенно другие, на порядок ниже. «Кто отвечает за разведку?» - спрашивает». /51/

Силаев подошел к капитану П.П. Зборовскому: «С ХЖТО понятно. Что же предлагаете вы?». А я каждый раз, когда на станции бывал, расспрашивал ребят из дежурной смены, куда б эту воду откачать. И вот накануне этого разговора с Силаевым заступивший дежурный инженер говорит мне: «Что вы тут двое суток колотитесь? В конце станции, за территорией, есть два резервуара и железнодорожная ветка к ним подходит». Дал нам сопровождающего, и мы с Акимовым поехали посмотреть. Точно: метрах в ста от Припяти два бассейна тысяч на двадцать - двадцать пять кубов. Один был пустым, второй наполовину заполнен чистой водой, мы ее потом в Припять откачали. Уровни там небольшие, максимум полрентгена. Как раз то, что мы искали. Сверху воду, чтоб не испарялась, можно было залить каким-нибудь негорючим техническим маслом. Все это я доложил Силаеву. Тот тут же поставил задачу академику Александрову проработать это предложение и объявил на два часа перерыв.

Подполковник Миронов, начальника инженерной службы ГО Киевского округа, посоветовал для выполнения поставленной задачи попросить пожарные насосные станции ПНС-110: у них все рукавные ходы гибкие и производительность в два раза выше, чем у насосов, используемых в гражданской обороне.

На очередном заседании Правительственной комиссии Зборовскому выделили нужное оборудование.

«Вернулся в депо, построил пожарных. Говорю: «Хлопцы, будем делать откачку воды из-под четвертого блока. Мне нужны только

водители, но если кто из расчета насосных станций пойдет со мною, то будет, конечно, лучше - вы свою технику знаете. Если нет, справимся сами». Вышел майор Нагаевский из Белой Церкви и с ним пять человек. Правда, один потом сбежал.

Пришел расчет из Житомира. Многих фамилий уже не помню, пусть ребята не обижаются. Сколько лет никому не рассказывал, кое-что уже подзабылось. Ну и моих двадцать ребят. На лугу развернули рукавные ходы, проверили станции. К началу второго ночи были готовы к действиям.

Позвонил секретарю Силаева, доложил. Тот уточнил у Силаева: «Ждите команды!» Утром снова: «Ждите». Я, пока суд да дело, разыскал начальника караула, охранявшего станцию, нам ведь надо было проделать проход в ограждении напротив бассейнов. Возле четвертого блока к развалинам можно было подъехать свободно, а остальная территория охранялась, электрические заграждения были под напряжением. Тот сам этот вопрос решить не мог, пришлось мне звонить в Киев. Там пообещали отключить напряжение на нужном нам 362-м участке. Оставалось ждать команды...

Обстановка тогда была сложная. Опасались взрыва реактора. Но вечером 5 мая все-таки поступила команда «Вперед». Подъехали мы к забору станции. Я бросил кусок проволоки на ограждение - искрит. Разыскивать того, кто отключит напряжение, было некогда. Даю команду разрушить забор. Обрушили БТРом бетонные плиты забора. Потом поставили БТР, направили его ехать прямо, Завели двигатель, водитель выпрыгнул, и машина пошла мять проволоку. Все засверкало, заискрило. Отключился участок в 18 метров. Пробили второй проход в заборе. Стали укладывать трубопровод. А это километра полтора. Каждые 20 м надо было соединять муфты. На участке метров в двести пятьдесят было особенно опасно: от 250 до 800 Р, а потом, ближе к первому блоку, спад до 50-80 Р и ниже.

Завели и установили в туннеле насосные станции. БТРом вырвали лестничный марш, он мешал опустить всасывающий рукав. Запустили насос. Все вроде нормально, вода пошла.

Убрали людей в безопасное место и только вроде вздохнули, а насос поработал, поработал и заглох. Пошли с Колей Акимовым разбираться, в чем дело. Осмотрели ПНС, вроде все в порядке. Надо проверять в работе. Запустили двигатели. Ждем. Смотрим, туннель начинает все больше заполняться дымом. Двигатели «чих-чих» и остановились. Пришлось открывать ворота в помещение. Уровень радиации подскочил сразу в десять раз - 250 Р/ч! Но деваться некуда, так

и держали ворота приоткрытыми. Один поход к насосам и обратно, если быстро, это 3-4 Р. Каждые три с половиной часа надо было доливать бензин. А тут еще одна станция через восемнадцать часов работы вышла из строя, пришлось ее менять...

Только вроде работа наладилась - новая беда. Какие-то разведчики на гусеничном ходу подъехали к четвертому блоку и повредили наши трубопроводы. С вертолета, который вел наблюдение, сообщают, что видят фонтаны. Пришлось устранять повреждения, а у меня шесть человек осталось, и у всех уже по два десятка рентген...

Зная, сколько «светит» вокруг, конечно, было страшно. «Никто не хотел умирать». Помните такое название фильма? Вот и там так. Каждый час надо было проводить замеры уровня и температуры воды. Результаты по телефону докладывал Силаеву, а ночью его секретарю. Ходить к насосам приходилось через первый, второй и третий блоки. Шли только по двое. Боялись, вдруг один потеряет сознание или ориентацию. И вот мне в очередной раз идти. Посмотрел по учету, у кого там рентген поменьше, и говорю одному офицеру-пожарному: «Пошли со мной!» Он отказывается. Я построил всех офицеров, говорю ему: «Не буди во мне зверя! Если ты не пойдешь, сейчас дам команду солдатам, свяжем и выкинем возле четвертого блока. Через пятнадцать минут ты вообще никому ничего не скажешь».

Обратился к майору Нагаевскому: «Вы со своими людьми можете разобраться?». Он мне: «Петр Павлович, мы выйдем, поговорим». Не знаю, что там между ними было. Через пять минут возвращаются, оба красные как раки. Капитан одел ОЗК и пошел со мной... Я все понимаю. Всем было страшно. Может, надо было как-то по-другому тогда с тем офицером поступить, но меня почему-то зло взяло. Тут 18-летние пацаны жизнью рискуют, а он, капитан, ровесник мой, за их спины прячется...» /51/

На капитана П.П. Зборовского смотрели как на смертника. Все знали о судьбе тех, кого 26 апреля в Москву увезли. Но он к этому времени владел обстановкой, знал, что, где и как. Сам же планировал, какие насосы использовать, где их поставить, куда воду сбрасывать. Все прикинул, рассчитал, чтобы людей зря не жечь. В той обстановке перепоручать все это кому-то было нелогично. Не знаю... И потом у него была надежда на чудо, что все обойдется и он останется жив.

Команда Зборовского занималась откачкой воды больше двух суток. Ночью с 7 на 8 мая их сменили военнослужащие из одесского полка ГО. Петр Павлович своему сменщику, майору, все показал, рассказал. Им оставалось откачать воды еще сантиметров 70. Когда

начинали, было 4 метра 30 сантиметров. К вечеру 8 мая откачку воды закончили.

К концу вторых суток работы на станции какой-то гражданский привез капитану тысячу рублей премии от Силаева. Наградили тогда 15 человек. Из военных один он. Деньги были в конверте. На нем было написано не Зборовский, а Боровский, но все остальное совпадало: «...Петр Павлович, капитан, полк ГО».

Ночью 8 мая группу сменили, а на следующее утро капитана П.П. Зборовского вызвали к Силаеву. Шло заседание Правительственной комиссии, присутствовали человек 15-20.

«Иван Степанович, как и в первую нашу встречу, поднялся из-за стола, стал по стойке «смирно»: «От имени ЦК КПСС, советского правительства за выполнение особо важного задания объявляю вам благодарность». Я, как и положено: «Служу Советскому Союзу!» Силаев мне: «Ну, подойди, сынок». Пожал руку, обнял. «Чем мог в этих условиях, я вас отблагодарил. Остальное за правительством. А сейчас в госпиталь». /51/

«Возвратился я в Киев. Пошли разговоры, что меня представили на звание Героя Советского Союза. Ну, Героя, так Героя, не мне судить.

В январе 1987 года в Москве прошло награждение чернобыльцев. Из полка ГО КВО никто тогда наград не получил. Обо мне стали говорить, что с Героем не получается и, наверное, будет орден Красного Знамени. А я что? Орден, так орден. Подходит февраль, День Советской Армии. Все ждали: ну теперь уж точно придут в полк награды. И опять мимо.

Наконец состоялся указ: 64 человека из нашего полка наградили орденами и медалями. В том числе и тех, с кем я тогда «воевал». Командира нашего полковника Гребенюка и меня в списках награжденных не было. Ребята говорят: «Хороший знак. Значит, будет отдельный указ, получите по максимуму». Прошло еще время, и уже в мае 87-го пришла награда и мне орден Красной Звезды. Читаю выписку из указа: «...За освоение новой техники и оружия»... А Гребенюка еще позже, только перед уходом на пенсию, орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах» III степени наградили». /51/

Позже один кадровик объяснил капитану П.П. Зборовскому, как могло быть с его представлениями на Героя: «Скорее всего, - говорил он, - для ГО разнарядки на Героя не было, да и, согласись, не тянул ты: двенадцать лет командир взвода, из партии исключали (было дело - выпивши домой возвращался, и меня избили и ограбили, партбилет пропал), взыскания по службе имел. Национальность твоя поляк, тоже

могла роль сыграть. И потом: дай Героя тебе, второму, третьему, что в мире подумают? Что катастрофа действительно о-го-го! А нашим политикам тогда это было ни к чему. Вот представление болталось, болталось по наградным отделам, пока твою фамилию не пристроили в числе прочих в очередной указ...»

«Может быть, так и было. Не знаю... Но и Красная Звезда высокая награда. Орден боевой, им и в Афганистане наших ребят награждали. Если по большому счету брать, то и Сане Логачеву, и всем вертолетчикам надо было героев давать, они ведь над реактором проходили, а там десятки тысяч рентген. А наши ребята из 731-го спецбатальона? Сколько они пыли радиоактивной под вертолетами наглотались! А им даже медалей не дали...» /51/

При участии в ликвидации последствий капитан П.П. Зборовский получил дозу облучения 65 рентген, дважды лечился в «чернобыльском» медицинском центре.

«Тогда, в 86-м, чувствовал себя неважно. Помню, командир, а он тогда еще в худшем состоянии, чем я, был, окликает: «Петро, а ты сознание теряешь?». Открываю рот, чтобы ему ответить, и в этот момент «отключаюсь»... Потом началось отслоение сетчатки глаз... Ну, ничего, постепенно оклемался. А вот самому Гребенюку досталось, еле выкарабкался. Он ведь с первых часов был в Чернобыле.

Со здоровьем у меня сейчас более-менее нормально. А вначале... Нас ведь тогда, ночью 8 мая, почему сменили. Стал я в очередной раз от дежурного по станции Силаеву докладывать и во время разговора потерял сознание. Дежурный трубку поднял, объяснил, что случилось. Силаев дал команду немедленно всех нас заменить... Пока до госпиталя добирались, я еще трижды сознание терял. Привез людей в Киев, устроил их в госпитале, а сам прошусь домой, узнать, как там мои. Вы же помните, какая тогда обстановка в городе была...

В 93-м, майором, не дав дослужить до 25 лет, уволили в запас. Не хочу говорить на эту тему, и сегодня болит. Уже в запасе получил подполковника.

На гражданке чем только ни занимался, кем только ни работал, пока здоровье позволяло. А в позапрошлом году возвращался на своем «Москвиче» от родственников и попал в аварию. Потерял за рулем сознание, а скорость была где-то под 100. Жена, она за мной сидела, позже рассказывала: «Захрипел, упал, голова на сиденье, а руки так на руле и остались. Их потом монтировкой разжимали. Машина несколько раз перевернулась и стала на крышу.

Я побился. Был раздроблен 6-й позвонок, руки-ноги не шевелились, но, как видите, жив. А на жене, не поверите, ни одной царапины!.. Вышел из больницы, стал оформлять инвалидность. Почти год этим занимался....

Сейчас на второй группе. Сторожу вот. Кстати, когда инвалидность оформлял, уйма всяких справок понадобилась. А там строго: копии не годятся - только подлинники. Поехал в архив. Нашли документы нашего полка. Смотрят, а в них приказ о моем убийтии на ликвидацию последствий аварии на ЧАЭС есть, **а о том, что назад возвратился, - нет.** Видно, писарь по невнимательности фамилию мою пропустил. **Так что по бумагам я и сегодня там, в чернобыльской зоне».** /51/

Когда в органах социального обеспечения или иных государственных структурах речь заходила о Петре Павловиче Зборовском, спрашивали: «А что, он еще живой, разве?» Господи, - думаю я в отчаянии, - неужели люди так хотят, так ждут, чтобы все чернобыльцы умерли? Неужели они думают, что им без нас будет лучше или легче жить?

Петр Павлович Зборовский воплотил в себе лучшие черты русского офицера: честь, доблесть, мужество, стойкость, отвага, героизм. Русская земля, русская армия прославлена подвигами таких блистательных офицеров, каким был подполковник П.П. Зборовский.

Петр Павлович Зборовский умер в 2005 году в возрасте 53 лет. Царство ему Небесное и вечная память!

Игнатенко Евгений Иванович

Родился 7 мая 1940 года в селе Новый Егорлык Сальского района Ростовской области в семье крестьян.

В 1957 году Евгений с серебряной медалью окончил среднюю школу в поселке Красный Курган Малокарачаевского района Ставропольского края. Поехал в Ленинград поступать в военно-механический институт, но не поступил. Возвращаться домой не захотел. Пришлось на год уехать в Сибирь на «Стройку коммунизма». Оказался в Красноярске на строительстве химического комбината, работал водителем, возил строительные плиты.

Однажды с ним случился страшный случай. Во время погрузки плит произошла саморасстроповка крепежа, и плита упала на автомобиль Игнатенко. По технике безопасности во время погрузки водители всегда должны выходить из своей машины, но шоферы народ недисциплинированный, требования техники игнорировали и никогда из машины во время погрузки не выходили. В этот раз, неизвестно по какой причине, за мгновение перед тем, как сорвалась плита, Игнатенко вышел из машины, - это спасло ему жизнь, это было его третье «рождение».

Смерть ходила с ним рядом еще с детства. В годы войны, когда фашисты вошли в село, маму маленького Жени, как жену офицера, приговорили к расстрелу. С маленьким сыном на руках ее повели на расстрел. Когда шли на край села к балкам, где обычно расстреливали приговоренных, в какой-то момент женщина обернулась и увидела, что конвоира, сопровождавшего их, нет. Не состоявшийся расстрел был для маленького Жени Игнатенко его вторым «рождением».

Оказавшись на стройке без автомобиля, Евгений устроился работать монтажником-верхолазом.

В июне 1958 года юноша, мечтавший о карьере морского офицера, поступил в Ленинградское высшее военно-морское училище инженеров оружия. Курсант Е. Игнатенко увлеченно осваивал военно-морскую профессию. В училище была очень хорошая учебно-материальная база, замечательный профессорско-преподавательский состав. Евгений учился легко и заинтересованно. На втором курсе в составе учебного отряда курсант Игнатенко ходил на Филерские острова в Атлантику.

Занимался вольной борьбой, был вторым в своей весовой категории в училище. За силу и физическую выносливость товарищи дали Евгению прозвище Слон.

Но мечтам Евгения стать морским офицером не суждено было сбыться. В 1960 году Ленинградское военно-морское училище инженеров оружия расформировали, курсантов распределили в другие училища. Но Евгений Игнатенко отказался от дальнейшей учебы в военном училище и поступил в Технологический институт им. Д.И. Менделеева на физико-химический факультет. Может быть, причиной отказа от военной карьеры и следующего за этим неизбежного переезда в другой город стал случай, приключившийся с ним на вечере отдыха в общежитии Ленинградского института холодильной промышленности.

Накануне 8 марта курсанты пошли к девушкам на танцы в этот институт, и там Евгений познакомился с очаровательной девушкой Ниной. А когда училище расформировали, курсант Е.И. Игнатенко решил остаться в Ленинграде.

Осенью 1961 года Евгений и Нина поженились.

После завершения учебы в 1966 году Игнатенко направили на работу в Гатчину Ленинградской области в филиал Ленинградского института ядерной физики им. А.Ф. Иоффе (ЛИАФ) младшим научным сотрудником.

Вскоре его, как одного из перспективных молодых научных сотрудников, направили на работу в Женеву в Европейский институт ядерных исследований на самый современный в Европе ускоритель протонов. Работая на ускорителе, он открыл четыре изотопа: два осмия и два иридия.

В 1972 году филиал ЛИАФ был реорганизован в Ленинградский институт физико-технических исследований им Б.П. Константинова.

В 1972 году в семье Игнатенко родился третий ребенок, сын Владимир. Первенец, сын Александр родился в 1965 году, а дочь Наталья - в 1967-м.

Большая и дружная семья молодого ученого жила дружно и счастливо. Частые командировки главы семьи только укрепляли семейные узы. А возвращение папы из командировки было истинным счастьем и праздником для всей семьи.

В 1973 году Е.И. Игнатенко пригласили работать на Кольскую АЭС начальником физической лаборатории. В 1978 году его назначили заместителем главного инженера КАЭС по науке. Во время работы Игнатенко подготовил материалы на кандидатскую диссертацию.

С 1979 по 1986 год Е.И. Игнатенко работал начальником отдела, заместителем начальника, первым заместителем начальника производственного объединения «Союзатомэнерго». За эти годы он написал и защитил докторскую диссертацию.

26 апреля 1986 года в 3 часа ночи оперативный диспетчер «Союзэнергоатом» специальным кодом оповестил Евгения Ивановича об аварии на Чернобыльской АЭС. С 15.00 он уже работал в Чернобыле как представитель объединения и член Правительственной комиссии.

В производственном объединении Евгений Иванович отвечал за работу реакторов ВВР (водо-водяных реакторов), тем не менее, как ученый и специалист, в Чернобыле он принимал непосредственное участие в принятии решений по первоочередным и важным вопросам, возникавшим в критической ситуации на аварийном реакторе РБМК-1000.

Он был одним из соавторов предложения законсервировать развороченный взрывами реактор сверху с использованием вертолетов. Веществ, которые требовались для выполнения задачи «тампонирования», т.е. закупорки разлома реактора, нужно было очень много. Евгений Иванович был одним из тех ученых, которые предложили использовать в качестве нейтрализующего материала песок, которого на территории Чернобыльского района было в избытке.

Песок должен был по своим физико-химическим свойствам связывать или, по крайней мере, замедлять выход наиболее опасных радиоактивных изотопов: цезия, стронция, подгруппы циркония, урана, плутония и задерживать поступление аэрозолей этих элементов в атмосферу. Ученые считали, что в расплавленном виде песок сможет обволакивать частицы радиоактивного топлива, уменьшая их выход в окружающую среду.

Е.И. Игнатенко, как члена Правительственной комиссии, назначили куратором работы армейской авиации. По несколько раз в день летал он на осмотр действий вертолетчиков, на проверку точности сбросов нейтрализаторов. Подолгу «зависал» в вертолете над реактором в высокотемпературном потоке радионуклидов, в облаках радиоактивной пыли, рассматривая результаты попаданий в ядерное жерло.

Когда он увидел собственными глазами, что сбрасываемые поглотители в развал 4-го блока не попадают, вместе с генералом Н.Т. Антошкиным принял ряд мер для повышения точности сбросов.

Совместно с первым заместителем министра среднего машиностроения А.Г. Мешковым, первым заместителем председателя

Госатомэнергонадзора В.А. Сидоренко, первым заместителем директора Института ядерных исследований В.А. Легасовым, другими известными учеными Игнатенко принимал участие в разработке и реализации мер по локализации и ликвидации последствий катастрофы. Как ученый, он участвовал в выработке и принятии решений по самым важным и сложным техническим вопросам ликвидации последствий катастрофы.

Состав Правительственной комиссии сменялся через две недели, одного заместителя Председателя Совета Министров сменял другой, одного ученого заменял другой, только Евгения Ивановича Игнатенко никто не менял. Про него, то ли в шутку, то ли в серьез, говорили: «Он бессмертен». В то время среди членов Правительственной комиссии начались инфаркты и всех отправили на медкомиссию, после которой, естественно, прервали их пребывание в Чернобыле. Но Игнатенко опять оставили. Всевластный Б.Е. Щербина объяснил все просто:

- Я не вижу, кем тебя заменить, а потому остаешься. Или кого-то можешь предложить вместо себя?

Игнатенко не мог никого предложить вместо себя. Не потому, что считал себя незаменимым, а потому, что не имел морального права распоряжаться жизнями других. А его здоровьем распоряжались другие, потому что знали - Игнатенко не сможет отказать.

16 июня 1986 года Е.И. Игнатенко, получившего большую дозу радиации, измотанного недосыпанием, высокими нервными и физическими нагрузками, откомандировали на отдых и лечение в Москву.

В сентябре 1986 года Е.И. Игнатенко во второй раз направили на Чернобыльскую АЭС для участия в выполнении работ по ликвидации последствий катастрофы.

2 октября 1986 года вышло **Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР №1181-328 «Вопросы организации управления работами по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС».**

Центральный Комитет и Совет Министров СССР постановляют:

...

3. В целях обеспечения единого руководства работами, проводимыми на Чернобыльской АЭС, Министерству атомной энергетики и электрификации СССР образовать до 1 ноября 1986 года производственное объединение (Комбинат) со специальным аппаратом управления (с местоположением в районе Чернобыльской АЭС), возложив на него функции заказчика по выполнению работ на

объектах производственного и непроизводственного назначения Чернобыльской АЭС, по сооружению вахтового поселка «Зеленый мыс» в Киевской области нового города для работников этой электростанции, а также обеспечению содержания законсервированных объектов города Припяти.

Производственное объединение (Комбинат) осуществляет координацию работ, выполняемых организациями различных министерств и ведомств, на промышленной площадке Чернобыльской АЭС.

Включить в состав указанного объединения (Комбината) Чернобыльскую АЭС в качестве самостоятельного предприятия, главной задачей которого является обеспечение надежной и безопасной эксплуатации этой атомной электростанции.

Разработать и утвердить до 15 октября 1986 г. структуру и положение об этом объединении (Комбинате). По вопросам, требующим решения Правительства СССР, представить предложения в Совет Министров СССР».

Осенью 1987 года в Чернобыль приехал Герой Советского Союза генерал-майор авиации Н.Т. Антошкин. Игнатенко и Антошкин вместе пережили немало трудных и опасных минут при выполнении задания Правительственной комиссии по засыпке взорвавшегося реактора.

22 октября 1987 года начало работать производственное объединение «Комбинат». Е.И. Игнатенко приступил к исполнению обязанностей генерального директора этого объединения.

На этом посту Е. И.Игнатенко с присущей ему энергией и инициативой занимался организацией и координацией работ по ликвидации последствий катастрофы всех предприятий, организаций и воинских частей, занятых в зоне отчуждения.

Штаб ПО «Комбинат» размещался в Припяти. Евгений Иванович очень требовательно относился к обеспечению радиационного контроля своих подчиненных, которые, кстати сказать, регулярно менялись. Один Игнатенко по прежнему не заменялся.

Перед сотрудниками «Комбината» стояли большие и ответственные задачи: снизить во что бы то ни стало радиоактивную загрязненность Припяти, территории Чернобыльской АЭС и прилегающих окрестностей.

Ритм и темп всех работ задавали ПО «Комбинат» и Правительственная комиссия, а объем работ был, без преувеличения сказать, гигантский. Приходилось решать, причем без права на ошибку, многие

технические проблемы и вопросы, связанные с человеческим фактором. Так как основной движущей силой были люди, техника не выдерживала и ломалась. Люди выдерживали, но это было так только потому, что их берегли.

**На рекогносцировке местности перед захоронением «Рыжего леса».
В первом ряду крайний слева - Б.Б. Щербина. Во втором ряду
крайний слева Е.И. Игнатенко. Февраль 1987 г.**

Постоянно проводились научные исследования, измерения, определялись наиболее загрязненные места. Радиоактивная загрязненность территорий постоянно изменялась, не везде и не всегда в сторону уменьшения. Радионуклиды, переносимые ветрами, мигрировали по всей территории зоны отчуждения. Партия и Правительство ставили задачи войскам по очистке населенных пунктов и возвращению в них эвакуированных жителей. Работа проводилась интенсивно и напряженно, многие удивлялись: откуда у Евгения Ивановича берутся силы? Как он мог выдерживать напряженный накал в течение такого длительного времени? На это он ответил: «Есть такое понятие - нужность. Я чувствую себя здесь нужным. Это самое лучшее лекарство».

Усталость, нервное напряжение, радиация - вот негативные факторы, которые могли свалить с ног любого человека. Любого, кого угодно, но только не Игнатенко. Но как бы ни был могуч и силен человек, когда-то всему приходит конец.

31 марта 1988 года Евгений Иванович Игнатенко (согласно записи в трудовой книжке) «...уволен в порядке перевода в Центральный аппарат Минэнерго СССР».

Евгений Иванович одним из первых убыл в Чернобыль и возвратился почти через два года.

Евгений Иванович Игнатенко внес огромный вклад в дело ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, из всех участников ликвидации дольше Евгения Ивановича Игнатенко никто не работал непрерывно.

С 1 апреля 1988 года Е.И. Игнатенко работал начальником Государственного научно-технического и проектно-конструкторского управления Минатомэнерго СССР.

С 20 февраля 1990 года он работал заместителем директора института «Атомэнергопроект».

С 14 января 1991 года Игнатенко назначен на должность начальника управления по информации и связям с общественностью.

С апреля 1992-го по 1997 год Игнатенко работал вице-президентом, руководителем исполнительной дирекции концерна «Росэнергоатом».

С 5 января 1993 года Евгений Иванович назначен первым вице-президентом концерна.

С 1 января 1997 года Е.И. Игнатенко приступил к исполнению обязанностей генерального директора концерна «Росэнергоатом».

В это время в Министерстве атомной энергии РФ шла напряженная работа по подготовке к приватизации объектов ядерной энергетики и передаче их в сферу частного бизнеса. Евгений Иванович был категорическим противником приватизации, считая, что ядерная энергетика должна принадлежать только государству. Министр Адамов, лоббируя приватизацию, устроил откровенную травлю на гендиректора концерна Е.И. Игнатенко. Просто снять его с должности было невозможно, слишком велик был его авторитет в научном и производственном секторе ядерной энергетики. Его имя было известно и пользовалось большой популярностью и в России, и за рубежом. Поэтому министр создал совершенно невыносимые условия для работы Игнатенко и требовал от него, чтобы тот написал заявление об уходе с работы по собственному желанию.

Евгения Ивановича Игнатенко хорошо знают атомщики. И дело вовсе не в должностях, которые он занимал, не в званиях и наградах, которые успел заслужить и получить, а в его взглядах на судьбу атомной энергетики и, наконец, его умении работать и принимать решения.

Все, знавшие Евгения Ивановича, делятся на две части. Для одних он - символ надежности, четкости, преданности профессии, бескомпромиссности и честности. Для других - опасный и умный противник, с которым спорить невозможно: слишком информирован, да к тому же очень жесткий человек, который бывает предельно резок, подчас даже оскорбительно прямолинеен.

В октябре 1998 года в Россию поступило сообщение от МАГАТЭ: «Европейское ядерное общество назначает трех новых почетных членов: Пьера Бахера, Ганса Бликса, Евгения Игнатенко»

Почетные члены Европейского ядерного общества. Слева направо: Пьер Бахер, Ганс Бликс, Евгений Игнатенко. 1998 г.

Е.И. Игнатенко одновременно с выдающимся европейским ученым и бессменным в течение 16 лет генеральным директором МАГАТЭ Г. Бликсом избрали почетным членом Европейского ядерного общества. Евгений Иванович с большим уважением относился к Гансу Бликсу и считал его светилом мировой величины в ядерной энергетике. И вот в Брюсселе на церемонии вручения дипломов почетного члена Европейского ядерного общества он стоял рядом с ним!

В решении о назначении новых почетных членов ядерного общества сообщалось: *«Евгений Игнатенко, директор концерна «Росэнергоатом», внес значительный вклад в совершенствование технологии реакторов ВВЭР и повышении их эффективности. Он организовал ликвидацию последствий аварии на Чернобыльской АЭС и описал свою работу в книге «Записки ликвидатора». Он разработал*

комплексную программу по информированию общественности об атомной энергетике».

Международное признание авторитета Е.И. Игнатенко привело в бешенство министра атомной энергетики Адамова. Он приказал всем службам и контрольным органам проверить финансовую и хозяйственную деятельность концерна. Проверяющим ставилась конкретная задача: найти компромат, нарушения, злоупотребления и прочее, за что можно было снять руководителя с должности. Но, увы. Комиссии ничего противозаконного в деятельности генерального директора не обнаружила. Это вызвало очередную волну гонений и дискриминации доброго имени Игнатенко: его обвиняли во всем плохом, что случалось или только могло произойти в ведомстве. Это был самый трудный период жизни Евгения Ивановича.

В 1998 году издательство «Энергоатомиздат» выпустило книгу Евгения Ивановича Игнатенко «В год Тигра под кометой Галлея», книга 1 «Трудный май». В этой работе Евгений Иванович переработал и расширил материал, опубликованный в книге «Записки ликвидатора». В книге проведен серьезный научно-технический анализ обстановки, сложившейся на Чернобыльской АЭС и в зоне катастрофы в первые часы, дни после взрыва 4-го блока, давался обзор мероприятий, выполняемых в первый период ликвидации последствий катастрофы. До сих пор нет более подробного, объективного научно-популярного произведения о локализации катастрофы и ликвидации ее последствий.

Доктор технических наук Е.И. Игнатенко написал и вторую часть книги. Но, к сожалению, эти рукописи бесследно пропали.

12 октября 1998 года Евгений Иванович, не выдержав давления, все-таки написал заявление об уходе с поста генерального директора концерна «Росэнергоатом». Он был назначен вице-президентом концерна, тем не менее преследования продолжались. Но больше всего его угнетало бездействие, ему не ставили задач, не давали поручений, его просто не замечали. Это нужно было пережить.

В конце 2000 года руководство Минатома пришло к выводу, что отрасль находится в критическом состоянии. Строящаяся Ростовская АЭС разворована, приближался срок ее пуска в эксплуатацию, но состояние дел на объекте было плачевным. Требовался незаурядный человек, который смог бы героическими усилиями наладить дело и пустить объект в назначенный срок. И такого человека нашли - им стал Е.И. Игнатенко. Ему поручили подготовить к пуску 1-й энергоблок Ростовской АЭС. Евгений Иванович выполнил эту непростую задачу.

В это время министра Адамова сняли с должности. В мае 2001 года новый министр ядерной энергетики Румянцев вызвал Евгения Ивановича и сказал: «Принимай концерн. Приказ готов. В должность вступишь с... но прежде сдай дела по Калининской АЭС».

13 мая Евгений Иванович выехал на Калининскую АЭС для передачи ее приемнику. В пути случилась автокатастрофа: лопнуло колесо автомобиля, в котором ехал Е.И. Игнатенко. По роковому стечению обстоятельств пострадал только он. Евгений Иванович Игнатенко умер в НИИ скорой помощи им. Склифосовского.

Евгений Иванович Игнатенко. Одна из последних фотографий

В памяти родных и близких Евгений Иванович сохранился как мудрый, сильный, мужественный и достойный человек.

«Приятно чувствовать за собой большое дело, - говорил он. - Это чувство появилось у меня еще в молодые годы, когда я работал в Красноярске монтажником. Приходишь в чистое поле, а потом там появляется вышка. Приятно чувствовать себя созидателем. Посадил дерево или построил дом, или атомный блок пустил. Я для себя установил: конечно, открыть изотоп тоже приятно, но всегда поражает впечатление большое сооружение - этакая машина. Изотоп все-таки очень маленький. Наверное, поэтому я и ушел из науки в энергетику. Меня всегда тянуло к большим делам».

**Митинг в средней школе имени Е.И. Игнатенко в селе Новый Егорлык
Сальского района Ростовской области. 2010 г.**

Лялич Василий Михайлович

Родился 2 марта 1940 года в Апшеронске Краснодарского края в рабочей семье. Его отец Михаил Игнатьевич работал в пекарне, мама Дарья Епифановна была домохозяйкой. В семье росло 3 детей: старший - брат Алексей, сестра Лидия и Василий - младший.

В 1957 году Василий окончил среднюю школу №15 Апшеронска. После школы работал путевым рабочим в Челябинске, учеником столяра и столяром в Апшеронске. Осенью 1959 года Василия Лялича призвали на действительную срочную службу в ряды Советской Армии. Служил в Закавказском военном округе в полку особого назначения радистом-радиоперехватчиком.

Рядовой В.М. Лялич старательно выполнял воинский долг. По результатам боевой и политической подготовки через год службы он стал отличником Советской Армии и классным специалистом 3-го класса. Принимал активное участие в спортивно-массовой работе подразделения и части, был спортсменом 2-го разряда. Имел поощрения от командования. За высокие показатели в боевой и политической подготовке заслужил краткосрочный отпуск с выездом на родину.

Службу в армии, как школу мужества, рядовой Василий Лялич прошел достойно, как подобает человеку мужественному и целеустремленному.

В августе 1962 года за успехи в службе за три месяца до увольнения в запас в виде поощрения рядовому В.М. Ляличу разрешили сдать вступительные экзамены и поступить в Московский лесотехнический институт на факультет механической обработки древесины.

На факультете была военная кафедра, на которой готовили офицеров запаса для Военно-Воздушных Сил по специальности «штурман дальней бомбардировочной авиации». Готовили и специалистов аэродромно-технической службы.

Офицеры, призванные на службу на два года. Лейтенант В. Лялич второй слева. Калининский гарнизон ПрикВО. 1969 г.

Рядовой В.М. Лялич. Тбилиси. 1961 год

Василий Михайлович Лялич, прошедший армейскую службу и получивший военную закалку, был зачислен в отделение подготовки штурманов. С первых занятий он увлеченно осваивал специальность военного летчика. Уже тогда он понял, что авиация станет его судьбой.

В 1967 году В.М. Лялич окончил институт и получил диплом «Инженер механической обработки древесины» и воинское звание «Лейтенант ВВС запаса».

В 1968 году Василия Михайловича Лялича, как офицера запаса, призвали на действительную службу в ВВС МО СССР и направили в вертолетный полк в Прикарпатский военный округ, где его назначили штурманом в экипаж вертолета Ми-6.

Офицеры и командование части тепло и по-дружески приняли молодого авиатора в свой коллектив. Вскоре началась летная подготовка экипажа. В программу обучения входило выполнение таких упражнений, как:

- полеты по намеченному маршруту в обычных и сложных метеорологических условиях;
- визуальное ориентирование по местным предметам;
- расчет времени полета и точность пролета по времени и координатам поворотных пунктов;
- поиск радиомаяков с точностью выхода на них по времени;

- огневая подготовка с выполнением упражнений учебных стрельб из курсового пулемета, установленного в штурманской кабине.

Офицеры, призванные на службу на два года. Лейтенант В. Лялич второй слева. Калининский гарнизон ПрикВО. 1969 г.

Большая часть учебного времени уходила на работу по карте, предварительное изучение полетного задания и нанесение маршрута полета на карту. В обязанности штурмана входило тщательное изучение маршрута полета, запоминание его во всех деталях, поворотных пунктах, характерных ориентирах. Кроме того, требовалось произвести расчет времени полета по участкам и в целом, расчет необходимого топлива.

Штурман был готов к полету, если мог на память нарисовать маршрут летного задания на чистом листе бумаги и полностью повторить его во всех элементах. Особое внимание уделялось запоминанию основных ориентиров, запасных аэродромов, их позывных, радиочастот, курса полета и захода на цели и на посадку.

Наземная подготовка проходила под руководством командира звена, а готовность к полету проверял командир эскадрильи. Навсегда в памяти В.М. Лялича остались добрые воспоминания о службе под командованием командира экипажа капитана Николая Васильевича Филиппова, командира звена Владимира Гришина, командира эскадрильи майора Рудого.

После отработки заданий дневных полетов начинали подготовку к ночным полетам. Допуск на полеты в сложных метеоусловиях и ночью получали командир экипажа, второй пилот и штурман. Если кто-нибудь из экипажа допуск не получал, экипаж к выполнению полетного задания не допускался.

Дружеские отношения членов экипажа на земле, в воздухе превращались в четкие и слаженные действия, немногословные распоряжения и команды. Иначе четкие действия экипажа боевой винтокрылой машины были бы невозможными.

Лейтенант авиации В.М. Лялич успешно выполнил свой долг. В 1970 году за успехи в боевой и политической подготовке, безупречное выполнение служебных обязанностей его наградили медалью «За воинскую доблесть в ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина». Этой медалью награждали немногих, только тех, кто своим отношением к службе, в повседневной армейской жизни являлся примером для всех военнослужащих. В этом же году лейтенанта В. Лялича приняли кандидатом в члены КПСС.

В 1971 году перед увольнением в запас В.М. Ляличу присвоили очередное воинское звание старший лейтенант. Командование части приложило немало усилий, уговаривая его продолжить службу в армии. Но Василий был непреклонен в своем желании посвятить жизнь гражданской авиации.

Возвратившись домой Василий Михайлович поступил на работу в Мячковский объединенный авиаотряд Управления гражданской авиации центральных районов, Арктики и Антарктиды на должность штурмана вертолета Ми-8.

Непростым оказался путь старшего лейтенанта ВВС В.М. Лялича в гражданскую авиацию. Ему, инженеру и офицеру, пришлось почти полгода работать простым аэродромным рабочим, но он преодолел эти препятствия на пути к заветной цели - стать полярным летчиком. В июле 1971 года он получил назначение на должность штурмана вертолета Ми-6.

Авиаторы-мячковцы работали на территории Советского Союза и в других регионах, начиная от северных широт до Арктики, выполняли аэрофотосъемку, работали в районах Крайнего Севера и Сибири (Тюмень, Сургут, Уренгой, Надым, Газ-Сале, Салехард и др.), летали в районах Антарктиды. В.М. Лялич принимал участие в ведении радиационной разведки в районах атомных электростанций. Принимал участие в работе 24-й, 26-й, 27-й, 29-й и 30-й советских антарктических экспедиций (САЭ).

**На пути в Антарктиду. Штурманы В.В. Малахов и В.М. Лялич.
Атлантический океан. 1978 г.**

Экспедиции доставлялись в Антарктиду на научно-исследовательских кораблях. Часто это было научно-исследовательское судно «Михаил Сомов», на котором кроме техники и оборудования размещались самолеты и вертолеты авиаотряда в частично разобранном виде.

Обычно в состав авиаотряда входило четыре вертолета Ми-8, два самолета Ан-2, два самолета Ил-14. В ходе работы в антарктической экспедиции два вертолета базировались на корабле, а два на материке.

В Антарктиде самолеты дислоцировались на аэродроме материковой арктической станции «Дружная», вертолеты - на материке и на научно-исследовательских кораблях в зависимости от выполняемых задач.

В 24-й, 27-й, 30-й экспедициях В.М. Лялич работал на вертолетах, которые находились на научно-исследовательском судне «Михаил Сомов», в 26-й и 29-й - на вертолетах, базировавшихся на материке, на станции «Дружная».

На задание летчики самолетов и вертолетов вылетали парами, подстраховывая друг друга. Если один борт был неисправен, то другой тоже не вылетал. В одиночку не летали. Вертолетчики, в частности, выполняли следующие работы:

- доставка членов экспедиций на работающие станции и вывоз отзимовавших сотрудников на корабль;
 - перевозка грузов с корабля на станцию и обратно.
- Осуществляли и другие виды деятельности, возникающие в ходе работы экспедиции. Полеты в условиях южного материка относились к

категории повышенной сложности. Так как они проводились в сложных метеоусловиях, при быстроменяющихся состояниях атмосферы. Внезапно налетающие шквальные ветры приносили мощные снежные заряды, сменявшие отличную видимость на нулевую. Солнечная и ясная погода очень быстро сменялась снегопадами и сплошной облачностью.

Местность в районах Антарктиды является безориентировочной, так как представляет собой сплошную белую пустыню. Это создавало определенные трудности и сложности в полете.

Магнитный компас работал с перебоями. В полете, если была ясная погода, в основном пользовались астрономическим компасом.

Иногда в экспедиции складывались такие сложные метеорологические условия, что совершить посадку ни на корабль, ни на материк не представлялось возможным. Тогда садились на какой-нибудь видимый айсберг, на котором пережидали непогоду.

В 24-й антарктической экспедиции экипажу, штурманом которого был В.М. Лялич, поставили задачу вывезти на материк метеостанцию, работавшую в автоматическом режиме на точке «Купол Заводовского».

Расстояние от базы до указанной объекта составляло 275 км. Единственным ориентиром на маршруте полета была гора. Видимая при ясной погоде на сотни километров, в этот раз она оказалась полностью окутанной туманом. Оказавшись без видимого ориентира, командир экипажа О.И. Федоров обратился к штурману: «Что будем делать, Василий Михайлович?» Вариантов было два: продолжать полет или возвратиться на базу. Лялич предложил командиру продолжить полет, ориентируясь на курс и расчетное время полета.

Когда по расчетам оказались на искомой точке, штурман предложил командиру снижаться, контролируя высоту корабля по радиовысотомеру. Ему приходилось периодически докладывать командиру высоту полета. В 15-20 м от поверхности увидели заструбы метеостанции.

Посадку совершили удачно. Бортмеханик выскочил наружу и проверил прочность снежного покрова под колесами вертолета. Только после этого выключили двигатели. Метеостанция пятиметровой высоты выступала из заснеженной поверхности антенной с флюгером всего лишь на один метр. Летчикам пришлось откапывать метеостанцию.

Снег в Антарктиде очень плотный. Лопата его не брала. Пришлось снежный покров распиливать ножовкой на кубики, а затем их извлекать. Для того чтобы полностью освободить объект от снега, пришлось копать колодец глубиной 5 м. Затем станцию зацепили тросом и вытащили

вертолетом на внешней подвеске. Извлеченную аппаратуру доставили на станцию «Мирный».

В 1984 году в 29-й САЭ вертолеты базировались на материке и обслуживали станцию «Дружная».

Однажды пришлось разыскать в снежной пустыне и доставить на станцию жилой балок, находящийся в 350 км от станции. Для вертолета Ми-8 это расстояние соответствовало максимальной дальности полета без дозаправки.

Ранее эту задачу ставили летчикам самолета Ан-2. Два дня вели они поиски затерянного домика, но не нашли. Тогда начальник станции Иванов обратился за помощью к вертолетчикам. Командир экипажа Б.А. Стебленко согласился выполнить эту задачу.

К предстоящему полету готовились очень тщательно: разработали план, провели подготовительные расчеты, продумали все элементы полета и действия каждого члена экипажа до мелочей. Командир уточнил задачу и предупредил штурмана, что горючего хватит только на полет к назначенной точке и обратно. На поисковые действия топлива не было. Высоту полета решили определить в полете в зависимости от направления, скорости ветра и видимости. За час раньше вертолетчиков на поиск вылетел самолет Ан-2 с командиром авиаотряда В.И. Головановым на борту.

Разгрузка корабля «Михаил Сомов», находящегося в ледовом плену, из люка трюма с помощью внешней подвески вертолета Ми-8. Антарктида. Январь, 1986 г.

Штурман В. Лялич рассчитал маршрут и азимут полета, время в пути и прибытия на заданную точку. От точности его расчетов зависело не только выполнение задачи, но и жизнь экипажа. Еще и еще раз перепроверил и уточнил координаты полетной трассы.

Погода в тот день была ясная, солнечная, в небе ни облачка. Весь полет прошел в штатном режиме. За 10 минут до расчетного времени прибытия в заданный квадрат командир приказал членам экипажа наблюдать за поверхностью чтобы обнаружить балок. Для увеличения площади охвата обзора вертолет поднялся на высоту 1000 м. За минуту до прибытия в заданный район бортмеханик увидел балок, совершили посадку, связались с экипажем самолета Ан-2 и сообщили ему квадрат обнаруженного объекта.

С прилетевшими летчиками вместе разобрали балок и загрузили его по частям в самолет и вертолет. Грузенные борта взлетели, совершили перелет и возвратились на базу без происшествий.

На базе их встретил начальник станции и сердечно поблагодарил за проделанную работу.

Штурман Лялич с благодарностью вспоминает геологов, которые, работая вместе с ними на зимовье, всегда предельно точно указывали на карте координаты искомых объектов.

Были в экипаже их вертолета в 29-й САЭ и неудачные полеты. Так, в этой экспедиции с научно-исследовательского судна «Михаил Сомов» разгрузили бочки с авиационным топливом за 200 км от станции «Дружная». Командир авиаотряда Евгений Дмитриевич Кравченко поставил экипажу задачу: найти и обозначить на карте местонахождение топлива.

Погода в день полета была на пределе. Решили лететь вдоль берега. Но в Антарктиде берег не имеет постоянных очертаний и его кромка постоянно изменяется из-за откалывания айсбергов. Так что при ориентации по береговой линии расстояние полета практически увеличивалось в несколько раз. Поэтому до намеченного района в этот раз экипаж долететь не смог. Возвратились ни с чем.

Е.Д. Кравченко провел разбор полета и отметил, что вертолетчики недостаточно хорошо подготовились к нему. На другой день им пришлось повторно выполнять это задание. Теперь штурман проложил на карте курс в виде прямой линии от базы до предполагаемой точки. Погода была прекрасная, и экипаж без особого труда выполнил задание.

«Хочу сказать слова благодарности Евгению Дмитриевичу Кравченко, - говорит Василий Михайлович Лялич, - он имел большой опыт работы в Арктике и Антарктиде. Евгений Дмитриевич является

одним из сильнейших полярных летчиков планеты. Его общий налет в Арктике и Антарктиде составляет около 17 000 часов. Он был участником 13 высокоширотных экспедиций в СССР и 13 советских антарктических экспедиций. По этому показателю с ним не может сравниться ни один летчик в мире.

С Евгением Кравченко я отработал в трех САЭ и многому у него научился. В 2006 году в печати вышла книга, написанная им и Василием Карпий «С Антарктидой только на «Вы». Эта книга долго будет служить пособием для тех, кто посвятит себя работе в Антарктиде». /58/

На южный полюс обычно выходили из Ленинграда осенью (октябрь - начало ноября). Если с выходом задерживались, то появлялся риск не успеть выполнить заданную работу.

С 30 экспедицией случилось именно так. Научно-исследовательское судно «Михаил Сомов» отчалил от пристани Ленинграда только во второй половине ноября. Время движения в Антарктиду обычно составляло 40-45 суток. По пути обычно заходили в порты Лас-Пальмас или Санта-Круз-де-Тенерифе (Канарские острова), Конго, ЮАР, Новой Зеландии или Австралии. Стоянки в портах были 3-4 дня, где пополняли запасы воды, продуктов, топлива. Поэтому удобное время прибытия в Антарктиду было упущено. При обеспечении станции «Русская» научно-исследовательское судно «Михаил Сомов» попал в ледовой плен, в котором находился 133 дня. На корабле базировался вертолет Ми-8 с экипажем: командир В.М. Золото, второй пилот В.И. Школин, штурман В.М. Лялич, бортмеханик Г.П. Брызгалов, бортрадист А. Горлов, командир звена О.И. Федоров, а также бригада технического обслуживания: Д.С. Тухторов, Ю.Н. Голубинцев, Е.В. Ершов.

Антарктида. 24-я советская антарктическая экспедиция. Разговор с пингвинами. 1978 г.

По решению правительства страны начальником спасательной экспедиции назначили Артура Николаевича Чилингарова. Экспедиция, которую подготовили на ледоколе «Владивосток», смогла выйти в море только через два месяца. На ледоколе был вертолет Ми-8, командиром экипажа которого назначили Б.В. Лялина, штурманом А.И. Миненко, бортрадистом Ю. Хитрова.

Ледокол очень тяжело переносит штормовые широты, поэтому помощь шла довольно долго.

Зимой в Антарктиде сплошная ночь. Вокруг зажато льдами «Сомова» постоянно раздавался треск и шум движущихся льдов. К кораблю очень близко подходили айсберги, которые могли раздавить корабль как скорлупу грецкого ореха. В самый критический момент, когда опасность была особенно велика, с палубы судна на лед выставили жилой балок, для того чтобы, если корабль раздавит льдами и он начнет тонуть, высадить людей на льдину. Но лед между кораблем и балком треснул, и льдину с подготовленным жилищем стало относить в сторону. Вскоре он пропал из виду.

На дрейфующий корабль «Михаил Сомов» от правительства и родственников постоянно поступали телеграммы со словами поддержки. Никто из дрейфующих не сомневался, что помощь придет. Между приближающимся ледоколом и «Михаилом Сомовым» постоянно осуществлялись сеансы радиосвязи, в которых идущие на помощь информировали о расстоянии до них, своих координатах и скорости движения, постоянно уточняли время встречи, поэтому «сомовцы» знали дату встречи со своими спасателями.

За два дня до предполагаемой встречи с «Владивостоком» к дрейфующим прилетел вертолет. Для его посадки подготовили площадку, но свидание было недолгим - сложные метеоусловия антарктической ночи никому не позволяли расслабиться. Вертолетчики сообщили, что ледокол уже совсем близко, в 100 км от них, но полной уверенности в благополучном прохождении через льды и удачном завершении экспедиции у них не было.

К счастью, все закончилось благополучно. Через два дня полярники увидели на горизонте зарево - это на приближающемся ледоколе включили все освещение, чтобы их увидели пленники льда и антарктической ночи.

Экипаж вертолета с «Владивостока» выполнял очень сложную и опасную работу. Он постоянно находился в воздухе перед носовой частью ледокола и давал указания по корректировке курса его движения

по наибольшим трещинам во льдах. Приблизившись к «Михаилу Сомову», ледокол проторил канал и позволил ему выйти из плена.

Из этой экспедиции возвратились весной 1986 года.

За участие в спасательной экспедиции группу полярников наградили высокими правительственными наградами, в том числе трем присвоили звание Героя Советского Союза. Героями стали начальник спасательной экспедиции А.Н. Чилингаров, командир «Михаила Сомова» В.Ф. Родченко и командир экипажа вертолета Ми-8, базировавшегося на ледоколе, Б.В. Лялин. Штурмана вертолета, находившегося на «Михаиле Сомове» В.М. Лялича наградили орденом Трудового Красного Знамени.

**Летчик-космонавт дважды Герой Советского Союза генерал-майор авиации П. Попович (в середине) поздравляет летчиков-полярников с получением высоких государственных наград. В.М. Лялич в первом ряду второй справа. Министерство гражданской авиации СССР.
Март 1986 г.**

26 апреля взорвался 4-й блок Чернобыльской АЭС, и вертолетчиков Мячковского отряда без положенного после возвращения из трудной и длительной экспедиции отдыха и лечения направили в Чернобыль.

Первым в зону бедствия убыл экипаж вертолета во главе с командиром экипажа В.Н. Маленченко

8 мая 1986 года в Чернобыль в срочном порядке убыл экипаж Ми-8 в составе: командир экипажа СИ. Маслов, второй пилот В. Седыченко, штурман В.М. Лялич, бортмеханик А. Синицин.

9 мая экипаж приступил к ведению радиационной разведки. Аналогичную работу вертолетчикам приходилось выполнять и раньше, поэтому радиационная разведка была для них делом привычным.

В Чернобыле пришлось работать с сотрудниками Обнинского экспериментального метеорологического института НПО «Тайфун» Госкомгидромета СССР. Метеорологи занимались выявлением и учетом радиационной обстановки в приземных слоях атмосферы, (25-100 м), используя самое современное (по тем временам) оборудование и приборы.

Работали по площадям и по высотам, приходилось летать над Киевским водохранилищем и всеми реками Украины и Белоруссии.

Часто приходилось вести разведку и брать пробы грунта непосредственно у Чернобыльской АЭС. Перед каждым полетом 4-х операторов-метеорологов записывали в летное задание, и они фактически являлись членами экипажа. Когда требовалось сделать забор грунта, совершали посадку и бортовой техник со штурманом помогали операторам выносить специальное оборудование и приборы. Поскольку находились на зараженной местности, действовать нужно было слажено и быстро. В указанном месте совершали посадку и выносили заборник, который представлял собой трубу 10-15 см диаметром и столько же высотой. С одной стороны труба была заварена, а с другой свободной. Ее нужно было забить кувалдой в землю, а затем вытащить с грунтом.

Второй оператор в это время измерял уровень радиации в месте забора, третий снимал показания с самописцев, установленных на борту вертолета. И, самое главное, это надо было сделать все быстро и чисто. Чем дольше вертолет находился на радиоактивной местности, тем большую дозу получал экипаж, тем сильнее загрязнялась одежда, обувь и внутренняя поверхность вертолета.

После взлета операторы упаковывали взятую пробу, как это требовалось по инструкции, и записывали координаты забора. Приходилось брать пробы и в безлюдных населенных пунктах 30-км зоны.

На борту вертолета был установлен прибор радиационной разведки ДП-64, максимальное значение шкалы прибора - 500 Р/ч. Но вертолетчики не включали его, «чтобы он не отвлекал их от выполнения основной задачи».

Дозиметрический контроль радиоактивного облучения летчиков в мае 1986 года не осуществлялся. Индивидуальных дозиметров у членов экипажа не было, дозу их облучения за полет определяли расчетным методом. Возвратившийся экипаж обследовали радиометром. У летчиков измеряли одежду, обувь, открытые участки тела.

П Р И К А З
КОМАНДИРА 305 ЛЕТНОГО ОТРЯДА

6 мая 1986 г.

№ II9

а/п Мячково

О направлении на полевые работы

Для производства аварийно-спасательных работ в районе Чернобыля, обслуживания института экспериментальной метеорологии, направить в Киев экипаж в составе:

Лялич Василий Михайлович - штурман

Срок с 07.05. по 22.05.1986 г.

Командир 305 летного отряда

А.К. Кошман

Выписка верна.

Начальник штаба 3 летного отряда

A handwritten signature in dark ink, appearing to be "В.И. Мешков".

В.И. Мешков

Приказ о направлении В.М. Лялича в Чернобыль

Значение максимальной величины умножали на время полета - так получалась доза за полет, которую летчикам не сообщали. Облучением они и сами не интересовались. Главное - выполнить полетное и правительственное задания.

Кроме того, опасность работы в Чернобыле состояла еще и в том, что у вертолетчиков не было никаких средств защиты!

Даже защиты органов дыхания, элементарных респираторов у них не было. А загрязненность внутренней поверхности вертолета была немалой: с каждым взлетом и посадкой на радиоактивную местность его загрязнение увеличивалось.

Перед вылетом на задание экипаж вертолета Ми-8. Слева направо: командир эскадрильи Б. Гюлумян, штурман В. Лялич, бортмеханик А. Синицин, второй пилот А. Седыченко, командир С. Маслов

От работающих винтов вертолета поднималась пыль, на выносимых во время работы приборах, одежде и обуви операторов и членов экипажа оставалась почва и пыль с радионуклидами.

После полета положенная в таких случаях смена одежды и санитарная обработка не производились: в чем летали, в том и находились в повседневной жизни, такова была реальность их работы.

Сейчас неизвестно, почему не использовались средства защиты экипажей. Может быть, потому, что отряд дислоцировался в аэропорту Киева Жуляны. В то время старались показать, что на Чернобыльской АЭС и прилегающих территориях ничего страшного не происходит.

А между тем доза облучения членов экипажа с каждым полетом увеличивалась. У летчиков появились характерные признаки радиоактивного облучения органов дыхания загрязненным воздухом: во рту появилось ощущение металлического привкуса, першило в горле, голос осип, глаза покраснели, позже у всех начался сухой лающий кашель.

Вертолетчики осознавали, что их здоровье в опасности, вместе с тем понимали, что правительственное задание (такая надпись стояла на каждом полетном документе) нужно выполнить: если они не сделают эту работу, то пришлют других.

На четвертый день во время полета штурман В.М. Лялич потерял сознание. Когда он пришел в себя, его вырвало. Это состояние объяснили отравлением в столовой и договорились никому ничего не рассказывать об этом.

Но после возвращения из полета началась проверка столовой. Значит, командиру отряда И.С. Макарову все же доложили о случившемся в полете. Только никто не знал тогда, что состояние штурмана было вызвано не отравлением, а получением большой дозы облучения. Потеря сознания и рвота - это реакция организма на облучение. Позднее ученые-медики установили, что рвота бывает у тех участников ликвидации, которые получили дозу облучения 100 и более рентген. Вместе с тем, количество поглощенной дозы облучения зависит от массы тела: чем она больше у человека, тем большая доза может быть опасной и даже смертельной. Но это будет установлено позже.

Учитывая сложность и неопределенность положения с активной зоной взорвавшегося реактора, тогда еще не знали, как будет развиваться обстановка на ЧАЭС дальше. Тогда еще существовало предположение, что в разрушенном реакторе может образоваться критическая масса и, как следствие, при облучении ее нейтронным потоком мог произойти ядерный взрыв с непредсказуемыми последствиями.

В Чернобыле каждый занимался своим делом: ученые вели исследования, авиаторы обеспечивали их работу, вели радиационную разведку, устанавливали датчики в активную зону, военные химики, военные инженеры и военнослужащие гражданской обороны удаляли и захоранивали в могильниках радиоактивные материалы. Участники ликвидации последствий не задумывались о последствиях своей работы. Делали то, что должны были делать.

В то время самым эффективным способом защиты была «защита временем». Командиры и начальники, руководившие действиями ликвидаторов, рассчитывали минимальное время нахождения людей на загрязненных участках, при котором вред от облучения был минимальным. Складывая полученные дозы каждого участника, определяли допустимо возможное время пребывания в районе ликвидации последствий.

У вертолетчиков было по-другому: им устанавливали период работы и, исходя из срока работ, планировали разовые дозы облучения. Так для вертолетчиков гражданской авиации санитарные нормы были следующие: ежедневно в радиоактивной зоне работать не более 7 ч, в

неделю - не более 40, а за весь срок командировки - не более 80 ч. Превышать эти нормы категорически запрещалось.

К концу мая экипаж СИ. Маслова отработал установленную норму, т. е. 80 ч. Весь экипаж убыл на основную базу, но штурмана В.М. Лялича оставили для продолжения работ. Оказалось, что ему нет замены. В штаб отряда пришла телеграмма, в которой командир 305-го летного отряда А.К. Кошман сообщал, что штурману вертолета Ми-8 В.М. Ляличу командировка продлена на 20 летных часов.

Дождавшись прибытия следующего экипажа, Василий Михайлович Лялич продолжил свою работу. Давалось ему это нелегко: последствия облучения с каждым днем сказывались все сильнее, слабость, быстрая утомляемость, головные боли беспокоили его постоянно, голос охрип, он уже не говорил, а только хрипел, нарушился сон. С вечера утомленный он мгновенно засыпал, но ночью просыпался и больше не мог уснуть. А ему требовался здоровый сон не менее 8 ч!

26 мая у В.М. Лялича закончился срок командировки, и он убыл на базу. После возвращения домой состояние его здоровья еще более ухудшилось. Он ходил, шатаясь как пьяный, его часто рвало. Посторонние люди могли принять летчика за пьяного и сдать в медвытрезвитель. Поэтому в передвижениях по городу его сопровождал кто-то из близких или товарищей. Часто это была его жена Маргарита Григорьевна.

По всем медицинским канонам прибывшего из Чернобыля направляли на углубленное медицинское обследование, лечение и реабилитацию, однако ничего подобного с Ляlichem не произошло.

17 июня, т.е. через двадцать дней, его вновь отправили в Чернобыль. Из соображений достоинства Василий Михайлович не обратился к врачам с жалобой на неудовлетворительное состояние здоровья. Это могли понять превратно: его могли заподозрить в трусости, а этого он допустить не мог. К тому же в Чернобыль тогда бы вместо него послали другого штурмана. И это тоже не соответствовало его жизненным принципам.

На второй день работы в Чернобыле штурман Лялич почувствовал острую боль в глазах, зрение сильно ухудшилось. Вся командировка прошла в проблемах со здоровьем. Практически больной, В.М. Лялич отработал в небе Чернобыля десять дней и 70 летных часов, т.е. ежедневно он летал по 7 ч без выходных.

В третий раз в командировку в Чернобыль Лялич убыл 3 июля, отработал неделю и 50 часов. Возвратился 11 июля.

Четвертая командировка проходила с 29 июня по 6 июля 1987 года. В ней отработал 45 летных часов.

Пятая командировка была с 20 по 22 августа 1987 года, в ней он отработал 21 ч.

Шестая и седьмая командировки проходили 24 августа и 1 октября 1987 года, в них он отработал в целом 14 ч.

Всего в Чернобыле штурман Василий Михайлович Лялич отработал 300 летных часов. За активное участие в ликвидации последствий катастрофы он был награжден медалью «За трудовое отличие». Для того чтобы отработать такое количество часов в условиях радиации, нужно иметь богатырское здоровье, мужество и стойкость. Штурману В.М. Ляличу были присущи эти качества. В Мячковском объединенном авиаотряде летчиков, отработавших в условиях радиации 300 ч всего трое: это командир экипажа С.И. Маслов, штурманы В.М. Лялич и С. Каргин.

После чернобыльской эпопеи В. М. Лялич понял, что работать штурманом вертолета он уже не в состоянии. Тогда ему предложили должность штурмана эскадрильи. С этой должности в 1989 году он вышел на пенсию.

Казалось, на пенсии, в состоянии полной свободы, в отсутствии опасности можно было восстановить здоровье и отдохнуть от всего, что пришлось пережить. Но, к сожалению, ничего подобного не произошло. Оказавшись не у дел, Лялич не сумел найти себе места в обычной жизни. Поехал на свою родину, пожил там, вернулся в Москву. Начал проходить углубленное медицинское обследование. И тут судьба преподнесла ему очередной «сюрприз».

Медицинское обследование, проводимое в 3-м госпитале участников Великой Отечественной войны, показало, что у него поражение правой теменной части головного мозга, всех внутренних органов, почек и печени. Ему показано срочное оперативное вмешательство, иначе жить осталось не более... трех месяцев.

От операции Лялич отказался. Он нашел больницу им. Ганнушкина, в которой лечили лечебным голоданием. Опытные врачи взяли Василия Михайловича на лечение, но условия поставили очень жесткие: за жизнь нужно бороться, борьба эта будет непростой, не каждому по силам.

Долгие годы в непривычных для человека условиях шла борьба за жизнь отважного полярного летчика и чернобыльца Василия Михайловича Лялича. Тяжело было справиться с многочисленными болезнями. Не все получалось в начале лечения, был критический

период, когда Василий со всей очевидностью понял: жизнь кончилась, пора уходить. Он простился с друзьями, раздал им на память свои вещи.

Для того чтобы выздороветь, нужно было перечеркнуть всю прошлую жизнь и создать для себя новый мир, в котором все будет другим, не таким, как прежде. Только тогда были шансы на исцеление.

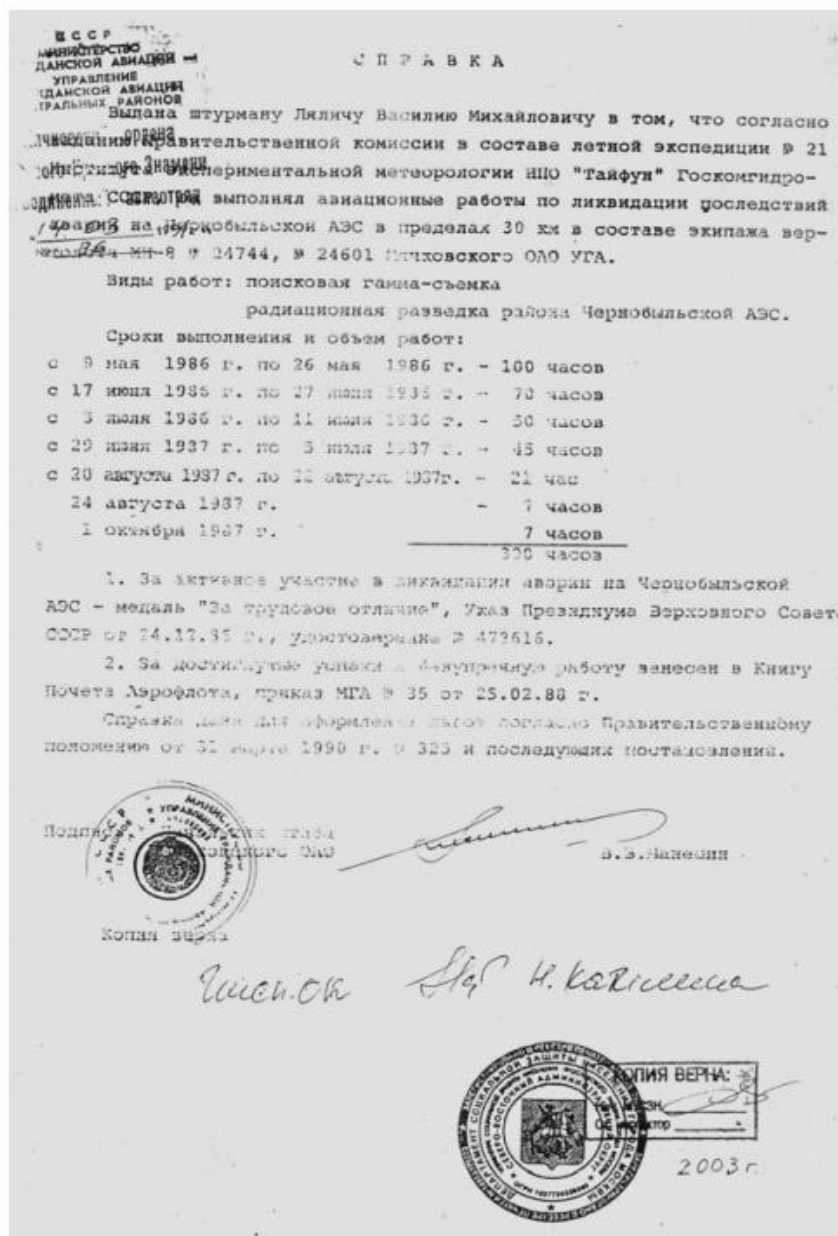
Путем невероятных интеллектуальных и психических усилий он сумел принять обозначенные врачами «рамки» жизни, бытовых условий, мировоззрения. Жесткая диета, постоянный контроль физиологических параметров организма, профилактические лечебные процедуры - и это далеко не все, что позволило ему сохранить свою жизнь, нисколько не отступая ни в моральных принципах, ни в нормах, ни в правилах.

Оказавшись на грани между жизнью и смертью, Василий Лялич не замкнулся в себе, не отгородился от внешнего мира. Кроме занятий оздоровительными методиками, неукоснительного соблюдения режима и выполнения медицинских назначений он начал принимать участие в общественной работе, оказывать помощь и поддержку черныбыльским инвалидам, находящимся в трудном положении.

Выживание в смертельных болезнях, выход из затруднительного положения, создавшегося в его личной жизни, были бы невозможны, если бы Лялич не смог осознать некую истину, особый критерий, понятный только ему. Он понял то, что было недоступно другим, живущим как все: жизнь человека - это величайшее благо, которое стоит слишком дорого, чтобы беспечно относиться к нему. Для того чтобы жить правильно и полноценно, нужно ценить жизнь, понимать и принимать ее в каждом проявлении, будь то благоденствие или страдание. Нужно быть сильным и постоянно бороться за жизнь, не расслабляясь и не теряя свое самообладание ни на мгновение.

«Из жизни уходят слабые или завершившие свой земной путь», - размышлял он, - Но ни к тем, ни к другим он себя не причислял. «А я буду жить!» - твердо решил человек, прошедший многие тяжелые испытания. Василий Михайлович строит планы на будущее, он полон энергии и оптимизма.

Для того чтобы жить, Василий Михайлович создал свою собственную теорию жизни, философию выживания и жизни, свою этику отношений, нормы и принципы. Он создал новую систему ценностей, новое бытие.

Справка об участии В.М. Лялича в работах в составе летной экспедиции в Чернобыле

Сейчас Василий Лялич старается жить по этой теории. Занимается общественной работой. Руководит чернобыльской общественной организацией Ярославского района Москвы.

Василий Михайлович гордится своей семьей. Его жена Маргарита Григорьевна преодолела с ним все испытания и невзгоды, выпавшие на их совместную жизнь.

У него две дочери. Старшая дочь Людмила Васильевна живет и работает в Москве. Младшая Татьяна - в Вене.

В семье Лялича растут две внучки и правнук.

РЕЙС 34159

ЗАДАНИЕ НА ПОЛЕТ № 76

ИЛ-8 № 24744

(для транспортных подразделений)

Командиру воздушного судна Сигидиненко Владимиру Семёновичу [виза]

3 авиаэскадрильи | 305 | летного отряда |

ИОАО объединённого авиаотряда УГАП управления ГА

Табельный номер	Код	Должность	Фамилия, и. о.
		Проверяющий	
4206		Штурман 3 АД	Лялич В.И.
4374		Второй пилот	Погодин А.В.
		Штурман	Картин С.Г.
4346		Бортинженер [б. механик]	Рычагов А.Б.
		Бортрадист	
		Ст. бортпроводник	
		Бортпроводник-оператор	Бабеев В.И.
		Бортпроводник	
		Бортпроводник	
		Бортпроводник	
		Бортпроводник	

Дата вылета 2 июля 19 87 г. Время вылета 09 ч. 00 мин.Цель полета [номер рейса, (учебно-тренировочного задания) Радиационная разведка по ликвидации последствий аварии Чернобыльской АЭС Вид полета Разновидность полетаМаршрут полета Киев-р/н Чернобыльской АЭС-радиус 100 км-холм
шевель-Гомель-радиус 100км-Чернигов-Киев-Брянск-Калуга-ИлчковоЭкипаж допущен к полетам по минимуму ОПВ, ОСП 150/1500/25Полетная масса допустима 12000 кг | | Служебный груз 100 кг | |Масса пустого ВС 7680 кг | | Центровка пустого ВС +114мм САХ | |

ИЗДЕЛИЯ ВЫДАТЬ

Начальник штаба ЛО

198 г. подпись, фамилия

ЭКИПАЖ К ПОЛЕТУ ПОДГОТОВЛЕН С АС 480 в м 33Командир авиаэскадрильи А. Петров 198 г. 7. подпись, фамилияКомандир летного отряда А. Кешман 198 г. 7. подпись, фамилия

Задание на полет

Маслов Сергей Иванович

Родился 17 октября 1947 года в Берлине в семье прославленного летчика-истребителя Героя Советского Союза Ивана Васильевича Маслова. Его отец начал войну, сражаясь в небе Ленинграда. В июле 1944 года ему присвоили звание Героя Советского Союза. К этому времени командир эскадрильи капитан И.В. Маслов лично сбил 18 вражеских самолетов и 5 в групповом бою.

Прошел всю войну. Последний вражеский самолет майор И.В. Маслов сбил 2 мая над Берлином. После войны Иван Васильевич продолжил службу в Военно-Воздушных Силах. В звании полковник уволен в запас, но с авиацией не расстался: испытывал первые вертолеты на фирме Миля и Камова. Служил шеф-пилотом правительственной вертолетной эскадрильи.

Сергей Маслов, детство которого прошло на военных аэродромах, так же как и отец решил посвятить свою жизнь авиации. Но он пошел в другую авиацию, в вертолетную. Вертолеты привлекали Сергея своей необычностью, мощностью и своеобразием. Парень всей душой «прикипел» к винтокрылым машинам, которым, как он предполагал, принадлежит будущее.

В 1967 году после окончания Московского станко-строительного техникума и 3-х месячного обучения в учебно-тренировочном отряде по специальности «Техник вертолета» Сергей Маслов поступил на работу в вертолетную авиацию техником.

В 1968 году в Западной Сибири произошла встреча И. В. Маслова, выполнявшего полеты по заданию правительства, с сыном Сергеем, работавшим вертолетным техником.

В 1969 году Сергей Маслов поступил, а в 1972 году окончил Кременчугское летное училище гражданской авиации. Летную работу начал в вертолетном объединенном авиаотряде Управления гражданской авиации центра и Арктики в должности второго пилота вертолета Ми-4. В том же году его перевели на работу в Мячковский объединенный авиаотряд.

С 1974 года СИ. Маслов работал вторым пилотом на вертолете Ми-8. Молодой вертолетчик стремился повысить свою летную квалификацию и много над этим трудился. К тому же условия работы

вертолетчиков в Мячковском авиаотряде способствовали быстрому росту их профессионализма. Каждый из них должен был ежемесячно налетать не менее 80 ч.

Летная подготовка пилота вертолета проходила поэтапное совершенствование в условиях с повышающейся сложностью полетов. Летчики, получившие допуск на полеты днем в простых метеоусловиях, готовились к полетам в сложных метеоусловиях, затем в сумерках, ночью, также вначале в простых, а потом в сложных метеоусловиях. Допуск на совершение полетов повышенной сложности выдавал инспектор отряда после соответствующего налета часов в определенных условиях и сдачи зачетов.

В 1975 году Сергей Иванович Маслов работал вторым пилотом в экипаже, командиром которого была женщина-вертолетчица Инна Андреевна Копец, будущая многократная рекордсменка мира по полетам на вертолетах различных классов и в разных условиях сложности.

В 1976 году СИ. Маслова назначили командиром экипажа Ми-8. Он летал в районах Крайнего Севера и Заполярья, обеспечивал выполнение геологоразведочных работ, принимал участие в обслуживании нефтегазопроводов Западной Сибири, в строительстве городов Сургут, Нефтеюганск, Нижневартовск, Новый Уренгой, Ноябрьский, Когалым, Ямбург.

С 1980 года Сергей Иванович Маслов, уже признанный мастер вертолетного пилотажа, работал по линии МИДа в Авиаэкспорте: перегонял советские военные вертолеты в Афганистан.

28 марта 1985 года Сергей Иванович Маслов стал пилотом 1-го класса гражданской авиации.

С 8 по 26 мая 1986 года СИ. Маслов в должности командира экипажа вертолета Ми-8 впервые принял участие в выполнении правительственного задания по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС. Его экипаж занимался ведением воздушной радиационной разведки над районами, подвергшимися радиоактивному загрязнению.

В состав его экипажа входили: второй пилот А.М. Ворошилов, штурман В.М. Лялич, борттехник А.Н. Сеницкий.

В полете на поисковую гамма-спектроскопическую съемку. В кабине вертолета Ми-8 (слева направо) - командир сводного авиационного отряда Гражданской авиации СССР И. Макаров, штурман В. Лялич, бортмеханик В. Черных, командир экипажа С. Маслов

Разведку вели в районах Украины, Белоруссии, Смоленской, Тульской, Калужской областей совместно с научными сотрудниками Обнинского института экспериментальной метеорологии научно-производственного объединения (НПО) «Тайфун».

В майском номере газеты «Союзное вече» была опубликована статья «Будем жить...» корреспондента А. Чудакова о работе экипажа СИ. Маслова.

«...Нам была поставлена задача на проведение радиационной разведки и составление карт радиоактивного загрязнения местности, - вспоминает Сергей Иванович, - брали пробы грунта на расстоянии через каждые пятьсот метров, делали замеры уровней радиации. Кроме того, мы обследовали сотни речушек, рек, водохранилищ на предмет определения величины радиоактивного загрязнения от Чернобыля до самой Одессы. Путь в одну сторону занимал свыше пяти часов полета»
./65/

26 мая СИ. Маслов вернулся на базу. Но отдых длился недолго, и вскоре его опять направили в Чернобыль. Командировки в Чернобыль и короткий отдых чередовались в течение всех оставшихся месяцев 1986 года.

В декабре, в последней командировке в Чернобыль, в поле охвата радиационной разведки попала и Москва. Операторы измеряли

показания гамма-фона над столицей. Пролетели траверсом над Ленинским проспектом к Кремлю, развернулись и пошли на запад в сторону Киева.

Чернобыльских командировок было несколько, сколько Сергей Иванович точно и не помнит.

В 30-км зоне чернобыльской катастрофы при выполнении заданий по ведению воздушной радиационной разведки Сергей Иванович Маслов, один из немногих в Мячковском авиаотряде, налетал свыше 300 часов.

«Сейчас я могу сказать, что больше других стран от последствий чернобыльской катастрофы пострадала Беларусь. А именно Гомель, - вспоминает Маслов. - Такой сумасшедшей пляски стрелок приборов, как над этим городом, не было нигде... В верховье Киевского водохранилища маршрут полета изменял направление на юг. Под машиной покрытое легкой рябью зеркало, вдали единственный катер. Необычайно безлюдны берега. Дальше видна дорога, по которой движется вереница тракторов, бульдозеров, автомашин. Все в одном направлении. На Чернобыль». /64/

Курс воздушного судна в соответствии с полетным заданием рассчитывал и наносил на карту штурман. Обеспечить точное движение корабля по намеченному маршруту обязан командир. Управление вертолетом в полете дело нелегкое. Сергей Иванович был летчиком-виртуозом и вертолетом управлял легко, без напряжения. К тому же слаженность экипажа была такой, что летчики понимали друг друга даже не с полуслова (говорить некогда), с полувзгляда. Каждый знал и делал свое дело.

Нагрузка при ведении разведки была немалой: ежедневно 1516 ч непрерывной работы, из них 10-12 ч непосредственно в полете. Физически крепкий, как истинный русский богатырь, Сергей Иванович Маслов чернобыльские физические нагрузки переносил легко, а действие радиации не ощущал.

Признаки облучения проявились позже. Через три месяца после последнего возвращения из Чернобыля однажды он внезапно потерял сознание и упал. В последующем кратковременные потери памяти и падения у летчика стали частыми. Длительное лечение в больницах и госпиталях и реабилитация поправили его подорванное здоровье. После окончания лечения Маслов прошел медкомиссию и получил допуск к летной работе.

В это время формировался состав 33-й советской антарктической экспедиции и СИ. Маслова зачислили в ее состав. В должности

командира экипажа вертолета Ми-8 он работал по обеспечению работы материковой станции «Дружная-3».

В 1988 году Маслов работал в составе 34-й антарктической экспедиции. Его вертолет базировался на научно-исследовательском судне «Михаил Сомов» и обеспечивал работу всех станций.

Правительственное задание

Приложение 18, А. 1

ЗАДАНИЕ НА ПОЛЕТ № 30-8

Табель, №	Примечания
Командир воздушного судна <i>Ми-8 № 305.10 УГАЦ А/ОАО</i> (лиц. основной/запас. управление) <i>Маслов Сергей Иванович</i> Ф. И. О.	
Проверенный зап. коп. <i>А/ОАО</i> подпись <i>Макаров Иван Сергеевич</i> Ф. И. О.	
Второй пилот <i>Ворошилов АИ</i> Ф. И. О.	
Штурман <i>Милин ВМ</i> Ф. И. О.	
Ст. штурман	
Бортмеханик <i>Ситников АИ</i> Ф. И. О.	
Ст. бортмеханик (инструктор)	
Бортлаборант	
Ст. бортлаборант (инструктор)	
Бортпроводник <i>Макаров Иван Сергеевич</i> Ф. И. О.	
Бортпроводник - и <i>Радослав ВМ</i> Ф. И. О.	
Бортпроводник - и <i>Саламатов</i> Ф. И. О.	
Ст. бортпроводник	

Рейс 34161

Дата и время вылета *27 июня 1988 г. 900* Цель полета *Врунненская разведка*

Маршрут полета *Новосибирск - Новосибирск - Москва - Новосибирск - Новосибирск - Новосибирск*

Учебно-тренировочное задание _____

Экипаж допущен к полетам *ССП 100/100/65*
(указан экипаж погоды, ОСП, СП-50, Д. А.)

Полетный вес (допустимый) *12000* кг служебный груз _____

Вес конструкции *8025* кг весовая пустого самолета *+53*

Командир эскадрильи *Ситников АИ* г. экипаж подготовлен

Командир *305.10* ЛО _____

19 г. сдв. Задан от 16.06.86г.

61

Задание на полет и поисковую гамма-спектроскопическую съемку с командиром объединенного авиаотряда И.С. Макаровым на борту в качестве проверяющего

В 1991 году Сергей Иванович участвовал в работе 37-й антарктической экспедиции. Вертолет базировался на научно-исследовательском судне «Академик Федоров». Экипаж Маслова обслуживал работу всех советских антарктических станций зимовки.

С 1994 по 1995 год Маслов работал за рубежом: в Индии он обслуживал морские нефтегазовые месторождения.

Возвратившись из заграничной командировки, СИ. Маслов продолжал работать в Мячковском авиаотряде.

В 1996 году СИ. Маслов вышел на пенсию по выслуге лет.

Участие в ведении радиационной разведки и радиоактивное облучение не прошли бесследно. После выхода на пенсию он начал тяжело болеть и вскоре стал инвалидом Чернобыля. Крепкое здоровье и хорошая наследственность помогают ему бороться с болезнями. Из всех летчиков-мячковцев, принимавших участие в выполнении правительственного задания в Чернобыле, в живых остались единицы.

Встреча с коллегами и товарищами по работе. С.И. Маслов крайний слева, второй слева В.М. Лялич, крайний справа штурман А.Л. Миненко, вторая справа прославленная вертолетчица И.А. Копец

К работам в Чернобыле Сергей Иванович Маслов относится спокойно. Он считает, что ничего героического там не совершал. Выполнял свой профессиональный и гражданский долг.

За выполнение правительственного задания в Чернобыле в 1986 году Сергей Иванович Маслов награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Сергей Иванович Маслов имеет общий налет 14 000 часов.

Нестеров Борис Александрович

Родился 1 августа 1935 года в Саранске в семье рабочего. Отец Александр Дмитриевич работал шофером, мать Мария Ивановна занималась домашним хозяйством. Борис был первенцем в семье. У него два младших брата: Юрий и Николай. /61/

Александр Дмитриевич в 1941 году имел «бронь», т. е. освобождение от воинской обязанности, но, несмотря на это, добровольцем ушел на фронт. Уходя, шепнул шестилетнему сыну: «Остаешься в доме за мужика». Вскоре отец погиб, семья осталась без кормильца и очень тяжело пережила войну.

В 1943 году Борис пошел учиться в первый класс начальной школы №3 Саранска. Школьные годы были очень тяжелыми. Война и первые послевоенные годы в полной мере позволили ощутить и голод, и нехватку школьных принадлежностей, и одежды, и обуви.

«В 1949 году по причине тяжёлого материального положения (отец погиб на фронте, мать - домохозяйка) я решил поступить в ремесленное училище. Были тогда такие РУ и ФЗУ. В них ученикам выдавали форму, их кормили. Они приобретали нужную для страны специальность. Была также возможность получить среднее образование в вечерней школе. Специальность токаря-универсала привлекала. Но медицинская комиссия меня забраковала по причине полного истощения организма. Пришлось снова вернуться в свою школу и продолжить учёбу уже в 8-м классе». /61/

В 1953 году, будучи в 10 классе, юноша поступил на теоретический курс Саранской центральной объединенной лётно-технической школы (ЦОЛТШ), где изучали самолёт Як-18 с мотором М-11ФР, аэродинамику самолёта и основы аэронавигации.

Летом 1953 года после окончания школы Бориса Нестерова, прошедшего обучение в ЦОЛТШ, отправили на учебу в Центр лётной подготовки в Кузнецке, в котором курсанты осваивали лётную программу обучения.

В ноябре 1953 года после завершения обучения в ЦОЛТШ курсанта Б.А. Нестерова зачислили в Армавирское авиационное летное училище на второй курс обучения на самолёте Як-11 - так началась воинская служба курсанта летного училища Военно-Воздушных Сил.

В январе 1956 года после окончания училища лейтенант Б.А. Нестеров убыл в распоряжение командующего Московским округом ПВО страны.

Молодых офицеров распределили по истребительным авиаполкам ПВО. «В системе ПВО существовала развитая система прикрытия воздушных рубежей столицы. Все их данные летчики должны были знать назубок. Большое внимание уделялось приему на слух сигналов морзянки и тренажам в кабине по настройке приборов и действиям в особых случаях с заклеенными полетными очками. Летчики запоминали, сколько оборотов ручкой настройки надо сделать до точной подстройки радиокомаса на радиостанции любого запасного аэродрома. Конечно же, эти порой нудные тренировки сыграли свою положительную роль, особенно в полётах по приборам. И вот 7 февраля 1956 года мы приступили к полётам. Начались лётные будни, где мне почти ежедневно, открывалось что-то новое.

В марте 1958 года наш полк перелетел на аэродром близ города Костромы Секеркино, где я приступил к вывозной программе ночью. Началась подготовка до уровня «военного лётчика 2-го класса». Классификация «военного лётчика 3 класса» мне была присвоена в декабре 1957 года». /61/

В октябре и ноябре 1958 года старшему лейтенанту Б. Нестерову удалось освоить полёты парой со сбором и роспуском за облаками, а также пробивание плотной облачности в сомкнутом боевом порядке. Вскоре выполнил перехват воздушной цели за облаками парой, а в начале декабря он был допущен «к дальнейшему совершенствованию в составе пары и звена днём в СМУ при установленном для самолёта МиГ-17 минимуме погоды». Всё это позволило ему 15 февраля 1959 года получить квалификацию «военного лётчика 2 класса». /61/

В декабре 1960 года три лётчика полка получили квалификацию «военный лётчик 1 класса», среди них был и капитан Б.А. Нестеров - бывший уже заместителем командира эскадрильи. Офицер с головой окунулся в новые служебные обязанности. Вновь назначенный, командир эскадрильи внезапно заболел, и капитану Нестерову пришлось сразу же приступить к исполнению обязанностей комэска.

«Высоких результатов в боевой учебе добился летчик-истребитель Борис Нестеров. В короткий срок он стал летчиком 2-го класса, а в настоящее время успешно осваивает полеты ночью в сложных метеорологических условиях».

На снимке старший лейтенант Б. Нестеров. Выписка из статьи и фото из газеты Красная звезда. /61/

В июне 1962 года капитан Б. Нестеров убыл для сдачи вступительных экзаменов в Военно-воздушную академию, которые успешно сдал. «Впечатления от проведенных в Монино четырех годах учебы остались очень хорошие. После окончания учебного года слушатели разъезжались по строевым частям для прохождения лётной практики. Затем все уезжали в отпуск».

/61/

Перед выпускным курсом летная практика сочеталась с войсковой стажировкой. Капитан Б.А. Нестеров проходил её в родном полку в должности заместителя командира полка.

«За время стажировки я подтвердил на МиГ-17 нормы налёта на 2-й класс и несколько продвинулся вперёд по программе освоения Су-9. Вплотную подошёл к ночной программе, но помешала плохая погода, а время потребовало возвращения в Монино».

/61/

После выпускного вечера капитану Нестерову посчастливилось присутствовать на приёме выпускников военных академий в Кремле. Впечатления остались очень яркие от теплой встречи с Генеральным секретарем ЦК КПСС Л.И.Брежневым и министром обороны Маршалом Советского Союза Р.Я.Малиновским.

После окончания академии Нестеров получил назначение в Группу советских войск в Германии на должность командира эскадрильи. Однако его ждало разочарование: должность командира эскадрильи в 226-м осап оказалось занятой, и ему предложили такую же должность только в вертолётном полку. Офицер оказался перед свершившимся фактом, выбора не было, и он дал согласие. Так началась новая служба летчика-истребителя в вертолётной, затем во вспомогательной, а позже в армейской авиации.

«22 августа 1966 года я сдал установленные требованиями НПП-63 (Наставления по производству полётов) зачёты и приступил к полётам, - вспоминает Б.А. Нестеров, - через 10 дней, 2 сентября, вылетел самостоятельно на вертолёте Ми-4. 13 сентября я уже приступил к самостоятельным полётам в закрытой кабине, 4 октября ночью, а 10 октября в облаках днём... В течение следующего, 1967 года я закончил подготовку на Ми-4 в полном объёме Курса боевой подготовки, а также получил допуск к инструкторской работе по всем видам присущих вертолёту задач». /61/

7 января 1969 года Б.А. Нестеров выполнил свои первые самостоятельные полёты на новом реактивном вертолёте, а с 15 января в составе трёх экипажей принял участие в перегонке первых десяти вертолётов из Казани в полк. Во время перелёта отрабатывали групповую слётанность в условиях ограниченной видимости и низкой облачности.

Через несколько дней на транспортном самолёте Ан-8 пришлось вновь покинуть Германию, чтобы возвратиться в Липецк - на 9-месячные курсы командиров полков.

8 февраля 1968 года в Липецке в торжественной обстановке майору Б.А. Нестерову вручили высокую правительственную награду: орден Красной Звезды «за выполнение правительственного задания», т. е. за участие в боевых действиях при проведении операции «Дунай».

«В ноябре, после длительной командировки, возвратился в полк. Вскоре состоялась беседа с командующим 16-й ВА генерал-полковником Алексеем Николаевичем Катричем о дальнейшем использовании в связи с окончанием учёбы в Липецком центре. Он планировал назначить меня вместо уходящего по замене старого командира. Однако командование Киевского округа поставило условие: вместо Николая Григорьевича Гурова прислать по замене командира полка из Александрии полковника Б.В. Затюрюкина. Нашему командованию ничего не оставалось, как согласиться. Тем более что и я-то имел ещё недостаточный опыт командования крупной боевой частью.

В ноябре был подписан приказ о моём назначении заместителем командира 239-го отдельного гвардейского вертолётного полка». /61/

«Работа в должности первого заместителя командира полка требовала освоения всех типов вертолётов, находящихся в месте базирования. На вооружении полка в это время фактически находилось четыре типа вертолётов: Ми-4, Ми-6, Ми-8 и Ми-10. На первых трёх я летал в полном объёме, в том числе и в качестве инструктора. Предстояло освоить Ми-10 («колченогий», как прозвали его лётчики за высокое шасси). Не откладывая в долгий ящик, в мае 1970 года я начал трени-

ровки на этой необычной машине. Вместе с освоением техники пилотирования на Ми-10 перевезли и УТИ МиГ-15 на платформе «колченогого» с аэродрома Гроссенхайн к себе в Брандис, где стали тренироваться с ним по транспортировке на Ми-6 по воздуху на тросах внешней подвески». /61/

6 апреля 1971 года приказом министра обороны подполковник Б.А. Нестеров назначен на должность командира 239-го отдельного гвардейского вертолётного полка.

«Свою деятельность я начал с совершенствования учебной базы применительно к новой технике, улучшения рационализаторской и изобретательской работы, особенно в помещениях групп регламентных работ ТЭЧ полка. Одновременно проводились работы по обустройству гарнизона. Предстояло и укрепление деловых контактов с немецкими органами власти. Для повышения классности лётного состава мы были стеснены возможностями воздушного пространства в своём районе полётов. Возникла идея об использовании для полётов в сложных метеорологических условиях (СМУ) запасных аэродромов истребителей с учётом их более высокого минимума. Потрудиться пришлось немало, но зато и результаты дали о себе знать: экипажи получили твёрдые навыки в боевом применении в сложных погодных условиях при быстроменяющейся навигационной обстановке». /61/

«По результатам годовых инспекторских проверок мы получили: за 1971 год твёрдую хорошую оценку, а в 1972-м - «отлично». Наши успехи совпали с награждением передовых частей Вымпелом министра обороны.

В январе 1973 года перед моим убытием в Херсон эту награду полк получил из рук командующего генерал-полковника авиации А. Н. Катрича. По результатам проведенной работы я был представлен к внеочередному присвоению звания «полковник», а полк к награждению Вымпелом министра обороны». /61/

В этом же году подполковника Б.А. Нестерова назначили командиром 320-го отдельного вертолетного полка.

27 января 1975 года подполковнику Б.А. Нестерову присвоили звание «полковник». Одновременно за успешное освоение новой техники он был награждён орденом «За службу Родине в ВС СССР» III степени.

«Армейская авиация, выполняя огромный комплекс специфических задач, была изгоем у руководства ВВС и непонятной для командования Сухопутных войск. За последние десятилетия она не единожды переходила из ВВС в Сухопутные войска и обратно. В этом её беда. Меня всегда коробила и удивляла примитивность суждений, ор-

ганизации и контроля её использования. Особенно это иждивенческое настроение и пренебрежение требованиями НПП мне довелось увидеть со стороны командования командного пункта авиации Одесского военного округа.

Командному пункту ничего не составляло выдернуть по тревоге из плановой таблицы любой летающий экипаж и направить его, зачастую без должной подготовки, в любой конец округа. Причём последующими заданиями экипаж загружался настолько, что его трудно было «отловить» в границах воздушного пространства, не говоря уже о контроле подготовки и соблюдения режима питания и отдыха.

На фоне этой неразберихи и безответственности и сформировалось у нас мнение о необходимости создания своего нештатного КП. В результате мы хозспособом (по-простонародному - «хапспособом») сумели своими силами построить двухэтажное здание, в котором разместили диспетчерскую и метеослужбы, КДП, класс предполётных указаний с наглядным отражением вопросов аэродинамики, тактики, вертолётовождения, «немой» электрифицированной карты района полётов, кабинета врача и столовой для летающих экипажей.

Отдельно была оборудована комната боевого управления, куда вынесены индикаторы обзорного локатора и радиосвязь; установлены планшеты воздушной и навигационной обстановки, аэродромная сеть, действия в особых случаях полёта и так далее. Без ложной скромности скажу, что данный КП был первым и единственным среди полков армейской авиации.

Прибывший в мае 1977 года в гарнизон маршал авиации Иван Иванович Пстыго очень высоко оценил наше новшество, а я с подачи Фёдора Фёдоровича Прокопенко был рекомендован на должность начальника отдела в создаваемое при министре обороны Управление по безопасности полётов авиации Вооружённых Сил. Возглавить это управление, как вы уже догадались, должен был маршал И.И. Пстыго.

Одновременно, основное внимание было направлено на повышение классификации лётного состава и повышение качества подготовки групп руководства полётами (ГРП). С этой целью рядом с кабинетом командира полка был оборудован класс методики подготовки ГРП». /61/

В Вооружённых Силах СССР (в армии, авиации, на флоте) за все чрезвычайные происшествия, которые происходили в части или соединении, отвечал командир. После катастрофы двух вертолетов Ми-6 полковника Б.А. Нестерова могли бы уволить из армии. Если в результате катастрофы погибали люди, кого-то нужно было образцово наказать и о принятых мерах доложить по инстанции. Кандидатура

командира в этом случае для «битья» подходит больше всего. Но в ноябре в полк позвонил генерал П.Д. Новицкий и сообщил, что полковник Б.А. Нестеров назначен старшим лётчиком-инспектором в Ригу.

В 1978 году авиация Прибалтийского округа первой в Советской Армии перешла на экспериментальную структуру. В общевойсковых соединениях и объединениях вводились должности заместителей по авиации, а в штабе воздушной армии - отдел армейской авиации. Полковника Б.А. Нестерова назначили заместителем начальника отдела.

В январе - феврале 1978 года полковник Нестеров прошел переучивание в 4-м Центре боевой подготовки на вертолёт-штурмовик Ми-24.

В конце декабря 1979 года полковник Нестеров с Ш.А. Ишмаковым (начальником Нестерова) срочно убыл на аэродром Нивенское близ Калининграда. Перед группой офицеров штаба авиации округа поставили задачу: срочно сформировать на базе полка и отдельной эскадрильи в Луговом эскадрилью Ми-24Д с немедленной передачей её в состав Туркестанского военного округа.

«Так началась для нас война в Афганистане. На афганской земле мне довелось продержаться всего около 10 дней. За это короткое время мы выполнили контрольные и тренировочные полёты со всеми экипажами в горах и допустили их к самостоятельной боевой работе. Здесь же я отметил своё 45-летие». /61/

После передачи эскадрильи в состав армейской авиации 40-й армии Нестеров убыл в Ригу, чтобы сдать дела и отбыть военным советником в Сирию.

«Учитывая специфику своей советнической деятельности, я разработал схематически и испытал в практических полётах новый тактический приём с пуском неуправляемых реактивных снарядов (НУРС) без входа в зону вероятного поражения вертолёта средствами войсковой ПВО противника. Подход к цели осуществлял по картографу от системы ДИСС-15 на высоте 10-7 м и максимальной скорости. На удалении от нанесенной на картограф цели 4000 м энергично выполнял с углом 30° фиксированную горку. В верхней точке горки вёл стрельбу по невидимой визуальную цели реактивными снарядами С-5К и С-5М. После пуска ракет поворотом на горке немедленно уходил от цели со снижением до предельно малой высоты.

Этот приём при точном выполнении всех его параметров и выдерживании режима полёта позволял скрытно подойти к цели, выполнить внезапную для противника атаку и быстро уйти из зоны досягаемости огня его стрелкового оружия. Нанесение удара группой вертолётов с

разных направлений усиливает внезапность и эффективность поражения.

За советническую деятельность и подготовку сирийских лётчиков к боевым действиям президент Хафиз аль-Асад наградил меня часами и сирийской медалью «За мужество», а своё правительство наградило орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» II степени. Закончился очередной этап военной службы.

После возвращения из Сирии я вылетел в Москву, где получил назначение в Киевский военный округ, а также вышеупомянутый орден. Авиацией округа командовал генерал-полковник Валентин Епифанович Панькин, знакомый мне по службе в ГСВГ. Основу армейской авиации округа составлял 51-й отдельный гвардейский вертолетный полк, базировавшийся в Александрии и постоянно поднявший армейскую авиацию 40-й армии в Афганистане.

В апреле 1986 года судьба преподнесла вертолётчикам ещё одно испытание: ликвидацию последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС.

«Тот памятный для меня день - 26 апреля 1986 года - начался обычным оперативным совещанием руководящего состава управления авиации на командном пункте.

Оперативный дежурный подполковник Дунаев доложил о положении дел в частях и ВУЗах, а также о характере лётных происшествий в военной и гражданской авиации. В заключение он проинформировал нас о пожаре на Чернобыльской АЭС, который якобы к этому времени был потушен. Мы не обратили особого внимания на это сообщение, так как о характере работы атомных станций наши познания были на уровне средств массовой информации. К тому же воздушное пространство над подобными объектами для авиации всех ведомств являлось запретной зоной.

Получив среди прочих указаний: «Армейской авиации быть готовой к ведению радиационной разведки в районе АЭС», разошлись по своим рабочим кабинетам». /61/

26 апреля была суббота, и в частях, как заведено, проводился парково-хозяйственный день.

Во второй половине дня в квартире полковника Б.А. Нестерова неожиданно раздался телефонный звонок, и оперативный дежурный передал приказ командующего срочно прибыть в штаб.

На КП его проинформировали о том, что генерал-лейтенант Н.П. Крюков вместе с начальником штаба генерал-майором Н.Т.

Антошкиным сейчас находятся у командующего округом и ему приказано дожидаться их возвращения.

Прибыв от командующего Киевским военным округом, командующий авиацией генерал Н.П. Крюков сообщил, что обстановка на Чернобыльской АЭС намного сложнее, чем их информировали.

Генерал-полковник В.В. Осипов приказал: «Генералу Антошкину немедленно выехать машиной с передовой группой в распоряжение председателя только что созданной Правительственной комиссии по расследованию причин аварии. Полковнику Б.А. Нестерову убыть в Чернигов на аэродром училища Певцы, принять и расположить поднятый по тревоге и совершивший передислокацию из Александрии 51-й отдельный гвардейский вертолётный полк. С утра 27 апреля поступить в распоряжение Правительственной комиссии». /61/

В 23.30 полковник Нестеров вылетел с аэродрома Борисполь на вертолёте Ми-8 в Чернигов. Отзвуки прошедшей грозы были ещё достаточно ощутимы: в облаках снег, обледенение, болтанка. Пришлось запросить Центр УВД (управления воздушным движением) о замене эшелона.

«Обычно они с пренебрежением относились к просьбам военных бортов, а тут так уважительно: «... Какой эшелон вы желаете занять?». Этот диалог убедил меня в том, что в Припяти действительно случилось нечто неординарное и наша работа будет весьма ответственной.

Последовавшие через несколько часов события показали, что обстановка сложилась на уровне фронтовой. Вскоре после моего приземления прибыла передовая команда полка - тоже на Ми-8 - во главе с заместителем командира полка подполковником В.В. Соколовым. До трёх часов ночи мы с ним приняли и разместили на отдых лётно-подъёмный состав полка. Части обеспечения прибыли наземным эшелоном в первой половине дня. С рассветом меня поднял телефонный звонок и приказ на вылет в Припять: «...Посадка на городской стадион, в облако не входить». /61/

Об участии в ликвидации последствий чернобыльской катастрофы рассказывает Борис Александрович Нестеров в своей книге «Небо и Земля. Воспоминания и размышления военного летчика».

«Вскоре с командиром полка Серебряковым А.И. на Ми-8мт взлетели и взяли курс на Припять. А вокруг бушевала весна. Воздух после отгремевшей грозы был прозрачным, видимость, как выражаются лётчики, «миллион на миллион». Казалось, даже в кабине летящего на высоте 200 метров вертолёте ощущается свежесть и запах весны. Вскоре нам об этом пришлось забыть.

При полёте к Припяти увидели на горизонте две градирни. Советуюсь с Серебряковым: «Давай выйдем на них и от этого исходного ориентира начнём искать стадион».

Подвернув от градирен немного вправо - так как они находились на юго-восточной окраине города, - *услышал в наушниках всё усиливающееся потрескивание, быстро перешедшее в обвальный грохот.* Смотрю на правого лётчика, вижу, что он шевелит губами, а слов его не слышу. Одновременно через переднее остекление замечаю по курсу полёта кратер разрушенного блока АЭС: *покореженные и скрученные сизоватые потолочные балки перекрытий, чёрные обугленные кирпичные обломки, вьющийся от них дымок и яркое свечение по периметру конструкции. Впечатление варящейся стали в доменной печи.* Проскочили. Грохот в ушах стал уменьшаться и вскоре затих совсем. Наступила гнетущая тишина осмысления происшедшего. Под нами зелёные кварталы города. Все постройки только из кирпича, деревянных домов частных не видно. Позже мы узнали, что город атомщиков был построен на ровном месте, среди лесов на берегу самой чистой в Европе реки Припять. Её именем и был назван город с численностью населения около 50 тысяч.

Внимательно изучаем город с высоты птичьего полёта, но никаких признаков стадиона не замечаем. Оглянувшись несколько раз назад, Александр Иванович говорит: «Борис Александрович, а ведь мы через станцию прошли...». Бортовой техник добавляет: «Прибор зашкалило...». Дело в том, что за креслом командира экипажа расположен дозиметрический прибор, измеряющий уровень радиации. Шкала его показаний отградуирована до 500 Р/ч. Можно себе представить, какой уровень радиации был на земле! Смотрю на термометр: температура за бортом + 65° С! Позже мы узнали, что приборы измерили показания в кратере: радиации - около 10 000 Р/ч, а температура воздуха - 1000° С.

Говорю экипажу: «Я того же мнения, но всё произошло как-то внезапно, поэтому для полноты картины давайте пройдем над реактором ещё раз». Развернувшись над городом и продолжая искать злополучный стадион, прошли над разрушенным блоком ещё раз. Всё повторилось в той же последовательности; только теперь мы уже ожидали происходящее и готовы были к анализу ситуации. Снова покружившись над городом, исходив его вдоль и поперёк, стадиона мы так и не увидели. Откуда же нам было знать, что он расположен сразу же за зданиями АЭС, всего в каких-то 500-600 метрах? Обнаружив недалеко от АЭС, примерно в 1100-1200 метрах, пятиэтажное здание с государственным флагом на фасаде и площадью перед ним, принял ре-

шение: произвести посадку на эту площадь: «Там-то должны знать, где находится этот злополучный стадион». Приземлились рядом с цветочной клумбой с цветным транспарантом «Союз нерушимый...». После выключения двигателей и остановки винтов заменил ЗШ (защитный шлем) на фуражку и, одёрнув китель (вылетел по тревоге без комбинезона), вылез из вертолёт.

В это время из здания вышел Николай Тимофеевич Антошкин. Поднялись с ним по лестницам горкома партии. После доклада Б.Е. Щербине нам довели сложившуюся на этот момент обстановку: во избежание мощного излучения из разрушенного четвёртого блока и связанного с этим сильного радиоактивного загрязнения воздуха и местности забросать его с вертолётов мешками с песком. На берегу реки уже складировали мешки с речным песком.

В связи с поставленной задачей необходимо было первоначально решить две проблемы:

- *первая*: выработать методику сброса мешков в реактор. Задача усложнялась тем, что возле четвёртого блока в непосредственной близости к нему находилась вентиляционная труба высотой около 150 метров. В целях безопасности заход на цель необходимо было выполнять на высоте не ниже 200 метров.

Для увеличения точности попаданий решено было сброс производить на минимально допустимой скорости полёта. Кроме того, для увеличения количества сбрасываемого груза необходимо было подвесить к системе внешней подвески крупногабаритный контейнер, позволяющий загружать максимальное количество мешков общим весом порядка 1000-1500 кг. Контейнер должен быть оборудован системой механического открытия днища для освобождения от груза;

- *вторая*: на небольшом удалении от АЭС подобрать вертолётные площадки, где заранее складировать мешки с грузом, топливозаправщики, средства запуска, масло и воздухозаправщики, дежурные тягачи, средства связи и управления полётами, метео- и медицинский посты.

Контейнера у нас не было, надо было его срочно изготовить. Присутствующие при обсуждении этого момента майор и подполковник сказали, что есть такой большой ящик, в который можно загрузить не менее тонны песка. Находился он в машинном зале 4-го блока. Так нам с Серебряковым пришлось побывать и в здании аварийного блока.

Вернувшись к горкому партии, я доложил Н.Т. Антошкину о непригодности предложенного нам средства, после чего перелетели на стадион. Он оказался всего в одном квартале от места нашего приземления.

Когда приземлились на стадионе и выключили двигатели, нас окружили горожане. Многие везли в детских колясках грудных детей. Очередной нонсенс! В голове не укладывалась эта наша беспечность. Ведь у меня из-под несущего винта клубится пыль, отбрасываемая тягой около 12 тонн! Грунт стадиона заражён (в полдень мы вынуждены были его покинуть и снова приземлиться у знакомой цветочной клумбы из-за повышения фона на грунте до 11 Р/ч), а ведь это - город атомщиков; они просто обязаны знать обо всех этих α -, β - и γ -излучениях, их опасном действии на организм. Беспечность, неграмотность, неготовность поражали. Люди не знали, с чем они столкнулись. Со стадиона мы с Серебряковым выполнили несколько полётов для ознакомления с разрушенным реактором и видеосъёмки офицеров прокуратуры и членов Правительственной комиссии.

Здесь же на стадионе нам довелось встретиться с работником АЭС, настроенным крайне пессимистически: «Погибла вся смена... мы все отравлены...» и так далее.

Надо сказать, что с 8 часов утра по чьему-то распоряжению были открыты все питейные заведения. Желающим бесплатно отпускали вино, пиво, водку и закуску. На мой взгляд, преследовалось две цели. К этому времени уже было принято решение об эвакуации всего населения из зоны поражения. При этом люди должны были взять только документы и необходимые вещи максимум на неделю.

И второе. Медицине известно, что при употреблении спиртных напитков человеческий организм в какой-то степени обезвоживается, и вероятность его поражения уменьшается. После выполненных полётов отправились с Серебряковым на предоставленном «уазике» в сторону Чернобыля на подбор вертолётных площадок.

Сразу же за городом встретили многочисленные группы людей, пешком направляющихся с детьми в сторону Чернобыля. Поневоле встала в глазах картина тоскливо бредущих беззащитных беженцев времён Отечественной войны.

Несколько женщин с детьми мы усадили в свою машину и довезли до Чернобыля. По пути увидели длинную колонну больших автобусов, буквально заполонивших весь путь до Чернобыля. «Икарусы» и «ЗИЛы» стояли вплотную друг к другу. Это подтвердило мысль об эвакуации всех людей из зараженной зоны.

Перед вылетом на дозаправку сам выполняю пару заходов на реактор. Около открытой входной двери уложили максимальное количество мешков, которые должен был сбрасывать бортовой техник по моей команде.

Сбрасывал он их визуально, на глазок: никакой прицельной аппаратуры для точного попадания в цель у нас не было и всё зависело от его глазомера и слётанности экипажа.

Полковник Б.А. Нестеров за штурвалом вертолета

Выхожу на боевой курс, напоминаю бортовому технику о подсоединении страховочного пояса и приступаю к гашению поступательной скорости до 60-50 км/ч. При достижении скорости порядка 100 км/ч подаю команду оператору: «Приготовиться к сбросу». По этой команде бортовой техник уходит со своего рабочего места и изготавливается к сбросу груза из открытой двери грузовой кабины. На скорости 70-60 км/ч по команде «Сброс!» он самостоятельно прицеливался и 2-3 мешка летели вниз; после чего он докладывал: «Груз сброшен». Приступаю к разгону поступательной скорости и выполнению нового захода на цель. Здесь важное значение приобретает координация и плавность управления для успешной совместной работы лётчика и оператора, ибо резкая работа педалями может привести к рысканью вертолета по курсу и возможному выбрасыванию оператора из грузовой кабины под действием центробежных сил.

Топлива оставалось только для перелета на аэродром Чернигов. Доложив Антошкину, взлетели курсом на аэродром.

Буквально через 10 минут путь нам преградила фронтальная десятибалльная дождевая облачность. Обходить её было бессмысленно. Мы не знали её границ, да и топливо «поджимало». На высоте 150 метров

вошли в «молоко» облаков. Сразу же по остеклению фонаря ударили ливневые потоки. Уткнувшись в пилотирование по приборам, пытаюсь поразмышлять над создавшимся положением. Успокаивало то, что сильной болтанки не было. Следовательно, в грозовую неразбериху наше попадание маловероятно. Но ливневой дождь буквально бил вертолёт своими потоками, выполняя природную дезактивацию загрязненной машины. Можно было конечно попытаться сесть в поле и переждать непогоду. Но здравая мысль о неизвестности рельефа и препятствий над пролетаемой местностью отвергла это решение. Вскоре впереди стало светлеть, и вот мы вырвались из ливня.

В это время с нами на связь вышел командир эскадрильи 51-го огвп гвардии подполковник Ю.Н. Яковлев, который, забеспокоившись, что с нашим экипажем долгое время нет связи, вылетел в район ЧАЭС. Это был хороший командир и опытный летчик, его уровень летной подготовки не вызывал беспокойства.

Я поставил ему задачу: выполнить посадку на стадион и прибыть в распоряжение генерала Н.Т. Антошкина, а также предупредить о сложных метеоусловиях на маршруте. На аэродроме нас уже ожидали. После заруливания на специально отведенную стоянку сразу же после выхода из вертолёта у нас измерили степень загрязненности. От одежды шло излучение 20 Р/ч.

Группа обслуживания занялась подготовкой вертолёта к повторному вылету, а нас ожидал сытный обед на свежем воздухе.

Вернувшись в Припять на вертолете командира полка гвардии полковника А.И. Серебрякова, я занялся организацией руководства полетами при сбросе грузов в реактор, так как предстояло массовое использование вертолетов для выполнения поставленной задачи.

Экипаж Серебрякова присоединился к экипажу Яковлева, который уже приступил к сбросу груза в реактор.

С наступлением сумерек улетаем на свою постоянную базу в Чернигов. С лётным составом по прилёту сразу же провожу разбор полётов и ставлю задачу на следующий день.

Решили использовать списанные тормозные парашюты для сброса груза с внешней подвески. Юрий Яковлев предложил использовать парашют многократно, для чего закрепить его за три точки: две за замки внутренних балочных держателей, а один за замок внешней подвески. При открытии замка внешней подвески мешки должны были высыпаться, а парашют остаться висеть на балочных держателях. А также на внешние балочные держатели вешать мешки вместо бомб. После этого направляемся в гарнизонную баню с вениками, где вместе

со шлаками смываем с себя радионуклиды. Смена белья, запоздалый ужин и проваливаемся в глубокий, но короткий сон.

Полковники Б.А. Нестеров и старший инспектор-летчик отдела армейской авиации ВВС Киевского округа Александр Михайлович Сорокин на разборе полетов в Чернобыле. Май 1986 г.

Постепенно втягиваемся в рабочий ритм. Одновременно с наращиванием сил над реактором необходимо подобрать площадки для тяжёлых вертолётов Ми-6 и Ми-26 в целях привлечения их к работе. Но методика, разработанная для Ми-8, к тяжёлым вертолётам Ми-6 не подходила. Дело в том, что замки подвески уходят при отцепке вместе с грузом. То есть они одноразового действия. Необходимо срочно изготовить кустарным способом дубликаты этих держателей, которые безвозвратно будут уходить в реактор вместе со сбрасываемым в парашютных куполах грузом. Организовываем заказ на изготовление замков на двух киевских заводах, так как без них использовать вертолеты Ми-6 не представляется возможным.

С ранним рассветом - полусонный завтрак, и отправляемся на аэродром. Стоит плотный туман.

Экипаж подполковника Яковлева подготовил парашюты, необходимые приспособления для подвески мешков на балочные держатели, взял на борт генерала Н.Т. Антошкина, меня и наземный состав и, несмотря на сложные метеоусловия, взлетел на Припять.

Мне необходимо было оборудовать место для руководства полетами и подготовиться к приему вертолетов. Массовое применение вертолётов над АЭС заставило изменить организацию управления ими.

С утра 28 апреля моим рабочим местом стала крыша девятиэтажного отеля «Полесье», возвышающегося над городом на удалении от атомной станции чуть больше километра. Теперь после раннего утреннего подъёма при помощи дежурного курсанта (на телефонные звонки я уже не реагировал по причине хронического недосыпания) я первым вылетал в Припять, имея на борту переносную командную радиостанцию с радиомехаником и дежурного синоптика.

Пролетев над «породнившимся» реактором для замера радиации, приземляюсь у облюбованной цветочной клумбы, а освободившийся экипаж уходил по своему заданию. Мы же поднимались на лифте до верхнего этажа, а затем по лестницам вылезали на крышу и занимали свой импровизированный командно-диспетчерский пункт.

Поздно вечером в сумерках нас забирали с этой же площади на базу. Красивейшее зрелище представлял разрушенный реактор в глубоких сумерках: над его снесённой крышей сияла багровая полусфера. Изумительное зрелище если бы не планетарная трагедия!

Высадив меня и Антошкина на «клумбу», Яковлев перелетел на пляж и приступил к загрузке вертолета. Через 30 минут он доложил о взлете. Вертолет взлетал с максимальным взлетным весом 1200 кг в куполе парашюта, 4 мешка на балочных держателях и 4 мешка с селитрой в грузовой кабине, которые должен был выбрасывать бортовой техник.

Вышли на боевой курс. Сброс производили по бомбовому прицелу ОПБ-1р по команде летчика-штурмана старшего лейтенанта В.Г. Балахонова. Сброс. Вижу, как кучно пошли мешки. Яковлев доложил, что все мешки ушли точно в «жерло» реактора, но в куполе осталось 2 мешка и фала уходит под хвостовой винт. Он выполнил повторный заход со скольжением, сбросил парашют с оставшимися мешками в реактор и доложил, что использовать парашют многократно не представляется возможным из-за его конструктивной особенности.

Для обеспечения безопасности полетов принимаю решение сбрасывать груз вместе с парашютом. Даю команду полковнику Серебрякову забрать все имеющиеся в наличии тормозные парашюты и вылетать на Припять. Возникла проблема, связанная с ограниченным количеством списанных тормозных парашютов. Докладил Николаю Тимофеевичу Антошкину и попросил его помочь в доставании парашютов. Надо отдать должное его организаторским способностям. Парашюты к нам

поступили к вечеру из резервов ВТА (военно-транспортной авиации). Экипажи Серебрякова и Яковлева продолжили полеты. Но чтобы парашюты использовать продуктивно, загружали их до предела. И вновь проблема - ткань парашюта рвалась при загрузке больше 20 мешков.

Полеты над Чернобыльской АЭС

Так методом подбора, эксперимента в своих полетах эти два экипажа отработали методику загрузки, подцепки груза на внешнюю подвеску, взлета, захода на реактор и сброса груза, которую в последствии использовали все экипажи. Во время заправки Яковлев доложил, что на подвеску мешков вместо бомб уходит много времени и сил наземного состава и следует использовать только внешнюю подвеску. Теперь мы полностью перешли к транспортировке мешков на внешней подвеске. Вертолет Ми-8 нёс один-два купола, а Ми-6 и Ми-26 — целые гирлянды в зависимости от возможной грузоподъёмности.

Массовое применение вертолетов началось 29 апреля. Приступили к полетам вертолеты Ми-6 и Ми-26. Каждый вертолет работал со своей площадки загрузки, а на подходе к реактору выстраивался в цепочку.

Сброс груза в реактор экипажи производили по моей команде. С утра Серебряков и Яковлев сделали контрольные полеты на реактор с

командирами прибывших частей и подразделений, а потом они выполняли самостоятельные полеты с командирами звеньев, а те, в свою очередь, с командирами вертолетов.

Метод «размножения» принес свои «плоды». К обеду вертолеты шли к станции непрерывным потоком. Я дал команду командиру полка А.И. Серебрякову приступить к руководству полетами на площадках загрузки. Впоследствии его сменил старший инспектор-лётчик моего отдела Саня Сорокин (ныне - покойный, умер от рака в 2005 году в возрасте 62 лет).

Подполковник Ю. Яковлев продолжил вывозить летный состав и, несмотря на мой запрет на выполнение личных полетов, умудрялся в промежутке между инструкторскими полетами выполнить 1-2 личных вылета. Каждый его полет был направлен на определение реальных возможностей вертолета. В конце дня он на вертолете Ми-8мт сбросил связку весом 4600 кг и доложил, что огонь в реакторе погашен. Это была наша первая победа.

Работа закипела, резко подскочил тоннаж сбрасываемого в течение светлого времени груза. В дополнение к песку стали бросать в реактор бор и свинец. Доставка свинца также впечатляла: довелось увидеть его в виде листов размером около квадратного метра, в «поленьях» длиной 50-60 см и в пакетах охотничьей дробы. Последние были изъяты из потребительских структур, и на них даже висели бирки с ценой. А листы наши экипажи быстро приспособили для своей защиты, уложив их в чашки сидений под парашюты.

Удивляться тут особенно нечему: ведь абсолютное большинство экипажей уже побывало в экстремальных условиях Афгана, где жизнь научила их многому, и установке дополнительного вооружения по всему периметру вертолёт, и изготовлению личных средств защиты. Ответственные за изготовление подобных средств ведомства и управления обычно не проявляли творчества в этих вопросах и плелись сзади войсковой рационализации. Так получилось и на этот раз: специальные листы под парашюты и полов кабин экипажей стали поступать к нам централизованно значительно позже.

Здесь же в Припяти мне посчастливилось полетать на новом транспортном вертолёте Ми-26. Кстати, до сих пор - самом грузоподъемном в мире: в грузовой кабине и на внешней подвеске поднимает до 20 т. При этом имеет ограничение по грузоподъемности не из-за мощности двигателей, а по прочности пола. В один из рабочих дней мне довелось наблюдать его недвижимое висение на высоте 400 метров. Очень наглядное зрелище для машины весом 56 т!

Обед нам привозили на вертолётёте и поднимали на крышу. Ни о каких средствах личной гигиены и защиты думать не приходилось. Выданный респиратор вызывал раздражение кожи, да и мешал при подаче команд экипажам. Приходилось сдвигать его на шею. Обратил внимание, что моча была цвета крепко заваренного чая. Потом всё это сказалось.

По итогам рабочего дня с применением всех типов вертолётётов председатель Правительственной комиссии Б. Щербина дал высокую оценку работе вертолётчиков. Николай Тимофеевич рассказывал, что, когда он доложил на вечернем совещании о количестве сброшенного груза, ему зааплодировали. Я отношу эти аплодисменты в пользу экипажей, их героического труда.

Короткие часы отдыха проводил в уютной гарнизонной гостинице.

30 апреля экипажи Серебрякова и Яковлева были отстранены от полетов из-за переоблучения, а меня на «крыше» заменил другой лётчик-инспектор Л.В. Мимка, будущий командующий авиацией украинской национальной гвардии (сейчас он постоянно болеет).

В конце рабочего дня на аэродром сел самолёт Ту-134, на котором мы отправили в московский госпиталь первых ликвидаторов, получивших переоблучение. На будущее приняли решение не допускать превышения дозы облучения лётно-подъемного состава более 25 Р.

При получении доз облучения около 20 Р экипаж не допускался к полётам над реактором, а использовался на вспомогательных работах. Это решение позволило позже привлекать к повторной работе некоторые экипажи, не набравшие допустимых доз облучения.

В результате выполнения полетов по засыпке реактора нейтрализующе-поглощающими веществами, выполнения других работ по ликвидации последствий катастрофы через это горнило прошла практически вся армейская авиация Советской Армии. Не привлекались только части Групп советских войск в странах Варшавского Договора и армейская авиация 40-й армии ограниченного контингента советских войск в Афганистане. Хочу повторить, что большинство экипажей, работающих над реактором, прошли Афганистан. И никто из них не задумывался о том, стоит ли лететь на разрушенный ядерный реактор. А ведь он излучал в атмосферу в первые дни около 10 000 Р/час! Они знали, что кроме них никто эту работу не сделает.

Менялись экипажи, приходилось спешно вводить в строй вновь прибывших. Работы нам с Серебряковым хватало. Для проведения дезактивации был выбран полевой аэродром Малейки с группой обеспечения.

Теперь при возвращении из зоны заражения была обязательна посадка в Малейках для проведения частичной дезактивации. И всё же, несмотря на принятые меры, после ночёвки на стоянках вертолётов чётко вырисовывался его жёлтый контур на траве. Долго мы мучились и потом в Александрии с этой проблемой. Особенно плохо поддавались устранению радиоактивного загрязнения места расположения силовой установки и редукторного отсека. Несколько вертолётов по этой причине пришлось списать.

Из Киева прибыла группа обеспечения и поддержки: заместитель главного инженера полковник Авенир Иванович Никонов и группа инструкторов из политотдела.

Политработники сразу же дружно взялись за выпуск боевых листов. Правда, слетать в заражённую зону, чтобы на месте наглядно оценить героизм экипажей, у них желания так и не проявилось.

В процессе работы над реактором поступила задача на проведение нового эксперимента: облить кратер водной жидкостью особого состава, которая должна была превратиться в плёнку и значительно ослабить перенос радиоактивной пыли.

Говорили, что стоимость этой жидкости была поистине золотой: её вес был равен весу золота, затраченного на её изготовление. Поручили выполнение этой задачи экипажу вертолёт Ми-26, который и распылил её над объектом. Однако ожидаемого эффекта не получилось: идея на практике себя не оправдала. Вот так неожиданно жизнь проверила псевдонаучные фантазии некоторых «учёных».

Примерно в середине мая нам поступила задача: с помощью новейшего специального прибора замерить параметры реального состояния реактора. Замер необходимо было выполнить с режима висения на высоте 200-250 метров.

Сам прибор крепился к концу троса внешней подвески вертолёт Ми-8мт. Никто из нас выполнить этой задачи не мог по причине переоблучения. К этому времени к нам наконец-то добрался полковник Н.А. Волкозуб, всячески избегавший командировки в загрязнённую местность, и, естественно, у него появился шанс повисеть над реактором, тем более что опыт подобной работы он уже имел.

В своё время, при освоении нового вертолёт Ми-8т в 1968 году, в Воронеже возникла необходимость установки крупногабаритного, но небольшого по весу металлического кольца на вершину производственной вышки. Высота висения составляла 100 метров, и Волкозуб успешно выполнил поставленную перед ним задачу. Но там не было радиации! Надо было видеть, с каким трудом мы с Авениром Ивано-

вичем буквально «выталкивали» его в этот полет на Припять. Он придумывал причины «невозможности» выполнения этого задания, а мы с заместителем главного инженера полковником Никоновым успешно их решали.

Во-первых, Волкозуб усомнился в возможности устойчивого висения Ми-8 на заданной высоте; во-вторых, трос внешней подвески, по его мнению, обязательно должен был коснуться рулевого винта и привести к потере управляемости вертолѐта. И наконец, в-третьих, даже если он сумеет благополучно долететь до АЭС, то никак не гарантирует точного зависания машины над объектом ввиду закрытия его корпусом фюзеляжа. Прекрасно понимая всю несостоятельность претензий, мы выполнили следующее.

Подобрали вертолѐт Ми-8мт с повышенной мощностью силовой установки, обеспечив задачу устойчивого висения с минимальным остатком топлива. В целях удержания троса внешней подвески в безопасном положении по отношению к фюзеляжу и рулевому винту укрепили по всей его длине тяжѐлые свинцовые поленья. Для обеспечения точности зависания над целью, кроме руководителя полѐтов на крыше гостиницы «Полесье», выделили два экипажа, висевших на высоте около 50 метров над рельефом под углом 90 градусов по отношению друг к другу. К сожалению, не удалось проследить сам процесс выполнения задания.

Узнав, что мы с Серебряковым всё ещё не в госпитале, Главком ВВС маршал авиации А. Ефимов приказал немедленно откомандировать нас в Москву.

26 мая на самолѐте Ан-26 мы вылетели в Чкаловскую, откуда машиной добрались до ЦНИАГа, расположенного в Сокольниках.

Переоделись в одежду госпиталя, навсегда распрощавшись с прежней своей военной формой. Она оказалась зараженной до уровня невозможности дальнейшего использования. Кстати, когда я прибыл в начале января 1987 года на повторное медицинское обследование, мне пришлось несколько раз тщательно с мылом мыть голову - настолько были загрязнены волосы.

После окончания лечения врачи вынесли вердикт: временно отстранить от лѐтной работы, предоставить отпуск с лечением в санатории, вопрос о допуске к полѐтам решить после очередного освидетельствования в январе 1987 года.

...

Вскоре после этого я убыл в Киев. Здесь меня ожидали два приятных сюрприза от командования: представление к награждению орденом

«За службу Родине в Вооружённых Силах СССР» I степени, а следом - представление к присвоению звания «генерал-майор авиации». Кавалер этого ордена всех трёх степеней приравнивался по статусу к званию Героя Советского Союза. Обладателями трёх степеней к тому времени в Союзе были всего 14 человек. К тому же командующий округом генерал-полковник В.В. Осипов имел всего лишь третью степень этой высокой награды. Не мог же он позволить какому-то полковнику-лётчику так резко обогнать себя. Представление очень быстро вернулось без реализации назад и навсегда осталось, как память, в моём личном деле. Поэтому когда мне показали представление к присвоению генеральского звания, я сказал: «Представлением удовлетворён. Реализовано оно не будет». Точно! Вскоре документ возвратился без реализации».

В июне 1987 года полковник Б.А. Нестеров был уволен в запас. На постоянное место жительства вместе с семьей переехал в Херсон. Так началась доселе неведомая для военного летчика, живущего только небом и полетами, гражданская жизнь.

Борис Александрович весьма скромно оценивает свое участие, свою роль в организации применения армейской авиации в условиях радиоактивного загрязнения. Опыта организации полетов в радиационных полях, работы диспетчерской службы, технического обслуживания и дезактивации вертолетов ни в наших ВВС, ни в зарубежных не существовало. Пришлось все продумывать и придумывать на месте.

Полковнику Б.А. Нестерову, возглавлявшему армейскую авиацию Киевского военного округа, по воле случая пришлось участвовать в руководстве действиями всей армейской авиацией, привлекаемой для работ в Чернобыле. Начав практически на голом месте, генерал Н.Т. Антошкин и полковник Б.А. Нестеров сумели организовать безаварийные полеты военных вертолетов над разрушенным ядерным объектом. Они выполнили целый комплекс мероприятий по обеспечению четкой и слаженной работы сводного авиаотряда ВВС при ликвидации последствий катастрофы.

6 мая генерал-майор авиации Н.Т. Антошкин по приказу командующего авиацией КВО убыл из района катастрофы. Полковник Б.А. Нестеров остался в Чернобыле и продолжал руководить действиями военных вертолетчиков. Сменялись командиры отряда, но полковник Нестеров оставался на своем посту. Почти месяц он был вторым лицом в руководстве сводного авиаотряда. О его роли и заслугах в организации

работ армейской авиации в Чернобыле знает каждый вертолетчик, выполнявший в это время свой патриотический долг.

Непросто сложилась ситуация с награждением полковника Б.А. Нестерова за мужество и самоотверженность, проявленные в течение самого трудного и опасного месяца работы в Чернобыле - мая. Представили к присвоению звания Героя Советского Союза - не получилось. Представили к присвоению очередного воинского звания - генерал-майор авиации - не присвоили. Не могу судить о том, как оценивало вклад полковника Нестерова в ликвидацию последствий катастрофы командование ВВС округа и Киевского военного округа. Но ведь результат боевой работы армейской авиации налицо: горящий реактор погасили, разрушенный блок засыпали поглощающими материалами. Вся летная работа прошла без аварий и жертв. И эти результаты достигалось нелегко. Предполагаю, что представить офицера к награждению его орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» I степени было совершенно несложно. Если бы при реализации представления возникли бы какие-либо препятствия, их можно было легко преодолеть, основываясь на двух позициях: заслуги полковника Б.А. Нестерова и статус полного кавалера этого ордена. Но не получилось и это. Жаль, откровенно жаль. Видимо, при представлении офицера к награждению учитывались и какие-то другие, неведомые нам факторы.

После увольнения в запас с 16 июня 1987-го по 2001 год Б.А. Нестеров работал начальником штаба Гражданской обороны на хлопчатобумажном комбинате Херсона.

В 1993 году Борис Александрович Нестеров создал Херсонскую областную общественную организацию ветеранов авиации «Небо Таврии».

Борис Александрович постоянно, когда позволяло здоровье, поддерживал связь со своими боевыми друзьями, товарищами и сослуживцами. У него теплые и дружеские отношения со всеми, кого он знал, с кем служил, защищал воздушные рубежи Родины, с кем создавал и управлял боевыми вертолетными подразделениями и частями.

Ветеран ВВС, участник ликвидации последствий самой большой радиационной катастрофы, бесстрашный летчик, творческая личность, пламенный патриот, наш Экзюпери и в современных условиях остается незамеченным руководством Украины. Открытое письмо с ходатайством о присвоении Б.А. Нестерову Героя Украины, написанное Херсонской областной администрацией и представителями общественности Херсона главе Верховной рады и премьер-министру

страны и опубликованное в областной газете, к сожалению, осталось без ответа.

Борис Александрович Нестеров руководил областной общественной организацией до августа 2008 года.

Несмотря на преклонный возраст и болезни он принимает активное участие в общественной жизни Херсона, в воспитании подрастающего поколения, пишет мемуары, в которых стремится точно и объективно воспроизвести политическую, армейскую и социальную обстановку, которая складывалась в авиации и в стране в годы.

Полковник Б.А. Нестеров имеет правительственные награды: два ордена Красной Звезды, два ордена «За службу Родине в Вооружённых Силах СССР», медали «За безупречную службу» I, II, III степеней, «Ветеран Вооружённых Сил», две медали ГДР, одну - сирийскую. Всего **23** медали (вместе с юбилейными).

В 1987 году Б.А. Нестеров удостоен премии «За героизм, мужество и находчивость авиаторов» с вручением Свидетельства почётного члена ассоциации «Фонд авиационной безопасности СССР».

«Семейное положение: Женат. Жена - Нестерова (Фролова) Инесса Яковлевна. Вырастили двух дочерей. Сейчас живём в окружении двух внуков, двух внучек и двух правнуков». /61/

Военный летчик, участник боевых действий и правительственных заданий, участник ликвидации последствий чернобыльской катастрофы, гражданин и патриот Б.А. Нестеров принимает активное участие в патриотическом воспитании молодежи. Выступает с беседами перед учащимися школ, ПТУ, лицеев, на областном телевидении и в местной печати.

После участия в ликвидации последствий чернобыльской катастрофы Борис Александрович тяжело болел. Однажды о нем, как человеку весьма известном в среде авиаторов и чернобыльцев, прошел слух, что он... умер. Народное поверье гласит: если про живого говорят, что он умер - жить тому долго!

Борис Александрович Нестеров перенёс четыре тяжелые операции. Является инвалидом войны 2-й группы, ликвидатором последствий чернобыльской катастрофы 1-й категории.

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО

Главе Верховной Рады Украины
Морозу А.А.
Премьер-министру Украины
Януковичу В.Ф.

**Уважаемый Александр Александрович!
Уважаемый Виктор Федорович!**

Херсонская облгосадминистрация, по представлению трех общественных организаций, к 15-ой годовщине Независимости Украины направила Президенту Украины наградные документы (исх. N 619-6/943-26/16 от 25 июля 2006 г.) по присвоению звания Героя Украины с вручением ордена «Золотая Звезда» ликвидатору аварии на ЧАЭС II категории, инвалиду войны II группы, участнику боевых действий, бывшему заместителю Командующего Киевским ВО по армейской авиации, полковнику в отставке Нестерову Борису Александровичу.

Вопрос предварительно был согласован на всех уровнях. К наградным документам приложены письма на имя главы Херсонской облгосадминистрации Б.В. Силенкова от Херсонского облвоенкомата с просьбой возбудить ходатайство о присвоении звания Героя Украины с вручением ордена «Золотая Звезда» Нестерову Б.А. за самоотверженность, мужество и высокое мастерство, проявленные при ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы. Вопрос о награждении согласован с управлением личного состава Генерального штаба и Департаментом кадровой политики и военного образования Минобороны Украины (исх. N 5/547 от 06.07.2006 г.). Есть аналогичное письмо и от Главного управления МЧС Украины в Херсонской области (исх. N 11/11/4371 от 11.07.2006 г.).

Эти организации представляют Нестерова Б.А. вторично, они заручились и поддержкой Главы Херсонского областного совета Демехина В.А., который также представил в облгосадминистрацию наградные документы письмом (исх. N 451-7/1190-17/57 от 20.07.2006 г.). На это получил ответ (исх. N 352-4258/0/806/26 от 02.08.2006 г.), что наградные материалы направлены Президенту Украины 25 июля 2006 г. за N 619-6/943-26/16.

Весь регион считал, что, в конце концов, через 20 лет справедливость восторжествует! Сотрудники, сослуживцы полковника выступали в СМИ (пресса, радио, телевидение), на встречах с личным составом «Нестеровского» (он был его первым командиром) Херсонского вертолетного полка и Херсонской ракетной бригады. Радовались ветераны, «афганцы», «чернобыльцы», сослуживцы... Но, к сожалению, представление снова не реализовано. Издевательство над героем, вероятно, происходит со стороны комиссии государственных наград и Геральдики и Секретариата Президента Украины. Подчиненные Нестерова, подписавшие это письмо: полковник Куценко В.А. - был начальником политотдела, полковник Курохтин В.И. - был начальником парашютно-десантной службы, полковник Гончар С.В. - был летчиком, - все побывали в горячих местах, цену героизму знают. Среди подписавших это письмо - руководство Международной общественной организации Херсонского землячества в лице генерал-майора СБУ в отставке Тимошенко В.Н, бывшие после Нестерова командиры этого же Херсонского вертолетного полка полковники Савченко В.И. и Чуп В.В.

Окончание на стр. 2

**Открытое письмо главе Верховной рады и премьер-министру Украины
с ходатайством о присвоении Б.А. Нестерову звания Героя Украины
(опубликовано в областной газете)**

Паламарчук Петр Романович

Родился 7 сентября 1950 года в селе Дзвониха Винницкой области. После окончания восьми классов поступил в политехнический техникум в Виннице.

С 1969 по 1971 год Петр Паламарчук служил в Советской Армии в Южной группе войск механиком-водителем в танковой части. Отслужив в армии, поступил в Киевский политехнический институт, после окончания которого направлен на работу в трест «Винницаэнерго», где работал инженером, старшим инженером.

В 1978 году Паламарчука перевели на Чернобыльскую АЭС. За восемь лет он прошел путь от инженера до начальника лаборатории.

За месяц до катастрофы на ЧАЭС П.Р. Паламарчука назначили заместителем начальника Чернобыльского пусконаладочного предприятия.

В момент взрыва реактора 4-го энергоблока Паламарчук находился на БЩУ-4 (блочном щите управления 4-го блока). Когда все затихло, начальник смены А.Ф. Акимов, попросил его проверить работу аварийных питательных электронасосов, от работы которых много зависело.

Добраться в турбинный зал пришлось с большим трудом: коридор был сильно разрушен и завален обломками искореженных строительных балок и других конструкций и агрегатов. Продвигался медленно, где-то приходилось и ползти, пробираясь через завалы и непроходимые места. Можно было вернуться и сказать, что прохода нет, но от работы питательных насосов зависело охлаждение аварийного реактора. Это задание нужно было выполнить во что бы то ни стало.

Сколько времени Паламарчук пробирался к насосам точно не помнит, тогда время для него утратило свое значение. Может быть, оно как-то деформировалось, а может быть, остановилось.

В экстремальных условиях ощущение времени исчезает. Потом выяснилось, что на весь путь в турбинный зал и обратно ушло минут пять-шесть, а казалось - вечность.

Паламарчук все-таки пробрался к насосам, но что-то сделать для восстановления их работы он не смог. Агрегаты находились в воде и функционировать в таком состоянии не могли. Каким-то чудом из трех работал только один, да и то с перебоями. Вскоре и он заглох.

Помещение оказалось полностью залитым водой, благодаря этому не загорелось масло, разлитое ниже отметки +5.

С таким же трудом пришлось возвращаться обратно. На нулевой отметке Петр Романович увидел инженеров с Харьковского турбинного завода, проводившим испытание турбины на виброустойчивость на «выбеге». После взрывов специалисты были растеряны и не знали, что им делать дальше.

- Ребята, сворачивайтесь и уезжайте, - подбегая крикнул им Петр. Он помог собрать кабеля и оборудование, рассказал об увиденных разрушениях.

Когда закончили свертывание спецоборудования, старший команды А. Кабанов с досадой заметил, что он подчиняется заместителю главного инженера ЧАЭС А.С. Дятлову и без его команды уехать не может.

- Беги на БЩУ-4. Дятлов там, получай разрешение, и уезжайте отсюда быстрее!

На аварийном блоке действовали стационарные пожарные под командованием лейтенанта В.П. Правика, монтировали систему рукавов и готовили ее для подключения к гидрантам. Петр Романович, хорошо зная устройство помещений, помог им.

Возвратившись на БЩУ-4, Паламарчук узнал, что нет связи с электромехаником Владимиром Шашенком, и попросил А. Шевчука сбегать на 27-ю отметку посмотреть, что с ним. Вскоре тот вернулся и сказал, что прохода в реакторный цех нет. Кому-то прохода, может быть, и не было, но только не для него, Петра Паламарчука.

Не раздумывая, он бросился на поиски товарища. Увидел бегущего навстречу старшего инженера реакторного цеха А.Г. Кудрявцева. Тот был испуган и растерян: «Кошмар, Петя! Крыши нет, реактора нет. Случилось что-то невероятное».

Через помещение ГЦН (главных циркуляционных насосов) пробраться на отметку +27 действительно оказалось невозможно. Тогда он побежал через деаэрационную этажерку. Тьма там везде была кромешная и пройти в помещение КИП (контрольно-измерительные приборы) было трудно, но возможно. Вернулся обратно.

С трудом и на повышенных тонах выпросил у начальника смены цеха радиационной безопасности помощников. Идти вместе с ним послали дозиметристов Горбаченко и А. Шевчука. Втроем направились на отметку +27. Теперь у них был прибор радиационной разведки. Решили идти через деаэрационную этажерку и питательный узел.

Преодолевая завалы и разрушения, продвигались к намеченной цели. То, что они находятся в поле высокой радиоактивности, ребят не беспокоило, они об этом даже не думали. Главное - найти и спасти человека, попавшего в беду.

Шашенка на месте не оказалось. Бессознательного и обожженного паром его нашли лежащим на полу в коридоре, недалеко от комнаты КИП. Паламарчук осторожно приподнял пострадавшего и, положив его себе на спину, понёс в безопасное место, на БЩУ-4.

Было темно, нести раненого приходилось в полной темноте и на ощупь. При движении Петр часто натыкался на препятствия или какие-то обломки. Парило. Передвигаться в таких условиях было невероятно трудно. Раненому становилось все хуже, он стонал и бредил. Дозиметрический прибор с максимальным значением шкалы 1000 мкР при включении зашкаливал. Где-то с шипением вырвался пар, дышать стало еще труднее. Кое-где искрила поврежденная электропроводка. Вспышки коротких замыканий на мгновение озаряли кромешную темноту. Шашенок громко стонал, иногда кричал. Приходя в сознание, он пытался что-то сказать.

На БЩУ-4 немного передохнули. Где-то нашли носилки. Паламарчук попросил выделить еще двух человек для переноски раненого и по коридору пошли в медсанчасть АБК-1. Идти по узкому коридору с носилками, через турникеты, дозиметрические посты было тесно и неудобно, а путь не близкий. Ребята быстро устали и выбились из сил. Начинало сказываться действие радиации.

У БЩУ-2 остановились, хотели кого-нибудь найти на помощь. Не нашли. Передохнув и собравшись с духом, двинулись дальше.

На подходе к БЩУ-1 их встретила медсестра медпункта АБК-1, но у нее не было с собой ни сумки, ни средств помощи.

У медпункта увидели подъезжающую «скорую помощь». Прямо в коридоре Шашенку сделали обезболивающий укол, он на мгновение пришел в себя и узнал Паламарчука: «Петя, мне конец...» и опять потерял сознание.

Впоследствии выяснилось, что у него был сломан позвоночник и несколько ребер. Обширная поверхность тела обожжена паром.

Спускаясь по лестнице вниз, Паламарчук оказался в бункере, оборудованном для действий руководства атомной станции в чрезвычайных условиях. На командном пункте были директор станции В.П. Брюханов и начальники цехов. Петра стали расспрашивать о том, где он был и что видел.

В промокшей и радиоактивной одежде, усталый, в состоянии прострации Паламарчук рассказал все, что видел. Пол под его ногами раскачивался, а реальность медленно куда-то уплывала. Он что-то говорил, но не узнавал свой голос, который звучал непривычно громко, но гулко, и многократно отражался эхом. Голоса людей доносились как будто издалека. Казалось, что все это происходит не с ним, а с кем-то другим. Петр был молодым и физически крепким парнем. Сосредоточившись и собравшись с духом, попробовал вернуть себя в состояние реальности. На мгновение сознание прояснилось. Но усталость и слабость все больше овладевали им.

В полубессознательном состоянии вернулся в медпункт АБК-1, где ему сделали укол и направили на проходную, куда подъезжали машины «скорой помощи» из Припяти.

Когда выходил из бункера, посмотрел на часы: 4 часа 40 минут. В радиоактивной одежде он пробыл в радиационном поле 3 часа 20 минут.

В больнице Припяти Паламарчука направили в санитарный пропускник, где ему нужно было пройти санитарную обработку и переодеться. Помыться он кое-как сумел, но потом началась рвота. Что было дальше, помнит смутно, обрывочно: сознание то уходило от него, то возвращалось. Слышались голоса врачей, медперсонала, которые звучали откуда-то из темноты...

Во второй половине дня 26 апреля П.Р. Паламарчука вместе с пожарными и эксплуатационниками отобрал для вывоза в Москву доктор Селидовкин, прибывший из 6-й клинической больницы, специализировавшейся на лечении облученных. В Киев их везли на автобусе, а из Киева самолетом в Москву.

В больнице Петра Паламарчука поместили в одной палате с лейтенантом Виктором Кибенком. В первую ночь пожарные и эксплуатационники почти не спали и оживленно общались друг с другом, обсуждая случившееся. О том, что кто-то был виновен в трагедии, речь не заходила, пытались разобраться в ее причинах. К утру у многих началось ухудшение самочувствия и облученных перевели в разные палаты.

Врачи долго боролись за жизнь Паламарчука и других облученных. Убитый радиацией иммунитет полностью отключился и перестал работать. Петр мог умереть от самой незначительной инфекции, попавшей в организм. От родной сестры Галины ему пересадили костный мозг.

Началось мучительное усвоение организмом хоть и родственного, но все же инородного вещества. Лучшие врачи страны делали все, что

было в их силах. Они имели опыт лечения лучевой болезни, но современных лекарств, облегчающих состояние пострадавших, не было.

Помогли американцы. Из США прилетел предприниматель и миллионер Арманд Хаммер, который привез современные и эффективные медикаменты. С ним прибыл доктор Роберт Гейл, в то время считавшийся лучшим в мире специалистом по пересадке костного мозга.

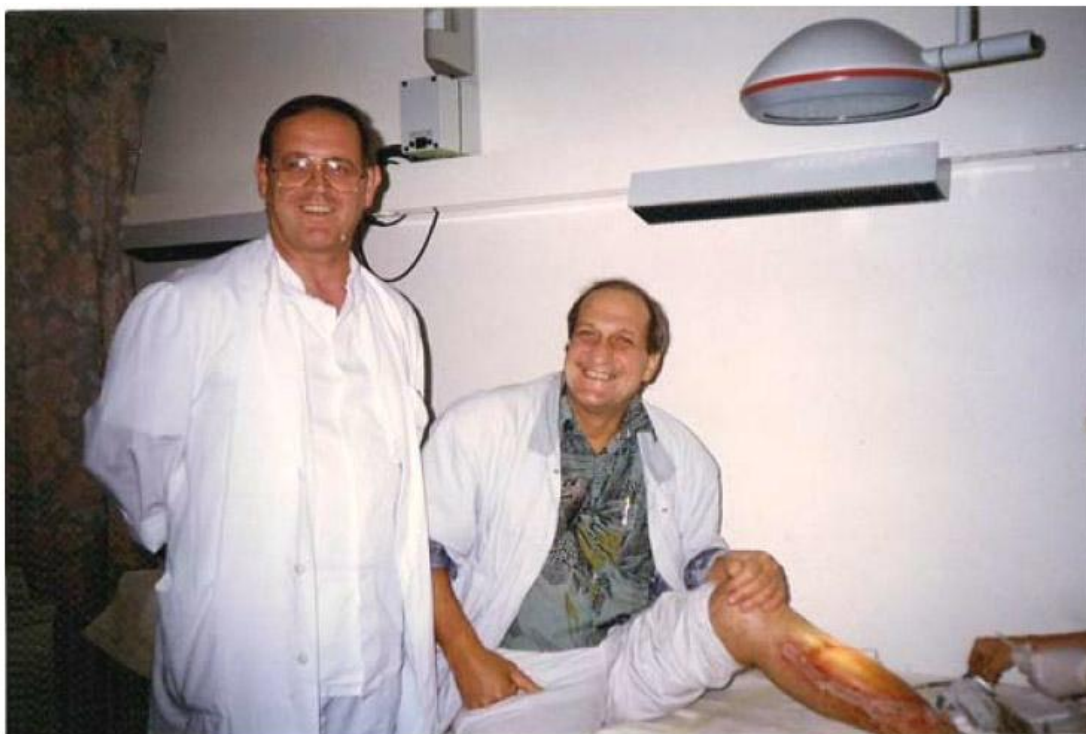
Могучий организм Петра Паламарчука и его стремление выжить победили в единоборстве со смертью. Он перенес 17 тяжелых операций. Сколько боли, мук и страданий довелось пережить этому мужественному человеку! Сколько бессонных ночей, мучительных мыслей пришлось ему пережить!

На спине, на том месте, где Петр нес раненого, образовался обширный и глубокий радиационный ожог, который впоследствии долго не заживал. До сих пор остались у него глубокие шрамы и келоидные рубцы на спине, кисти правой руки и голенях обеих ног. На всех пораженных местах пришлось пересаживать кожу.

Вынеся товарища из радиоактивного ада, как из боя, П.Р. Паламарчук совершил подвиг, характерный для войны и соизмеримый с Суворовским принципом: «Сам погибай, но товарища выручай».

Во всех действиях Петра Паламарчука во время локализации катастрофы проявились его поистине богатырская сила духа, безмерное мужество и неукротимая воля сделать все, что было в его силах, для оказания помощи товарищам. Своими действиями он явил пример, яркий образ Героя и Патриота.

Отважный эксплуатационник получил дозу облучения 860 Р. Лучевая болезнь III степени наступает при 600 Р. Редко, очень редко выживали люди, получившие такое облучение (по медицинской статистике не более 2%). Петр Паламарчук выжил!

Дерматологическая клиника Университета им. Людвиг Максимилиана, ФРГ. Слева (стоит) доктор, профессор Шток, который провел сложнейшую микрососудистую операцию П. Р. Паламарчуку

В полной мере страдания мученика и Героя разделила его семья: мать, жена, дети, сестра. Они взяли на себя столько его боли и страданий, сколько только могли. Семья дала возможность обрести новый смысл, преодолеть тяжелые психические расстройства и переживания.

Когда наступило относительное выздоровление (пожизненно он инвалид 2-й группы в связи с аварией на Чернобыльской АЭС), Петр Паламарчук в 1989 году начал активную общественную работу.

Поняв, что социально-экономическая обстановка в стране не позволит в полной мере компенсировать тот огромный, поистине колоссальный ущерб, нанесенный ликвидаторам радиацией, Петр Романович Паламарчук решил создать такую общественную организацию, которая могла бы иметь возможности для оказания необходимой помощи всем нуждающимся.

С группой товарищей-чернобыльцев и ликвидаторов других радиационных аварий в 1996 году П.Р. Паламарчук создал общественную организацию инвалидов Чернобыля «Наше право». Он объединил в своей организации более 300 участников ликвидации последствий радиационных аварий и катастроф, болевших острой и хронической лучевой болезнью. Организация оплачивала выполнение

высокотехнологических, в том числе и микрососудистых операций за рубежом. Ежегодно десятки человек получали необходимое лечение, более 20 человекам в Германии были сделаны сложнейшие операции на сердце, в том числе шунтирование, которые в России в то время проводились с большим риском. Пострадавшим часто проводились сложнейшие микрососудистые операции по пересадке кожи - такое лечение было возможно только за рубежом и стоило больших денег.

В июне 1996 года П.Р. Паламарчук прошёл курс лечения в дерматологической клинике Университета им. Людвига Максимилиана в ФРГ. Немецкие врачи сделали ему сложнейшую операцию по аутоотрансплантации кожи с применением микрохирургической техники.

Всех членов организации обследовали врачи института питания и назначили им специальные диеты, соответствующие профилю заболевания. Диетическое питание и напитки организация закупала и развозила по адресам.

Паламарчук оказывал такую помощь пострадавшим от радиации, о которой сотни и тысячи подобных и мечтать не могли. При общественной организации «Наше право» функционировал медицинский центр, в котором работали врачи и младший медперсонал всех специальностей.

Над тяжелобольными осуществлялось патронажное обслуживание, к ним круглосуточно выезжали врачи и медицинские сестры. Когда требовалось, медработники круглосуточно дежурили у постели больных.

В лучших клиниках Европы ликвидаторам протезировали зубы и изготавливали протезы рук и ног. Одному из них (В.И. Кутепову) после ампутации рук сделали такие совершенные протезы, что он мог сам обслуживать себя и принимать пищу.

Исполнительный комитет региональной общественной организации инвалидов Чернобыля «Наше право». Крайний слева член правления В.Г. Смагин, второй слева генеральный директор П.Р. Паламарчук, третья слева заместитель исполнительного директора А.Н. Ляпунова, крайний справа директор реабилитационного центра Ю.В. Горохов, вторая справа исполнительный директор М. Крючкова

Ни одна общественная организация, оказывающая помощь инвалидам Чернобыля, не осуществляла такой эффективной деятельности, как «Наше право». Более тринадцати лет существует она вопреки экономическим катаклизмам, дефолтам и кризисам.

Служение П.Р. Паламарчука на ниве помощи пострадавшим при ликвидации последствий радиационных аварий беспрецедентно. Радиация, болезни и страдания не уменьшили его неукротимого стремления находить выход в самых безвыходных ситуациях. Желание совершать невероятные поступки любой ценой характеризуют его как человека огромной душевной силы, богатырского духа и доброго сердца. Своими бескорыстными действиями он спас сотни жизней отважных людей, потерявших здоровье при защите Отечества от радиации.

Жизнь этого замечательного человека достойна воспевания в стихах и песнях. Как истинный Герой и богатырь, Петр Романович Паламарчук проявил образ нашего бессмертного и мужественного народа.

Сможет ли правительство страны по достоинству оценить все героические дела Петра Романовича, всю его жизнь?

За участие в ликвидации последствий катастрофы и проявленные при этом мужество и самоотверженность Петр Романович Паламарчук награжден орденом «Мужество», украинским орденом «За заслуги перед Отечеством» III степени.

Рудаков Владимир Иванович

Владимир Иванович Рудаков родился 29 июня 1930 года в Иванове в семье служащих. Его отец Иван Михайлович был железнодорожником. Мама Лидия Ивановна - домохозяйкой. В 1933 году в их семье родился его младший брат Леонид.

С детства Владимир мечтал стать военным моряком. Морская романтика, навеянная подвигами героев книг и кинофильмов, прочно овладела юношей. В мечтах он видел себя бравым морским офицером. Но его мечте не суждено было сбыться. Медицинская комиссия Ленинградского военно-морского училища, куда он хотел поступить, признала Рудакова непригодным для службы в Военно-Морском Флоте - подвела проявившаяся уже тогда гипертония.

Вернувшись в Москву, он в том же году поступил в Московский энергетический институт (МЭИ) и окончил его в 1954 году.

В профессии энергетика Владимир обнаружил для себя много интересного и увлекся ею.

После окончания института комиссия по распределению выпускников направила Владимира Рудакова в одно из московских конструкторских бюро Министерства среднего машиностроения (МСМ). По существовавшему тогда порядку, молодой специалист должен был отработать три года там, куда его направят.

Романтика была свойственна многим молодым людям тех лет. Их влекли новые стройки, неосвоенные земли. Часто можно было встретить молодого специалиста, который стремился сменить столичную жизнь на периферийную, с ее с неустроенным бытом.

Работа в такой «тихой» организации по душе Владимиру Рудакову не пришлась - его привлекала активная, живая деятельность с осязаемыми, реальными результатами. Инженер-конструктор Рудаков попросился именно на такую работу, но в переводе отказали. И тогда он, проявив настойчивость и упорство, добился перевода.

Через год В.И. Рудакова перевели в монтажное управление № 16 и назначили прорабом участка пусконаладочных работ. Теперь он постигал «азы» монтажной специальности и с удовлетворением сознавал, что не ошибся в выборе профессии. К работе относился самозабвенно, всецело предаваясь ей. Этим объясняется его быстрый

карьерный рост: прораб, старший инженер, главный инженер. Работал в Украине, Казахстане, Сибири.

В 1959 году в Забайкалье Владимир Иванович Рудаков встретил девушку своей мечты Тамару и сделал ей предложение руки и сердца. Он покориł ее своей мужской статью, серьезностью взглядов на жизнь. Вскоре они создали семью. Впоследствии ни он, ни его жена Тамара Дмитриевна ни сожалели о принятом в молодости решении соединить свои судьбы.

В сентябре 1960 года в семье Рудаковых родился сын Михаил. Жили они тогда в Читинской области в закрытом поселке Минсредмаша Первомайский. Через полтора года переехали в Москву.

Сын Рудаковых Михаил так же, как и отец, после школы поступил в Московский энергетический институт. По распределению был направлен в Ленинградский научно-исследовательский институт ВНИПИЭТ (Всесоюзный научно-исследовательский проектный институт энергетических технологий) на инженерную должность.

Перечисление важнейших строек, на которых работал Владимир Иванович Рудаков, заняло бы не одну страницу: от Дальнего Востока (Приморье, Красноармейск), Сибири (Зима, Томск), Крайнего Севера (Новая Земля) до знойного Юга (Навои, Шевченко), Запада (Снечкус).

Количество объектов, возводимых при непосредственном участии Рудакова, ежегодно достигало десятков. Много внимания он уделял становлению и развитию монтажных подразделений, заводов, баз снабжения.

Везти такой воз работы мог только он - сильный, незаурядный, волевой. Владимир Иванович Рудаков был человеком ярким, талантливым, жизнерадостным, остроумным, умевшим в самой сложной, порой деликатной ситуации найти нужное слово, верный тон в общении с сослуживцами. Он был из той категории людей, рядом с которыми каждый чувствовал себя увереннее.

В тридцать три года Владимир Иванович Рудаков возглавил трест «Энергоспецмонтаж», насчитывающий в своем составе свыше 10 000 человек, которым руководил почти 20 лет.

Рабочий режим строителей и монтажников даже в обычных, нормальных условиях, всегда был напряженным, а когда поджимали сроки сдачи объектов, работали по тринадцать-четырнадцать и более часов. Такой одержимостью в работе могли обладать только истинные романтики своего дела. Они верили, может быть, свято верили в то, что участвуют в великом созидательном процессе построения светлого будущего для Родины, для страны и ее людей.

Еще в молодости Владимир Иванович слышал байку, рассказанную одним уходящим на пенсию заслуженным строителем. «Строители и монтажники живут на свете восемь лет, в том числе семь лет до школы и один на пенсии. Остальное время - трудная ежедневная работа». Только потом, по прошествии тридцати с лишним лет трудовой деятельности, он понял, насколько услышанное соответствует истине...

Вся жизнь В.И. Рудакова состояла из бесконечных командировок. Вернувшись из одной, он тут же собирался в другую. Может быть, поэтому он так дорожил домашним уютом, гордился взаимопониманием в семье.

В домашних условиях Владимир Иванович был мягким человеком. Любил, когда семья, родственники собиралась за столом. Дом был открыт для одноклассников, однокурсников и сослуживцев.

В командировках всегда беспокоился о близких. Почти ежедневно звонил домой, интересовался, как сын, как дела. О себе говорил мало, свое обычное: «У меня все в порядке».

Руководитель государственного масштаба лично знал всех бригадиров, специалистов, участвовал наравне с рабочими в процессе монтажа. Всегда стремился быть в гуще всех важных событий. Люди уважали своего начальника, гордились им.

Будучи по всем своим корням исконно русским человеком, Рудаков сохранил в своем характере черты великого народа. В нем чувствовался человек мудрый, с мятущейся душой, гордый и ранимый. Эти качества притягивали к нему людей разных по возрасту и национальности. Среди его ближайших соратников и помощников были русские, украинцы, евреи... К нему шли убежденные сединой и опытом монтажники-пенсионеры и молодые специалисты. Приходили люди сломленные трудностями, жизненными испытаниями, павшие духом. И он всем помогал. Помогал конкретными делами. Он всегда находил нужные слова, укрепляя веру людей в самих себя.

Принципиально важным для него было отношение к молодым специалистам. Многие из них, став позднее руководителями монтажных подразделений, вспоминали о его внимании и требовательности, которую он проявлял к ним в период их становления, о поддержке в дальнейшем.

В ноябре 1984 года Владимира Ивановича Рудакова назначили начальником 12-го Главного управления Министерства среднего машиностроения СССР, в котором он проработал до конца своей жизни.

26 апреля 1986 года на 4-м энергоблоке Чернобыльской АЭС произошла крупнейшая в мире радиационная катастрофа с полным

разрушением активной зоны реактора. В атмосферу и окружающую среду было выброшено огромное количество радиоактивных веществ.

Выступление на совещании в тресте «Энергоспецмонтаж»

Опыта в ликвидации последствий катастрофы подобного рода в мировой практике не существовало. Все действия по локализации и ликвидации последствий катастрофы советским ученым и специалистам пришлось придумывать и выполнять самим. Владимир Иванович рвался в Чернобыль, чтобы оценить масштабы разрушений, и наметить объем предстоящей работы.

В первые дни после катастрофы Владимир Иванович выехал в Чернобыль в составе комиссии Минсредмаша во главе с министром Ефимом Павловичем Славским.

Группа минсредмашевцев на военном вертолете несколько раз облетела ЧАЭС. Из иллюминаторов было видно, что масштабы разрушений огромны: зияли провалы разрушенных деаэрационных элажеров, кровли машинного зала. У Рудакова заняло сердце, а потом заколотилось громко и часто. Казалось, что оно вот-вот вырвется из груди. Владимир Иванович крепко прижал левую руку к груди. «Какая досада, Валидола кончился», - с огорчением вспомнил он, пошарив по карманам.

«С высоты полета была видна брошенная пожарная техника, экскаваторы, бульдозеры. Все замерло как будто на время. Бросался в глаза хаос на площадке: все завалено, пути искорежены, непосредственно у развала куча механизмов и металлолома, огромная лужа темного раствора, какие-то трубы. Впечатление удручающее». /4/

Пробыв в аварийной зоне несколько дней, Владимир Иванович возвратился в Москву. В министерстве началось формирование смен для выполнения строительных работ, но министр Рудакова в Чернобыль не пустил, зная его больное сердце, - Владимир Иванович уже перенес инфаркт.

Рудаков пытался организовать руководство работой своего управления в Чернобыле из Москвы, направлял в район бедствия своих подчиненных, ставил задачи, давал указания. А потом сидел в своем кабинете и смотрел на телефон: ждал звонков, докладов, сообщений. Чернобыльские дела занимали все мысли. В самом деле, министерство, главки «гудели» от напряженности выполняемых задач и хода подготовительных работ. На совещаниях, планерках, летучках было только и разговоров, что о Чернобыле. А сообщения из района катастрофы приходили нечасто, они были неполными, не всегда понятными. Но информация с места событий иной и не могла быть, слишком многое тогда в Чернобыле было неясным, непредвиденным. Рудаков испытывал чувство своей непричастности к большому делу.

Владимир Иванович не привык так работать. Это его возмущало и раздражало. Он всегда работал непосредственно на объекте, всегда был, как говорят военные, на переднем крае, все видел своими глазами, решения принимал на месте.

Поэтому Владимир Иванович готов был, пренебрегая опасностью облучения, находиться в Чернобыле постоянно и безвыездно. О своем здоровье и последствиях облучения не думал.

«14 мая Рудаков вызвал к себе заместителя начальника производственного отдела объединения «Энергоспецмонтаж» Ю.И. Тамойкина.

- Ты можешь поехать в Чернобыль? - прямо и без обиняков спросил он Юрия Ивановича.

- Могу, - не задумываясь и не сомневаясь в правильности принятых начальником решений, - только когда?

- Сегодня. Свяжись со штабом на Китайгородском проезде и запишись на спецрейс из Быково до Киева. Дальше действуй по обстановке. Твоя задача: добраться до ЧАЭС, связаться со штабом Минсредмаша, им руководит Лев Дмитриевич Рябев. Тот поставит

задачу на месте. Еще найди Владимира Александровича Курносова из ВНИПИЭТа, он мой друг, поможет.

В конце после паузы добавил: «Возьми с собой Анатолия Григорьевича Яковлева, пусть едет с тобой. Определитесь с транспортной схемой, выясни, какая помощь нужна от транспортников и механизаторов». /32/

Одной из первых задач, решаемой Минсредмашем в Чернобыле, стало сооружение железобетонной плиты с теплообменником под разрушенным блоком. Академик В.Д. Письменный предположил, что раскаленная магма радиоактивных материалов может прожечь дно шахты, подреакторные сооружения, подойти к грунтовым водам (во время взрыва шахта реактора опустилась на четыре метра) и, соединившись с водоносными горизонтами, вызвать взрыв огромной разрушительной силы и радиоактивное загрязнение больших территорий.

Для того чтобы подобраться к разрушенному блоку снизу, требовалось прорыть тоннель. Выполнить эту задачу поручили специалистам Минуглепрома и шахтерам из Донецка и Тулы. За тринадцать дней они пробили штольню длиной 168 и диаметром 1,8 м.

15 мая Политбюро ЦК КПСС приняло решение о возложении на Министерство среднего машиностроения выполнения всех работ по ликвидации последствий катастрофы.

В Минсредмаше создали центральный штаб отрасли по выполнению работ в зоне катастрофы, председателем штаба назначили А.Н. Усанова, заместителя министра. Членами штаба назначили: И.А. Беляева - заместителем председателя штаба, Ю.П. Аверьянова (9-е ГУ), Ю.М. Савинова (14-е ГУ), Л.В. Забияку (11-е ГУ), В.И. Рудакова (12-е ГУ) и др.

20 мая Правительственная комиссия приняла решение о долгосрочной консервации разрушенного блока для предотвращения выбросов из него радиоактивности. Намечалось грандиозное строительство защитного сооружения. После недолгих размышлений Рудаков решил для себя: «Я должен быть в Чернобыле. А потом - будь, что будет».

В этот же день приказом по ПО «Энергоспецмонтаж» организовали специализированный участок по монтажу подреакторной железобетонной плиты с теплообменником.

«21 мая группа специалистов Средмаша во главе с министром Е.П. Славским в составе: А.Н. Усанов, И.А. Беляев, В.И. Рудаков, Ю.М. Савинов вместе с представителями только что образованного приказом

министра УС-605... с аэропорта Астафьево на самолете министерства вылетели в Киев». /4/

Накануне выезда Рудаков, узнав, что его нет в списках убывающей команды, пошел к министру. Вошел в кабинет и с ходу, от дверей, без подготовки заявил:

- Я должен быть в Чернобыле!

- В Чернобыле ты, Владимир Иванович, быть как раз и не должен. Не забывай о перенесенном инфаркте.

- Тогда снимайте меня с должности начальника главка.

- Мне решать, кого снимать. Не указывай.

- Если так, то тем более я должен быть в Чернобыле вместе с моими монтажниками.

- Да-а-а. Постановка вопроса.... Ну ладно, собирайся. Только ты там держись подальше от радиации. Мы на объекте телекамеры поставим, на поля радиоактивности ходить тебе будет необязательно.

Так Владимир Иванович сумел убедить министра, что его присутствие на объекте аварийных работ необходимо. Славский и сам знал это. Но Ефим Павлович знал, насколько опасно для сердечника радиационное облучение. Но главный монтажник обещал, что руководить работами будет из безопасной зоны.

Однако на деле оказалось совсем не так. Прибыв на Чернобыльскую АЭС, Владимир Иванович, со свойственной ему эмоциональностью, сразу стал рваться к месту предстоящей работы, в штрек под разрушенный блок. Ему не терпелось увидеть все собственными глазами и составить план действий.

Владимира Ивановича пытались отговорить не ходить в тоннель, но он категорически отверг все доводы и очень убедительно доказал, что поступит так, как считает нужным. После этого запретительные разговоры стали бесполезными. Для всех было очевидным, что вопрос его участия в выполнении работ в Чернобыле для него решен.

В это время шахтеры заканчивали проходку шторка под разрушенным блоком, разрабатывали площадку для опорной плиты.

Для прохода к месту строительства железобетонной плиты требовалось бегом преодолеть несколько опасных участков по 60-100 м, где гамма-излучение «простреливало» с интенсивностью несколько десятков рентген в час. Владимир Иванович преодолел опасные пространства наравне со всеми. Потом нужно было спуститься в наклонный участок и, согнувшись, успеть проскочить это расстояние за то короткое время, пока горняки разгружали тележки с грунтом. Все эти препятствия Рудаков преодолел стойчески. Но сердце после таких

«бегов» серьезно «заявило», что подобные «марш-броски» ему переносить тяжело.

«Время начала монтажных работ стремительно приближалось. Шахтеры штурмовали проходку и вышли под фундаментную плиту реактора четвертого блока, прошли в забой под первую захватку. Теперь можно было поднять руку и потрогать основание плиты разрушенного реактора. При прикосновении она ощущалась теплой.

Несколько раз спускался в забой и Владимир Иванович. Казалось, все оговорено, проверено, но он лично хотел познать те чувства, которые испытывает человек в замкнутом пространстве подземелья. Кроме того, Владимир Иванович надеялся своим присутствием поддержать и подбодрить людей, которым предстояло выполнить столь ответственную работу. В этом проявилась сущность Рудакова. Он должен быть там, где тяжело. Всегда впереди, какая бы опасность его ни подстерегала. После общения с ним люди не могли не исполнить свой долг». /30/

В Чернобыль тогда приезжали на несколько дней, осматривали объект предстоящих работ, совещались, принимали решения, организовывали работы, взаимодействия служб и возвращались в Москву.

Правительственная комиссия располагалась в здании райкома партии. Возглавлял ее заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Госснаба СССР Л.А. Воронин. Ситуация в Чернобыле тогда была тревожная. Краткий вывод из обстановки в районе катастрофы, сделанный председателем госкомиссии, был неутешительным: все принятые меры желаемого результата не принесли. На средмашевцев надеялись, что они смогут переломить ситуацию в сторону результативных действий.

В районе предстоящих работ полным ходом шло создание инфраструктуры строительства: за короткие сроки были созданы 3 автобазы, получали технику для обеспечения строительства. Проделав все неотложные действия, наладив работу подчиненных, Владимир Иванович вместе со всеми вернулся в Москву.

«3 июня В.И. Рудаков в составе группы во главе с А.Н. Усановым вылетел в Чернобыль. Задача одна: ускорение хода работ.

15 июня завершили создание линейного участка для сборки конструкций. Основными движущими силами строительства были люди и техника. Все было в наличии. Стройка росла на глазах, наливалась силой и мощью. Но эта мощь пока не выливалась на основной объект». /4/

Вспоминает К. Зуев, бригадир монтажной бригады: «В том, что Рудаков, начальник нашего главка, уже в Чернобыле, я не сомневался. За всю свою трудовую жизнь я его больше видел в робе, телогрейке, сапогах на пусковых объектах Средмаша, чем на собраниях и митингах по поводу пуска какого-нибудь завода, цеха, объекта. К слову скажу, это был наш начальник, к которому запросто можно было обратиться и днем и ночью по любому вопросу, так как в горячих пусковых точках он был всегда рядом с нами - работягами». /32/

В середине июня 1986 года Михаила Владимировича Рудакова, сына Владимира Ивановича, направили в Чернобыль для участия в ликвидации последствий. Тамара Дмитриевна, узнав об этом, очень расстроилась. В телефонном разговоре с Владимиром Ивановичем, который в это время находился в зоне катастрофы, она поведала ему об этом. Владимир Иванович ненадолго задумался, а потом сказал: «Ну Мишка у нас сильный парень. Не волнуйся». /31/

В 1986 - 1987 годах сын Владимира Ивановича Михаил принимал участие в ликвидации последствий. Но он не встречался с отцом: каждый из них действовал на своем участке и по-своему выполнил свой долг.

Владимир Иванович установил в своем монтажном районе такой порядок: с подчиненных можно спросить о результатах работы только тогда, когда созданы нормальные условия для ее выполнения. Присутствие на стройке В.И. Рудакова гарантировало монтажникам такие условия.

«Удивительным был этот человек, Владимир Иванович Рудаков. Его нужно было искать только на монтажной площадке. Поражали оперативность и четкость, с которыми он решал возникающие вопросы. Этот стиль работы был ему присущ и в Чернобыле». /30/

Интенсивность работ на строительстве была беспрецедентно высокой. За один день монтажники и строители выполняли такой объем работы, какой выполняли за неделю в обычных условиях. Люди от Минсредмаша в Чернобыль направлялись лучшие. Им не требовалось долго объяснять, что нужно делать и как.

В.И. Рудаков с незаменимым помощником В.С. Андриановым

Достаточно было указать место работы, а как и что делать, они решали сами...

«На пересменке между первой и второй сменами решили не прилетать каждую неделю, а перейти на постоянный ритм работы. Рудаков стал руководителем монтажного отряда. С этого момента непрерывно 60 дней напряженной работы, днем и ночью, порой по 12-18 часов». /30/

Не раз пытались убедить Владимира Ивановича сделать передышку, уехать в Москву, на что он твердо отвечал: «Я здесь знаю обстановку каждый день и час, могу принять нужное решение, а что мне делать в Москве? Отвечать на звонки, что, где и как, толком не зная обстановки. Нет - это не по мне. Умру, но начатое дело не брошу, тем более во время проведения завершающих работ по перекрытию 4-го блока». /4/ Да, он действительно в то время был незаменим, среди монтажников ему не было равных...

«22 сентября на строительстве защитного сооружения при установке сложнейшей конструкции, названной «самолет», лопнул трос большегрузного крана «Демаг». Возникла критическая ситуация: 165-

тонная машина зависла на высоте 70 м. Под угрозой оказались жизнь людей, строящееся сооружение и уникальный кран, использовавшийся на стройке. «Демаговцы» нашли выход из создавшегося положения - после выполнения определенных технических действий «самолет» осторожно опустили на землю.

Тем не менее обстановка на стройке оставалась напряженной. А.Н. Усанов и руководители УС-605 поехали в Чернобыль, чтобы принять срочные меры по доставке троса на площадку. В.И. Рудаков остался до утра в бункере для того, чтобы контролировать напряженную обстановку». /30/

Вспоминает Игорь Аркадьевич Беляев, начальник главка Министерства среднего машиностроения, заместитель председателя штаба МСМ, член Правительственной комиссии: «Запомнился случай. Уже на этапе возведения третьей стенки «саркофага». Вечером заехал в монтажный район. На втором этаже Рудаков в любимой позе сидит за столом. Рядом, как всегда, Андрианов, Шевченко.

Цель приезда: монтаж третьей стенки. Проблема: с внутренней стороны будут протечки бетона. Буквально за три часа нарисовали, рассчитали по весу и связям стенку из металлокаркасов обтянутую сеткой. Позвали ребят с площадки сборки, послушали их мнение о креплении и весовых факторах. А через день стенка из пространственных каркасов пошла на монтаж. Легла, как там и была...

22 и 23 сентября площадку подготовили по нивелиру, и ее лично принял В.И. Рудаков, не доверяя заверениям строителей. Монтаж вели спокойно, взвешивая каждую команду, стараясь не допускать непоправимых ошибок.

Самое сложное заключалось в том, чтобы зафиксировать сразу четыре опоры блока-гиганта, выставить по осям. Без перекосов в плане и чтобы в самый последний момент при сантиметровых маневрах и корректировках при постоянном раскачивании не произошла саморасстроповка.

Нужно было видеть эту сверхнапряженную обстановку, похожую на работу сапера. Терпению приходил конец. Нервы были на пределе. В.А. Курносов в последние минуты даже не мог смотреть на экран, отошел в сторону и закрыл глаза.

Когда «самолет» сел на опоры, не снимая еще нагрузки с крана (так как были все же сомнения в несущих способностях опор), то грянуло дружное «ура». Все преобразились, люди обнимались, целовали друг друга, говорили об этом событии... Уникальным монтажом руководили В.И. Рудаков и В.С. Андрианов, выполняли Н.К. Страшевский, В.Е.

Блохин, В.В. Кривошей, Н.А. Никулин, А.М. Родионов, С.К. Зуев, машинист крана В.А. Иванякин». /4/

Часто сложившаяся обстановка и громадное чувство ответственности руководителя заставляли Владимира Ивановича практически не покидать бункер 4-го энергоблока сутками. Его знания и практический опыт помогали находить оптимальные решения сложнейших инженерных проблем среди десятков возможных вариантов. Владимир Иванович понимал, что любому новому руководителю потребуется время, чтобы войти в курс дела, а времени не было: вся страна, да и весь мир, ждали закрытия разрушенного блока.

В.И. Рудаков лично руководил всеми работами по монтажу защитного сооружения, работал самоотверженно. Во время подготовки к монтажу и сооружению металлоконструкций жил в одном из помещений хранилища жидких отходов (ХЖО) и практически не покидал площадки.

Напряженный момент строительства «Укрытия». Управление монтажом по монитору

В кратчайший срок на предприятиях главка развернули крупномасштабную работу по реализации предложений ученых,

которые разрабатывали экстренные и последовательные меры по локализации выбросов из аварийного реактора.

«Еще один эпизод незабываемой эпопеи. «Третий ярус стены собран на стапеле. Руководил монтажом В.И. Рудаков, а бригадир В.В. Гаранихин корректировал действие техники с эстакады. Как всегда монтаж проводился в ночь. Руководитель третьей смены А.Н. Усанов был на месте. Отметка +19.50. Здесь 200 монтажников приготовились для выхода в реакторное отделение. К каждой опоре отработали маршрут, и звенья монтажников готовы выйти в зону. В.В. Гаранихин без голоса, только хрипит в микрофон: «Бункер, бункер. Я монтажник. Еще майна, еще, еще».

Ветер раскачивал огромный парус в 130 тонн. Удар об стену, как по сердцу. Погас боковой прожектор. А из зала по-прежнему разносится хриплый, но спокойный голос: «Еще майна».

Стенка вошла в завал. Второй час ночи. С начала монтажа прошло 14 часов. Майна. Нагрузка 100-70-50-10-0. Опоры подвели куда надо, закрепили. Траверы вышли из петель. Стенка стояла незыблемо». /4/

«Коллектив монтажников под его руководством (В.И. Рудакова. - В.М.) смонтировал более 11 тысяч тонн металлоконструкций, 3700 квадратных метров воздуховодов систем приточной и вытяжной вентиляции. Проложил сотни километров силовых и контрольных кабелей, занимаясь оборудованием системы технических средств охраны и сигнализации...». /32/

«Постоянное давление со стороны Правительства страны, требование быстрее завершения работ по «укрытию» создавало чрезвычайное напряжение и вызывали повышенную нервозность на всех уровнях управления стройкой. Это мешало взвешенному обсуждению предстоящих действий.

В этой ситуации эффективность принимаемых решений зависела от атмосферы, созданной Рудаковым. Он был как бы буфером между нами монтажниками, руководством стройки и правительственной комиссией, повторяя, что он отвечает в целом за сроки выполнения работ монтажниками, а его подчиненным поручает заниматься, прежде всего, монтажом и не отвлекаться на доклады и отчеты.

Возглавляя коллектив монтажников главка по ликвидации последствий аварии на ЧАЭС, В.И. Рудаков проявил исключительную работоспособность, собранность и выдержку, своим примером воодушевлял многотысячный коллектив монтажников на выполнение всех поставленных задач в кратчайшие сроки». /33/

К середине октября самые трудные монтажные работы на строительстве защитного объекта «укрытие» были завершены. Оставались недоделки, отделочные работы и подготовка к сдаче государственной комиссии. Все эти работы можно было завершить и без главного монтажника. И тогда Владимир Иванович позволил себе расслабиться, т. е. показаться врачам.

Управление монтажными работами со стороны переходной галереи, используемой как наблюдательный пункт

15 октября А.Н. Усанова и В.И. Рудакова в связи с резким ухудшением их здоровья (гипертонический криз) в приказном порядке (в сопровождении военного врача, инкогнито ехавшего с ними в одном вагоне. - В.М.) откомандировали в Москву в 6-ю клиническую больницу.

Владимир Иванович Рудаков не покинул Чернобыль до тех пор, пока не выполнил свою задачу до конца. Он провел в Чернобыле все смены, свыше 130 дней.

22 ноября на станции Тетерев состоялся партийно-хозяйственный актив УС-605. Близился срок сдачи в эксплуатацию объекта «укрытие».

Обсуждали последние проблемы строительства. В конце совещания объявили решение Е.П. Славского о представлении А.Н. Усанова и В.И. Рудакова к присвоению звания Героя Социалистического Труда СССР. Сообщение вызвало взрыв аплодисментов, гул одобрения. Члены актива стоя аплодировали решению руководства. /33/

Третья смена строителей «саркофага». На переднем плане первый слева - руководитель смены, заместитель министра среднего машиностроения А.Н. Усанов. Вторым слева - заместитель Председателя Совета Министров СССР, председатель Правительственной комиссии Б.Е. Щербина, вторым справа В.И. Рудаков

В то время на награждение передовиков производства выделялась «разнарядка», т.е. определенное количество наград. Представлять к награждению свыше установленных лимитов не имело смысла. На Министерство среднего машиностроения «выделили» только двух «Героев». Решением Е.П. Славского к высокому званию представили заместителя министра Александра Николаевича Усанова и бригадира операторов бетононасосов Виктора Ивановича Заведия.

В декабре 1986 года Указом Президиума Верховного Совета СССР «За мужество и героизм, проявленные при проведении работ при строительстве защитного сооружения «укрытие» В.И. Рудаков награжден высшей наградой СССР - орденом Ленина.

Это был его третий орден Ленина. Но этой наградой Владимир Иванович гордился больше других, потому что считал работу в Чернобыле главным делом своей жизни.

Конец 1986-го и начало 1987 года прошли, в основном, в больницах: врачи 3-й, 6-й больницы пытались восстановить расстроенное в Чернобыле здоровье Владимира Ивановича.

Выйдя из больницы, Рудаков срочно выезжал куда-нибудь в командировку. Весной 1987 года он вместе с А.Н. Усановым посетил выставку строительного и монтажного оборудования в Прибалтике. После командировки - снова госпитализация.

Так прошел весь 1987 год: работа, лечение, работа. Наблюдая слабое здоровье Владимира Ивановича, врачи предлагали ему оформить инвалидность, но предложение было решительно отвергнуто: инвалидность могла помешать работе. «Инвалиды не работают, а я себя без работы не представляю», - говорил Рудаков.

Владимир Иванович был волевым и мужественным человеком. Он тщательно скрывал свою болезнь. И только когда ему становилось очень плохо, «сдавался» врачам. Врачи, медицинский персонал кардиологического отделения очень уважали Владимира Ивановича, внимательно и заботливо относились к нему и делали все возможное для восстановления его здоровья.

Друзья, коллеги знали, что с сердцем у Владимира Ивановича большие проблемы. Сибиряки достали народное средство на основе жира таежного зверя укрепляющее сердце и жизненные силы, и привезли ему. На вкус оно было очень неприятным, но Рудаков терпеливо выполнял предписание целителей и принимал лекарство.

В конце 1987 года произошло обострение болезни, и Владимир Иванович снова оказался на больничной койке. Перед Новым годом его отпустили на несколько дней домой, побыть с родными.

На встречу Нового года в гости к Рудаковым приехали самые близкие друзья. Праздновали, строили планы, мечтали. Друзья предлагали пройти детальное обследование и лечение за границей или в Новосибирском академгородке, отдохнуть в хорошем санатории. Владимир Иванович молча, с улыбкой слушал пожелания друзей, не спорил, не возражал, но понимал, что все эти пожелания нереальны...

После побывки дома Рудаков вернулся в больницу. 22 января его выписывали на работу. Утром он стоял у окна палаты и ждал служебную машину. Увидел, как черная «Волга» въехала в больничные ворота. «Пора», - подумал он. Это были последние мысли Большого Человека, Уникального Руководителя, Пламенного Патриота своей страны.

**Последний приют. Могила и памятник В.И. Рудакову
на Преображенском кладбище Москвы**

Серебряков Александр Иванович

Родился 29 марта 1949 года в Октябрьске Куйбышевской области в многодетной семье рабочего. Его родители отец Иван Артемьевич и мама Елена Савельевна вырастили и воспитали шестерых сыновей. Саша был самым младшим.

После окончания в 1966 году средней школы №30 Октябрьска Александр поступил в Сызранское высшее военное авиационное училище летчиков, которое успешно окончил в 1970 году.

Службу лейтенант А. Серебряков начинал в Забайкальском военном округе. Вертолетная часть, в которую направили его служить, дислоцировалась в городе Могоча. Офицеры шутили «Бог создал Сочи, а дьявол - Могочи». В условиях сурового сибирского климата (где десять месяцев зима, остальное лето) и повышенной боевой готовности из-за напряженных отношений с Китайской Народной Республикой служил военный летчик А.И. Серебряков до 1979 года. За девять лет он продвинулся по службе от командира экипажа до заместителя командира вертолетного полка по летной подготовке.

В 1979 году для продолжения дальнейшей службы майора Серебрякова направили в Киевский военный округ. В Бердянске на базе авиационной части формировался отдельный вертолетный полк. После переучивания летного состава и получения новой техники полк летным эшелоном перебазировался на территорию ГДР и вошел в состав Группы советских войск в Германии.

В 1980 году подполковник А.И. Серебряков поступил в Военно-воздушную академию. В 1983 году он ее окончил с отличием и получил назначение на должность командира 51-го отдельного гвардейского вертолетного полка в Киевский военный округ.

В 1984-1985 годах гвардии полковник А.И. Серебряков выполнял интернациональный долг в Афганистане. Совершил 500 боевых вылетов. За мужество и героизм, проявленные при исполнении интернационального долга, гвардии полковника А.И. Серебрякова наградили орденом Красного Знамени.

После возвращения из Афганистана гвардии полковник А.И. Серебряков продолжил службу в должности командира 51-го гвардейского вертолетного полка.

26 апреля 1986 года гвардии полковник А.И. Серебряков по телефону ЗАС (засекреченной связи) получил приказ от командующего авиацией Киевского военного округа: «Полк поднять по тревоге, привести в состояние боевой готовности «Полная». Подготовить авиационную технику, все службы, подразделения обеспечения к передислокации. Совершить перелет по маршруту Александрия - Чернигов, в готовности с утра 27 апреля с аэродрома Черниговского летного училища приступить к выполнению боевой задачи в условиях радиации на Чернобыльской АЭС».

Подъем части по тревоге и приведение ее в боевую готовность прошел организованно, слаженно и завершился в установленный срок.

Первой в воздух поднялась передовая команда полка во главе с заместителем командира полка подполковником В.В. Соколовым. Затем в воздух поднялся полк. Натужно режут, сотрясая поднебесье, вертолетные двигатели - 51-й отдельный гвардейский вертолетный полк совершает перелет по заданному маршруту.

До Киева полет проходил в штатных условиях. На подлете к столице летный эшелон встретил обширный грозовой фронт. Мощные громовые раскаты сотрясали поднебесье, молнии раскалывали небосвод. Идти на грозу было опасно. По согласованию с диспетчерской службой изменили маршрут движения, обойдя опасную зону с юга.

«...С утра 27 апреля с аэродрома Черниговского летного училища приступить к выполнению боевой задачи в условиях радиации на Чернобыльской АЭС», - мысленно повторял командир слова приказа. «Значит, в Чернобыле дело плохо, - понял Серебряков. - Ну что ж. В академии он был одним из лучших по предмету «Защита от оружия массового поражения» и хорошо знал, как готовить часть к действиям в условиях радиации. Из средств защиты на борту летательного аппарата пилотам нужны средства защиты органов дыхания, бортовой рентгенометр и индивидуальные дозиметры на каждого члена экипажа. Готовность защитных комплектов перед вылетом проверена. Индивидуальные дозиметры собрал к себе на борт полковой инженер для проверки и подготовки. Эту работу должен был проделать начальник химической службы полка, но офицер находился на учебе, и его обязанности выполнил полковой инженер подполковник С.К. Юрко.

В третьем часу ночи 27 апреля «хозяйство полковника Серебрякова» завершило перелет без происшествий и потерь и совершил посадку на аэродроме Певцы Черниговского ВВАУЛ.

Вертолетчиков встречали начальник отдела армейской авиации ВВС КВО полковник Б.А. Нестеров и заместитель командира полка подполковник В.В. Соколов. Они организовали размещение личного состава на отдых.

Вскоре полковники Серебряков и Нестеров, фактически не отдыхая, вылетели в Припять. Перед убытием Серебряков поставил задачу заместителю командира полка: после отдыха летчиков осуществить перебазирование части на полевой аэродром училища.

В Припяти было приказано приземлиться на стадионе, но его увидеть с воздуха не удалось.

В 5.20 полковники Б.А. Нестеров А.И. Серебряков совершили посадку на площади перед горисполкомом. От здания к вертолету быстрым шагом шел начальник штаба ВВС Киевского военного округа генерал-майор Н.Т. Антошкин.

«Товарищ генерал-майор, 51-й гвардейский...» - «Хорошо, хорошо, - прервал доклад генерал Антошкин. - Александр Иванович, давай без формальностей. Как долетели?»

НШ ВВС КВО коротко ввел комполка в обстановку, сложившуюся на Чернобыльской АЭС, и они вдвоем направились к председателю Правительственной комиссии.

Щербина, выслушав доклад офицера, спросил: «Ну что? Не испугаются ваши летчики летать над реактором, увидев, что там творится?» На эти слова ответил генерал-майор Н.Т. Антошкин: «Вот сам командир полка только что прибыл из Афганистана. Полковник Серебряков боевой летчик и опытный командир. Он первым и полетит на реактор, а за ним пойдут все его ребята». «Нужно закупорить взорвавшийся реактор сверху, - сказал Щербина, - с земли к нему не подобраться. На вертолетчиков вся надежда».

Генерал Н.Т. Антошкин объяснил командиру полка детали летного задания. Задача состояла в сбросе с борта вертолетов грузов с нейтрализующими и поглощающими материалами в кратер взорвавшегося реактора с целью снижения температуры его горения и блокирования выбросов радиоактивных веществ в атмосферу.

Уяснив задачу, полковник А.И. Серебряков вылетел на реактор: нужно было провести разведку полетной трассы и отработать маневр захода на цель, определить предельно-допустимую высоту метания грузов, рассчитать запас мощности двигателей для определения массы

сбрасываемых грузов. Командир должен был сам все увидеть своими глазами, все рассчитать и продумать для организации и обеспечения безопасного полета.

Возвратившись в Припять, Серебряков увидел группу гражданских лиц. Находящийся среди них Н.Т. Антошкин приказал совершить полет на реактор с членами Правительственной комиссии.

В девятом часу вертолет Серебрякова с госкомиссией вылетел на атомную станцию. Одного облета вокруг блока оказалось недостаточно, попросили сделать еще круг, потом еще. Операторы, чтобы сделать нужный снимок, просили подлететь поближе и зависнуть в том положении, в котором ракурс развороченного блока был наиболее полным. Александр Иванович выполнял все просьбы настолько, насколько позволяли технические возможности винтокрылой машины.

Возвратившись «с провоза», полковник увидел, что площадка у клумбы заставлена мешками - это был карбид бора, который необходимо было сбросить в реактор.

Примерно в 10.00 началась плановая засыпка взорвавшегося реактора нейтрализующими материалами. «Первым на «бомбометание» горящего реактора пришлось лететь мне, - вспоминает военный летчик 1-го класса генерал-майор авиации А.Серебряков. - По прямой со скоростью 140 км/час шел к четвертому блоку. Ориентир слева - две стопятидесятиметровые трубы АЭС. Зашел над кратером ядерного реактора. Высота сто пятьдесят, нет, низко. Двести метров. Высоко. На радиометре - зашкал. Завис над целью, образованной полуразвернутой шайбой верхней биозащиты и шахтой реактора. Щель метров пять шириной. В нее надо попасть. Биозащита раскалена до цвета диска солнца. Борттехник и штурман открыли дверь. Снизу пахло жаром. Температура на высоте полета достигала 120-180° С, свистел мощный восходящий поток радиоактивного газа. Все без респираторов. Штурман высунул голову в открытую дверь и, заглядывая в ядерное жерло, визуальнo целясь в него, дал команду на сброс мешков. И так все время в этот день. Иного способа не было. О безопасности не думали.

Казалось бы все на этом этапе локализации катастрофы было просто. Рабочие готовили мешки с бором, глиной, песком и загружали их в вертолеты. Вертолеты с мешками на борту поднимались в воздух и сбрасывали их в реактор...» /36/

«В огнедышащее жерло требовалось сбрасывать тяжелые мешки весом 50-70 кг. К тому же загружали их по 6-10 штук на борт. Работали члены экипажа в страховочных поясах над чревом ядерного ада. Чтобы попасть в цель, бортовые техники вынуждены были смотреть через

боковые люки прямо в огнедышащее пекло. Велика, сверхвелика была опасность для авиаторов при выполнении этой боевой задачи!

Прибор для измерения уровней радиации со шкалой до 500 Р/ч зашкаливал. Стрелка измерителя, доходя до крайнего правого положения, ударялась об ограничитель и отскакивала влево. Потом она снова отклонялась вправо, опять следовал удар об эту точку и отброс влево. И так постоянно. Радиометр отказывал. А «на глазок», по данным генерала Антошкина, уровень радиации на высоте полета мог быть 1000-1500 Р/ч. На эту величину ориентировались, по ней проводили расчеты времени безопасного полета. Академик В.А. Легасов, честнейший человек и большой ученый, считал, что для точности расчетов уровень радиации нужно было удваивать. Но летчики об этом не знали... На войне, как на войне. У всех была одна мысль - поскорее закрыть реактор и не дать радиации распространиться в окружающем пространстве. Впрочем, для вертолетчиков уровни радиации тогда большого значения не имели. Какими бы высокими или сверхвысокими они ни были, все равно поставленную задачу вертолетчики выполнили бы. Это были советские вертолетчики! Это были советские люди!» /35/

Сложность радиационной обстановки и летного задания не пугали гвардии полковника А.И. Серебрякова - кто-то должен был выполнить эту задачу. Для участия в локализации последствий чернобыльской катастрофы перст судьбы указал на 51-го отдельный гвардейский вертолетный полк. Летчики, прошедшие Афганистан, преодолевшие многие испытания войной, экстремальными ситуациями, имели большой опыт летной работы. «Мы справимся, эта задача нам по силам», - решил командир.

Александр Иванович не помнит, сколько полетов совершил он в этот день на Чернобыльскую АЭС. Все тогда крутилось и вертелось, как в страшном кино: погрузка, взлет, полет, сброс, посадка, загрузка, взлет...

В висках стучала кровь, а в сознании, как птицы в клетке, бились мысли: «Как ребята? Как вторая эскадрилья? Нужно выдержать и сделать все, что нужно. Нужно. Нужно. Нужно».

Кроме того, комполка управлял действиями отдельных экипажей. Практически каждую машину приходилось держать в поле своего бдительного командирского внимания. Все это делалось в непрерывном движении, во время полетов, взлетов и посадок. Во всех рейсах на «станцию» он лично пилотировал свой борт. При этом успевал по радио связываться с командирами подразделений, отдельными экипажами,

начальниками служб, что-то запрашивал, что-то требовал, кого-то подбадривал, кого-то ругал.

Нелегкий командирский «хлеб» в этот день достался Александру Ивановичу «на всю катушку». За время полетов его вертолет получил такое сильное радиоактивное загрязнение, что превратился в источник высокой радиоактивности. К концу дня на нем не то, что летать, с ним рядом стоять было опасно для жизни.

Экипаж гвардии полковника А.И. Серебрякова, а затем и другие работали в самое сложное время, когда выброс радионуклидов, особенно короткоживущих, имел самый широкий спектр. В воздухе витали пресловутые «горячие частицы» - ядра гелия, которые были страшно опасны для здоровья людей. И при этом летчики не имели фактически никакой защиты, первые полеты проводились даже без респираторов. В горячке боевой работы о них просто забыли. А потом, когда их стали выдавать, выяснилось, что они мешают работе. Главное - сделать дело.

Когда закончили сбрасывать карбид бора, в ход пошел песок и другие поглощающие и фильтрующие материалы. Ученые подсчитали, что для гашения горящего реактора и прекращения выбросов радионуклидов в атмосферу необходимо набросать сверху обломков разрушенного блока изолирующий слой материалов толщиной не менее 1 метра. Для этого нужно было сбросить более 5000 тонн материалов. Кроме карбида бора сбрасывали: доломитовую глину - для образования двуокиси углерода, который должен был обеспечить «газовое перекрытие» доступа кислорода и мог бы способствовать рассеиванию внутреннего тепла; песок - для удержания выбросов радионуклидов и тушения огня; свинец - для поглощения тепла при его расплавлении и снижения мощности гамма-излучения. /1/

Обстановка на вертолетной площадке напряженная, делать нужно было все быстро. Для ускорения процесса летчикам иногда приходилось самим грузить мешки на борт вертолетов. Приходили какие-то люди и давали указания, а иногда что-то требовали. Отдавались дополнительные распоряжения, вводные. Работать в таких условиях было крайне непросто.

Нужный порядок на площадке установил генерал Н.Т. Антошкин. Он запретил летчикам грузить мешки. «Погрузку выполнять только обслуживающему и техническому персоналу, прикачал он. - Приказы и распоряжения летному составу отдаю только я! Указания посторонних лиц не выполнять, всех отправлять ко мне». Николай Тимофеевич понимал особенности и сложности труда вертолетчиков, знал, как

трудно пилотировать боевую машину в условиях радиации и насколько зависела безопасность полета от физического состояния авиатора. «Летчики будут только летать!» - сказал, как отрезал генерал. Также без раздумий парировал он указание одного из высокопоставленных руководителей летать на реактор ночью.

Но разработанными в первых полетах методами сброса выполнить поставленную задачу оказалось невозможным. В первый день было сброшено 65 т грузов, 65 т и 5000 т - величины несопоставимые и, тем не менее, летчики рассчитывали получить благодарность, но от руководства слышали досадное и обидное: «Мало». Начались поиски способов повышения количества сбрасываемых грузов и точности их попадания в цель.

28 апреля генерал Н.Т. Антошкин принял и согласовал с командованием ВВС решение увеличить количество вертолетов в составе вертолетной группы. В ее состав включили еще две эскадрильи на Ми-6. Но размещать грузы на борту оказалось не -эффективно и небезопасно. Нужен был новый способ. Полковники А.И. Серебряков и Б.Н. Нестеров придумали другой способ транспортировки грузов. На ЧАЭС нашли подходящие контейнеры, в которых можно было разместить грузы общим весом до 5 т. После дополнительной реконструкции эти емкости закрепили на внешней подвеске к вертолетам Ми-6 - теперь сбрасываемые материалы (глина, песок, доломит и др.) можно было транспортировать до цели на внешней подвеске. Для сброса грузов над целью по нажатию кнопки «сброс», контейнер открывался, и мешки падали вниз. В тот день количество сбрасываемых грузов на реактор увеличилось до 90 т, однако и этого было мало.

В этот день Правительственная комиссия переехала в Чернобыль. В связи с тем, что взлеты и посадки вертолетов в Припяти вызывали сильное пылеобразование, было решено перевести вертолетную площадку в другое место. Дело это непростое, слишком много факторов влияло на выполнение этого маневра винтокрылым машинам. Тем не менее, подходящую площадку нашли, и не одну, а целых пять.

На близлежащей территории вокруг АЭС оборудовали пять площадок, на которые начали подвозить грузы. Им присвоили кодовые названия «Кубок-1, 2, 3, 4, 5». С этих площадок началась реализация нового способа транспортировки материалов к цели - на внешней подвеске. Мешки с поглотителями размещали в парашютах, которые цепляли на внешнюю подвеску к вертолетам Ми-8, и теперь для сброса материалов не нужно было вручную сбрасывать мешки. Подлетев к цели, летчики нажимали на кнопку «сброс» внешней подвески, и груз

летел на цель. Эта «рационализация» позволила увеличить производительность количества сброшенных грузов, точность их попадания в развал блока и безопасность полетов.

Когда все площадки были готовы к работе, полковник А.И. Серебряков с командиром эскадрильи на вертолетах Ми-8 подполковником Ю.Н. Яковлевым облетели все площадки и совершили пробные полеты с командирами эскадрилий на реактор. Затем командиры эскадрилий самостоятельно летали на реактор с командирами звеньев, а командиры звеньев - с командирами экипажей. Таким образом, была организована подготовка командиров подразделений к выполнению полетов на реактор. Этот способ обучения получил название «способ размножения».

Возвратившись на аэродром Черниговского училища, на котором базировался отдельный вертолетный отряд, командир полка поставил задачу летному составу, организовал взаимодействие служб, указал каким экипажам и с каких площадок брать грузы, назначил руководителей полетов на каждую площадку.

29 апреля к выполнению задачи приступили двумя эскадрильями на Ми-8 и Ми-6. Командир полка, как и положено, полетел первым, за ним комэск подполковник Ю.Н. Яковлев, затем все остальные. Началась интенсивная боевая работа: подлет к площадке, зацеп груза, полет на ЧАЭС, сброс на цель, возвращение на площадку и так далее. Поочередно, по команде руководителей полетов, с пяти площадок взлетали вертолеты и улетали на ЧАЭС на засыпку реактора.

Завертелась летная карусель, закипела работа. Летали все: от командира экипажа до командира полка, от восхода до заката солнца. Работали с небольшими перерывами на обед.

Первые дни питались «сухими пайками». Многие экипажи, как в Афганистане, сами разогревали или готовили пищу на примусах. 29 мая подвезли горячее питание с полевых столовых.

Рабочий ритм налаживался, но силы летчиков таяли. От усталости и постоянного недосыпания Александр Иванович буквально валился с ног. Если у летчиков было хоть и неполное от положенного время на отдых (вертолетчик должен спать не менее 8 часов в сутки), то у командира полка его оставалось совсем немного. После полетов нужно было провести разбор полетов, подвести итоги работы, отдать необходимые распоряжения и указания на заправку и обслуживание техники. Кроме того, требовалось уточнить задание на следующий полетный день, поставить задачу командирам эскадрилий, организовать четкую работу и взаимодействие технических служб. После всего этого

на сон оставалось совсем немного. Постоянное нервное и физическое напряжение сказывалось на реакции, быстроте действий - человек есть человек, и всему есть предел. Только богатырское здоровье и внутреннее самообладание, а также самодисциплина и организованность позволяли полковнику держаться молодцом и не показывать своей усталости. Командир должен быть примером для подчиненных, и Александр Иванович был им всегда.

Тормозные парашюты, используемые на внешней подвеске, оказались слабыми и от тяжести мешков рвались, вдобавок в них нельзя было положить нужное количество грузов. Борта уходили на станцию недогруженными. Когда подвезли десантные парашюты, то производительность полетов значительно повысилась. Вертолеты получали полную нагрузку: на Ми-6 загружали до 6 т, на Ми-8мт - 4 - 5 т.

Работа в таком режиме дала свой результат - количество сбрасываемых грузов увеличилось почти втрое, и на третий день полетов в эпицентр катастрофы сбросили 190 т песка.

Это была маленькая победа, но и этого, увы, оказалось мало. Правительственная комиссия по-прежнему оценила работу летчиков все той же оценкой: «Мало». Нужно было искать другие варианты.

Вспоминает Александр Иванович Серебряков: «30 апреля генерал-майор Н.Т. Антошкин приказал уплотнить график полетов. На самое высокое здание Припяти (гостиница «Полесье») посадили авиационного наводчика. С его помощью летчикам приходилось меньше тратить времени для захода на цель и не отвлекаться на обеспечение безопасности полета и предотвращение столкновений с другими бортами и высотными сооружениями АЭС. Получилось что-то вроде «карусели». Авианаводчиками по очереди были полковники Нестеров, Минка, Сорокин.

За четыре дня авиаторам 51-го отдельного авиационного полка удалось увеличить количество сбрасываемых материалов в 15 раз! «И когда на вечернем заседании Правительственной комиссии 1 мая генерал Н.Т. Антошкин докладывал, что за день сброшено **1100** тонн грузов, все члены комиссии заулыбались, встали и дружно зааплодировали успехам авиаторов. Председатель комиссии объявил благодарность всем летчикам. Он попросил поздравить летчиков, а затем... поставил на 2 мая еще более объемную задачу». /35/

По оценке полковника А.И. Серебрякова, в то время отличились экипажи Яковлева, Билогана, Олейника, Николаева, Ерохина, Рыжова. Достоин похвалы и инженерно-технический состав, готовивший технику к полетам. Благодаря их добросовестной и слаженной работе отказов

техники не было. Возглавлял эту службу заместитель командира полка по ИАС (инженерно-аэродромной службе) гвардии подполковник С.К. Юрко. Офицеры этой службы работали и на площадках подцепки грузов.

Но достижение успехов летчикам давались нелегко. Возвращались они с полетов усталые, изможденные высоким напряжением, у многих на земле начиналась рвота. С осипшими голосами, неестественно загоревшие (радиационный загар), они крепились и не показывали своей усталости. Никто не сдался трудностям, не уклонился от полетов. Даже когда летчики набирали предельную дозу облучения, вертолетные площадки не покидали, старались любой ценой, иногда даже обманом, вылететь на станцию.

«Лучшие помощники генерала Антошкина полковники Б. Нестеров А. Серебряков были способны на выполнение самых сложных, может, быть даже невероятных действий, может быть таких, как самосожжение, или как Данко, вырвать свое сердце, лишь бы выполнить боевую задачу. Николай Тимофеевич бесконечно им благодарен за оказанную помощь и примеры, подаваемые подчиненным, за то, что ребята, так же как и он сам, изматывались при выполнении задач, забывая об отдыхе, еде, сне, здоровье. Но радиационное облучение не проходит бесследно. Никто из них не знал свою дозу облучения. Не до того было. Позже, по оценке специалистов, оказалось, что доза облучения летчиков составляла не менее 500-600 бэр. После возвращения в свои части летчики тяжело болели». /36/

Вспоминает министр энергетики Украины В.Ф. Сκληров: «Командир вертолетного полка, полковник, моложавый, на вид лет двадцати семи - тридцати, стройный, рослый, с осиной талией, профессионально и с невероятным самообладанием командовал на развернутом в поле КП сразу многими вертолетами. Один заходил на цель, другой от нее уходил, третий приземлялся для загрузки, четвертый взлетал с грузом, пятый на маршруте. Воздух весь дрожал от непрерывного рева двигателей. Все невозмутимо, спокойно, с командирским чувством собственного достоинства. Когда один из высокопоставленных товарищей попробовал ему что-то посоветовать (а у нас всегда хватало людей, которые буквально во всем разбираются и считают просто своей обязанностью давать советы), этот молодой полковник тем же тоном, уважительно, уверенно сказал примерно так:

- Вы мне мешаете выполнять боевую задачу. Прошу вас покинуть КП». /37/

Большая часть работы по сбрасыванию грузов с воздуха проводилась с 28 апреля по 6 мая, и в основном ее проделали вертолетчики 51-го отдельного гвардейского вертолетного полка под командованием гвардии полковника А.И. Серебрякова. Личный состав проявил мужество и самоотверженность, выполняя сложные летные задания в условиях высоких уровней радиации. ***Честь и слава воздушным ликвидаторам!***

Когда доза внешнего облучения полковника А.И. Серебрякова составила более 67 рентген, генерал-майор Н.Т. Антошкин отстранил его от полетов и назначил руководителем на площадку «Кубок-1». Но там тоже не «мед». Взлетающие и садящиеся машины образовывали пылевые вихри, содержащие в себе радиоактивные вещества. Для обеспечения надежности защиты органов дыхания приходилось надевать по два респиратора. Но в них трудно было руководить полетами. И тогда «лепестки» сбрасывались и о них на время забывали.

Однажды на КП площадки произошел случай, который серьезно навредил карьере комполка.

Из штаба Киевского военного округа в Чернобыль приехал член военного совета округа. Весь начищенный и наглаженный, в белых перчатках, чтобы не испачкать руки, он вышел из машины и стал ждать выбегающего, как обычно, навстречу офицера. Но его никто не встречал. Ждать генерал не любил. Тогда он сам пошел разобраться, что происходит.

- Есть здесь кто-нибудь, кто сможет доложить мне обстановку? - спросил он возмущенно.

- Извините, товарищ генерал, - спокойно, но твердо доложил офицер, находящийся у радиостанции (это был полковник А.И. Серебряков), - я руковожу полетами вертолетов. Они взлетают и садятся каждые 30 секунд. Если я отвлекусь от выполнения обязанностей, быть беде.

Генералу-политработнику очень не понравились слова офицера. Он приказал порученцу узнать и записать воинское звание и фамилию этого офицера. «Он у меня запомнит этот случай надолго», - заскрипел зубами генерал. Когда ему на подпись принесли наградной лист на присвоение полковнику А.И. Серебрякову звания Героя Советского Союза, генерал вспомнил тот случай.

Вскоре и на командном пункте «Кубок-1» полковнику А.И. Серебрякову запретили работать. Говорить он уже не мог, только хрипел.

Только 26 мая в состоянии нервного перевозбуждения, с осипшими голосами, радиационным загаром на лицах и неадекватной оценкой происходящего полковников Б.А. Нестерова и А.И. Серебрякова по приказу командующего ВВС маршала авиации Ефимова направили в ЦНИАГ (Центральный научный исследовательский авиационный госпиталь) в Москву на обследование и лечение.

Врачи обнаружили у полковника А.И. Серебрякова сильное заражение радионуклидами щитовидной железы, лимфатических узлов и печени. Каким-то невероятным образом пошли слухи о том, что положение дел со здоровьем у командира полка очень плохо, говорили, что ему сделали трепанацию черепа.

Потом сообщили, что он... умер. В народе существует поверье, что тот, кого хоронят преждевременно, будет жить долго. Но, тем не менее, жене сообщили, что ее муж умер... Что ей пришлось пережить в это время, знает только она одна.

Задачи по локализации катастрофы на Чернобыльской АЭ, поставленные перед отдельным гвардейским вертолетным полком командованием и Правительственной комиссией личный состав полка выполнил с честью. Все полеты прошли без потерь, поломок и чрезвычайных происшествий.

В то время засыпка разрушенного реактора нейтрализующими и фильтрующими материалами была единственным способом закрыть его и перекрыть выбросы радионуклидов и аэрозолей в атмосферу. И как бы там ни упражнялись в красноречии и ни умничали противники засыпки реактора с воздуха, решение, принятое тогда Правительственной комиссией, и то, что было сделано вертолетчиками, было единственно правильным. Да, во время бомбардировок на ЧАЭС повышался радиоактивный фон, да, были пылевые переносы за пределы атомной станции, но когда сбросы прекращались, гамма-фон снижался значительно.

На непрекращающиеся пересуды о решении засыпать разрушенный реактор армейской авиацией генерал-полковник Н.Т. Антошкин в наши дни убедительно заявляет: «Пусть кто-нибудь даже сейчас, спустя десятилетия, скажет, что тогда нужно было делать для блокирования радиоактивных выбросов и снижения температуры горения радиоактивных материалов в активной зоне. А тот, кто оспаривает это решение, пусть представит себя на нашем месте в те горячие денечки». /36/

После получения предельных доз облучения экипажи заменялись, на их место прибывали другие, сначала из Чернобыля убыли экипажи Ми-8, а затем Ми-6.

Гвардии полковнику А.И. Серебрякову пришлось еще несколько раз, в течение всей ликвидационной кампании бывать в Чернобыле для выполнения различных заданий командования.

За участие в ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС полковник А.И. Серебряков награжден орденом Красной Звезды, хотя он был представлен генерал-майором Н.Т. Антошкиным к присвоению звания Героя Советского Союза.

С 1986 по 1988 год полковник А.И. Серебряков служил в Ленинградском военном округе в должности начальника армейской авиации, там же он продолжал лечение и реабилитацию.

В 1988 году полковник А.И. Серебряков переведен в Киевский военный округ в Днепропетровск на должность начальника авиации 2-й армии.

В 1990 году, в связи с распадом СССР и отказом служить в Украине он переведен в Приволжский военный округ на должность начальника управления авиацией округа. В его подчинении находились три летных военных училища, пять авиационных полков. За время исполнения служебных обязанностей на этой должности Александр Иванович подготовил более тысячи летчиков. За успехи в боевой подготовке и воспитание личного состава он награжден орденом «За боевые заслуги».

В 1994 году полковнику А.И. Серебрякову присвоено звание генерал-майора авиации.

В 1996 году генерал-майор авиации А.И. Серебряков командовал авиационной группировкой в антитеррористической кампании на Северном Кавказе. Совершил более 100 и организовал 1800 боевых вылетов.

За мужество и героизм, проявленные при выполнении боевых заданий на Северном Кавказе, генерал-майор авиации А.И. Серебряков награжден орденом Мужество и именным оружием.

В 1997 году генерал А.И. Серебряков с отличием окончил высшие академические курсы Военной академии Генерального штаба. Он имеет квалификацию «летчик-снайпер». Общий налет генерала на различных типах летательных аппаратов составляет более 5000 ч.

В 2004 году боевой генерал А.И. Серебряков, прошедший три войны (афганскую, чеченскую, чернобыльскую), уволен в запас.

Награды генерал-майора А.И. Серебрякова: ордена СССР: Красного Знамени, Красной Звезды; ордена РФ: Мужество, «За Боевые Заслуги», орден Святого Благоверного Дмитрия Донского II степени Русской Православной Церкви, именное оружие.

Первый экипаж вертолета, летавший над разрушенным реактором Чернобыльской АЭС. Справа налево: командир полка гвардии полковник А. Серебряков, штурман эскадрильи гвардии майор С. Никитин, бортовой техник гвардии старший прапорщик А. Вышковский

Участник ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС А.И. Серебряков занесен в Книгу почета «Союза «Чернобыль» России».

В настоящее время Александр Иванович занимается патриотической и воспитательной работой школьников и молодежи, учит детей, как жить достойно, гордиться своим Отечеством и любить свою Родину.

«Служение Родине, своему народу, земле, тебя породившей, защита их интересов, - говорит герой, - является единственно правильным образом жизни». /34/

Генерал-майор А.И. Серебряков. Уточнение расчетов плана авиационного обеспечения армейской операции

Александр Иванович много времени и сил отдает чернобыльскому движению. Являясь одним из первых участников ликвидации последствий и первым боевым летчиком, увидевшим своими глазами масштабы чернобыльской катастрофы, ему есть о чем рассказать не только молодежи, но и старшему поколению, находившемуся в неведении о тех грозных событиях.

Александр Иванович Серебряков - ценнейший хранитель памяти начального периода чернобыльской кампании, его знание реальных событий, обстановки и динамики развития процесса локализации горящего «ядерного вулкана» бесценно.

Однако специфика чернобыльского вопроса, особый статус информации о ликвидации последствий не позволяют рассказать всю правду о том, что было в Чернобыле и как истинные патриоты и верные сыны Отечества спасали свою страну от радиации. Это дело времени. Пройдут годы и будут сняты все «грифы» секретности и раскрыты все тайны и тогда люди узнают полную правду о Чернобыле и о людях ликвидировавших последствия катастрофы.

На встрече с ветеранами и воспитанниками военно-патриотического клуба «Достоинство» города Октябрьск. В первом ряду четвертый слева стоит генерал-майор А.И. Серебряков

Генерал-майор А.И. Серебряков на открытии чернобыльского музея в самарской средней школе №64

Чернобыльцы России знают о подвиге генерала А.И. Серебрякова, о его мужестве, самоотверженности и гордятся тем, что среди них есть такой заслуженный и замечательный человек.

Оценивая самоотверженную службу на защите Отечества, всю его жизнь и подвиги, начинаешь понимать, что героизм - это не кратковременный порыв человека, а образ его жизни.

Щербина Борис Евдокимович

Родился 5 октября 1919 года в Донецкой области в пригороде города Артемовск в семье рабочего. Сражался с белофиннами, воевал с фашистами, участвовал в восстановлении Харькова после оккупации. Прошел путь от инженера-железнодорожника до министра газового строительства и заместителя Председателя Совета Министров СССР.

Деятельность заместителя Председателя Совета Министров СССР Бориса Евдокимовича Щербины на посту председателя Правительственной комиссии Совета Министров СССР по расследованию причин аварии на Чернобыльской АЭС оценивается весьма неоднозначно. Необходимо вспомнить, что уже вечером 26 апреля он был в Чернобыле, а ночью ему пришлось принимать ответственное решение об эвакуации жителей Припяти.

Именно Борису Евдокимовичу Щербине пришлось решать уникальные в мировой практике проблемы в условиях, когда выдающиеся ученые и специалисты не могли предложить проверенные, конкретные варианты укрощения взорвавшегося и горящего ядерного реактора.

В своей работе Правительственная комиссия столкнулась с множеством проблем, не имевших аналогов, как в отечественной, так и в мировой практике, высочайшей ответственностью за принимаемые решения.

29 апреля начала работать Оперативная группа Политбюро ЦК КПСС, созданная для руководства ликвидацией последствий катастрофы на ЧАЭС в масштабах страны. На первом этапе ликвидации последствий заседания ОГ Политбюро ЦК КПСС проводилась ежедневно. Зал, в котором заседали члены Политбюро на Старой площади в Москве, был оборудован прямой селекторной связью с городом Чернобылем.

В Кремль звонили из всех стран Европы, Азии, подвергшихся радиоактивному загрязнению, и требовали объяснений. Правительство Советского Союза находилось в состоянии высшего накала. Со Старой площади постоянно и непрерывно требовали, требовали, требовали

принятия решений, запрашивали сведения о радиационной обстановке в районе катастрофы, в Припяти и других населенных пунктах и ждали результатов. Спрос был жесткий: что сделано? Потушили горящий реактор или нет? Выбросы продолжаются? Политбюро ЦК КПСС требовало ускорения поисков решений.

Все это нервировало членов Правительственной комиссии и, особенно Бориса Евдокимовича, создавало напряжение в работе. Заседания Правительственной комиссии проходили 3-4 раза в день. Вечернее заседание начиналось в 20.00 и заканчивалось глубоко за полночь. После его окончания начинались согласования, утверждения, отдавались распоряжения. На сон оставалось 2-4 часа, в первые же дни спать вообще не приходилось. Работа в таком высоком и изматывающем темпе доводила до крайнего физического и психологического истощения, и не каждый мог выдержать подобный накал.

Еще ночью 26 апреля в зал заседаний Правительственной комиссии прибыл старший автоколонны автобусов, собранных для эвакуации населения и доложил, что в район Чернобыля прибыло 700 автобусов для эвакуации жителей Припяти. Всю ночь будет продолжаться сбор автотранспорта. «К утру 27, - сообщил он, - планируем завершить сбор колонны». Председатель Правительственной комиссии приказал докладывать ему лично о прибытии техники через каждые два часа.

Принимая решение об эвакуации населения города энергетиков, Б. Щербина знал, что транспорт для выполнения этой операции готовится, поэтому все основные усилия были сосредоточены на решение организационных вопросов. Нужно было продумать и отработать все до мелочей, так как от этого зависел и успех и оперативность вывоза людей из опасной зоны.

В 10.00 27 апреля состоялось совместное совещание членов Правительственной комиссии и партийного актива Чернобыльского райкома КПСС, на котором Борис Евдокимович объявил о том, что эвакуация начнется в 14.00. Он приказал подготовить обращение к жителям города, в котором в спокойных тонах посоветовал сообщить о временном выезде из города. Такое обращение было подготовлено и в 12.00 передано по местному радио.

Граждане Припяти и поселка Янов спокойно и с доверием отнеслись к сообщению горисполкома о временном отъезде из города. Припятчане привыкли доверять властям города, поэтому такая трудная и кропотливая работа, как эвакуация населения из зоны радиации, прошла оперативно и организованно, и в этом большая заслуга председателя Правительственной комиссии Б.Е. Щербины.

Тяжелые размышления Б.Е. Щербины

Получив большую дозу облучения, Борис Евдокимович Щербина 4 мая был заменен заместителем Председателя Совета Министров СССР Иваном Степановичем Силаевым. Уехав из Чернобыля, он, тем не менее, интересовался ходом ликвидации последствий и принимал участие в решении основных стратегических вопросов устранения последствий радиационной катастрофы. С 12 сентября 1986 года в соответствии с Постановлением ЦК КПСС и Советского Правительства он остался бессменным председателем Правительственной комиссии.

Эвакуация населения из Припяти - это только один, первый этап в деятельности председателя Правительственной комиссии, следующий был связан с эвакуацией населения из 10- и 30-километровой зон.

Были и другие проблемы, чрезвычайно важные и сложные как в техническом, так и в организационном плане: тушение ядерного огня в разрушенном реакторе сбрасываемыми с военных вертолетов мешками с поглощающими и фильтрующими веществами, разборка завалов в условиях жесткого радиационного излучения, строительство «саркофага», дезактивация территории, возобновление работы трех сохранившихся энергоблоков, строительство нового города энергетиков Славутича и многие, многие другие не менее важные, но весьма

необходимые научные и технические операции, которыми занималась Правительственная комиссия под руководством Б.Е. Щербины.

Несгибаемая воля и характер Бориса Евдокимовича, его цепкий аналитический ум, способность подчинить всех участников интересам дела, непререкаемый авторитет и другие качества бесспорного лидера наиболее ярко проявились в первую ночь после катастрофы на Чернобыльской АЭС при принятии решений и оперативной организации по эвакуации населения из Припяти.

Незаурядное здоровье Б.Е. Щербины было надломлено именно в Чернобыле, где он получил дозу облучения не менее 200 бэр. Сам же он нисколько не считался с тем, какую опасность таило в себе радиационное поражение, которое проявляется через много лет после облучения.

Вспоминает В.Ф. Скляр, министр энергетики Украины, один из членов Правительственной комиссии, работавшей в Чернобыле в первых числах мая 1986 года: «Хочу подчеркнуть некоторые бросавшиеся в глаза особенности поведения людей, работавших в штабе по ликвидации аварии (Правительственной комиссии Совета Министров СССР по расследованию причин аварии. - В.М.).

Абсолютное большинство выглядело достойно, может быть, несколько возбужденно. Глаза блестели ярче, речь отрывистее и четче, резче жестикулируя, и опять же многие стремились скорее действовать, чем вдумываться, анализировать и прогнозировать ход событий. Радиацию не замечали и игнорировали, не кланялись ей, как и пулям наши предки. Говорили со смешком, снисходительно, что-то вроде: «Ну сколько там пикает? А если перевести в секунду, так это совсем ничего».

К счастью (или несчастью), приборов не было. Иначе было бы ясно, что «пикает» весьма прилично. Многие за сутки получали пожизненную дозу облучения. Тон задавал председатель, который по отношению к себе и близкому окружению считал вопросы, связанные с радиацией, неприличными и неуместными. Он вел себя так, как это было заведено среди кадровых военных испокон веков. Я бы сказал, с гусарским высокомерием и спокойно-презрительно.

То есть объективно признавалась опасность радиации, но она намеренно не замечалась и практически в аспекте личной безопасности никогда не рассматривалась. Думается, что ее серьезно не принимали в расчет и при обсуждении других вопросов - в первое время, во всяком случае. Как-то стеснялись говорить на эту тему, что ли. Это не от незнания, а от склада характера и воспитания. В основном мы брали

пример с начальника. Принцип «делай, как я» всегда убедительнее любых слов». /6/

Председатель Правительственной КОМИССИИ по расследованию причин катастрофы на Чернобыльской АЭС Б.Е. Щербина. Конец апреля 1986 г.

На этой редкой фотографии, сделанной в первые дни ликвидации последствий катастрофы, мы видим усталое, озабоченное и до крайности измученное лицо председателя Правительственной комиссии - так переживать за порученное дело, так самозабвенно отдавать себя работе могли только люди самоотверженные, безгранично преданные высшим идеалам своего дела, люди высокой ответственности и беспримерного долга.

«Нельзя ослаблять внимание к Чернобылю, - говорил Щербина в своем выступлении на заседании Политбюро ЦК КПСС 14 января 1988 года. - Теперь, когда завершены самые трудные работы по восстановлению АЭС и укрытию разрушенного энергоблока, открывается возможность закончить оставшиеся работы по дезактивации в основном в 1988 году. Конечно, что-то останется и на последующее время.

В этой связи уместно напомнить оценку Чернобыля МАГАТЭ и экспертов. Вывод их однозначен: «...государственная система,

руководство страны в столь сложной экстремальной ситуации действовали весьма эффективно». Высокая оценка дана и организации эвакуации населения (по времени она была проведена единственно правильным образом, ибо если бы она началась сразу же после аварии, то значительная часть эвакуируемых получила бы большие радиационные дозовые нагрузки).

Опыт Чернобыля важен и для дальнейшего развития атомной энергетики, как это определено известными постановлениями Политбюро ЦК КПСС.

Товарищи, видимо, обратили внимание на вчерашнее интервью президента Национальной академии наук США о позиции ученых Америки: альтернативы атомной энергетики они не видят.

Приходится говорить об этом потому, что Минатомэнерго не удается до сих пор согласовать отвод площадок под новые АЭС, особенно под станции теплоснабжения. У нас действует 45 энергоблоков, строится 23. Даже если остановиться до 2005 года на 100 энергоблоках, то следует выбрать более 30 площадок.

Конечно, главная задача наших ученых, конструкторов - создать более надежные станции. Принятые после чернобыльской аварии меры по повышению безопасности станций серьезно подняли их надежность. За прошедший год, например, на реактор РБМК пришлось 1,34 внедренных новых остановок. Это в 4 раза меньше, чем на реакторах ВВЭР, и 2,5 раза ниже, чем по 300 атомным реакторам, контролируемым МАГАТЭ.

Две трети внеплановых остановок на АЭС - следствие низкого уровня оборудования, электротехники, систем управления, арматуры, а треть - нарушения режимов и регламентов эксплуатации.

Но нужно идти дальше, а дело движется медленно. И, хотя и прибавляется, но не так быстро продвигаются конструкторские разработки». /63/

5 сентября 1989 года на посту председателя Правительственной комиссии его сменил заместитель Председателя Совета Министров СССР В.Г. Догужиев. В связи с ухудшением здоровья Щербина убыл на лечение в Москву.

По мнению многих специалистов и ученых, рядовых участников ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС, Борис Евдокимович Щербина достоин присвоения звания Героя России посмертно с формулировкой: «За большие заслуги по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС 26 апреля 1986 г.».

Борис Евдокимович был непростым человеком и жестким руководителем, за упущения и промахи в работе спрашивал строго. Его обвиняют в том, что он не жалел людей и, не задумываясь о последствиях, посылал их на радиацию. А разве полководец, командующий армией или фронтом на войне, Верховный Главнокомандующий, а Борис Евдокимович был именно Верховным Главнокомандующим на войне с радиацией, задумывались о жизни солдат, посылая их в сражение? Нет, военачальники думают о победе над врагом, они думают о спасении миллионов людей ценой жизни своих солдат. Такова суровая правда войны: солдаты погибают ради спасения других, во имя спасения Родины, Отечества от врага. Если так же поступал председатель Правительственной комиссии Б.Е. Щербина на Чернобыльской войне, кто же его осудит за это?

Б.Е. Щербина в мае 1986 года говорил: «Нам повезло, что командует сводной авиагруппой такой самоотверженный, энергичный, молодой генерал, как Н.Т. Антошкин...».

Истины ради имеем право перефразировать слова главного ликвидатора последствий чернобыльской катастрофы: «Нам, всему советскому, российскому народам очень повезло в том, что во главе Правительственной комиссии по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС оказался такой замечательный руководитель и пламенный патриот, как Борис Евдокимович Щербина. В полной мере мы еще не поняли этого. Но пройдет совсем немного времени, и народы России, Европы и всего мира скажут слова своей благодарности светлой памяти великого человека - Бориса Евдокимовича Щербины».

Награды Б.Е. Щербины: Герой Социалистического Труда (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 6 октября 1983 года «За большие заслуги перед Советским государством в области строительства нефтяной и газовой промышленности и в связи с досрочным вводом в эксплуатацию магистрального газопровода Уренгой - Помары - Ужгород на установленную мощность»), золотая медаль «Серп и Молот», 4 ордена Ленина, орден Октябрьской Революции, 2 ордена Трудового Красного Знамени, многие медали.

Б.Е. Щербина - почетный житель города Дебальцево Донецкой области Украины.

Умер Борис Евдокимович Щербина 22 августа 1990 года. Похоронен на Новодевичьем кладбище Москвы.

Яковлев Юрий Николаевич

Яковлев Юрий Николаевич родился 14 июня 1954 года в Гусиноозерске Бурятской АССР.

В 1971 году окончил среднюю школу в Гусиноозерске и в этом же году поступил в Сызранское Высшее военное авиационное училище летчиков.

В 1975 году после окончания училища с золотой медалью, лейтенант Ю.Н. Яковлев получил назначение в Белорусский военный округ в город Кобрин. Службу проходил в должностях: командир экипажа вертолета, командир звена, заместитель командира

эскадрильи.

В 1981 году за успешное выполнение учебно-боевых задач на маневрах «Запад-81» капитану Ю.Н. Яковлеву присвоено очередное воинское звание майор досрочно.

В 1982 году майор Яковлев поступил в Военно-воздушную академию им. Ю.А. Гагарина.

В 1985 году после окончания академии с отличием направлен для дальнейшего прохождения службы в Киевский военный округ, в 51-й отдельный гвардейский вертолетный полк (огвп) на должность командира эскадрильи. /56/

О начале локализации катастрофы и об участии в ней армейской авиации вспоминает Юрий Николаевич Яковлев.

«Субботний день 26 апреля 1986 года не предвещал ничего необычного. Командир полка гвардии полковник А.И. Серебряков находился на командно-штабных учениях в Киеве. В полку проводился парково-хозяйственный день. Об аварии на Чернобыльской АЭС узнали в обед. В 20.00 полк был поднят по тревоге. Прибыв на аэродром, командир полка довел до руководящего состава части информацию о катастрофе на ЧАЭС и отдал приказ на перебазирование 12-ти экипажей вертолетов Ми-8 и 6-ти экипажей вертолетов Ми-6 на аэродром Чернигова. Никто не знал, какие задачи предстоит выполнять экипажам, поэтому в воздух поднимали все экипажи, в том числе и те, в которые входили молодые летчики.

Использование вертолетов при локализации катастрофы на Чернобыльской АЭС потребовалось на самых ранних стадиях ликвидационных работ. Прежде всего, вертолеты являлись единственно возможным средством для разведки 4-го энергоблока и его активной зоны. В результате первых вылетов было установлено, что придется иметь дело с горящим ядерным реактором и высокими уровнями радиации.

Под угрозой радиоактивного загрязнения находились огромные территории с населенными пунктами. Требовалось срочно перекрыть поступление в атмосферу и окружающую среду радиоактивных веществ, особенно короткоживущих радиоактивных изотопов. Правительственная комиссия решила засыпать реактор слоем поглощающих и нейтрализующих материалов, который должны были выполнить назначение фильтра.

В качестве одного из таких компонентов использовали песок. Во-первых, потому что его в тех местах было много, во-вторых, песок по физико-химическим свойствам способен связывать и тем самым замедлять выход в атмосферу опасных радиоактивных изотопов.

По расчетам ученых, для засыпки поверхности разрушенного блока слоем поглотителей толщиной один метр требовалось сбросить с вертолетов около 50-ти тыс. т материалов.

Для выполнения этих работ на аэродроме Черниговского Высшего военного авиационного училища летчиков (ВВАУЛ) был создан сводный авиационный отряд под командованием начальника штаба авиации Киевского военного округа генерал-майора авиации Н.Т. Антошкина». /54/

Первыми к выполнению работ по ликвидации последствий катастрофы приступили экипажи 51 огвп ВВС Киевского военного округа, которые в ночь с 26 на 27 апреля по тревоге перебазировались на аэродром Черниговского ВВАУЛ.

К 3 часам утра 27 апреля 1986 года экипажи этого полка закончили перелет на аэродром Певцы Черниговского летного училища.

В 5 часов утра экипаж в составе командира полка гвардии полковника А.И. Серебрякова и начальника отдела армейской авиации КВО полковника Б.А. Нестерова вылетел в район Припяти для получения и уяснения предстоящей задачи.

В 6 часов 30 минут в район ЧАЭС вылетел экипаж гвардии подполковника Ю.Н. Яковлева.

«При подлете к Припяти увидели длинную колонну автобусов, размещенную на обочине дороги от Чернобыля до самой Припяти. А это

21 км. Мы поняли, что они приготовлены для эвакуации населения из города энергетиков. Здесь впервые нам стал понятен масштаб трагедии. Станцию прошли траверсом, особых разрушений не заметили.

Посадку произвели в Припяти на футбольном поле в 900 м от станции (уровень радиации на площадке 3 Р/ч). Я прибыл к генерал-майору Н.Т. Антошкину и доложил о готовности к выполнению боевой задачи». /55/

По приказу генерала экипаж Яковлева приступил к работе.

Вспоминает Ю. Н. Яковлев: «Приземлившись на пляже, где было сосредоточено основное количество мешков с песком, мы приступили к загрузке.

Так как сброс планировалось выполнять через дверь грузовой кабины, первоначально загрузили 6 мешков с песком. Первый заход решил выполнить на высоте 15-20 м и скорости 70 км/ч, чтобы не выходить на режим тряски.

При выходе на боевой курс бортовой техник доложил, что прибор радиационной разведки зашкаливает на максимальном диапазоне. Дал команду выключить его и забыть о нем.

При подлете к 4-му блоку открылась страшная картина: развороченный реактор, груда искореженного бетона и металла, кругом разбросаны куски графитовых стержней, внутри разрушенного блока видна кипящая лава горящих радиоактивных материалов.

Блистера были открыты и в кабину «пахнуло» жаром, как от доменной печи. Вышли по центру кратера к трубе, которая оказалась слева от нас, на расстоянии не более 10-15 метров. Борттехник сбросил первый мешок точно в центр, и сразу оттуда вылетело облако пыли. Быстро закрыли блистера, прочихались, и на второй заход.

Повторный заход выполнили на 50 метрах, чтобы пыль не успела нас накрыть. Сброс опять точный. Остальные мешки сбросили с высоты 50 метров. После приземления увидели, что наш борттехник гвардии лейтенант С. Телегин сник. Он выглядел усталым, хотя и не подавал виду. Таскание и сброс шести мешков примерно по 80 кг, выглядывание на реактор (в эпицентр разрушенного блока, из которого исходило мощное ионизирующее излучение. - В.М.) очень быстро дали о себе знать. Решили, что бросать груз будут двое: борттехник, летчик-штурман и сразу по 2 мешка: один с песком, второй с поглотителем нейтронов (примерно 25 кг).

Загрузились на 5 заходов. Так как труба на боевом курсе мешала выполнению задания, и создавала угрозу безопасности, сброс решили выполнять с высоты 150 метров. При этом выбрали характерные

ориентиры для работы в новых условиях. Сброшенный груз попал в цель.

В это время экипаж получил команду: приземлиться на площадку рядом со зданием горисполкома, в котором работала Правительственная комиссия. Это была площадь с цветочной клумбой.

Получили задачу вылететь на киносъемку поврежденного реактора, определение масштабов разрушений и замер уровня радиации.

В вертолет вошла бригада из 6 человек, все в защитных костюмах и респираторах. Задача - снять поближе и пониже. Снимаем с высоты 25-50 метров, а так как мешала злополучная труба, пришлось съемку произвести в вираже с креном до 60°. После выполнения задания приземлились на «клумбу», высадили «пассажиров» и приступили к дальнейшей работе - висению над реактором. По-другому это назвать было нельзя: 10-15 мин висеть над эпицентром взрыва и за это время сбросить 6-12 мешков.

Таким увидели разрушенный блок летчики экипажа гвардии подполковника Ю.Н. Яковлева 27 апреля

Но это надо было делать, так как на Правительственной комиссии доложили, что вертолеты 51 огвп приступили к выполнению боевой задачи. А бросать ребят в ядерное пекло без предварительной подготовки ни я, ни командир полка не могли. Надо было протянуть время, чтобы Антошкин, Нестеров, Серебряков организовали

подготовку сил и средств, необходимых для сброса грузов. Благодаря организаторским способностям генерала Н.Т. Антошкина к утру 29 апреля эта задача была решена». /55/

«Топливо подходило к минимальному остатку, и я запросил разрешение идти на дозаправку в Чернигов. В это время мне на смену подошел экипаж гвардии полковника Серебрякова.

Во время заправки попросил инженера полка подполковника Юрко найти пару досок покрепче, чтобы можно было бросать мешки методом «рычага». С собой взял двух прапорщиков, чтобы помогали бортехнику подтаскивать и сбрасывать мешки.

После приземления на площадку загрузки поставил задачу летчику-штурману установить бомбовый прицел ОПБ-1р, выполнить расчет прицельных данных. Сброс груза будет осуществлять бортовой техник по его команде. На земле отрабатываем взаимодействие между летчиком-штурманом, бортовым техником и командой помощи внутри вертолета.

Выполняю заход на реактор на высоте 150 метров и скорости 80 км/час. Летчик-штурман выводит точно на цель. Команда «Сброс». Ставлю вертолет в вираж и наблюдаю, что все мешки попадают точно в кратер. Второй сброс - аналогично. В последующих полетах определили наиболее эффективные режимы полетов, направления заходов и контрольные ориентиры для сбросов грузов. В перерывах между сбросами выполнили еще один вылет на фотосъемку и измерение уровня радиации. Теперь люди, выполнявшие съемку, были другие. Спросил: «Почему?», ответ логичный - «Предыдущие уже получили предельную дозу». А мы о дозах и не думали». /55/

За 27 апреля экипаж гвардии подполковника Ю.Н. Яковлева совершил 16 полетов с налетом 4 часа 30 минут, выполнил 12 вылетов на реактор, сбросил 2 500 кг грузов. В каждом вылете по 5-6 заходов. По итогу работы поняли, что так много не набросаем, а облучение получим немалое.

В этот день в район катастрофы начали прибывать отряды вертолетов из других военных округов. Использование прибывающих экипажей было приостановлено, так как окончательно не определили способ сброса груза, а облучать экипажи при работе из грузовой кабины было небезопасно и нецелесообразно.

В конце 27 апреля при возвращении на аэродром Чернигова попросил у генерала Антошкина Н.Т. списанные тормозные парашюты, которые должны быть в летном училище, а также 2 мм проволоку для подвязки мешков на балочные держатели.

Ми-6 временно не использовали из-за особенности внешней подвески. Чтобы не было вопросов у членов Правительственной комиссии: «Почему вертолеты не работают?». 28 апреля на «амбразуру» (на реактор - В.М.) опять послали два экипажа: командира полка гвардии полковника А.И. Серебрякова и командира эскадрильи гвардии подполковника Ю.Н. Яковлева.

Утром 28 апреля туман. Подходим к вертолету, и Володя Балахонов говорит: «Командир, смотри, какая трава под вертолетом, она вся желтая». Да, на зеленой траве аэродрома был очерчен желтый силуэт вертолета. Аналогично под вертолетом командира полка. Приняли решение после работы в зоне Чернобыльской АЭС все вертолеты направлять на дезактивацию на аэродром Малейки.

Из Чернигова подвезли все, что просили и тормозные парашюты и проволоку. Воспользовавшись этим, дооборудовали вертолет. На краю входной двери приклепали металлический уголок для упора доски, а доску положили на тормозные колодки. Подогнали длину строп тормозного парашюта. Теперь на сбросе работал весь экипаж. Летчик-штурман прицеливался и бросал с ОПБ-1. По его команде я открывал замок внешней подвески, а борттехник вываливал мешки с огнегасящим составом (он легче песка) методом «рычага».

Решили, что мой экипаж опробует сброс груза с помощью тормозного парашюта и возможность его многократного использования. К этому времени подвезут все имеющиеся в наличии тормозные парашюты и экипаж Серебрякова привезет их на площадку.

В 7.30, несмотря на приземный туман, генерал Н.Т. Антошкин принял решение лететь, и мой экипаж взлетел на Припять. На борту группа вооружения для загрузки вертолетов. Среди них два солдата, увольняемых в запас. Как ни пытался я их убедить остаться на аэродроме, ничего не получилось. Молодцы, воины работали как двухжилые. Гражданских на пляже уже не было, так как уровень радиации существенно возрос. И вся работа легла на наш наземный состав. Надо отдать должное, работали как «черти». Действовал наш девиз: «Кто, если не мы». А за своих подчиненных я был уверен как за себя.

После приземления начали подвеску. На все ушло минут 30. Согласовали порядок сброса после команды летчика-штурмана. По расчетам мне надо было бросать с задержкой 1-2 с после команды, так как мешки во внешней подвеске находились ниже, чем мешки на держателях.

Взлетели почти с полной загрузкой. Зашли на реактор против ветра. Высота 150 м, скорость 80 км/ч. По команде «Сброс!» все грузы попали в цель. В это время слышу крик бортового техника: «Командир, два мешка остались в парашюте, и фала пошла под хвостовой винт». Делаю вираж со скольжением и во втором заходе сбрасываем парашют в реактор. Надо было это предвидеть, ведь тормозной парашют с «карманами». Поняли, что так дело не пойдет, придется бросать груз вместе с парашютом. А жалко, ведь это государственное имущество. Что делать? Доложил об этом генералу Антошкину. Решение одно - сбрасывать мешки вместе с парашютами.

На борт командира полка загрузили оставшиеся тормозные парашюты, и он вылетел на Припять.

Дальше работали двумя экипажами. Наземная команда едва успевала загружать парашюты и подвешивать мешки на балочные держатели. И это на два вертолета. При дозаправке решили, что балочные держатели при массовом использовании вертолетов использовать нецелесообразно. Лучше больше мешков грузить в парашют. В командирский Ми-8мт загрузили 30 мешков. При взлете порвался парашют. Методом подбора нашли оптимальный вариант - 20 мешков, примерно 1500 кг. К обеду подлетели два экипажа из Троицка во главе с майором К. Дубининым. А у них вертолеты поисковые, без балочных держателей. Для сброса грузов, их можно было использовать только на внешней подвеске.

Пока шла заправка нашего вертолета, я дал ему контрольные полеты с посадкой на ограниченную площадку с самостоятельным подбором и на реактор со сбросом груза с внешней подвески по команде руководителя полетов (РП) полковника Нестерова, который находился на крыше здания горисполкома. После этого майор Дубинин провез свой второй экипаж на 4-й реактор.

А мы продолжили работу по своей схеме. Когда тормозные парашюты кончились, начали делать связки из нескольких мешков и подвешивать на внешнюю подвеску. Благо проволоки было достаточно, но цеплять было неудобно. Приходилось наземному технику ложиться на землю рядом со связкой, а вертолет зависал в 1,5-2 метрах над ним. Но надо было работать, и технический персонал делал все возможное, чтобы как можно больше груза подвесить на вертолет.

Всего за 28 мая моим экипажем было выполнено 39 полетов с налетом 9 часов 38 минут, выполнено 36 заходов на реактор, 3 полета на киносъемку. Сбросили 24 300 кг грузов». /55/

В состав экипажа вертолета Ми-8 входили: гвардии подполковник Ю. Н. Яковлев - командир эскадрильи вертолетов Ми-8 гвардейского вертолетного полка (в/ч 01094) КВО, летчик-штурман гвардии старший лейтенант В.Г. Балахонов, бортовой техник гвардии лейтенант Сергей Телегин.

В состав экипажа командира полка входили: гвардии полковник А.И. Серебряков, штурман эскадрильи гвардии майор СЮ. Никитин, бортовой техник гвардии старший прапорщик А. Вышковский.

«В конце дня забираем генерала Антошкина и летим в Чернигов на разбор полетов. В полете Николай Тимофеевич садится на место бортового техника. Я спросил у него: «Что будем делать, списанные тормозные парашюты кончились?». Генерал Антошкин впервые за это время улыбнулся и сказал: «Не волнуйся Юрий Николаевич, все будет». После приземления мы поехали на магистральную РД. То, что я увидел, впечатляло. На РД были разложены различные типы парашютов из НЗ ВДВ: от спортивных до многокупольных грузовых. «Выбирай», - сказал Антошкин.

Отобрали наиболее пригодные для работы (у меня, как инструктора ПДП, рука не поднималась использовать новые УТ-15, ведь мы на них прыгали), определили длину фал и приступили к подготовке.

29 апреля в связи с массовым прибытием экипажей Ми-8 и Ми-26 из Торжка и Белоруссии, а также началом работы вертолетов Ми-6 нашего полка, оставили единственный метод сброса - с внешней подвески.

Каждый тип вертолетов работал со своей площадки загрузки, а на подходе к реактору выстраивались в цепочку. Сброс груза в реактор экипажи производили по команде руководителя полетов.

Работу начали с выполнения контрольного захода на реактор. Груз сбросили по бомбовому прицелу и продублировали команду в эфир, а Б.А. Нестеров установил у себя на КП контрольную метку, по которой давал экипажам команду на сброс.

Во втором полете еще раз проверили данные, все совпадало, можно было начинать работу.

Потом я приступил к провозке руководящего состава прибывших подразделений вертолетов Ми-8. Далее они вывозили своих командиров звеньев, а те - командиров вертолетов. Метод «размножения» дал свои «плоды».

К обеду вертолеты шли к станции непрерывным потоком. Каждой группе однотипных вертолетов выделили свою площадку, тщательно

рассчитали по времени и рубежам ввод вертолетов в круг, что позволило выполнить максимально возможный объем сброшенного груза.

До обеда успел выполнить несколько заходов с максимальной загрузкой для МИ-8т - 2 500 кг.

В связи с массовым использованием вертолетов гвардии полковник А.И. Серебряков приступил к руководству полетами на площадках загрузки. Вертолеты взлетали с трех площадок, и их взлет и порядок входа в круг необходимо было регулировать.

После обеда появились проблемы с запуском левого двигателя на моем вертолете, и я взял вертолет Ми-8Мт командира полка. Вот здесь-то мы убедились, на что способен Ми-8Мт. В зависимости от заправки он брал груз от 2500 до 4500 кг.

В перерывах между своими вылетами пришлось провезти нескольких командиров вертолетов на реактор из вновь прибывшей группы, среди которых был и мой однокашник по училищу капитан А. Огурцов.

Гвардии подполковник Ю.Н. Яковлев

Впоследствии некоторые летчики задавали вопрос: а зачем нужно было делать контрольные полеты на сброс груза? Ответ очень простой: во-первых, мы не знали уровня подготовки и навыков прибывших летчиков при полетах с грузом на внешней подвеске, а во-вторых, в полете я мог проверить уровень моральной и психологической готовности экипажа выполнить полет в эпицентр взрыва. А к этому готов был не каждый.

Я понимал, что на следующий день мой экипаж не допустят к полетам из-за получения высоких доз облучения, поэтому, несмотря на попытки Б. Нестерова запретить выполнение личных полетов на реактор, а выполнять только инструкторские полеты, я старался выкраивать «окна» и для личных вылетов.

МЕТОДИЧЕСКАЯ СХЕМА ВЫПОЛНЕНИЯ ПОЛЕТА НА ДОСТАВКУ ГРУЗА НА ВНЕШНЕЙ ПОДВЕСКЕ И СБРОСА ЕГО НА ЦЕЛЬ ПО КОМАНДЕ РУКОВОДИТЕЛЯ ПОЛЕТОВ

Назначение и порядок его выполнения

Летчику выполнить:

- подцепку груза;
- подрез и висение с грузом;
- полет на объект;
- захват и сброс груза на объект по команде РП.

Перед каждым полетом с грузом на внешней подвеске рассчитать максимальный взлетный вес по номограмме вне зоны влияния воздушной подушки, в соответствии с конкретными метеос условиями.

Подрулить или запянуть подрез к грузу. После закрытия замка — светом по команде механика выполнить подрез и зависание над грузом. Увеличением мощности двигателя произвести отрыв груза до высоты 3-5 м. При этом колонка «фактический сброс» (аварийный сброс) должна быть открыта. Убедившись, что на высоте 3-5 м вертолет висит на режиме не ниже боевого, проконтролировать обороты НВ, левым отклонением РУ перевести в-т в режим скорости. Набор высоты производить на скорости 120-100 км/ч с вертикальной скоростью 1-5 м/с. По достижении Н=70 м закрыть колонку «фактический сброс». На Н=250 м в-т перевести в горизонтальный полет. Скорость ГП инвертировать в зависимости от задания груза в полете. Рекомендуемая скорость ГП 120-60 км/ч. Крен и развороты не более 10°. Полет с грузом на внешней подвеске не производить над дорогами и т.п.

При подходе к объекту с разгоне РП выйти на 5К. Выполнить предварительно боковую наводку, подрезать курс с учетом УО. С удалении 700 м до объекта снизить скорость до 80 км/ч, не допуская снижения ниже Н=200 м. На удалении 500 м уточнить боковую наводку К-ру экипажа выровнять до вертикали, инвертировать режим полета. Летчику контролировать Нлок, обороты НВ и положение джойстика указателя отклонения. Штурман вести наблюдение за зад обстановкой и контролировать курс полета боковую наводку. Бортечку контролировать разбег силовой установки.

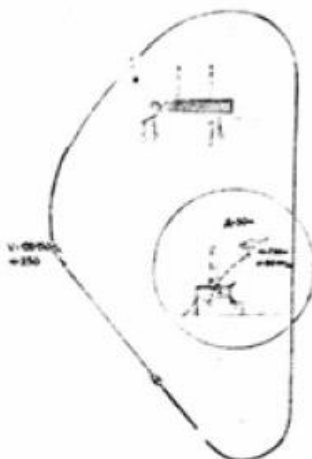
На удалении 80-100 м от объекта открыть замок. Фактический сброс и по команде РП сбросить груз. Блок сброса выключить в момент торможения 1-2 сек. После торможения блок сброса отключить. Визуально убедиться в сбросе груза. Правильность полета и торможения Нлок до 100 м вывести в-т в режим посадки. Загрузить.

Цель задания

Доставка и сброс контейнера с грузом в указанное место с использованием внешней подвески.

Условия выполнения

Полет выполнять в ПМУ. Выполнять полет на высоте 200 м. Скорость до района сброса 120-150 км/ч. Сброс груза на скорости 80 км/ч и высоте 200 м.

Действия РП в зоне сброса груза

- РАЗРЕШАЕТ (ЗАПРЕЩАЕТ) ВЫХОД НА БОЕВОЙ КУРС.
 - ИНФОРМИРУЕТ ЭКИПАЖ О ВОЗДУШНОЙ ОБСТАНОВКЕ УДАЛЕНИИ В-ТА ОТ ЦЕЛИ.
 - ДАЕТ ИНФОРМАЦИЮ ОБ ИЗМЕНЕНИИ УДАЛЕНИЯ ДО ПО РУБЕЖАМ 200, 150, 100, 70 м.
 - ПРЕДУПРЕЖДАЕТ О ГОТОВНОСТИ К СБРОСУ НА УДАЛЕНИИ 50 м.
 - ДАЕТ КОМАНДУ НА СБРОС ГРУЗА.
 - ПОДТВЕРЖДАЕТ СБРОС ГРУЗА И ДАЕТ РАЗРЕШЕНИЕ ОТХОД ИЛИ ВЫПОЛНЕНИЕ ПОВТОРНОГО ЗАХОДА.
- ПРИМЕЧАНИЕ: В ОСОБЫХ СЛУЧАЯХ ПОЛЕТА РП ДЕЙСТВУЕТ В СООТВЕТСТВИИ С ИНСТРУКЦИЕЙ ЭКИПАЖА.

Указания по безопасности:

- ПЛОЩАДКУ ПОДЦЕПКИ ГРУЗОВ ПРИ НАЛИЧИИ ПЫЛИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНО ПОЛИТЬ ВОДОЙ.
- НЕ ДОПУСКАТЬ ПОЛЕТА НАД ДОРОГАМИ, ЖИЛЬЕМ СТРОЕНИЙ И ДРУГИМИ СООРУЖЕНИЯМИ.

Груз сбросить

- НА ВИСЕНИИ, ЕСЛИ ИСПОЛЬЗОВАНА МАКСИМАЛЬНАЯ МОЩНОСТЬ ДВИГАТЕЛЕЙ, А В-Т НАЧИНАЕТ САМОУПРАВЛЯЮЩЕ СРАЗВОТОМ ВЛЕЗО СНИЖАТЬСЯ (ПРАВЫЕ ПЕДАЛИ ОТКЛОНЕНА ДО УПОР).
- ПРИ ЗАДЕРЖИВАНИИ ГРУЗА ЗА ЗЕМЛЮ В МОМЕНТ РАВНОСИЯ ИЛИ ТОРМОЖЕНИЯ.
- ПРИ РАСКЛОНЕ ГРУЗА, УГРОЖАЮЩЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ ВЛЕТ.
- В СЛУЧАЕ НЕОБХОДИМОСТИ ПРОИЗВЕСТИ ВЫНУЖДЕННУЮ ПОСАДКУ.
- ПРИ ОТКАЗЕ ОДНОГО ДВИГАТЕЛЯ (ГРУЗ СБРОСИТЬ ПЕРЕД ПОСАДКОЙ ИЛИ В СЛУЧАЕ НЕВОЗМОЖНОСТИ ПРОДОЛЖЕНИЯ ПОЛЕТА НА ОДНОМ ДВИГАТЕЛЕ).
- ВО ВСЕХ СЛУЧАЯХ, СВЯЗАННЫХ С АВАРИЙНЫМ ПОКИДАНИЕМ ВЕРТОЛЕТА, ЧЛЕНАМИ ЭКИПАЖА.

Номограмма отбора аэродинамической нагрузки

После выполнения крайнего полета я доложил, что огонь в реакторе погашен. Это была наша первая победа над разбушевавшимся атомом, но впереди предстояла большая работа многих экипажей по закупорке реактора». /55/

29 апреля гвардии подполковник Ю.Н. Яковлев со своим экипажем выполнил 28 полетов с налетом 8 часов 40 минут. Сбросили 29 700 кг груза.

«Так как на протяжении трех дней ни один индивидуальный дозиметр не работал, и существовала угроза списания с летной работы, я решил поставить себе дозу облучения 36 рентген, а остальным членам экипажа по 34. Себе написал больше, так как выполнял инструкторские

полеты. Конечно, все понимали, что это ерунда, но подтвердить истину никто не мог».

30 апреля в связи с получением дозы облучения более 36 рентген экипажи Серебрякова и Яковлева отстранили от полетов. Гвардии подполковник Яковлев проводил методические занятия с вновь прибывшим летным составом, в гвардии полковник Серебряков руководил полетами. Вспоминает Ю.Н. Яковлев.

«В конце дня довели приказ главнокомандующего ВВС о назначении меня старшим группы летного состава, получившего предельные дозы облучения, для направления в Центральный военный научно-исследовательский авиационный госпиталь (ЦВНИАГ)». /55/

В 22 часа 30 апреля первая группа летного состава в количестве 86-ти человек, во главе с гвардии подполковником Ю. Н. Яковлевым убыла в ЦВНИАГ на медицинское обследование и лечение.

«На заседании Правительственной комиссии 1 мая, после доклада генерал-майора Н.Т. Антошкина о результатах работы за день, члены Правительственной комиссии встали и стоя аплодировали успехам военных вертолетчиков. Председатель Правительственной комиссии заместитель Председателя Совета Министров СССР Б.Е. Щербина объявил благодарность всему личному составу авиагруппы». /11/

По результатам работы первых экипажей с 27 по 30 апреля 1986 года экипаж гвардии подполковника Ю.Н. Яковлева выполнил 83 полета, совершил 76 заходов на реактор, сбросив при этом 59 500 кг грузов. /55/

Специалисты определили, что установленную допустимую дозу облучения для военнослужащих (25 Р) вертолетчики получали через 4-5 вылетов на реактор. Если считать по этой методике, то экипаж гвардии подполковника Ю.Н. Яковлева получил дозу в сотни рентген. И это только примерные расчеты. Какие дозы получали они в самые первые дни, когда блок излучал самые мощности экспозиционной дозы? Им приходилось «зависать» над разрушенным реактором для прицеливания при метании грузов. Для каждого сброса отдельный заход.

А что заставляло офицера вести свой экипаж на реактор во внеочередной раз, когда никто не приказывал лететь снова и снова на радиоактивный ад, а наоборот запрещал? Может быть, гвардии подполковник не понимал вредного влияния радиации на организм человека? Понимал. Но, вместе с тем, очень хорошо понимал авиатор какую беду несет народам Украины, России и Белоруссии радиация, постоянно вылетающая из разлома 4-го блока. Именно поэтому и старался он совершить больше вылетов на него, больше сбросить

поглотителей. Экипаж вертолета Ми-8 под командованием гвардии подполковника Ю.Н. Яковлева при локализации катастрофы совершил беспримерный, яркий подвиг для спасения людей, для защиты Отечества от радиации. Больше их экипажа на разрушенный блок поглотителей не сбросил никто!

Считаю справедливым сравнить подвиг гвардии подполковника Юрия Николаевича Яковлева с подвигом в годы Великой Отечественной войны трижды Героя Советского Союза маршала авиации А.И. Покрышкина. Только в годы той войны героизм был в почете, а в Чернобыльской кампании подвиги уже не ценили. Присвоение высших званий определяли не подвиги, а «разнарядки», т.е. нормы на присвоение званий героев и награждение высшими наградами. Куда привело страну такое недальновидное отношение к самопожертвованию и героизму в современных условиях, знает каждый.

Да, времена меняются. Не меняется только истинная сущность русского человека, богатыря, умеющего в трудную минуту мобилизовать всю свою силу, волю, могучий дух на борьбу с врагом, каким бы он не был.

Юрий Николаевич Яковлев яркий пример Героя русской Земли, защитника Отечества, для которого интересы Родины превыше всего, даже собственной жизни.

Военное руководство ликвидацией последствий, председатель Правительственной комиссии не доложили должным образом руководству страны о подвигах таких необыкновенных, выдающихся асов армейской авиации как Борис Александрович Нестеров, Александр Иванович Серебряков, Юрий Николаевич Яковлев. Эти герои могли бы стать и Героями Советского Союза и генералами, если бы на то была воля высшего политического руководства страны. Они могли бы стать национальными героями и быть примерами для будущих поколений российской молодежи. А о них никто, кроме их боевых товарищей, и не знает. Вот уж к месту процитировать слова киногероя: «За державу обидно!».

Еще не поздно исправить несправедливое отношение к героям Чернобыля. Они не ждут почестей и наград за свой героизм, который, кстати, и героизмом не считают. Справедливое и достойное награждение героев за их подвиги нужно стране, ее будущему. Справедливость укрепляет нравственные устои страны, несправедливость ломает жизненные устои людей, деморализует общество и прививает людям стремление к другим ориентирам в жизни. У несправедливости очень злые, сильные корни, на которых вырастет дерево хаоса и разрухи.

«После убийства из Чернобыля началась месячная эпопея медицинского обследования. Это был первый случай массового облучения летного состава. Мы еще не знали, что впереди нас ждет новая методика определения доз облучения полученных в ходе выполнения полетных заданий путем наложения маршрута полета экипажа на карту уровней радиации в районе станции. Я еще не знал, что после госпиталя меня ждет Туркестанский военный округ, боевая работа в Афганистане и много новых боевых друзей. А пока мы сделали все, что могли для победы над разбушевавшимся атомом». /55/

«В госпитале я узнал, что Б. Нестерова, А. Серебрякова и меня генерал Н.Т. Антошкин представил к присвоению звания Героя Советского Союза, но этому не суждено было осуществиться. Как объяснил мне Николай Тимофеевич, приказ о моем переводе в Туркестанский военный округ был подписан 16 апреля 1986 года. Это сообщение было неожиданным не только для меня, но и для полковника Б.А. Нестерова, который подписывал представление о моем назначении на должность заместителя командира полка в Александрию, а не в Чирчик. Теперь выходило, что я в Киевском военном округе уже «чужой», и наградные документы должны оформлять на новом месте службы.

Командующему 73-й воздушной армии Туркестанского военного округа отправили телеграмму с просьбой об оформлении на меня наградных документов.

«По прибытии к новому месту службы на меня действительно оформляли наградные документы последовательно на Героя Советского Союза, затем на орден Ленина, затем на орден Красного Знамени, а потом и вовсе все затихло. В итоге через 2 года и 4 месяца после чернобыльской трагедии я был награжден орденом Красная Звезда». /55/

Выполняя патриотический и воинский долг, авиаторы не помышляли о славе и наградах, ни один летчик не дрогнул в полете над реактором, ни один специалист наземной службы не покинул своего поста без приказа. После решения поставленных перед ними задач, и при получении больших доз облучения их направляли в госпитали на медицинское обследование и лечение, а затем в свои воинские части - служба продолжалась.

В 1986-1992 годах гвардии подполковник Ю.Н. Яковлев служил в Туркестанском военном округе городе Чирчике в должности заместителя командира смешанного авиационного полка. Занимался подготовкой летного состава для выполнения боевых задач в ДРА. Участвовал в боевых действиях в Афганистане.

В 1990-1991 годах полковник Ю.Н. Яковлев служил командиром отдельного вертолетного полка в Джамбуле.

В 1991-1992 годах проходил службу в должности начальника отдела боевой подготовки - заместителя командующего армейской авиации Туркестанского военного округа.

В 1992 году в связи с расформированием Туркестанского военного округа полковник Ю.Н. Яковлев направлен в распоряжение командующего Уральским военным округом.

Полковник Ю.Н. Яковлев - военный летчик-снайпер. Имеет общий налет более 3000 часов. Освоил 8 типов вертолетов. Одним из первых строевых летчиков переучился на вертолет Ка-50 на базе ВНТК им. Н.И. Камова. Подготовлен к выполнению боевых задач в условиях горно-пустынной местности с применением всего комплекса вооружения вертолетов, ведению воздушного боя одиночно и в составе группы, в качестве инструктора по всем видам летной и боевой подготовки, инструктор парашютно-десантной подготовки. *Совершил 986 прыжков с парашютом* (курсив мой. - В.М.).

В феврале 1993 году полковник Ю.Н. Яковлев уволен из рядов Вооруженных Сил РФ по организационно-штатным мероприятиям.

В 1994 году Ю.Н. Яковлев переехал на постоянное место жительства в Сызрань.

В 1996 году он стал одним из организаторов и учредителей территориальной общественной организации инвалидов и участников ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС в городах Сызрань, Октябрьск, в Приволжском, Сызранском и Шигонском районах, был избран заместителем председателя правления этой организации, а в 2004 году Юрия Николаевича избрали председателем организации. В этой должности работает и в настоящее время. /54/

В 1999 году Ю.Н. Яковлеву установлена II группа инвалидности вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС.

С 2005 года он участвует в работе Сызранского отделения Всероссийской общественной организации ветеранов «Боевое Братство» в должности заместителя председателя организации.

Герой - во всем герой. Вся жизнь его, служба в Военно-Воздушных Силах, общественная деятельность - это подвиг длиною в жизнь. Ветеран двух войн, опытный и смелый воздушный ас, кавалер боевых наград, добрый и отзывчивый человек в отставке не остался в стороне от жизни, стал общественным деятелем. Что такое общественная работа в современных условиях знают только те, кто занимается этим делом.

Многие годы Ю.Н. Яковлев оказывает помощь и содействие своим побратимам по Чернобыльской и Афганским войнам.

Юрий Николаевич Яковлев награжден орденами Красного Знамени, Красной звезды, «За службу Родине в ВС СССР» III степени, медалями.

**Председатель правления территориальной общественной организации инвалидов и участников ликвидации последствий катастрофы на ЧАЭС
Ю.Н. Яковлев**

За многолетнюю плодотворную общественную работу по защите прав и законных интересов лиц, пострадавших в результате радиационных и техногенных аварий и катастроф, инвалидов и ветеранов боевых действий, улучшению их медицинского обеспечения, решению социальных и материальных вопросов, Ю.Н. Яковлев награжден Почетной грамотой командующего войсками Приволжского военного округа, Почетной грамотой Самарской областной организации Союза «Чернобыль» России, Почетной грамотой Союза «Чернобыль» России, Почетной грамотой Сызранской городской думы, Благодарственным письмом губернатора Самарской области, знаками МЧС РФ: «Участнику ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций» и «За Заслуги»; занесен в Книгу Почета Союза «Чернобыль» России; награжден нагрудными знаками «Союза «Чернобыль» России» «За заслуги» I и II степени, медалью Всероссийской общественной

организации ветеранов Афганистана «Боевое Братство» «За ратную доблесть».

Поэт В. Комлев посвятил Юрию Николаевичу Яковлеву стихотворение, в котором выразил свое понимание его подвига в Чернобыле, духовную и нравственную сущность героя-авиатора.

В небе Чернобыля

Яковлеву Ю.Н.

Его подняли ночью по тревоге,
Чтобы лететь немедленно туда,
Куда сойдутся вскоре все дороги,
Все мысли, чувства, где стряслась беда.
Где мирный атом вырвался наружу
и стал всему на свете угрожать,
Он там сейчас был очень срочно нужен,
Чтоб чрево ада наглухо зажать.

Взлетев с песком, он зависал над адом
Мешки, бросая в огненную пасть
наметанным прикидывая взглядом,
чтоб, не промазав, точно в цель попасть.

Он не видал еще такого ада,
Но не закрался в сердце жуткий страх,
Хоть пострашней гранаты иль снаряда,
Душмана, озверевшего в горах.

Ад клокотал, неведомым пугая,
Открывшись неожиданно в ночи,
Но не один огонь лишь извергая,
Незримо смертоносные лучи.

И он летел к невидимой преграде
И вновь и вновь над адом зависал,
Не думая о славе иль награде,
Он на Земле живое все спасал.

Сказать Герой - обидится, наверно,
Создать хвалу! Претит ему она,
Он поступал, как мог, но беспримерно,
Ведь на него надеялась страна!

Он выше всех похвал и всех наветов,
Его черта: долг, преданность и честь,
И будет жить Страна Советов
Пока у ней сыны такие есть!

13-28 мая 1986 года.

Савелово

О семье Ю.Н. Яковлева. Жена - Поликарпова Ольга Васильевна, 1956 года рождения, врач-кардиолог.

Дети: Сын - Дмитрий, 1978 года, окончил Уральский политехнический институт по специальности ПГС, работает ведущим инженером. Проживает в Екатеринбурге. Сын - Сергей, 1983 года, окончил Челябинское высшее военное авиационное училище штурманов. В настоящий момент служит в городе Торжок штурманом звена на вертолетах Ми-28. Дочь - Екатерина, 1983 года, окончила Уральскую сельскохозяйственную академию по специальности «бухгалтерия и аудит», работает бухгалтером. Проживает в Юрге Кемеровской области.

Сын - Андрей, 1995 года, учится в Омском кадетском корпусе.

Заключение

Рассказывая о немногих героях чернобыльской эпопеи, я стремился создать у читателя представление о том непростом периоде истории страны, когда незаметно от общества шла борьба с радиацией и решалась судьба человечества. Мне хотелось на примере героев рассказать действиях всех участников ликвидации последствий этой радиационной катастрофы.

Устраняя последствия самой большой радиационной катастрофы, чернобыльцы своими подвигами вписали новые героические страницы в историю Родины, органично вошедшие в череду ее славных побед. Героические страницы истории страны - это ее знамена, ее гордость и доблесть.

Достойный гражданин обязан изучать историю Отечества и приумножать ее своими делами.

Знания особенной ликвидации последствий чернобыльской катастрофы и нынешней обстановки в стране позволяют мне надеяться что, если эта книга увидит свет, то она будет интересна и востребована многим поколениям читателей. Особенно будет она популярна тогда, когда восстановятся истинные ценности жизни, на экранах кинотеатров и на страницах газет и журналов снова появятся истинные герои. Тогда героям снова будут подражать, и брать с них пример. Уверен, скоро это время придет.

Дух самоотверженности чернобыльских героев будет жить, воплощать великое дело защиты Отечества, если мы будем хранить, поддерживать и поднимать этот дух в каждом из нас.

Список использованной литературы

1. Легасов В.А. Из сегодня - в завтра. Мысли вслух. - М.: Аврора, 1996.
2. Возняк В.Я., Троицкий С.Н. Чернобыль. Так это было. Взгляд изнутри. - М.: Либрис, 1993.
3. Медведев Д.У. Чернобыльская тетрадь. - К.: Днипро. 1990.
4. Беляев И. А. Бетон марки Средмаш. - М.: ИЗДат, 1998.
5. Иллеш А.В., Пральников А.Е. Репортаж из Чернобыля. - М.: Мысль, 1988.
6. Складов В.Ф. Старайся думать о людях лучше. - В кн. Чернобыль: катастрофа, подвиг, уроки и выводы - М.: ИнтерВесы, 1996.
7. Смирнов В.Н. Боевые действия в «мирном» небе. ВВА им. Ю.А.Гагарина. - М., 2000.
8. Игнатенко Е.И. В год Тигра под кометой Галлея. - М.: Энергоатомиздат, 1998.
9. Возняк В.Я., Троицкий С.Н. Чернобыль. Так это было. Взгляд изнутри. - М.: Либрис, 1993.
10. Чирсков В.Г. Воспоминания соратников и учеников Б.Е. Щербины. - В кн.: Чернобыль. Долг и мужество. 4.2. - М.: 4-й филиал Воениздата, 2001.
11. Воспоминания генерал-полковника Н.Т. Антошкина о ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС. Рукопись. - М., 2010.
12. Герой Советского Союза Пикалов Владимир Карпович (воспоминание сослуживцев). Управление начальника войск РХБЗ Вооруженных Сил РФ. М., 2008.
13. Жуков Г.А. Воспоминания военного химика. - М.: Воениздат, 1991.
14. Дьяченко А.А. Генерал-полковник В.К. Пикалов. - В кн. Москва-Чернобылю. - М.: Воениздат, 1998.
15. Герой Советского Союза генерал-полковник Пикалов Владимир Карпович (воспоминание сослуживцев). Управление начальника войск РХБЗ Вооруженных Сил РФ. - М., 2008.
16. Иллеш А.В., Пральников А.Е. Репортаж из Чернобыля. М.: Мысль, 1988.
17. Ильин Л.Н. Химические войска. - В кн. Чернобыль: катастрофа, подвиг, уроки и выводы. - М.: Интер-Весы, 1996.
18. Лыков Г.Д. Строители «саркофага». - В кн.: Чернобыль: катастрофа, подвиг, уроки и выводы. - М.: Интер-Весы, 1996.
19. Амирьянц Г.А. Не прощаюсь. - М.: ИПЦ РАУ, 1991.
20. Легасова М.М. Биографический очерк. - В кн.: Легасов Химия. Энергетика. Безопасность. - М.: Наука. 2007.
21. Легасов В.А. Химия. Энергетика. Безопасность. - М.: Наука, 2007.
22. Чирсков В.Г., Мотовилов Б.Н. Борис Евдокимович Щербина. - В кн. Чернобыль. Долг и мужество. Т. 2. М.: 4-й филиал Воениздата.
23. Игнатенко Е.И. Записки ликвидатора. - М., 1991.
24. Фильм «Ликвидатор». Реж. Гуренидзе А.А. - М., 2009.
25. Герои атомного проекта. - М.-Спб, 2005.
26. Легасова М.М. Легасов Валерий Алексеевич. - В кн.: Не гаснет памяти свеча. - М.: Наука, 1998.

27. Протокол заседания Политбюро ЦК КПСС от 05.05. 1986.
28. Малеев В.Н. Полководец химических войск. Рукопись. -М., 20010.
29. Максимчук В.М. Маршрутный лист пребывания в зоне Чернобыльской АЭС. Рукопись - 1996.
30. Беляев И. А. Бетон марки Средмаш, прошло 15 лет. - М.: ИЗДат, 2001.
31. Рудакова Т.Д. Таким его помнят родные, друзья. - В. кн. Не гаснет памяти свеча. - М.: Наука, 1998.
32. Богданов Б.П. Энергоспецмонтаж. Путь длиною 40 лет.
33. Беляев И.А. Россия, я твой. - М.: ИЗДат, 2006.
34. Серебряков А.И. Воспоминания о Чернобыле. Рукопись, - 2010.
35. Антошкин Н.Т. Из личных воспоминаний. Рукопись. – 2010.
36. Малеев В.Н. Чернобыльский подвиг генерала Н.Т. Антошкина. Рукопись. - 2010.
37. Шашарин Г.А. Как это было. - В кн.: Чернобыль: катастрофа, подвиг, уроки и выводы. - М.: Интер-Весы, 1996.
38. Материалы Грищенко. Рукопись. - 1996-1998.
39. Максимчук Л.В. В пламени истории. - 2010.
40. Микеев А.К., Прокопенко В.Н. Органы внутренних дел в период ликвидации катастрофы на ЧАЭС. - В кн. Москва-Чернобылю. кн.1. - М.: Воениздат, 1998.
41. Максимчук В.М. Маршрутный лист пребывания в зоне ЧАЭС. - В кн.: Максимчук Л.В. Чернобыльский словарь человечества. - М.: Спецтехника, 2004.
42. Прокопенко В.Н. Комполка особого назначения. - М., 2009.
43. Протоколы заседания Оперативной группы Политбюро и ЦК КПСС. Архив Правительства РФ.
44. Дьяченко А.А. О системе сил и средств, сложившихся в ходе ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС. - В кн.: Чернобыль. Долг и мужество. Т.1. - М.: 4-й филиал Воениздата, 2001.
45. Щербак Ю.И. Чернобыль. - М.: Советский писатель, 1991.
46. Легасова М.М. Крутые перевалы. - В кн.: Легасов В.А. Из сегодня в завтра. Мысли в слух. - М.: Аврора, 1996.
47. Комаров, Ф.И., Чвырев В.Г. Военные медики в Чернобыле. - В кн.: Чернобыль: катастрофа, подвиг, уроки и выводы. М.: Интер-Весы, 1996.
48. Wybодовский Н.А. Я очень хочу рассказать. Окопная правда. Рукопись. - 2010.
49. Чернобыль: катастрофа, подвиг, уроки и выводы. - М.: Интер-Весы, 1996.
50. Монография Москва-Чернобылю. - М.: Воениздат, 1998.
51. Зборовский П.П. Я и сейчас там, в Чернобыльской зоне. - В кн.: Гудова В.А. 731-й спецбатальон. - К., 2009.
52. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка.
53. Ожегов СИ., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. - М., 1997.
54. Авиация в небе Чернобыля. Рукопись.
55. Яковлев. Ю.Н. Воспоминания о Чернобыле. Рукопись.
56. Яковлев Ю.Н. Автобиография. Рукопись.
57. Балахонов В.Г. Автобиография. Рукопись.
58. Лялич В.М. А мы будем жить. Воспоминание о жизни. Рукопись. - 2010.

59. Материалы фонда Народного музея истории и трудовой славы ОАО «Камов». Директор Васин А.Н.
60. Чернобыль: события и уроки. Вопросы и ответы. - М.: Политическая литература, 1988.
61. Нестеров Б.А. Небо и Земля. Воспоминания и размышления военного летчика. Рукопись. - Херсон, 2009.
62. Доклад председателя Правительственной комиссии на заседании ПБ ЦК КПСС 14.07.1986.
63. Выступление Заместителя Председателя Совета Министров СССР Б.Е. Щербины на заседании ПБ ЦК КПСС 14.01. 1988.
64. Тищенко В. Помощь оценивается высоко. - Воздушный транспорт. 1986 13 мая.
65. Чудаков А. Будем жить... - Союзное вече, 1986, 28 мая.
66. Пекканен Д. Полетевший в ад. - Ридерз Дайджест, 1991, август.

Об авторе

Владимир Николаевич Малеев - кадровый военный, полковник в отставке, военный учёный (кандидат военных наук, профессор Академии военных наук), военный эколог, общественный деятель, историк, писатель.

В 1987 году в течение трех месяцев ликвидировал последствия чернобыльской катастрофы на Чернобыльской АЭС. В 1994 году уволен в отставку по болезни.

Работал главным специалистом и начальником отдела в Федеральном центре геоэкологических систем Минприроды России, старшим и ведущим научным сотрудником в Экологическом центре МО РФ. С 2006 года на общественной работе. Руководит районной чернобыльской общественной организацией (с 2005 по н/в), возглавлял комитет патриотической работы в «Союзе «Чернобыль» России» (2006-2008), и в Союзе «Чернобыль» Москвы (2009-2010), депутат муниципального Собрания района Бибирево (с 2008-2012).

Автор и соавтор более 20 научных трудов и 30 статей по военной и экологической и чернобыльской тематике.

Автор книг «Чернобыльская звезда» (2006), «Чернобыльское эхо» (2008), «Чернобыль: дни и годы. Летопись чернобыльской кампании» (2010), сборника стихов «Оправдание жизни» (2005). Участник литературно-поэтического альманаха «Третье дыхание» (2001-2002). Лауреат премии «Чернобыльская звезда» «Союза «Чернобыль» России» 2008 года.

Награжден орденами Красная Звезда, Мужество, Святого благоверного князя Дмитрия Донского III степени, медалями

ОГЛАВЛЕНИЕ

Все чернобыльцы - герои (от автора)
Героями не рождаются (вместо предисловия)
Необычная, неизвестная война
О героях Чернобыля

Глава первая. Признанные герои

Антошкин Николай Тимофеевич
Ващук Николай Васильевич
Водолажский Василий Александрович
Грищенко Анатолий Демьянович
Заведий Виктор Иванович
Игнатенко Василий Иванович
Кибенок Виктор Николаевич
Легасов Валерий Алексеевич
Лелеченко Александр Григорьевич
Лыков Геннадий Дмитриевич
Максимчук Владимир Михайлович
Мельник Николай Николаевич
Пикалов Владимир Карпович
Правик Владимир Павлович
Самойленко Юрий Николаевич
Телятников Леонид Петрович
Тишура Владимир Иванович
Тытенко Николай Иванович
Усанов Александр Николаевич

Глава вторая. Неизвестные Герои

Балахонов Владимир Григорьевич
Выбодовский Николай Александрович
Зборовский Петр Павлович
Игнатенко Евгений Иванович
Лялич Василий Михайлович
Маслов Сергей Иванович
Нестеров Борис Александрович
Паламарчук Петр Романович

Рудаков Владимир Иванович
Серебряков Александр Иванович
Щербина Борис Евдокимович
Яковлев Юрий Николаевич

Заключение

Список использованной литературы

Об авторе

Научно-популярное произведение

Малеев Владимир Николаевич

Герои неизвестной войны. Память обретенная

Верстка авторская
Технический редактор А.В. Малеев
Корректор Е.В. Карасева

Подписано в печать 16.02.11 Формат 60х90 1/16
Бумага офсетная. Печ.л. 28,5
Тираж 10 экз. Заказ 124

Подразделение оперативной полиграфии
ООО «ИПП «КУНА»